

A $\frac{194}{252}$

A 194
252

194
252

810-85
476-

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

П. Б. ПОТЪХИНА.

(Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ).

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

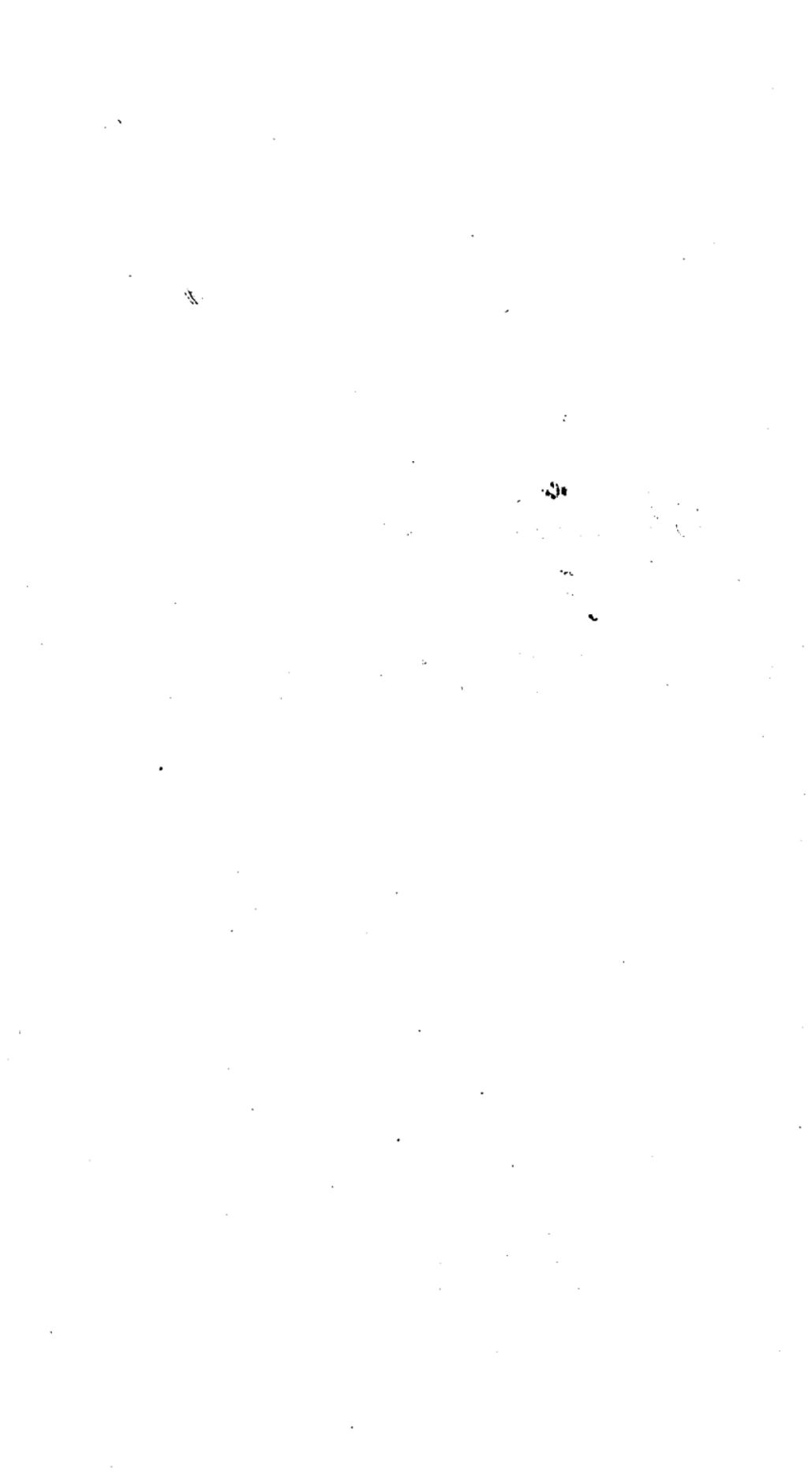
1911.

СТИХОТВОРЕНІЯ

П. Б. ПОТЪХИНА.

H. Homberg

А 194
252

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

П. Б. ПОТЪХИНА.

Съ біографическимъ очеркомъ.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

XI. 9880

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова. Екатерининскій кан., № 45.

1911.

2007085603

Павелъ Борисовичъ ПОТЪХИНЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Павелъ Борисовичъ Потъхинъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Костромской губерніи, родился 19 мая 1852 года въ Костромской губерніи, усадьбѣ Урубково, Кинешемскаго уѣзда. Среднее образованіе онъ получилъ въ Костромской классической гимназіи, высшее—въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

Раннее дѣтство П. Б. провелъ въ своемъ родовомъ имѣніи. Росъ онъ мальчикомъ болѣзненнымъ, особенно страдалъ глазами; его зрѣніе было настолько слабо, что, въ бытность его въ гимназіи, пришлось ѣхать въ Москву для операціи (удаленіе катаракты съ обоихъ глазъ). Несмотря на столь серьезную операцію и неулучшившееся послѣ нея зрѣніе, П. Б. успѣшно окончилъ гимназію лишь благодаря своей громадной памяти и выдающимся способностямъ; затѣмъ въ 1877 году онъ окончилъ курсъ Лицея со степенью кандидата правъ.

Завѣтною мечтою П. Б. было заняться профессурою, для чего онъ началъ готовиться къ экзаменамъ на ученую степень и написалъ диссертацию: „О полицейской дѣятельности магистратовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II“. Эта

диссертация удостоилась одобрения профессора Дитятина, который предсказывалъ покойному блестящую будущность, но повторившаяся болѣзнь глазъ заставила П. Б. прекратить всякія занятія на продолжительное время.

Въ 1877 году П. Б. поступилъ на службу въ Ярославскій окружный судъ и былъ командированъ въ помощь судебному слѣдователю г. Ярославля; въ слѣдующемъ году онъ вышелъ въ отставку и въ томъ же году былъ опредѣленъ въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Синода; въ это же время онъ состоялъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Головина. Въ 1882 году онъ получилъ назначеніе на должность секретаря Рязанской духовной консисторіи. Эту должность покойный принужденъ былъ принять противъ своего желанія, исключительно вслѣдствіе стѣсненнаго матеріальнаго положенія. Не чувствуя склонности къ означенному роду службы, П. Б. вышелъ въ отставку, принеся немалую пользу и на этомъ поприщѣ. Возвратясь въ 1883 году въ Петербургъ, П. Б., по ходатайству поэта А. Н. Майкова, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, поступилъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, гдѣ оставался до самой смерти. Съ 1893 года онъ состоялъ дѣлопроизводителемъ департамента указаннаго Министерства и вѣдалъ дѣлами городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, считаясь знатокомъ своего дѣла.

Помимо служебной дѣятельности, П. Б. слушалъ лекціи въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ и, за особые труды по археологіи, былъ удостоенъ званія почетнаго члена Института; кромѣ того покойный состоялъ членомъ Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній и за свою полезную дѣятельность былъ избранъ почетнымъ членомъ оной; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ издательской комиссіи Общества Грамотности и сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ.

Среди своихъ служебныхъ обязанностей П. Б. постоянно помнилъ о своей родинѣ, и, по его почину, на его родинѣ въ селѣ Ильинскомъ, Костромской губерніи, Кинешем-

скаго уѣзда, была устроена церковно-приходская школа, о поддержкѣ которой онъ заботился до послѣднихъ дней своей жизни, состоя ея попечителемъ. Въ Петербургѣ П. Б. основалъ Общество попеченія о бывшихъ студентахъ Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея, гдѣ, какъ было сказано выше, покойный получилъ высшее образованіе, и состоялъ товарищемъ предсѣдателя Общества, которому былъ преданъ всей душой.

Такъ разнообразна была дѣятельность покойнаго П. Б. Ко всякому дѣлу, за которое брался П. Б., онъ относился съ любовью и отдавался ему всей душой. Какъ человѣкъ непрестаннаго труда, безъ котораго П. Б. скучалъ, онъ, всегда живой и энергичный, идеально честный и справедливый, поступалъ открыто и смѣло, что немало вредило его служебной карьерѣ. Будучи въ высокой степени религіознымъ и нравственнымъ человѣкомъ, онъ смотрѣлъ на семейную жизнь какъ истинный христіанинъ—своихъ пасынковъ воспиталъ какъ родныхъ дѣтей, всю жизнь заботился о нихъ и далъ возможность закончить образованіе. Личность покойнаго ясно обрисовывается изъ напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ стихотвореній.

Литературная дѣятельность П. Б. началась съ ранняго возраста. Въ 1862 году, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ написалъ первыя стихотворенія: „Къ Царю“, „Воспоминаніе“, „Къ родинѣ“, „Къ малюточкѣ“, „Кораблекрушеніе“, „Ужъ ты, поле мое, поле“. Въ 1864 году появились— „Лѣсной пожаръ“, „Труженикъ“, „Умиращій воинъ“ и многія другія, которыя не вошли въ эту книгу.

Во всѣхъ стихотвореніяхъ П. Б. высказывается его чистая душа, честный взглядъ на жизнь, любовь къ родинѣ и религіозное чувство; особенно удачны его стихотворенія религіознаго характера. Кромѣ стихотвореній, П. Б. написалъ много прозаическихъ сочиненій и научныхъ статей, оставшихся неизданными.

Да, этотъ человѣкъ работалъ не для славы, онъ былъ незамѣтнымъ труженикомъ земли Русской, не кричавшимъ о себѣ, а работавшимъ въ тиши на пользу отечества.

Разсчитывая въ 1910 году выйти въ отставку и отдохнуть на свободѣ отъ многолѣтней служебной дѣятельности, занявшись любимымъ своимъ литературнымъ трудомъ, П. Б. лѣтомъ поѣхалъ съ своей семьей на родину—въ Костромскую губернію, и тамъ, купаясь въ рѣкѣ Волгѣ, трагически погибъ отъ паралича сердца 2 іюля 1910 года на 59 году жизни и погребенъ на родинѣ—въ селѣ Ильинскомъ. Надо было видѣть горе крестьянъ, провожавшихъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія своего благодѣтеля и добраго барина, какъ они всегда его называли. Дѣйствительно, покойный былъ для нихъ истиннымъ благодѣтелемъ.

Миръ праху твоему, честный и скромный труженикъ, идеалистъ въ душѣ! Память о тебѣ вѣчно будетъ жить въ благодарныхъ сердцахъ.

М. Д.

1910 г.

1. Посвященіе.

Тебѣ сей сборникъ пѣснопѣнній
Я посвящаю, милый другъ:
Будь музой всѣхъ моихъ твореній
И возвеличь ихъ смыслъ и кругъ!

Чутка ты сердцемъ, умъ твой гибокъ,
Къ добру стремишься ты душой:
Предохраняй же отъ ошибокъ
И будь мнѣ искреннимъ судьей!

2. Два поступка.

Разъ въ маленькомъ городѣ было недавно
Одно происшествіе дивно и славно,
Поступка два были различнаго рода:
Примѣромъ быть можетъ одинъ для народа.

Богатый торговецъ, купецъ именитый
Разъ лѣтней порой, о Макарьевомъ днѣ,
Въ мучномъ балаганѣ, серьезно, сердито
Слѣдя за продажей, сидѣлъ въ сторонѣ.

Къ нему вдругъ подходитъ бѣдняга бездольный
И просить его, чтобъ въ несчастьи помогъ,
На бѣдность бы далъ Христа ради. Невольный,
Глухой раздался изъ груди его вздохъ.

Валяясь въ ногахъ, обливаясь слезами,
Бѣднякъ погорѣлый такъ помощи ждалъ,
Торговецъ же колкими съ сердцемъ словами
Рабочимъ прогнать бѣдняка приказалъ.

Тогда, со слезами бѣднякъ, удаляясь,
На помощь лишь Бога къ себѣ призывалъ
И, сильно несчастьемъ великимъ терзаясь,
Одежду свою онъ въ отчаяннн рвалъ....

Какой-то крестьянинъ къ нему вдругъ подходитъ,
Бывъ жалости чувствомъ, должно быть, объять,
Съ нимъ тихую рѣчь, утѣшая, заводитъ,
Сіяетъ въ лицѣ его милости взглядъ.

Онъ просить его свое горе повѣдать:
Кто онъ? отчего убивается такъ?
„О, кто могъ несчастье такое извѣдать!“
Тогда, ободрясь, начинаетъ бѣднякъ.

„Дней десять, родимый, назадъ, какъ у свата
Въ трубѣ загорѣлось да вихрь поднялся...
Деревни какъ не было, сгинула вся...
Знать, Господу такъ ужъ... И наша то хата....

Мы были, вѣдь, въ церкви.... бѣжимъ впопыхахъ....
И видимъ, родимый, избы не бывало....
Хозяйка съ ребенкомъ груднымъ на рукахъ,
Рыдая безъ памяти, къ намъ подбѣжала....

Съ тѣхъ поръ мою душу несчастья тѣснятъ;
Не знаю покоя себѣ ни минуты:
Вѣдь, семеро малъ-мала-меньше сидятъ
Безъ средствъ къ пропитанью, безъ крова-пріюта!“.

При этомъ несчастный залился слезами
И дальше не могъ продолжать свою рѣчь,—
И лишь произнестъ могъ глухими словами:
„Ахъ! радъ бы ужъ лучше въ могилу я лечь“...

Но сердце крестьянина радостно билось;
Душа его счастьемъ объята была;
Надежда на доброе дѣло явилась
И жалости искру къ собрату зажгла.

Онъ за руку тихо беретъ бѣдняка
И тихо къ базару его онъ подводитъ,
Знакомаго коротко тамъ старика,
Одной съ нимъ деревни случайно находить.

Онъ проситъ, томимый желаніемъ сильно,
Какъ было, о всемъ рассказать старика.
Старикъ начинаетъ рассказъ свой умильно
И имъ подтверждаетъ слова бѣдняка.

Крестьянинъ, отбросивъ тогда всѣ сомнѣнья
И всѣ опасенья напрасно помочь,
Увѣрясь въ несчастномъ его положеньи,
Бѣжитъ съ нимъ къ торговцу мукой, что есть мочь.

Войдя въ балаганъ, у купца покупаетъ
Пшеницы и пшенной крупы два мѣшка,
Отведши потомъ къ сторонѣ бѣдняка,
Ему отдаетъ—и въ толпѣ исчезаетъ.

1869 г.

3. Кто блаженъ.

Блаженъ, кто смолоду не зналъ,
Ни праздныхъ думъ, ни увлеченья,
Блаженъ, кто юность провождалъ
Въ трудъ, любви и размышленьи;
Блаженъ, кто заглушать не мнилъ
До корня вѣру въ Провидѣнье,
Кто сердца этимъ не томилъ
Разувѣреньемъ, чуждъ сомнѣнья;
Блаженъ, кто видѣлъ Божій перстъ
Въ своемъ духовномъ назначеньи,
Кто вѣрно нравственный свой ростъ
Развилъ, не оставлялъ въ забвеньи;
Блаженъ, кто видѣлъ Божій даръ
Въ своемъ земномъ существованьи,
Не испыталъ небесныхъ каръ,
Иль счелъ ихъ благомъ, испытанья;
Блаженъ, кто совѣсть понималъ,
Ея правдивые упреки
И, имъ внимая, подчинялъ
Разсудку страсти и пороки,
Кто тѣломъ, сердцемъ и душой
Въ развратъ и грязь не погружался,
Любилъ любовію святой—
Не унижалъ, не унижался;
Блаженъ, кто гордости не зналъ,
Не уважалъ одну породу,
Кто падшихъ женъ не презиралъ
И друга, ближняго въ невзгоду,
Кто поступалъ въ дѣлахъ благихъ
Съ разсудкомъ, честью, правдой, властью,—
Не извинялъ грѣховъ своихъ
Грѣхами ближняго и страстью,
Кто жизнь свою не осквернялъ,
Не извращалъ свою природу,
Кто отъ пороковъ охранялъ

Свое достоинство, свободу.
О, да! блаженъ, кто совершилъ
Все это съ полнымъ рвеньемъ, вѣрой,
За что навѣрно получилъ
Отъ Бога мзду сторичной мѣрой.

1871 г.

4. Дерево и соловей.

Разъ какъ-то соловей на липу сѣлъ
И нѣжно онъ запѣлъ;
Но дерево ему сердито возразило:
„Зачѣмъ тебя сюда пригнала вражья сила?
Мои листочки такъ красиво
Висятъ на воздухѣ всегда,
А ты пригнулъ ихъ. Я, вѣдь, живо
Взмолюся вѣтру, и тогда
Тебя съ меня онъ мигомъ сгонить
И на землю уронить“.
Лишь только дерево взмолилось,
Тотчасъ же буря поднялась:
Оно на землю повалилось,
А птица-соловей взвилась
Надъ нимъ высоко
И на березу недалеко
Вмигъ сѣла
И на него глядѣла.
Тогда та липа ну кричать,
Ее къ себѣ на вѣтви звать:
„Вѣкъ цѣлый я тебя-бъ качала,
Когда бы на корню я вновь стояла“.

Вотъ басни толкъ моей:
Не рой другому яму—самъ-же будешь въ ней.

1872 г.

5. Принесеніе Исаака въ жертву.

Господь глаголетъ Аврааму:
„Насколь любовь твоя ко Мнѣ
Сильна, узнать хочу вполнѣ.
Довольно жертвъ и ѳиміаму,
Ты совершишь ли то сейчасъ,
Что повелить тебѣ Мой гласъ?“
И въ полной Авраамъ надеждѣ
И съ твердой вѣрой говорить:
— Исполню все я, какъ и прежде,
Что только гласъ Твой повелить.

„Возьми возлюбленнаго сына
Ты Исаака своего,
Гласить Господь, веди его
Туда, гдѣ горная вершина
Стоить; огня, веревку, дровъ
И ножъ возьми! Когда жъ готовъ
Костеръ твой будетъ, Исаака,
Связавъ, мнѣ въ жертву принеси:
Въ свой плодъ единственный отъ брака
Ты смертоносный ножъ вонзи!“

— О, Господи, на все готовъ я,
Чтобъ доказать мою любовь,
Отвѣтилъ Авраамъ, а кровь
Въ лицо вся бросилась, и кровью,
А не слезами, плачетъ онъ,
И грудь его терзаетъ стонъ...
Но, всѣ свои собравши силы,
Онъ Исааку говорить:

— Мой сынъ возлюбленный и милый,
Иди за мной: такъ Богъ велить!

Вязанку дровъ подавши сыну,
Взялъ ножъ, веревку, два кремня,
Чтобъ для костра добыть огня...

Идутъ на горную вершину...
И мыслить Авраамъ въ себѣ:
— Угодно, Господи, Тебѣ
Великой жертвы сей, но какъ же
Ты обѣщаль мнѣ отъ него
Потомства бездну?...—Исаакъ же
Спросилъ отца вдругъ своего:

„Отецъ мой, мы несемъ съ собою
Все, что для жертвы нужно намъ,
Но гдѣ же агнецъ?“ Авраамъ
Сказалъ:—Богъ взыщетъ—и съ тоскою
Чуть воздержаться могъ отъ слезъ,
А сынъ дрова съ весельемъ несъ...
Пришли. Костеръ онъ дѣлать началъ...
Когда же былъ готовъ костеръ,
Сказалъ:—Мой сынъ! Господь назначилъ
Тебя для жертвы—и свой взоръ

Возвелъ онъ къ небу... Услыхавши
Слова отца, самъ Исаакъ
Сказалъ ему: „Да будетъ такъ!“
Спокойно смерти ожидавши,
На сына Авраамъ взглянулъ
И тотчасъ очи отвернулъ.
Но Исаакъ отцу покорно
Связать себя даль... и потомъ
Отецъ повергъ его проворно
На верхъ костра, взмахнулъ ножемъ...

Но вотъ онъ слышитъ голосъ Бога:
„О, Авраамъ, рабъ вѣрный мой,
Оставь порывъ смертельный свой,
Не убивай ты сына! Много
Отдать хотѣлъ ты для меня.
Отнынѣ, съ памятнаго дня,
Ты утвердился въ жизни вѣчной.
Обѣтъ я повторяю свой:

Отъ Исаака безконечный
Пойдетъ народъ, какъ иль морской“.

И вотъ, на агнца указавши,
(Рогами тотъ въ тростникъ завязъ),
Велитъ, чтобъ Авраамъ тотчасъ
Заклалъ его для жертвы. Взявши
Тутъ агнца, Авраамъ кладетъ
Его наверхъ костра, беретъ
Свой ножъ, и, мигомъ имъ взмахнувши,
Онъ агнца рѣжетъ, и тотчасъ,
Огонь изъ огнива раздувши,
Сжигаетъ жертву всю заразъ.

И эта жертва такъ угодна
Была Создателю, что дымъ
Весь къ небу облакомъ густымъ
Вознесся быстро и свободно.
Когда жъ сгорѣла жертва вся,
Онъ съ Исаакомъ обнялся,
И въ полномъ счастье и отрадѣ
Пошелъ домой съ нимъ, помолясь...
Увѣрять въ будущей наградѣ,
Онъ обнялъ Сарру, веселясь.

1872 г.

6. Бесѣда съ луной.

Заря догорѣла; темны небеса;
Луна плыветъ по небу; горы, лѣса,
Все сонно вокругъ; лишь одинъ только я
Сижу, думы полонъ, на небо глядя.
Гляжу я на небо, гляжу на луну,
А самъ все въ томительныхъ думахъ тону.
И думаю я, вѣдь, чай, сколько чудесъ
Ей видно на свѣтѣ съ высокихъ небесъ;

Спрошу-ка у ней я: „скажи-ка, луна,
Тебѣ поднебесная вся, чай, видна,
Скажи-ка, что видишь ты здѣсь, на землѣ,
Гдѣ скрыто все въ мрачной, таинственной мглѣ?
Не видишь ли милой Татьяны моей,
Тоскующей съ няней старой своей?
Не видишь ли Пушкина ты за столомъ,
Съ душой, полной грусти... восторга... съ перомъ?
Не видишь ли въ хижинѣ бѣдной кружка—
Съ толпою малютокъ вокругъ старика,
Молящихся Спасу усердно, тепло,
Оставивъ земныя заботу и зло?
Не видишь ли умниковъ ты молодыхъ,
По цѣли одной межъ собою родныхъ,
Собравшихся съ цѣлю пользы, труда
Исторгнуть въ отчизнѣ начатки вреда?“
Тогда мнѣ съ небесъ отвѣчаетъ луна,
Вся блескомъ, сіяніемъ яснымъ полна:
„Не вижу я милой Татьяны твоей,
Ни Пушкина съ душой обычной своей,
Ни старца съ дѣтьми предъ иконой златой,
Ни юношей, собранныхъ съ цѣлю святой.
Я вижу: дѣвица—красавица спитъ;
На щечкахъ и губкахъ румянецъ горитъ.
Но вотъ пробудилась, вскочила она,
И вотъ очутилася вдругъ у окна...
Вотъ видить: сосѣдъ, что напротивъ живетъ,
Ее черезъ окошко рукою зоветъ...
И вотъ, въ ожиданьи награды, она
Одѣлась,—и комната стала темна...
И вотъ на крыльцѣ: отворяется дверь,
Съ усами предлинными, черными звѣрь
Цѣлуетъ дѣвицу, въ объятяхъ жметъ
И за руку тотчасъ къ себѣ онъ ведетъ...
И вотъ начинается пиръ на упадъ:
Шампанское, горское, ромъ, лимонадъ...
Ее обнимаетъ, вздыхая хмѣльно...

Вотъ свѣчку онъ гаситъ,—и стало темно...
Не видно мнѣ больше“. Сказавъ то, луна
За легкую тучку, блѣднѣя, зашла.
Но вотъ обращаюсь я снова къ лунѣ:
„Что видишь еще здѣсь, повѣдай ты мнѣ!“
И вновь изъ за тучки взглянула луна;
„Я вижу еще, отвѣчаетъ она,
Писатель-поэтъ вонъ сидитъ со свѣчей,
И номеръ журнальный лежитъ подъ рукой.
Я номеръ читаю... что жъ вижу я тамъ?
Поэтъ мой дивится примѣрнымъ дѣламъ,
Прекраснымъ и добрымъ поступкамъ купца—
Извѣстнаго всѣмъ кулака и дѣльца.
Поэтъ мой обязанъ теперь очернить
Того, кого прежде былъ долженъ хвалить“.
Сказавъ то, луна замелькала межъ тучъ
И, скрывшись, лишь блѣдный оставила лучъ.
Но вотъ обращаюсь я снова къ лунѣ:
„Что видишь еще здѣсь, повѣдай ты мнѣ!“
И снова изъ тучекъ пробила луна;
„Я вижу еще, отвѣчаетъ она,
Студентовъ съ десятокъ сидятъ вокругъ стола,
Они просидятъ такъ всю ночь до бѣла.
Межъ ними серьезный идетъ разговоръ
И жаркій, крутой начинается споръ.
Они горячатся, толкуютъ, кричатъ,
Начала началъ доискаться хотятъ:
Какъ міръ могъ создаться самъ изъ ничего,
Когда и кто создалъ, воздвигнулъ его;
Одинъ признаетъ, что творецъ всего Богъ,
Что міръ создать онъ лишь одинъ только могъ.
Другой отвергаетъ совсѣмъ Божество
И вѣчнымъ считаетъ одно вещество,
Законы природы одни признаетъ,
На коихъ все держится въ мірѣ, живетъ,
Изъ атомовъ мелкихъ созданъ весь свѣтъ
И непостижимаго вовсе въ томъ нѣтъ.

Вотъ третій приводитъ земные пласты,
Чтобъ тѣмъ доказать свои ложны мечты:
Невдругъ созданъ нами видимый свѣтъ,
Его перемѣны оставили слѣдъ,
Отдѣльныхъ животныхъ имѣлъ каждый вѣкъ
И отъ обезьянъ родился человѣкъ“.
Сказавши все это, померкла луна
И стала за тучей совсѣмъ не видна.
Но вотъ обращаюсь я снова къ лунѣ:
„Что видишь еще здѣсь, повѣдай ты мнѣ!“
И вновь изъ за тучекъ взглянула луна:
„Я вижу еще, отвѣчаетъ она,
Огромное зало полно все гостей,
Тамъ всякаго рода увидишь людей.
Всѣ въ карты играютъ и водку всѣ пьютъ,
И критику злую на нынѣшній людъ
Возносятъ, обычаевъ новыхъ людей
И всѣхъ современныхъ и лучшихъ идей
И знать не хотятъ, и воснадачатый вѣкъ
Желають чтобы воротилъ человѣкъ.
Ругаютъ правительство, судъ и законъ,
Все новое судятъ лишь съ грязныхъ сторонъ,
И въ этихъ бесѣдахъ вліянье вина
Надѣлало шуму.“ Сказавъ то, луна,
Послѣдній, прощальный послави мнѣ лучъ,
Померкла и скрылась среди черныхъ тучъ.

1872 г.

7. Рѣка и ручей.

Ручей журчалъ
И на рѣку ворчалъ,
Что жадная рѣка все годъ отъ году
Его уносить воду
И къ морю угоняетъ.

Зачѣмъ же онъ ее питаетъ?
И сталь ручей молить боговъ,
Чтобъ воды не текли съ холмовъ.
Рѣка немного обмелѣла
И сдѣлалася уже,
Ручью же стало несравненно хуже:
Его русло отъ пыли побѣлѣло,
И онъ изсохъ
И весь заглохъ.

1872 г.

8. Къ музѣ.

Муза! Муза! гдѣ скрылась?
Навѣсти меня хоть разъ!
Безъ тебя вся жизнь затмилась,
Животворный лучъ погасъ.
Безъ тебя весь мiръ—постылый,
Сердце рвется изъ груди,
Тяжкимъ сномъ спить умъ унылый—
Навѣсти и пробуди!
Обогрѣй меня ты снова,
Мысль завѣтную всели,
Что есть доброе средь злого,
Вдохновенье ниспошли!
Можетъ быть, опять, какъ прежде,
Жизнь порадуетъ меня
И, на лучшее въ надеждѣ,
Въ трудъ, въ борьбу вновь кинусь я.
Всѣ завѣтныя мечтанья
Пролетятъ въ душѣ моей,
И исполнюсь я сознанья
Силы творческой своей.
Пробуждать я стану совѣсть
Въ братьѣ по Христу моей

И порочной жизни повѣсть
Выставляю еще чернѣй.
Воспою я путь терновый,
Но и честный, и святой,
И поборниковъ я снова
Буду кликать за собой...
Посѣти жъ меня скорѣе,
Муза свѣтлая моя!
Жизнь представъ ты мнѣ яснѣе,—
И возьмусь за дѣло я!

1874 г.

9. Н а у к ѣ.

1.

Когда „прости“ ты мнѣ сказала,
Съ тѣхъ поръ брожу я самъ не свой,
И жизнь постылою мнѣ стала,
И мысль лишь о тебѣ одной...

Какъ лучезарное свѣтило,
Блеснувъ въ полуночной землѣ,
На мигъ ты путь мнѣ озарила
И вновь покинула во мглѣ,—

И путь мой сталъ еще ужаснѣй,
Покрытый мрачной пеленой,
Твой призракъ сталъ еще прекраснѣй,
И я несусь къ тебѣ мечтой...

Но гдѣ жъ, звѣзда ты роковая?
Блесни же мнѣ хоть разъ еще!
Лети, невѣста дорогая:
Сольемся страстно, горячо!

2.

Не можетъ быть, чтобъ ты простилась
На вѣки вѣчные со мной;

Ты испытать меня рѣшилась,—
И вотъ мой плачь и призывъ мой.

Тебя забыть, мой свѣточъ...? Ты,
Что лишъ къ одной тебѣ стремятся
Мои завѣтныя мечты
И думы радужныя мчатся,

Тебя ль покинуть? Одинокимъ
Въ сплошной остаться пустотѣ?
Нѣтъ, рвеньемъ жаднымъ и глубокимъ
Къ твоей я ближусь высотѣ...

Надежда слабая блеснула,—
И вновь я весь, какъ прежде, твой:
Любовь къ тебѣ, вѣдь, не уснула,
И дума занята тобой.

Придетъ, придетъ ли часъ блаженства,
Чтобы тобою я владѣлъ?
Вотъ идеаль мой, совершенство
И упованій всѣхъ предѣлъ!

1878 г.

10. Поэзія и Наука.

Вы двѣ сестры—Поэзія, Наука,
Вы такъ дружны, такъ любите другъ друга!
Я пламенно обѣихъ васъ люблю;
Не знаю, жизнь ли я свою гублю,
Иль счастье и свѣтъ симъ обрѣтаю;
Пока я ничего еще не знаю;
Но, видитъ Богъ, такъ дороги вы мнѣ,
Что счастье мнѣ даете вы однѣ...

Поэзія! Наука! благодатны
Для духа вы и сердца; необъятны

Въ обѣихъ васъ всѣ прелести красы:
Вашъ хладъ прохладнѣй утренней росы,

Вашъ жгучій жаръ жарчѣе солнца лѣта,
Вы жгучи и свѣжи для мысли и поэта;
Въ васъ все: прохлада, отдыхъ и свобода...
Счастливецъ тотъ, кого судьба—природа

Не обдѣлила тою и другой...
О, если бъ мнѣ владѣть такой четой!
Я счастливъ былъ бы безконечно,
Судьбу свою благословлялъ бы вѣчно...

1878 г.

11. Что лучше?

Кому легко на свѣтѣ жить,
Тому труднѣе умирать,
Кто жъ трудъ рѣшилъ полюбить,
Тому жизнь легче покидать.

Въ забавахъ, роскоши и холѣ
Есть что то сладкое для насъ;
Въ трудѣ жъ, болѣзняхъ поневолѣ
Взгруснется тягостно подчасъ.

Но отъ безсмѣнныхъ наслажденій
Какъ оторваться тяжело!
А отъ заботъ и отъ лишеній
Уйти отрадно и свѣтло.

1878 г.

12. На 1879 годъ.

Былое, прошлое забудемъ,
Жить новой жизнiю начнемъ,—
Тогда лишь счастливы мы будемъ;
Вполнѣ довольство мы найдемъ.
Что прежде душу волновало,
То стало сномъ однимъ пустымъ;
Оно отвѣта не давало
Стремленьямъ чистымъ и святымъ.
Все—радость, горе, упоенье,
Тоска любовная, хандра,
Борьба съ судьбою, утомленье,
Восторгъ, желанiе добра,—
Все пронеслось, какъ мигъ, безслѣдно,
Какъ моря легкая волна;
Все то, что было заповѣдно,
Все, чѣмъ душа была полна,
Все стало призракомъ неяснымъ
И только душу тяготить
Воспоминанiемъ напраснымъ
И умъ запуганный мрачить...
Забудемъ же скорѣй былое
И взглянемъ смѣло мы впередъ!
Быть можетъ, счастье большое
Сулитъ намъ этотъ новый годъ...

13. Молитва.

Отче нашъ праведный, Духъ безконечный,
Иже еси днесь, и присно, и вѣчно
На небесѣхъ! да святится святое
Имя Твое! да придетъ благое
Царствiе вскорѣ Твое! и да будетъ
Воля святая Твоя и пребудеть

Яко же на небеси надъ духами,
Тако же и на земли между нами!
Хлѣбъ нашъ насущный подаждь Ты намъ днесь
И наши долги остави намъ здѣсь,
Яко же и сами мы ихъ оставляемъ
Всѣмъ должникамъ нашимъ, зло забываемъ,
И не введи Ты насъ во искушенье,
Но отъ лукаваго даждь избавленье!

1879 г.

14. Д у м а.

Душа пуста, на сердце тяжко,
А въ головѣ хаосъ такой,
Что говоришь себѣ: „бѣдняжка,
Пора тебѣ и на покой!“
Такъ не легка же школа жизни;
Такъ труденъ, скользокъ жизни путь,
Что безъ правдивой укоризны
Нельзя на Божій миръ взглянуть.
Чѣмъ пустоту души наполнить?
Чѣмъ сердца тягость облегчить?
Чѣмъ жизнь безцвѣтную восполнить
И мозгъ отъ думъ освободить?
Неужли жить воспоминаньемъ
Когда то прошлыхъ свѣтлыхъ дней
И глупымъ разочарованьемъ
Въ плачевной участи своей?
Вѣдь это, также непристойно
Для человѣка цѣльныхъ силъ,
Какъ кто бъ предъ дѣвой недостойной
Главу съ повинною склонилъ...
Привязанность есть жизни сила,
Законъ, которымъ все живетъ,—
И если жизнь одну сломила,

Другую каждый создаетъ.
Такъ нѣтъ ли и на нашу долю
Иной привязанности въ чемъ?
Найдемъ ее—найдемъ и волю,
И мысль, и духъ—и заживемъ!...
Забавы юности забыты,
Ея мечтанья не сбылись;
Дѣла сердечныя разбиты
И страсти мирно улеглись.
Но это время переходно,
Покой душѣ необходимъ,
Чтобъ здраво, честно и свободно
Внимать стремленіямъ своимъ.
Употребимъ его мы дѣльно,
Найдемъ привязанность себѣ
И такъ бесплодно и безцѣльно
Не покоримся злой судьбѣ...
Но что жъ искать?... мы позабыли
Тотъ животворный, свѣтлый лучъ,
Что мы такъ пламенно любили,
Что такъ прекрасенъ и могучъ,
Къ которому всѣ наши силы
Мы напрягали иногда,
Которымъ мы когда то жили;
Та путеводная звѣзда,
Что озаряла чуднымъ свѣтомъ
И оживляла насъ порой,
Вѣдь съ ней мы связаны обѣтомъ,
Лишь въ ней найдемъ мы свой покой.
Не будемъ больше сокрушаться,
Иной привязанности ждать
И къ ней мы будемъ приближаться,
И въ ней лишь счастья искать!
Работы жажда къ намъ вернется,
Любовь опять насъ оживитъ,
И съ новой силою проснется
Въ насъ жизнь и снова закипитъ,

И снова мысли прояснятся,
Душевной пищѣ нѣтъ конца,
Всѣ наши чувства оживятся,—
И будемъ образомъ Творца!...
Живѣй, живѣй за дѣло снова,
Отбросимъ всѣ мечты долой,—
И вновь средь сумрака ночного
Мы разведемъ огонь живой!...

1879 г.

15. Д у м а.

Пріятно бываетъ намъ Богу молиться,
Какъ чѣмъ либо наша душа не болитъ,
Когда не приходится жизнью томиться
И что либо сердце иль умъ веселитъ.
Отраднo тогда намъ присутствовать въ храмѣ:
Всѣ чувства покойны; просторъ для души,—
И будто мы храмомъ становимся сами,—
Всѣ помыслы наши тогда хороши,
Всѣ мысли и чувства любви, и надежды,
И вѣры въ спасенье исполнены въ насъ,—
И свѣтомъ небеснымъ духовныя вѣжды
Проникнуты въ этотъ торжественный часъ.
Тогда, осѣненны святой благодатью,
Мы чувствуемъ новыя силы въ себѣ,
Дабы укрѣплять нашу меньшую братью
До ихъ возрожденія въ новой мольбѣ...
Когда же мы жизнью своей тяготимся,
Когда умъ и сердце унынья полны,
Тогда мы и въ храмъ заглянуть побоимся,
Внимая навѣтамъ нѣмымъ сатаны.
Объятыя страннымъ какимъ то сомнѣньемъ,
Безъ всякой надежды и вѣры впередъ,
Мы съ тайными трепетомъ и сокрушеньемъ
Бѣжимъ въ сторонѣ отъ церковныхъ воротъ.

Жестоки и тяжки такія минуты,—
И намъ на самихъ себя страшно смотрѣть...
Такъ сбросимъ же дьяволомъ свитыя путы
И будемъ съ надеждой и вѣрой терпѣть!

1879 г.

16.

Жизнь хороша и такъ—безспорно,
И въ ней самой отрада есть,
Но безъ труда, легко, снотворно
Я не хочу ее провесть.

Хотя и такъ она мученій,
Какъ и отрады, вся полна,
Но отъ трудовъ и отъ лишеній
Еще прекраснѣе она.

1880 г.

17. *A mon ange.*

Любить, какъ я тебя люблю,
Ужъ больше, кажется, нельзя:
Хотя я жизнь свою сгублю,
Но вѣчно будешь ты моя!

Ахъ, если бъ вѣрила ты мнѣ,
Всей страшной силѣ той любви,
Которой пышетъ, какъ въ огнѣ,
Вся страсть къ тебѣ въ моей крови!

Едва ль поймешь ли ты когда
Всю силу пылкихъ чувствъ во мнѣ:
Я не любилъ, вѣдь, никогда,
Какъ слѣдуетъ любить вполнѣ.

Надѣйся, вѣрь, люби и жди,
Насколько силъ найдешь въ себѣ:
Лелѣять вѣчно на груди—
Вотъ цѣль любви моей къ тебѣ!

1880 г.

18. Д у м а.

Порой такъ сильно увлекаетъ
Житейскій океанъ собой,
Мечты, картины возникаютъ
Одна заманчивѣй другой,
Что видишь всюду лишь удачу
И въ счастье вѣришь глубоко,
И жизни трудную задачу
Рѣшаешь смѣло и легко.
Такъ хороши сіи мгновенья,
Какъ сладкій сонъ среди трудовъ;
Зато и сродно имъ забвенья,
Какъ легкой грезѣ въ мракѣ сновъ...
Когда жъ житейскою волною
Насъ въ глубь морскую занесетъ
И, отрезвась отъ сна борьбою,
Нашъ умъ всю бездну обойметъ,—
Тогда мы жаждемъ лишь съ тоскою
Скорѣе къ берегу пристать
И надъ пучиною морскою
Впредь никогда не засыпать.

1880 г.

19. На прощанье.

Прощай, дорогая моя, не крушися:
Твой другъ не забудетъ тебя!...
На вѣрность его ты вполне положишься,
А также храни и себя!...

Ни горы, ни рѣки, ни даль разстоянья,
Ничто насъ совсѣмъ разлучить
Не можетъ,—и ласкъ я твоихъ обаянья
Не въ силахъ никакъ позабыть.

Я вѣрю тебѣ, что и ты не забудешь
Въ разлукѣ невольной меня:
Хотя и заочно, любить меня будешь,
По прежнему будешь моя.

Ахъ, грустно и горько съ тобой разставаться
И жить одиноко вдали!...
Зато какъ отраднo намъ будетъ встрѣчаться,
Забывши невзгоды свои!...

1880 г.

20. Къ Е. В. П.

Я въ первый разъ въ жизни
Люблю лишь такую
Любовію пылкой,
Любовью святою,
Любовію страстной,
Любовью сердечной,
Любовію честной,
Любовію вѣчной.
Въ тебѣ мое счастье,
Моя дорогая,
Тебѣ поклоняюсь,
О, гурія рая!
Тебѣ мое сердце
Всецѣло вручаю,
Тебя лишь люблю я,
Тебя уважаю,
Вдали отъ тебя мнѣ
Лишь адскія муки:
Не знаю, что дѣлать

Отъ грусти и скуки...
Но скоро, ужъ скоро
Мы вмѣстѣ вновь будемъ
И горькое время
Въ объятяхъ забудемъ.
Терпи жь, не крушися,
Не сѣтуй на долю:
Тогда мы съ тобою
Натѣшимся вволю.
И такъ, до свиданья,
Моя дорогая,
Поэта жди скоро,
О, муза святая!

1880 г.

21. Къ Е. В. П.

Моя отрада!
Мой идолъ милый!
Ты обладаешь
Волшебной силою:
Моя ты Муза,
Тобой живу я,
Тебя пою я.
Что часъ—то вѣчность
Въ разлукѣ нашей:
Я отравляюсь
Сей горькой чашей.
Но скоро, скоро
Мы вмѣстѣ будемъ:
Разлуки горе
Опять забудемъ.

1880 г.

Внимая житейскому морю,
Слѣдя за житейской волной,
Я самъ морю этому вторю,
Волну представляя собой.

И, бурямъ житейскимъ внимая,
За вихремъ житейскимъ слѣдя,
Самъ бурю страстей представляя,
Я въ вихрѣ верчусь, какъ ладья.

1880 г.

23. Познаніе.

Все то на свѣтѣ пустое,
Все то мечта, суета,
Дѣло одно лишь святое
Будетъ священнымъ всегда.
Почестъ, богатства и слава,
Санъ, ордена и чины—
Все лишь пустая забава
Въ данное время—важны.
Время пройдетъ, и въ туманѣ забвенья
Всѣ эти призраки счастья умрутъ;
Юному врядъ ли они поколѣнью
Пользу какую либо принесутъ.
Но не пройдутъ мимолетно
Истины вѣчной слова;
Не обойдетъ беззаботно
Ихъ и людская молва;
Люди жъ труда и науки
Будутъ лелѣять, ласкать,
Средь всеобъемлющей скуки
Истину ту раскрывать.

Дѣло святое, и поле обширно,
Пищи достанетъ для каждаго въ немъ,
Лишь бы работа шла честно и мирно,
Съ полной охотой, сердечно, съ умомъ.

1880 г.

24. Счастье.

Шагу не дѣлай безъ цѣли,
Каждый шагъ дѣлай съ умомъ,
Шагу не дѣлай нечестно,
Жить же старайся трудомъ—
Только и нужно для счастья:
Не забывай никогда!
Будешь доволенъ всѣмъ въ жизни,
Бодръ и покоенъ всегда.

1880 г.

25. Сила духа.

Всегда будь всѣмъ въ жизни доволенъ,
Не страшна тогда и бѣда!
Хотя будешь тѣломъ и боленъ,
Здоровъ будешь духомъ всегда.

Духъ бодръ, а плоть немощна наша;
На духъ лишь надежда одна, —
И жизни сей горькая чаша
Тогда намъ не будетъ трудна.

Какъ искра, зажженная Богомъ,
Нашъ духъ въ силахъ все побѣдить,
Опорой быть можетъ во многомъ
И плоть немощную крѣпить.

1880 г.

26. **Посвящается Е. В. П.**

Чувства нѣжныя, пріятныя
Я къ тебѣ питаю,
Непонятныя, невнятные
Рѣчи повторяю.

Но пойми ты ихъ, любимая,
Сердцемъ разгадай же!
Не нужна любовь мнѣ мнимая,
Мнѣ такую дай же,

Какъ моя къ тебѣ, безцѣнная:
Честная, прямая,
Вѣчно та же, неизмѣнная,
Пылкая, живая!

1880 г.

27.

* *
*

О! когда же будетъ въ мірѣ
То, чего желаю,
Какъ на грустной, мирной лирѣ
Я предвозвѣщаю?
Неужели невозможно
То, что воспѣваю
И чего я такъ тревожно
Сердцемъ ожидаю?
Я желаю только, чтобы
Было больше въ мірѣ счастья,
Было меньше въ мірѣ злобы,
Больше теплаго участія;
Чтобъ науки и искусства
Повсемѣстно процвѣтали,
Чтобы нравственныя чувства
Всѣхъ собою согрѣвали;

Чтобъ добро со зломъ рѣшили
Вѣчный споръ свой поскорѣ;
Чтобъ на свѣтѣ люди жили
Веселѣе и дружнѣе.

1881 г.

28. ЖИЗНЬ.

Жизнь безъ тревогъ—лишь прозябанье,
Жизнь безъ мученій—пустота:
Тревоги—жизни обаянье,
Мученья—жизни красота.

Нѣтъ безъ тревогъ успокоенья
И безъ мученій нѣтъ отрадъ,
А безъ отрадъ, отдохновенья
Земная жизнь была бы адъ...

О, жизнь!... чѣмъ больше въ ней мученій,
Тревогъ, сомнѣній и заботъ,
Тѣмъ больше въ ней и наслажденій,
Отрады, счастья и красотъ.

1881 г.

29. На пожарѣ.

Зрѣлище страшное, душу томящее!...
О, не дай Богъ мнѣ опять созерцать,
Какъ это грозное пламя, палящее,
Трудъ человѣка начнетъ пожирать.

Сердце трепещетъ и умъ цѣпенѣтъ;
Всѣмъ существомъ твоимъ ужасъ владѣтъ;
Съ жаромъ нѣмую молитву творишь;
Къ мѣсту пожара невольно спѣшишь.

Вотъ и на мѣстѣ... Живѣй за работу!...
Новой отрадною жизнью живешь,
Зная, что въ чуждую долю-заботу
Каплю спасенья свою придаешь.

1881 г.

30. Послание А. Н. Майкову.

Свою вамъ душу раскрывая,
Мечты и чувства повѣряя,
Надежду смѣлую беру,
Что, снисходительно внимая
И близко къ сердцу принимая,
Вы ихъ направите къ добру.

Такъ не разбейте же надежды
Еще въ поэзи невѣжды,
Что ждетъ участія отъ васъ,
Ошибки сдѣланныя прежде,
Исправьте, просвѣтивъ мнѣ вѣжды,
Чтобъ я ихъ помнилъ каждый часъ!

Возвысьте духъ, что пробудили,
И огонь, которымъ сами жили,
Зажгите вы въ душѣ моей,
Чтобъ изъ нея лишь исходили
И людямъ благотворны были
Стихи правдивостью своей!

1881 г.

31. Б о г ъ.

Онъ все въ себѣ вмѣщаетъ
И Самъ во всемъ живетъ,
Всѣмъ въ мірѣ управляетъ
И жизнь всему даетъ,
Весь міръ, что зримъ и мыслимъ
Свершилъ изъ ничего,
Въ щедротахъ неисчислилъ,
Славнѣе нѣтъ Его;
Онъ былъ, Онъ есть, Онъ будетъ;
Онъ—духъ безъ вещества;
Онъ создалъ и разсудитъ

Земныя существа;
Онъ видитъ и соринку,
Сокрытую въ глуши,
И каждую слезинку,
И помыслы души;
Онъ всемогущъ, всесиленъ,
Всеправеденъ, блаженъ;
Онъ благостью обилень—
Въ сравненьи съ Нимъ все тлѣнъ...
Высокъ сей образъ чудный,
Но путь къ нему открытъ,
Хоть путь сей многотрудный
И терніемъ увить...
Стремись, мой духъ нетлѣнный,
Къ Началу своему,
Служа въ сей жизни брэнной
Творцу лишь одному!...

1881 г.

32. Сотвореніе міра.

Господь сказалъ: „да будетъ свѣтъ!“—
И по предвѣчному глаголу
Явился свѣтъ, и ко престолу
Собрался ангельскій совѣтъ,
Хваля Создателя дѣянье,
Отца и Бога своего,
И зря тамъ дивное сіянье,
Гдѣ не бывало ничего.—
„Да будетъ твердь!“ Господь сказалъ,—
И средь немеркнушаго свѣта
Воздушный сводъ въ тотъ мигъ возсталъ
Прозрачно-голубого цвѣта.
И вновь ко Отчему престолу
Собрался ангельскій синклитъ,
Дивясь, повергнувъ взоры долу,

Что дивный сводъ предъ нимъ висить.
„Да отдѣлятся отъ земли
Морскія и рѣчныя воды
И чтобъ на сушѣ поросли
Растеній разныя породы!“
Рекъ Вседержитель,—и тотчасъ
Свершилось по Его глаголу,
И вновь, какъ прежде, вознеслась
Хвалебна пѣснь къ Его престолу.—
„Да свѣтятъ солнце и луна!
Да блещутъ звѣзды!“ рекъ Всевышній,—
И вмигъ воздушная стѣна
Зардѣлась, словно розанъ пышный,
Свѣтило дневно, возсія,
Все ярче свѣта озарило,—
И снова ангеловъ семья
Творца дѣянье восхвалила.—
„Да рыбы плаваютъ въ водахъ,
Да птицы въ воздухѣ летаютъ—
Во всѣхъ породахъ и видахъ—
Мою премудрость прославляютъ!“—
И стало все изъ ничего,
И все Творца благословляло,
А въ небѣ райска пѣснь его
Попрежнему все восхваляла.—
„Да насѣкомыя, и гады,
И звѣри разныя живутъ!
Да бытію всѣ будутъ рады
И впрель другимъ его даютъ!“—
И вмигъ свершилось все и стало
Благословлять Творца земли;
Все небо также ликовало,
Неся Ему хвалы свои.—
Все такъ прекрасно было въ свѣтѣ!...
Но не законченнымъ Творецъ
Нашель его; въ Своемъ совѣтѣ
Рѣшивъ создать ему вѣнецъ,

„Да сотворимъ, рекъ, человѣка
Мы по подобью Своему!
Да будетъ онъ во вѣкъ изъ вѣка
Царемъ живущему всему!“
И, въ персть земли вдохнувши душу,
Ее безсмертьемъ одарилъ,
Благословивъ моря, и сушу,
И все, отъ дѣлъ Своихъ почилъ.

1882 г.

33. На родинѣ.

I.

Вечерней лѣтнею порою
Съ балкона, въ сельской тишинѣ,
Природой милою, родною
Любуюсь я наединѣ.
О, родина!... Свѣтло и ясно
На сердцѣ, на душѣ легко...
Въ природѣ тихо и прекрасно...
Окрестъ свободно, далеко
Глазъ можетъ вдоволь любоваться
Картиной той или иной
И умиленно восторгаться
Природы вѣчной красотой...
Передъ глазами садъ, похожій
На огородецъ овощной,—
И какъ то сердцу онъ дороже
Своей запущенной красой...
Налѣво поле озимое
Желтѣетъ нивою густой,
Гдѣ зрѣетъ сѣмя дорогое,
Всю Русь кормящее собой...
А тамъ лѣсокъ чернѣетъ дальной
И тонетъ въ сумракѣ небесъ,
И вправо линіей овальной

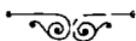
Идя, и превращаясь въ лѣсъ,
Гдѣ ночью за гумномъ лѣсная
Жизнь просыпается всегда;
Свистя, и треля, и шелкая,
Тамъ соловей пѣлъ иногда...
Направо бѣдныя лачужки
За прудомъ, грязнымъ, какъ земля,
А тамъ вплоть до лѣсной опушки,
Идутъ крестьянскія поля...
Дышать просторно и отрадно
Здоровымъ воздухомъ... Глядишь
На все, всему внимаешь жадно,
Благословляешь ширь и тишь,—
И, будній трудъ забывъ, душою
Въ одно съ природой слиться мнишь,
И, убаюканный порою
Ея гармоніей, ты спишь—
Не спишь. а гредишь... и бывое,
Воскреснувъ въ памяти твоей,
Рисуетъ счастье прожитое
Яснѣе, чище и свѣтлѣй...
О настоящемъ нѣтъ помину,
Воспоминаньями живешь,
Сцѣпляя ихъ, какъ паутину,
Въ нее лишь лучшее берешь...
Но повседневныя заботы
Уснуть надолго не дадутъ;
Отъ этой мысленной дремоты
Онѣ внезапно отвлекутъ...
Вдругъ вспоминается невольно:
Отецъ тутъ сиживалъ со мной;—
И въ сердцѣ тягостно и больно:—
Теперь онъ спитъ въ землѣ сырой...
Порой тутъ сестры веселились,
Тутъ были братья и друзья;—
Но всѣ давно разъединились:
Сижу одинъ, одинъ лишь я...

Я прежде молодъ былъ; играя,
Смотрѣлъ я радостно на все:—
Теперь тоску лишь ощущаю
И одиночество свое...
Проснулась всюду жизнь ночная;
Прохладный вѣтъ вѣтерокъ;
Щебечутъ птички, напѣвая,
„Ты одинокъ, ты одинокъ“...

2.

Опять сажу я на балконѣ
Порою лѣтнею, ночной
И отдыхаю на просторѣ
Я тѣломъ, сердцемъ и душой.
Темно; ни зги окрестъ не видно;
Все тонетъ въ сумракѣ небесъ;
Лишь по привычкѣ глазъ мой знаетъ,
Гдѣ небо, гдѣ земля и лѣсъ.
Но тѣмъ не менѣе свободно
Дышу я грудью и легко
И отъ заботъ житейскихъ, тяжкихъ
Несуся мыслью далеко...

1882 г.

34. **З а п о в ѣ д и.**

Былъ громъ, и молніи крылаты
Метали огонь во всѣ концы...
Стояли, трепетомъ объаты,
Передъ Синаемъ пришлецы...
И средь бушующей стихіи
Они услышали глаголь,
Вѣщавшій истины святыя,
Смушавшій дикій произволъ:
„Я есмь Творецъ единый міра
И Богъ тебѣ единый Я;
Не создавай себѣ кумира

Или подобія Меня
Изъ тѣхъ существъ, которыхъ много
Въ землѣ, на сушѣ и въ водахъ,
Не покланяйся имъ какъ Богу
И не служи имъ въ алтаряхъ;
Вотще Меня не призывай;
Субботу помни постоянно,
Шесть дней работой неустанно,
Въ седьмой Меня лишь прославляй;
Чти своего отца и мать,
Чтобъ долготѣіе стяжать;
Не посягай на жизнь земную
Ни дѣломъ, словомъ, ни мечтой
И святотатственной рукой
Не трогай собственность чужую;
Ни въ дѣлѣ, ни въ мечтѣ, ни въ словѣ
Прелюбодѣйствовать не смѣй
И лжесвидѣтельства лихого
На братьевъ-ближнихъ не имѣй;
Не пожелай чужихъ стяжаній—
Ни дома, ни жены, села,
Ниже послѣдняго осла...
И увидешь въ рай обѣтованій“.

1882 г.

35. Изъ псалма 138.

Куда, о, Боже всемогущій,
Пойду отъ духа Твоего?
Куда, о, Боже вездѣсущій,
Бѣгу отъ лика Твоего?
Взойду ль на небо—храмъ Господній,
Но Ты царишь на небеси;
Во адъ ли снизу преисподній,
Но и во адѣ Ты еси;
Создать ли крылья ухищрюся,

На нихъ умчавшись, поселюся
Въ наидальнѣйшемъ изъ морей,—
И тамъ рука Твоя укажетъ
Мнѣ путь спасенья, иль накажетъ:
Десницы не уйти Твоей!...

1882 г.

36. Студенчество.

Студенческіе дни,
Куда дѣвались вы?
Умчались безъ слѣда
Во время суеты.
Разсѣялись всѣ
Товарищи мои
По разнымъ сторонамъ
Отеческой страны.
Одинъ остался я
Лишь съ музою моею
Тѣ радужные дни
Порою воспѣвать...
О, дни златой весны,
Вернитесь опять!
Сберитесь вновь, друзья,
На сходку пировать!...
Какъ солнцу на востокъ
Обратно не пойти,
Такъ вамъ, друзья и дни,
Дорожки залегли!...

1882 г.

37. Д у м а.

Грядущее для насъ безвѣстно,
Покрыто мрака пеленой...
О, какъ трудился бы я честно,
Чтобъ овладѣть своею судьбой!...

Прошедшее хоть не бесплодно
Для человѣка вспоминать,
Но я открыто и охотно
Его бѣ рѣшилъся промѣнять
На знаніе хоть малой доли
Того, что ждетъ меня впередъ,
Чтобъ должнымъ направленьемъ воли
Надежнымъ сдѣлать свой полетъ,
Чтобы вѣрнѣй достигнуть цѣли
Того житейскаго пути,
Который съ самой колыбели
До смерти долженъ я пройти...
Въ природѣ нашей—развиваться,
Въ природѣ нашей—познавать...
Готовъ открыто я сознаться.
Что я склоненъ уповать,
Что съ каждымъ новымъ поколѣньемъ
Впередъ шагаетъ человѣкъ
И новымъ въ чемъ-либо прозрѣньемъ
Овладеваетъ каждый вѣкъ,
Что, наконецъ, мы постепенно
Поймемъ законы бытія
И что для насъ несокровенной
Предстанетъ будущность своя...
Но только мнѣ ужъ не дожидаться
Поры блаженнѣйшей такой:
Мой духъ успеетъ ужъ разстаться
Съ юдолью скорбною земной...

1882 г.

38. К ъ н е й.

Потерпи немного,
Потерпи, другъ милый!
Кончится дорога:
Съ новою мы силой,

Съ нѣжнымъ упоеньемъ
Обоймемъ другъ друга,
Съ чувствомъ и томленьемъ
Страстнаго недуга,—
И пройдетъ ненастье,
И пройдетъ томленье:—
То-то будетъ счастье,
То-то наслажденье!...
Не крушись же тщетно,
Не дружись съ тоскою!
Время незамѣтно
Пролетитъ стрѣлою.
На пути обратномъ
Вновь считать мгновенья
Сердце будетъ внятно
Въ сильномъ нетерпѣньѣ.
А какъ будетъ близко,
Мимо всякой воли,
Упадетъ вдругъ низко
Средь щемящей боли,
Кровью обольется,
Биться перестанетъ,—
И вдругъ вновь забьется:
Счастья мигъ настанетъ!
Не кори жъ разлуку,
Не брани дорогу!
Вслѣдъ за долгой мукой
Счастья будетъ много:
Весело помчатся
Дни за днями дружбы,
Будутъ прерываться,
Лишь часами службы...
Прочь тогда печали,
Бури и невзгоды,
Чтобъ не разлучали
Въ будущіе годы!...
Вмѣстѣ мыкать горе,

Вмѣстѣ дѣлить радость—
Счастіе, какъ море,
Нѣжное, какъ младость...
Скуку мы забудемъ,
Вспомнимъ лишь въ забаву,
И любить мы будемъ
Другъ друга на славу...
Мнѣ, вѣдь, также тошно,
Тяжело и больно,—
Но коль невозможно
Ѣхать, то невольно
Свыкнешься съ судьбою,
Слюбишься съ неволей,
Стерпишься съ тоскою,
Совладаешь съ волей...
Ахъ, какъ былъ бы въ силѣ,
Такъ къ груди прижалъ бы
Я тебя, другъ милый,
Всю расцѣловалъ бы...
Потерпи жъ немного,
Малость, дорогая!
Кончится дорога:
Радость-то какая!..

1882 г.

39. Бездѣлье.

Порою тяжело такъ бываетъ,
Что весь ты словно какъ въ чаду;
Тоскливо сердце занываетъ,
Какъ бы предчувствуетъ бѣду..

Ахъ! нѣтъ мучительнѣй бездѣлья
Да празднои думы и мечты...
Не надо мнѣ забавъ, веселья
И всей житейской суеты.

О, дайте честный трудъ, упорный!
О немъ всю жизнь я хлопочу,
А бесполезно и позорно
Я время тратить не хочу.

1882 г.

40. Упадокъ духа.

Никогда не падай духомъ:
Нуженъ ты для всѣхъ людей;
Каждого считай ты другомъ
И люби душою всей!

Всѣ одно мы, всѣ духовно
Другъ для друга созданы
И поэтому любовно
Другъ для друга жить должны.

Духомъ падая, на время
Умерщвляешь духъ ты свой
И даешь одно лишь бремя
Человѣчеству собой...

Тяжко-ль жить тебѣ на свѣтѣ?—
Ближнимъ жизнь твоя важна,
И Спасителемъ на это
Людыамъ заповѣдь дана:

Каждый—братъ намъ, каждый—ближній;
Мы должны его любить,
Какъ самихъ себя, Всевышній
Насъ сумѣетъ наградить.

1882 г.

41. Мысли.

Мысли мои, мысли,
Мысли, мой дѣти!
Что мнѣ дѣлать съ вами
Бѣдному на свѣтѣ?

Васъ нужда родила,
Горе вспеленало,
А бѣда надъ вами
Плакала, рыдала...

Но не все же горе
И не все жъ ненастье...
Временемъ, бывало,
Улыбалось счастье.

А то что бы было
Съ вами, мои дѣти?
Вовсе бѣ затопила
Васъ бѣда на свѣтѣ...

Мысли мои, мысли,
Что мнѣ дѣлать съ вами?
Нѣтъ отъ васъ покоя:
Ходите волнами,

Какъ стрѣла летите,
Тучами несетесь,
Словно боръ шумите,
Вихремъ въ вихрѣ вьетесь.

Мысли жъ мои, мысли,
Что жъ мнѣ дѣлать съ вами?
Неужели кинуть
Васъ мнѣ сиротами?

Нѣтъ! умру—не кину,
Мысли, мои дѣти!
Вы мой умъ и сила
Вся отрада въ свѣтѣ.

1883 г.

42. 15 Мая 1883 года.

1.

Живи, живи, нашъ Царь державный,
На славу истиннаго Бога,
На славу Руси православной:
Ты намъ держава и помога!
Живи, вѣнчайся и сіяй!
Живи Ты много, много лѣтъ
И Русь ко счастью направляй
Средь тишины и средь побѣдъ!
О, предъ Тобою, Царь, открыта
Дорога къ счастью людей!
Внемли, услыши гласъ пита
И шествуй тверже и смѣлѣй!
Святая Русь къ Тебѣ взываетъ
Съ любовію въ своихъ очахъ,
Въ душѣ Тебя благословляетъ
И молить о Тебѣ въ церквахъ.
Раздумію теперь не время:
Работы много впереди.
Съ народа снято рабства бремя,—
Народный духъ Ты пробуди!
Дай слову полную свободу,
Наукъ развитію помогай
И право земское народу
Во всемъ его просторъ дай!
Блуди законъ и Свой, и Божій,
Христову вѣру укрѣпи,
Любовью къ Царскому подножью
Сердца людскія прилѣпи.

2.

Живи, вѣнчайся и сіяй
И Ты, о, Русская Царица,
И намъ Собой напоминай
Усопшую Императрицу!

Какъ и Она, сиротъ безродныхъ
Познаемъ, вѣрой просвѣщай!
Въ дѣлахъ общественныхъ, народныхъ
Царю сердечно помогай!
Тебя Россія возлюбила,
Твои велѣнья свято чтить;
Ты всѣхъ къ Себѣ расположила:
Твой взоръ любовію горитъ.

1883 г.

43. Константину Петровичу Побѣдоносцеву.

(По долгу службы).

Блюститель вѣры христіанской
И трона избранный слуга!
Судьба епархіи Рязанской
Тебѣ, конечно, дорога:
Возри на насъ ты милосердно,
Участьемъ насъ своимъ согрѣй
И посмотри, какъ мы усердно
Законныхъ держимся путей!
Епархіально управленье,
Епархіальный, мѣстный судъ
Закоренѣлое презрѣнье
Съ издавнихъ поръ отъ всѣхъ несутъ.
Сними съ нихъ это поношенье,
Заставь народъ ихъ полюбить!
У насъ достанетъ силъ и рвенья
Царю и церкви послужить.
Бѣжимъ неправды и хищенья,
Бѣжимъ пристрастія въ дѣлахъ;
Но дай въ трудѣ намъ облегченье
И милость въ царственныхъ очахъ,
Духовный судъ и управленье
Законныхъ требуютъ реформъ,
Во многомъ нужно пополненье
Или отмѣна прежнихъ нормъ.

Составъ чиновниковъ страдаетъ
Въ числѣ и качествѣ людей,
Но штатной суммы не хватаетъ
Имѣть составъ поразитѣй.
Церковный причтъ во многихъ селахъ
Почти по-нищенски живетъ;
Среди условій невеселыхъ
Онъ хлѣбъ насущный достаетъ.
Черезъ это пастырски-любовной
Приходъ въ немъ пищи не найдетъ
И жизни нравственно-духовной
Онъ прихожанамъ не пролетъ;
Необходимъ окладъ казенный
Или извѣстный сборъ съ мірянъ,
Чтобъ уничтожить незаконный
Поборъ за требы съ прихожанъ,
И тѣмъ поднять въ нихъ уваженье
Къ духовнымъ пастырямъ своимъ,
А въ сихъ послѣднихъ силу, рвенье
Ко храму, подвигамъ святымъ,
Дабы приходомъ благотворно
Своимъ могъ пастырь управлять,
Онъ долженъ честно и упорно
Себя духовно развивать,
А для сего библіотекой
Приходу надо завестись;
Недурно также и аптекой
На помощь бѣднымъ запасть;
Училищъ также, школъ церковныхъ
Побольше надо-бъ учреждать,
А въ нихъ учителей духовныхъ
Почаще надо-бы встрѣчать.
Но, впрочемъ, мало ли что надо:
Всего сказать нельзя заразъ;
Была бъ великая отрада,—
Хоть это-бъ завелось у насъ...
Блюстителъ вѣры христіанской

И трона избранный слуга!
Судьба епархіи Рязанской
Тебѣ, конечно, дорога:
Возри жъ на насъ ты милосердно,
Участьемъ насъ своимъ согрѣй
И посмотри, какъ мы усердно
Законныхъ держимся путей!

1883 г.

44. У т р о м ъ .

Свѣтаетъ... Скоро все проснется,
Поля и рѣчки оживутъ,
И вновь дубрава встрепенется,
И снова птички запоютъ...

Природа вѣчно молодая
Свой вѣчный пиръ возобновить...
Одна душа моя, страдая,
Сномъ безотраднымъ тяжкимъ спить...

И скоро ль то настанетъ время,
Когда пробудится она
И сброситъ жизни этой бремя,
Любви и благодати полна?...

1884 г.

45. П р о г у л к а .

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Паркомъ брожу я...
Прохладой и нѣгой
Меня охватило...
Радуетъ взоръ мой
И зелень деревьевъ,
И зелень травы...

Коверъ подо мною
Разостланъ зеленый;
Такой же раскинуть
Съ обѣихъ сторонъ...
Изумрудъ, малахиты
Разсыпаны всюду...
Рукою искусной
Художникъ чудесный
Роскошною кистью
Водилъ и творилъ...
И эта картина
Такъ полно и страстно
Земнымъ упоеньемъ
Ласкаетъ мой взоръ!...
Вверху жъ надо мною
Лазурь голубая
Опаломъ, топазомъ,
Бирюзой, аметистомъ,
Рубиномъ, коралломъ,
То въ свѣтло-прозрачныхъ,
То дымкой прикрытыхъ
Облачныхъ грядахъ
Мѣстами играетъ...
Художникъ великій
Картины иныя
Рисуетъ на ней...
И эти картины
Невольное чувство
Будятъ въ душѣ
И манятъ такъ сильно
Всмотрѣться въ нихъ глубже,
Что съ дивнымъ восторгомъ
Стремишься туда
И взоромъ, и чувствомъ,
Душою, и мыслью,
Отринувъ земное,

Желая извѣдать
Тотъ край довременный,
Гдѣ души безсмертные
Славу поютъ...

1884 г.

46. Къ Царю.

Отецъ и Царь, мнѣ данный Богомъ,
Къ Твоей взываю я любви!
Прости! виновенъ я во многомъ.
Вотъ преступленія мои:
Дерзнулъ я пѣсню простою
Воспѣть почившаго Царя;
Когда жъ надъ Русскою землею
Зардѣлась новая заря,
Въ своемъ восторгѣ пылкомъ, смѣломъ,
Всѣмъ существомъ своимъ любя,
Дерзнулъ въ стихѣ я неумѣломъ
Воспѣть Царицу и Тебя;
Служа отчизнѣ и престолу,
Законъ я свято охранялъ,
Неправдѣ, злу и произволу
Я развиваться не давалъ...
О, Государь самодержавный!
Я одного добра хотѣлъ,
Но оказался бой неравный:
Я пораженъ потерпѣлъ...
И вотъ теперь, вполнѣ лишенный
Возможности Тебѣ служить,
Тебя, колѣнопреклоненный,
Рѣшаюсь, Государь, молить:
Прости содѣянное мною,
По дивной благости Твоей,
И отзовися съ теплотою
Къ плачевной участи моей!

Другой ужъ годъ какъ я томлюся
Безъ настоящаго труда,
Къ чему я всей душой стремлюся,
Къ чему стремился я всегда.
О, Государь, о, Царь державный,
Дай мнѣ возможность послужить
Престолу и отчизнѣ славной,
За нихъ дай душу положить!
Вели, скажи одно лишь слово—
Ты благотворенъ и могучъ—
И я полезень буду снова,
И мнѣ прольется счастья лучъ!...

1884 г.

47. Грѣхопаденіе.

Творцомъ и Богомъ всемогущимъ
Адамъ поставленъ былъ царемъ
Надъ всѣмъ живущимъ и растущимъ
И былъ счастливъ въ раю земномъ.
Онъ славилъ Бога, умилялся
Премудрой благи Его,
Его твореньемъ восхищался,
Не находя ни одного
Въ немъ сроднаго себѣ созданья,
По духу равнаго ему,
Чтобъ гимны, славу, ликованье
Творцу свершало своему.
И вотъ Творецъ его всесильный
Рѣшилъ жену ему создать,
Чтобы душой любвеобильной
Могла его жизнь восполнять.
Когда, объятый сномъ глубокимъ,
Онъ безмятежно отдыхалъ,
Лежа подъ деревомъ высокимъ,
Ребро изъ тѣла его взялъ—

И изъ сего ребра Адама
Ему жену Онъ сотворилъ:
Явились два живые храма,—
И ихъ Господь благословилъ.
Увидѣвъ новое творенье,
Къ великой радости своей,
Адамъ нашелъ въ немъ проявленье
Своихъ же плоти и костей.
Въ любви и въ мирѣ, и въ блаженствѣ
Текла жизнь первыхъ человѣкъ,
И ихъ земному совершенству
Конца бы не было вовѣкъ:
Но падшій ангелъ, непокорный
Создавшему его Творцу,
Сгорая завистью тлетворной
Къ Его творенія вѣнцу,
Явившись въ образѣ змѣиномъ
Предъ очи Евы, говорилъ:
„Не правда-ль о плодѣ единомъ
Господь завѣтъ вамъ положилъ,
Чтобъ не вкушать его вовѣки,
Чтобы не знать добра и зла,
Доколѣ вы—лишь человѣки,
И не судить Его дѣла?
Все—вздоръ, питаяся соками
Сего запретнаго плода,
Вы сами будете богами
И не умрете никогда“...
Сказалъ и скрылся ада житель,
Въ смущеньѣ и нѣмой тоскѣ
Оставивъ Еву... Искуситель
Достигнулъ цѣли: ужъ въ рукѣ
Она запретный плодъ сжимаетъ;
Онъ жжетъ ей руку, но она
Къ устамъ невольно приближаетъ
Его и ѣстъ... Опьянена
Плодовъ губительной отравой

Къ Адаму радостно спѣшитъ
И рѣчью нѣжной и лукавой
Вкусить плодовъ ему велить.
Не устоявъ отъ искушенья,
Адамъ вкусилъ... Но вдругъ они,
Сознавъ великость преступленья,
Увидѣли грѣхи свои,—
И вотъ другъ друга устыдились
И, наготу свою прикрывъ,
Въ листьѣхъ деревьевъ притаились,
Заслышавъ Господа призывъ.
„Гдѣ ты, Адамъ?“ Господь зывалъ.
Стыдомъ и страхомъ удрученный,
Тотъ, наконецъ, предъ Нимъ предсталъ,
Повѣдалъ грѣхъ, имъ совершенный,
Одну лишь Еву обвиняя,
Что плодъ она ему дала,
А та, грѣха не сознавая,
Виновнымъ змѣя назвала.
Господь во гнѣвѣхъ справедливомъ
Сказалъ: „будь проклята земля,
Изъ коей, съ духомъ столь строптивымъ,
Вѣнецъ творенья создалъ я!“
Затѣмъ, ко змѣю обращаясь,
Изрекъ, что будетъ по землѣ
Вовѣкъ онъ ползати, пресмыкаясь,
Съ завѣтной мыслию о злѣ;
Адаму жъ хлѣбъ велѣлъ работою
Въ нуждѣ и скорби добывать,
А Евѣ, съ мукой и заботой,
Въ болѣзняхъ чадъ своихъ рождать;
Отъ нихъ безсмертіе отнялъ,
Изгнавъ ихъ изъ земного рая,
У коего архангелъ всталъ,
Мечомъ врата оберегая.

1884 г.

48. Братоубійство.

Когда на жертвоприношеньѣ
Несчастный Каинъ увидалъ,
Что Богъ его отвергнулъ жертву,
А жертву Авеля пріялъ,
То, сильной злобой воспылавши,
Отмстить онъ Авелю рѣшилъ
И, выйдя съ нимъ однажды въ поле,
Его безжалостно убилъ.
Господь всевѣдущій, явися
Убійцѣ, грозно спросилъ:
„Гдѣ братъ твой Авель?“, но убійца
Творцу предерзко возразилъ:
„Я не пастухъ ему“. Всесильный,
Во гнѣвѣ праведномъ своемъ,
Тогда проклялъ братоубійцу
Со всѣмъ потомствомъ и добромъ.
Когда же Каинъ окаянный
Во страхъ Господу сказалъ:
„О, Боже, первый встрѣчный нынѣ
Меня убьетъ!“. Онъ отвѣчалъ:
„Тебя страшиться будутъ люди
И вида твоего бѣжать“,
И наложилъ братоубійцѣ
На ликъ проклятiя печать.

1884 г.

49. Всемирный потопъ.

Потомство Сиѡово смѣшалось
Съ потомствомъ Каина. Одно
Семейство Ноя оставалось
Творцу Всевышнему вѣрно.
Всѣ люди Бога позабыли,
И воскуряли еиміамъ

Кумирамъ, и по скотски жили,
Служа пороку и грѣхамъ.
И вотъ однажды въ сновидѣннѣ
Гласъ Божій слышитъ старецъ Ной:
„Пошлю на мѣръ Я наводненье,
А ты ковчегъ себѣ устрой,
Войди въ него съ твоей семьей,
Со всѣмъ имуществомъ твоимъ,
Звѣрей и птицъ восьми съ собой,
Чтобы въ водѣ не сгибнуть имъ;
Я наведу потопъ на землю;
Живое все умретъ на ней,
Тебя жъ и все съ тобой изъемлю
Изъ бездны гибельной хлябей“.
И повелѣнне Ной исполнилъ:
Войдя въ ковчегъ со всей семьей,
Его всѣмъ нужнымъ онъ наполнилъ
И выходъ заперъ за собой.
И вдругъ все небо омрачилось
Громадою свищовыхъ тучъ;
Ихъ столкновенье разразилось
Дождемъ и громомъ; молнїй лучъ
Невыразимую картину
Собою ярко освѣщаль,
Какъ на высокую вершину
Карабкался народъ, стеналь,
Внизу жъ земля вся представляла
Собою море-океанъ;
Все смерть и адъ изображало;
Надъ всѣмъ висѣлъ густой туманъ.
Одинъ ковчегъ, водой подъятый,
Носился по волнамъ сѣдымъ
И, наконецъ, на Араратѣ
Остановился недвижимъ.
Дождь лился сорокъ дней подрядъ,
Да сорокъ дней вода стекала;
Ничто не радовало взглядъ:

Земля пустыню представляла...
Но вскорѣ блѣдная земля
Во всей красѣ опять явилась,
И Ноя вѣрная семья
Предъ Всемогущимъ преклонилась.

1884 г.

50. В е с н о й.

Весеннія ночи,
Весеннія грозы
Такъ радуютъ очи,
Сгоняютъ съ нихъ слезы!...
И днемъ золотистымъ,
И ночью серебристой
Я воздухомъ чистымъ,
Прохладой душистой
Дышу съ наслажденьемъ,
Но съ думой унылой,
Съ нѣмымъ сожалѣньемъ
О юности милой...
Весна моей жизни!
Блѣдна ты, не ярка,
Но, какъ и отчизну,
Люблю тебя жарко...
Природа младая
Цвѣтетъ многократно,
А ты, дорогая,
Прошла безвозвратно...
Да! знать, ужъ не сбыться
Моимъ упованьямъ...
Хотя бѣ насладиться
Чужимъ ликованьемъ...

1885 г.

51. Молитва.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Господи, Боже мой, Творче,
Подкрѣпи меня слабаго, Боже!
Немощенъ, сиръ и убогъ я,
Недуженъ, ничтоженъ.
Осѣни меня, Боже, десницей
Въ пучинѣ, съ которой борюсь я,
Не дай Ты мнѣ въ безднѣ погибнуть,
Дай выбраться въ тихую пристань!...
О, Господи, Боже, когда же
Наступитъ желанный разсвѣтъ,
Займетса заря новой жизни
И солнце весь міръ освѣтитъ?
Или не все, что довлѣло,
Исполнилось въ мірѣ земнсмъ,
И намъ приведется дожждаться
Болѣе дивныхъ чудесъ?...
Неужели, о, Боже всесильный,
Міръ этотъ жалкій, несчастный,
Понявъ міровые законы,
Забудетса больше, чѣмъ нынѣ?...
Иль онъ сознаетъ свое заблужденіе
И, очистясь огнемъ угрызений,
Омывшись водою слезъ покаянныхъ,
Узритъ во всемъ Твои волю и разумъ, —
И, наконецъ, въ умиленіи, въ восторгѣ
Вѣчную славу тебѣ воспоетъ?...

1886 г.

52. Предъ молитвой.

Я въ храмъ сиѣшу тревожный и недужный,
Спастись отъ духа злобы и сомнѣнья,
Найти покой для сердца нужный,
И слабой волѣ подкрѣпленье,

Забыть хотя на время все земное,
Душевымъ окомъ къ небу устремляясь
И, повторяя „трисвятое“,
Съ Творцомъ незримо съединяясь...
Вошелъ—и на сердце легко, отрадно стало,
Восторгъ блаженный охватилъ и мысль, и тѣло,
И немощь вся моя пропала,
И эта жизнь тревожная предстала,
Какъ трудное, но доброе, святое дѣло.
1886 г.

53. Д Ъ Т Я М Ъ.

I.

Ахъ! теперь бы въ полѣ,
Безъ заботъ, на волѣ,
Повалиться въ травкѣ—
Зеленой муравкѣ,
Прогуляться нивой—
Тучной и красивой.
Посрывать цвѣточковъ—
Синихъ василечковъ,
Иль, среди лѣсочка,
Сѣсть у ручеечка,
Птичекъ наблюдая,
Сердцемъ отдыхая,
Свѣтлыхъ струй напитокъ—
Ими освѣжиться,
И, набравъ грибочковъ,
Ягодъ и цвѣточковъ,
Съ ношею тяжелой,
Но съ душой веселой,
Въ домъ придти неспѣшно
И заснуть безгрѣшно!

Какъ пріятно лѣтомъ въ полѣ,
 Далеко отъ шуму,
 Погулять на полной волѣ,
 Углубясь въ думу,
 Освѣжась потомъ съ отрадой
 Въ ручейкѣ студеномъ,
 Подышать лѣсной прохладой
 На лугу зеленомъ
 И, заслушавшися хора
 Птичекъ поднебесныхъ,
 Подремать среди простора
 И картинъ чудесныхъ.

1886 г.

54. В е ч е р ь.

Заря пурпурная горитъ
 И взоръ невольно веселитъ;
 Надъ ней, какъ будто бы каймою,
 Нависла туча полосою,
 Принявши темно-синій цвѣтъ;
 А тамъ ужъ льется лунный свѣтъ;
 Какъ бы роскошными цвѣтами,
 Усѣявъ небо облачками,
 Струится тихій вѣтерокъ
 Навстрѣчу солнцу на востокъ;
 Ручей, кустарникъ, и долина,
 И лѣсъ, и горная вершина
 Картинъ цѣльность придають
 И съ нею дышуть и живутъ.

1886 г.

55. Поздней осенью.

Брожу по столицѣ я въ пасмурный день,
Въ туманъ погруженной, какъ призракъ, какъ тѣнь.
Едва разглядишь очертанья домовъ,
Церквей, монументовъ, каналовъ, мостовъ...

И слякоть, и грязь подъ ногами скользить,
А дождь надъ столицей, какъ сѣтка, висить...
Сѣро и невзрачно, уныло все въ ней;
Ничто въ ней не радуеть взора очей...

Роскошныя зданья теряють свой видъ...
Нева межъ гранитовъ угрюмо бѣжитъ...
Тоскливо на сердцѣ... скорѣй бы бѣжать
И временно связь со столицей прервать...

1886 г.

56. Содомъ и Гоморра.

Веселится злосчастный Содомъ,
Вмѣстѣ съ нимъ и Гоморра пируеть;
Что ни хижина въ нихъ, что ни домъ,
То развратъ, беззаконье ликуеть.
А въ то время идетъ разговоръ
У Отца Иеговы съ Авраамомъ
Про великій сихъ градовъ позоръ,
Человѣчество кроющій срамомъ.
И пытается старецъ смягчить
Справедливый гнѣвъ Божій мольбами;
Проситъ онъ города пощадить
Ради праведныхъ душъ съ ихъ семьями.
И Творецъ милосердый готовъ
Отвести кару грознаго рока,
Если онъ среди сихъ городовъ
Десять душъ лишъ начтетъ безъ порока.

Но, къ несчастію грѣшныхъ людей,
Таковыхъ не нашлось между ними...
Только Лотъ со семьею своею
Пощаженъ небесами святыми.
Вотъ въ назначенный часъ его домъ
Посѣщаютъ два гостя чудесныхъ;
Объявляя, что грады Содомъ
И Гоморра ждуть казней небесныхъ,
Изъ предѣловъ несчастныхъ велятъ
Имъ немедля бѣжать всей семьею
И чтобъ взоровъ не смѣли назадъ
Обращать подъ угрозой большою.
Всѣ спаслись, исключая жены;
Лишь она оглянуться рѣшилась
По совѣту врага-сатаны,
Какъ вдругъ въ столбъ соляной превратилась!
А Содомъ и Гоморра въ тотъ мигъ
Ужъ терпѣли свой жребій несчастный.
Какъ ихъ грѣхъ былъ сугубъ и великъ,
То и гнѣвъ Іеговы былъ ужасный.
Вседержитель явилъ чудеса,
Каковыхъ не бывало дотолѣ:
Вдругъ разверзлись вокругъ небеса,
Посылая дождь огненный долу...
И земля всколебалась тогда;
Въ ней бездонная пропасть открылась...
Обращенные въ пепелъ города
Въ эту пропасть на вѣки сокрылись...
Съ той поры въ этомъ мѣстѣ грѣха
Лишь колышется Мертвое море,
И вода его также горька,
Какъ велико тутъ бывшее горе.

1886 г.

57. Египетскія казни.

Непосильную тягость снося,
Изнывалъ народъ Божій въ неволѣ;
Обратился онъ къ Богу, прося
Не оставить его въ горькой долѣ.
И Творецъ не отринуть мольбы,
Утверждая народъ свой въ надеждѣ
На возвратъ благодатной судьбы,
Обѣтованной праотцамъ прежде;
Избираетъ двухъ братьевъ святыхъ
И велитъ имъ творить Его волю,
Извели чтобы ближнихъ своихъ
Изъ-подъ ига на лучшую долю.
Прозывался одинъ Моисей,
Былъ отъ юности косноязыченъ;
Родомъ былъ онъ безвѣстный Еврей
И къ великимъ дѣламъ непривыченъ.
Но, укрывши отъ мести отца
Чуднымъ образомъ, дочь Фараона
Воспитала его средь дворца...
Съ нимъ и брата его Аарона
На служенье Себѣ призвалъ Богъ
И священникомъ первымъ поставилъ;
Чудесамъ научивши, въ залогъ
Моисея онъ къ дѣлу отправилъ.
И великія началъ дѣла
Совершать вдругъ Еврей—рабъ ничтожный,
И молва по Египту пошла;
Фараонъ содрогнулся безбожный...
Моисея онъ зрѣть захотѣлъ;
Пораженный его чудесами,
Магамъ то же творить повелѣлъ,
Но они лишь дивилися сами.
И потребовалъ тутъ Моисей
Для народа Еврейскаго льготы,
Чтобъ свободенъ былъ каждый Еврей

Отъ ярма и тяжелой работы.
Устрашенный тогда Фараонъ,
Подъ угрозою казни Господней,
Объщаль Моисею законъ,
Что народъ его будетъ свободный,
Что права ему будутъ даны
Наравнѣ съ остальнымъ населеньемъ,
И на выходъ его изъ страны
Обязался своимъ разрѣшеньемъ.
Дни за днями бѣгутъ чередой...
Не смягчается участь Евреевъ;
Царь Египта забыль обѣтъ свой;
Онъ забыль гласъ и гнѣвъ Моисеевъ.
О, несчастный Египеть! страна,
Не познавшая Бога живого!
Ты, богата, обширна, сильна,
Но и казнь твоя страшно-сурова.
Содрагается муза воспѣтъ
Горе, вопли, и стонъ, и невзгоды,
Что должна была ты претерпѣтъ—
Въ тѣ ужасные, грозные годы!...
Десять бѣдствій тебѣ привелось
Воспріять отъ небесъ раздраженныхъ:
Десять разъ Фараону пришлось
Соглашаться на отпускъ плѣнныхъ.
Вся вода обращается въ кровь
Мановеньемъ жезла Аарона.
Убѣждаетъ съ угрозами вновь
Его братъ Моисей Фараона.
Прекратилась казнь, и опять
Дни за днями идутъ чередою;
Продолжаютъ Евреи страдать
Подъ жестокой Египтянъ рукою...
На озера и рѣки опять
Посохъ свой Ааронъ простираетъ,
И изъ нихъ тотъ же часъ выползаетъ
Съ шумомъ множество жабъ начинается...

Къ Моисею тогда Фараонъ
Обращается въ страхъ съ мольбою,
И Евреевъ скорѣй просить онъ
Изъ Египта увести за собою...
Жабы скрылись; попрежнему вновь
Египтяне живутъ, веселятся;
Также льется безвинная кровь,
И Евреи въ неволѣ томятся.
Насылаетъ Господь Саваоѣ
На страну мошекъ цѣлыя бездны;
Царь Египта исполнить готовъ
Вновь обѣтъ свой давнишній, извѣстный...
Мошекъ нѣтъ, и обычной чредой
Дни за днями вослѣдъ протекаютъ;
Фараонъ позабылъ обѣтъ свой,
И Евреи въ ярмѣ изнываютъ...
Песьи мухи, отколь ни возмись,
На людей и на скотъ налетаютъ,
По Египту всему развелись,
Боль и муки вездѣ причиняютъ.
Фараонъ призываетъ опять
Моисея, посланника Бога,
И велить поскорѣе собирать
Всѣхъ Евреевъ съ собою въ дорогу.
Сталъ свободенъ Египетъ отъ мухъ...
Снова Царь свой обѣтъ забываетъ;
Обуялъ его вновь злобный духъ,
И Евреевъ онъ вновь не пускаетъ.
Вотъ на весь на египетскій скотъ
Посылаетъ Богъ язву коровью,
И Египетъ въ тоскѣ вопиетъ,
Покрываяся смрадомъ и кровью,
Царь опять Моисея зоветъ
И смягчить Божій гнѣвъ умоляетъ,
Снова тотъ же обѣтъ онъ даетъ,
Но потомъ его вновь забываетъ.
Новой казнью Египетъ сраженъ—

Воспаленіемъ страшнымъ съ нарывомъ;
Содрогаются царь Фараонъ
Въ своемъ сердцѣ, столь дерзкомъ, стропти-
вомъ,

Вновь обѣтъ Моисею даетъ,
Вновь Еврейскій народъ отпускаетъ,
Вновь виновнымъ себя признаетъ,
О пощадѣ онъ вновь умоляетъ.
Миновался ужасный недугъ
По молитвѣ пророка святого;
Вновь царя обуялъ злобный духъ:
Не исполнилъ онъ даннаго слова.
Вотъ съ небесъ посылается градъ
Небывалыхъ дотолѣ размѣровъ;
Производитъ и смерть онъ, и гладъ
У Египтянъ—слѣпыхъ изувѣровъ.
Фараонъ Моисея зоветъ
И народъ отпустить съ нимъ желаетъ.
Казнь исчезла; Еврейскій народъ,
Какъ и прежде, въ ярмѣ изнываетъ.
Вдругъ съ небесъ саранча снизошла
И, Египетъ покрывъ плодородный,
Что отъ града спаслось, пожрала...
Возсталъ весь Египетъ голодный.
Вслѣдъ затѣмъ непроглядною тьмой
Весь Египетъ Господь покрываетъ,
А за нею послѣдней бѣдой,
Всѣхъ ужаснѣй, его поражаетъ.
Ангель смерти проходитъ страной,
Первородное все умерщвляетъ...
Лишь въ Кесемѣ Еврейскомъ покой,
Лишь народъ Божій горя не знаетъ.
Но не въ пиршествахъ и не во снѣ
Это время Евреи проводятъ,—
На молитвѣ стоятъ въ тишинѣ:
Всю ночь жертвы у нихъ происходятъ;
Въ путь далекій они собрались

И толпою Кесемъ покидаютъ;
Египтяне вослѣдъ погнались,
Ихъ близъ моря они настигаютъ.
Предъ глазами ихъ море шумить,
Устрашая своими волнами;
Позади, угрожая, стоитъ
Царь Египта съ своими войсками.
Гибель страшная ждетъ бѣглецовъ,
И спасенья имъ нѣтъ ни отколѣ...
Не оставитъ Господь Саваоѣ
Въ безысходной, жестокой ихъ долѣ.
Вотъ молитву творить Моисей,
И жезломъ по водѣ ударяетъ
Братъ его Ааронъ; тотчасъ съ ней
Чудо Богъ Саваоѣ совершаетъ.
Разступается съ шумомъ вода,
По бокамъ двѣ стѣны образуя,
Дно морское открывъ и туда
Путь Еврейскимъ сынамъ указуя.
И ко берегу другому толпой
Всѣ Евреи спѣшатъ, а за ними
Царь, охваченный злобой слѣпой,
Мчится быстро съ войсками своими.
Вотъ Евреи вступаютъ на берегъ,
Избавляясь мечей Фараона;
Моисей хвалу Богу изрекъ;
Мановеньемъ жезла Аарона
Съ шумомъ вдругъ ниспадаетъ вода,
Покрывая Египтянъ собою...
И воспѣли Евреи тогда
Благость Божію пѣсню святою:
„Сколь Господь и премудръ, и великъ!
Человѣку ль предъ Нимъ возноситься?
Намъ даны и сердца, и языкъ,
Чтобъ Творцу, славословя, молиться“.

1886 г.

Надоѣли ужъ слякоть и грязь...
 Наконецъ и зима настаетъ!
 Выхожу безъ зонта, не боясь,
 Что дождемъ до костей проберегъ.
 И пора! Рождество на дворѣ...
 Какъ пріятно на санкахъ катить
 Въ нашемъ русскомъ сѣдомъ Декабрѣ,
 Кровь и тѣло морозцемъ бодрить...
 Бѣлой скатертью путь мой лежитъ;
 Какъ кристаллы, снѣжинки блестятъ;
 Крѣпкій снѣгъ подъ санями хруститъ,
 И полозья скрипятъ и визжатъ...
 Вонь деревья, красуясь, стоятъ,
 Въ прихотливый одѣты уборъ,
 И дома какъ то ново глядятъ,
 И на окнахъ алмазный узоръ...
 Тихо, ясно... и даже рѣка,
 Бушевавшая грозно вчера,
 Стала вдругъ и смирна, и гладка,
 Засверкавъ бѣлизной серебра...
 Бьется русское сердце сильнѣй,
 Упиваясь родимой зимой,
 Да и дышется какъ то вольнѣй
 Освѣженной воздушной струей...
 Дай же, Боже, чтобъ снѣгъ устоялъ,
 Чтобъ морозецъ покрѣпче хватилъ,
 Чтобъ румянецъ на старцевъ нагналъ,
 Чтобъ подольше дѣтей веселилъ!...
 А поля какъ зимой хороши!...
 Это нашъ неизвѣданный рай:
 Тутъ и отдыхъ усталой души,
 Здѣсь надежда ея—урожай...
 Боже, дай же покрѣпче морозъ

И пошли намъ зиму подлиннѣй!
А весною попросимъ мы грозъ,
Среди лѣта попросимъ дождей...

1886 г.

59. Д у м а.

Слава Богу! нѣтъ въ сердцѣ тревоги;
Мою душу объемлетъ покой,
Словно средь невеселой дороги
По проселку суровой зимой.

Хоть не радуютъ взора предметы
И на нихъ неудобно смотрѣть
Сквозь обмерзлыя стекла кареты,
Но пріятно проселкомъ летѣть.

Убаюканный пѣснью лихою
И гоньбой ямщика-удальца,
Отдыхаешь на время душою.
Не желая дорогѣ конца...

Точно также теперь я настроенъ;
Отдалясь отъ былой суеты,
Въ настоящемъ я странно спокоенъ,
А о будущемъ нѣтъ и мечты.

Да и что волновать меня можетъ
Въ этой жизни ничтожной, земной,
Когда все, что иныхъ въ ней тревожитъ,
Я зову лишь пустой суетой?

Радость, горе, удачи, невзгоды
Лишь случайности въ жизни однѣ,
И пройдутъ лишь немногіе годы—
Станутъ призракомъ смутнымъ онѣ...

Не манятъ меня почести свѣта;
Мнѣ и слава толпы не нужна;

Мнѣ не надо людского привѣта,
И людей непріязнь не страшна.

Я богатства искать не намѣренъ;
Объ утратахъ не стоитъ скорбѣть;
Въ своемъ сердцѣ вполнѣ я увѣренъ;
Я умѣю любить и терпѣть.

Это—первая въ жизни отрада;
Это—лучшая жизни краса;
Въ этомъ—высшая наша награда,
Что даютъ на землѣ небеса.

1886 г.

60. М о р о з ъ.

Наконецъ, и зимы дождались!
Милый другъ мой, скорѣй улыбнись,
И пойдемъ на морозцѣ гулять,
Чтобъ осеннюю скуку прогнать!

Не жалѣй нѣжныхъ щечекъ твоихъ!
Пусть появятся розы на нихъ,
И зардѣетъ коралль на устахъ,
Заискрятся алмазы въ бровяхъ!

Вмигъ разсѣется скука твоя;
Ей тебя не отдамъ больше я...
Заживемъ мы безъ бурь и безъ грозъ,
Вспоминая съ любовью морозъ.

1886 г.

61. Н а м о р о з ѣ.

Славно катилъ я на санкахъ сегодня!...
Русскій задался морозецъ, лихой,
Уши и носъ пощипалъ мнѣ порядкомъ,
Бороду сдѣлалъ сѣдой...

Какъ-то живѣй и бодрѣй несравненно
Въ холодъ становится тѣло мое;
Какъ-то милѣй и отраднѣй зимою
Сердцу становится все...

Некогда думать угрюмыя думы
И расплываться въ бесплодныхъ мечтахъ:
Надо теплѣе заворачивать шубу,
Надо пещись объ ушахъ...

Воздухъ прекрасный—и свѣжій, и чистый;
Хоть въ немъ и нѣтъ аромата цвѣтовъ,
Нѣтъ за то смрада, ни пыли, ни зноя,
Нѣтъ за то мухъ, комаровъ.

Если бъ погода стояла подольше
Ясная, тихая, какъ вотъ сейчасъ,
Можно бы было гулять, не бояся
Всякихъ болѣзней, заразы.

1887 г.

62. Д у м а.

Дивно твореніе Божье во всемъ;
Все въ немъ имѣетъ свое назначенье;
Все въ должной мѣрѣ и степени въ немъ
Служить Создателю на прославленье.
Крошка букашка, простая былинка
Жизнью особой своею живетъ;
Волось ничтожный, пустая пылинка
Безъ воли Божіей не пропадетъ.
Лѣто и осень, зима и весна
Слѣдуютъ вѣчной чредой не напрасно;
Солнце и звѣзды, земля и луна
Путь свой свершаютъ такъ стройно, прекрасно.
Странники вѣчные—птицы, летая,
Всюду Творцу славословье поютъ;

Звѣри и рыбы, и вся тварь земная,
Всѣ по законамъ, Имъ даннымъ, живутъ.
Почва и климатъ, огонь и вода,
Воздухъ и грозы, вѣтры и туманы,
Все во вселенной, вездѣ и всегда
Лишь выполняетъ Превѣчнаго планы,
Самъ человѣкъ и душою, и тѣломъ
Вѣчнымъ началамъ Творца подчиненъ,
Каждымъ желаньемъ, и словомъ, и дѣломъ
Онъ выполняетъ лишь тайный законъ.
Какъ же назвать тѣхъ безумныхъ слѣпцовъ,
Что отрицаютъ Духовную Силу
И, отвергая преданья отцовъ,
Мыслятъ предѣломъ всего лишь могилу?
Нѣтъ, благодарный и полный смиренья,
Съ твердой надеждой на благость Творца,
Вѣрую я въ непреложность спасенья,
Вѣрую въ вѣчную жизнь безъ конца.

1887 г.

63. Д у м а.

Снова мысли просвѣтлѣли
И я духомъ ожилъ вновь...
Всѣ невзгоды пролетѣли,
Какъ погибшая любовь...
Нѣтъ, дана мнѣ не напрасно
Въ сердцѣ искра Божества...
Во вселенной все прекрасно
Отъ души до вещества.
Дивна жизнь всего земного:
Въ ней сокрытъ глубокий смыслъ,
И для творчества святого
Нѣтъ ни времени, ни числъ.
Не постигнуть намъ во вѣки
Основныхъ его началъ,

И пока мы—человѣки,
Онъ для насъ лишь идеаль.
Но разумному созданью
Много благъ и силъ дано,
И его самопознанью
Завершиться суждено.
Будетъ вѣчное блаженство
И для всѣхъ, и для всего,
Будетъ міра совершенство,
Будетъ духа торжество.

1887 г.

64. О с е н ь ю.

Желтѣютъ деревья, желтѣетъ трава;
Природы краса увядаетъ...
Но съ грустью не никнетъ моя голова,
И душу восторгъ наполняетъ.
Сдается, природа устала сіять,
Блестать средь роскошнаго пира
И вновь начинаетъ всѣмъ сердцемъ желать
Отрадныхъ покоя и мира...
И, кажется, сонъ ей прохладный такъ милъ
Подъ влажною скатертью снѣжной...
Онъ свѣжихъ придастъ ей, живительныхъ
силъ,
Чтобъ стать вновь и юной, и нѣжной.
И мнѣ этотъ отдыхъ природы знакомъ:
Частицу ея составляю;
Объятый ея отрезвляющимъ сномъ,
Я нѣгу и страсть забываю...
И съ нею живу я надеждой одной,
Проникнуть желаньемъ суровымъ,
И сердце мое обрѣтаетъ покой
Подъ хладнымъ разсудка покровомъ.

1887 г.

65. Н е н а с т ь е.

Свинцовыя тучи родимую землю,
Какъ мрачныя думы мой умъ, полонятъ...
Въ порывахъ стремительныхъ хладнаго вихря
Деревья, какъ сироты, стонуть, дрожать...

Невольно въ умѣ моемъ мысли рождаются:
Природѣ, какъ мнѣ, иногда нелегко;
Какъ я, и она не всегда улыбается,
Порою страдаетъ, какъ я, глубоко...

И въ эти минуты болѣю я сердцемъ
Не столь за свое единичное я...
Я чувствую стоны подлуннаго міра,
Я внемлю страданье всего бытія...

1887 г.

66. Экспромтъ.

Прелестный день!... и солнце грѣтъ,
И вѣтерокъ прохладный вѣтъ,
И дождикъ жемчугомъ сребрится,
И небо словно веселится...

И дышется легко, отрадно,
И жизни хочется такъ жадно,
И умереть въ такое время—
Лишь сбросить сладостное бремя.

1887 г.

67. В ё д р о.

Прохладно... нѣтъ вѣтра... и воздухъ сухой...
И чистое небо сквозить синевою...
И солнышко грѣтъ, лучами играя,
Какъ будто къ веселію все поощряя...

Чудесное время!... оно благодатно
Вліяеть на душу и сердце мои...
И хочется жизни, борьбы необъятной...
И полонъ я вѣры, надежды, любви...

И какъ-то невольно мнѣ мнится,
Что все вокругъ меня веселится,
Что даже послѣдній злодѣй
Смягчается въ думѣ своей.

1887 г.

68. С О В Ѣ Т Ъ .

Не унывай, не падай духомъ
И изъ себя не выходи,
Будь терпѣливъ съ твоимъ недугомъ:
Какъ будто нѣтъ его—гляди!

Своихъ страданій не изгонишь
Ты вздохомъ, воплемъ и слезой,
И сердце ими ты не тронешь
Богини хладной и слѣпой ¹⁾.

Но лишь страданья усугубишь
И силы надорвешь въ себѣ
И окончательно загубишь
Таланты, данные тебѣ.

1887 г.

69. А. Н. Майкову.

(На 30 Апрѣля 1888 г. ²⁾).

Маститый, вѣрный жрецъ
Поэзіи священной!
Ты лавровый вѣнецъ
Стяжалъ себѣ нетлѣнный.

¹⁾ Фортуны—богини счастья.

²⁾ День празднованія 50-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности А. Н. Майкова.

На лирѣ намъ вѣщаль
Ты мысли, чувства, грезы,
Въ насъ пѣсню вызываль
Восторженные слезы.
Не прихотью пустой,
Не ремесломъ доходнымъ,
Но силою живой,
Призваніемъ свободнымъ
Былъ для тебя твой даръ,
Твой огонь души волшебный,
Божественный твой жаръ,
Живительный, цѣлебный...
Полвѣка ты плѣнялъ
Насъ лирою сердечной...
О! ты насъ обязаль
Признательностью вѣчной.
Прими же, нашъ пѣвецъ,
Сей слабый знакъ привѣта
Отъ жаждущихъ сердецъ
Любви, добра и свѣта!

Подъ перомъ твоимъ магическимъ
Вся природа оживала,
Твоимъ грезамъ поэтическимъ
Въ упоеньи Русь внимала.

Твоя лира вдохновенная
Насъ къ любви располагала
И желанье дерзновенное
Въ сердцахъ мирно усыпляла.

Даже тѣ, что такъ старались
Умалить стиха значенье,
Твоей пѣсню восторгались,
Приходили въ умиленье.

Эта пѣснь твоя могучая
Въ глубь души намъ западала.
Страсть горячая, кипучая
Временами въ ней дышала.

То разуміе глубокое
Въ ней порою выражалось,
То сознаніе высокое
Цѣлей жизни проявлялось.

Ни унынья безысходнаго
Съ малодушными слезами,
Ни сомнѣнія бесплоднаго
Въ ней не слышалось нами.

Какъ живая, представляется
Та картина, гдѣ малюткой
Вѣсть свободы возвѣщается
Средь толпы, къ свободѣ чуткой...

Какъ живой, ты самъ являешься,
Какъ въ восторгѣ вдохновенья
Съ просьбой къ Богу обращаешься
Ты о нивѣ просвѣщенья...

Сколько правды поэтической
Ты вложилъ въ свои „Два міра“!..
Силой тайною, магической
Обладаетъ твоя лира!..

Ты на славу не рассчитывалъ...
Пѣснь звучала на свободѣ...
Такъ полвѣка ты воспитывалъ
Чувства добрыя въ народѣ!..

За святое, безупречное
Для отечества служенье
Говоримъ тебѣ сердечное
Мы спасибо въ умиленьи.

Вмѣстѣ съ нами повторяется
Всею Русью это слово;
Вся Россія дожидается
Чудныхъ пѣсенъ твоихъ снова.

1888 г.

70. Гимнъ археологовъ.

Пусть живетъ археологія
Вѣки долгіе и многіе!...
Пусть живетъ нашъ институтъ!
Его силы пусть растутъ!...
Молодые поколѣнія,
Среди пыли, среди тлѣнія,
Рвенья къ истинѣ полны,
Нашей милой старины
Пополняютъ пусть исторію,
Строя точную теорію!...
Пусть живутъ профессора!
Имъ сердечное „ура“!
Они придали намъ ревности
Къ изученію темной древности...
Славенъ будь и тотъ во вѣкъ
Незабвенный человекъ ¹⁾,
Чьимъ почину и стараніямъ
Мы обязаны тѣмъ знаніемъ,
Что основа есть всему!
Слава вѣчная ему!...
Трудъ нашъ былъ необязателенъ,
Но свободенъ и сознателенъ.
Пусть же будетъ этотъ часъ
Только отдыхомъ для насъ!
Съ новой силой, съ новымъ рвеніемъ
Мы займемся изученіемъ
Быта, мыслей и трудовъ
Нашихъ предковъ и отцовъ.
Между нами, безъ сомнѣнія,
Будетъ тѣсное общеніе,
Въ знакъ котораго пора
Вскликнуть дружное „ура“!.

1888 г.

¹⁾ Н. В. Калачовъ.

71. Р о д и н а.

Родные лѣса, родныя поля,
Вы вѣчно отрадны и сердцу, и взору!
Я вновь предъ тобою, родная земля,
Я вновь поднимаюсь въ знакомую гору...
Ни пышность дворцовъ, ни роскошь палатъ
Не могутъ сравняться съ твоей красотою:
Я даль бы за эти просторъ и нарядъ
Всю жизнь городскую съ ея суетою.
Не ты ли во снѣ, не ты ль наяву
Такъ часто являлася мнѣ, какъ живая?
И вотъ предъ тобой, преклонивши главу,
Стою удрученный, обитель святая!
Ты также свѣжа, ты также мила,
И прежнее дышетъ въ тебѣ обаянье;
Во мнѣ жъ буря жизни давно погребла
И юности цвѣтъ, и отвагу желанья...
О, если бъ опять тебя мнѣ обнять
И слиться навѣки и тѣсно съ тобою!
Быть можетъ, тогда бъ моей скорби печать
Изгладилась нѣжной природы рукою.
Прими же меня, родная земля,
Хотя ненадолго подъ кровъ свой родимый!
Родные лѣса, родныя поля,
Смягчите мой духъ, суетою томимый!

1888 г.

72. 17 Октября 1888 года.

О, чудо дивное!... Россія,
Оставь скорѣй дѣла мірскія,
Творцу Всевышнему молись,
Ликуй и сердцемъ веселись!

Творца незримою рукою
Твой Царь спасенъ со всей семьею;
Со всей семьею невредимъ:
Отъ смерти Богомъ Онъ хранимъ...

Колокола церковей, звоните,
Скорѣ Русь оповѣстите,
Что чудомъ Царь ея спасенъ
И выше всѣхъ превознесенъ,

Что, презирая всѣ лишенья,
Царь и Царица, сокрушенья
Не въ силахъ бывши превозмочь,
Спѣшили страждущимъ помочь...

О, какъ счастлива та держава,
Какъ велики и честь и слава
Страны той сильной, молодой,
Гдѣ вождь рождается такой!

73. Ж е л а н і е.

Такъ жадно, такъ страстно мнѣ хочется пѣть
И въ пѣсняхъ излить всѣ стремленья души,
Въ край свѣтлый и чудный мечтой залетѣть

И тамъ отдохнуть средь тиши,—

Отъ всякихъ житейскихъ волненій и битвъ,

Душой отстранившись больной,

На лонѣ природы, средь сладкихъ молитвъ,

Обрѣсть благодатный покой...

Такъ чуждо, такъ странно звучать для меня

И шуточки людскія, и смѣхъ;

Такъ лживы, примѣтилъ я, братья, друзья,

Такъ тяжело на сердце у всѣхъ...

Усталъ я бороться съ людьми и съ судьбой,

Не въ силахъ влачить я мой жизненный крестъ...

Такъ страстно хотѣлось бы жизни иной,
Иныхъ и явленій, и мѣстъ,
Въ томъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни нужды,
Гдѣ люди слезъ горькихъ не льютъ,
Гдѣ нѣтъ между ними борьбы и вражды,
Гдѣ люди по братски живутъ...
1888 г.

74. Н. Г. Д—му.

I.

По прочтеніи стихотверенія „Каинъ“.

Я не бывалъ отцомъ, не знаю,
Каковъ бы къ дѣтямъ былъ своимъ,
Но мнѣ казалось, что страдаю
Я вмѣстѣ съ праотцемъ моимъ.
Я изнывалъ, я восторгался
И съ нимъ, и съ первою женой:
То Вышней Воли покорялся,
То проклиналъ я жребій свой...
Любовь къ Творцу, любовь къ потомству,
Какъ въ нихъ, боролися во мнѣ;
Съ плодомъ познанія знакомству
Тогда я не былъ радъ вполнѣ...
Я не бывалъ убійцей въ жизни,
Но мнѣ казалось, что убилъ,
Позоромъ вѣчной укоризны
Себя предъ міромъ заклеимилъ...
Я-жъ былъ и жертвой убіенья—
О братъ Господа молилъ,
И безъ лукавства и сомнѣнья
Я жертву Богу приносилъ...
И даже демонъ-искуситель
На мигъ нашелъ пріютъ во мнѣ:
Какъ онъ несчастенъ, тьмы властитель,

Тогда я чувствовалъ вполнѣ...
Я плакалъ, умилялся, спорилъ,
Я возставалъ, негодовалъ,
Я гимну ангельскому вторилъ,
Творца за все благословлялъ.

2.

По прочтеніи стихотворенія „Поэту“.

Подъ впечатлѣніемъ глубокимъ
Идей чарующихъ твоихъ.
И я проникнулся высокимъ
Значеніемъ чувствъ и думъ своихъ.
Какой-то силой благодатной,
Какъ міръ, какъ разумъ, необъятной,
Ты овладѣлъ душой моею—
Призывной пѣснею твоею.
У насъ житейскія дороги,
Пути далеко не одни,
За то духовныя тревоги
И побужденія сродни.
Своею пѣснью, обращенной
Къ себѣ, поэту красоты,
Добра и истины врожденной,
Такъ дорогъ, близокъ сталъ мнѣ ты,
Что нѣтъ ни силъ, ни правъ, ни воли
Порывы сердца удержать.
И, несмотря на наши доли,
Тебѣ отзыва не подать.
Такъ пусть сей искренній привѣтъ
Тебѣ, возлюбленный поэтъ,
Идетъ отъ меньшаго собрата,
Какъ дань законная, какъ плата!

1889 г.

14-го Мая 1889 года.

Немного разъ лишь обратилась
Земля вокругъ солнца своего
Съ тѣхъ поръ, какъ мысль осуществилась,
Мысль патріота одного ¹⁾.
Влекомый жаждою познанья
Былыхъ судебъ родной страны,
Сумѣлъ привлечь онъ дарованья
Къ раскрытью темной старины,
И для успѣха изученья,
Горя стремленіемъ благимъ,
Онъ основалъ то учрежденье,
Чью годовщину нынѣ чтимъ.
Да! лѣтъ немного миновалось,
А какъ нашъ институтъ возросъ,
Какъ быстро дѣло развивалось,
Какъ много пользы онъ принесъ!
Давъ жизнь комиссіямъ архивнымъ
Въ провинціальныхъ городахъ,
Онъ помогаль съ успѣхомъ дивнымъ
Во всѣхъ важнѣйшихъ ихъ дѣлахъ.
Въ немъ лучшія стеклися силы
Всѣхъ историческихъ наукъ;
Для нихъ не страшень прахъ могилы,
Ни заступа о кости звукъ;
Старинныхъ груды фоліантовъ,
Полуистлѣвшихъ актовъ складъ
Для нихъ дороже брилліантовъ,
Дороже славы и наградъ.
И съ каждымъ годомъ прибываетъ
Рядъ безкорыстныхъ силъ борцовъ.
Ихъ институтъ нашъ созываетъ
Со всѣхъ отечества концовъ.
Уже изъ нѣдръ своихъ не мало

¹⁾ Н. В. Калачова.

Онъ даровитыхъ силъ создалъ...
 Какъ онъ блистательно начало
 Свое на дѣлѣ оправдалъ!...
 Ударъ несказанный недавно
 Онъ въ жизни испыталъ своей,
 Когда его создатель славный
 Ушелъ отъ всѣхъ земныхъ скорбей.
 Поникли головы и руки
 У всѣхъ въ безсиліи... Но вотъ
 Въ осиротѣлый храмъ науки
 Вступаетъ новый патріотъ ¹⁾
 И, твердо взявъ бразды правленья,
 Идя съ энергіей впередъ,
 Для молодого учрежденья
 Оплотъ и славу создаетъ.
 Такъ пожелаемъ же съ любовью
 Ему мы всякаго добра—
 Успѣха, силы и здоровья—
 И грянемъ въ честь его „ура“! ²⁾

76. Разсказъ старушки.

Хотите ли, дѣти, вамъ быть разскажу,
 Не сказку, а правду въ немногихъ словахъ!...
 Едва ужъ на свѣтъ я, старуха, гляжу,
 Едва ужъ, плохая, держусь на ногахъ.
 Давно ужъ то было, въ то время, когда
 Была я, старуха, какъ вы, молода,
 Какъ вы же, рѣзвилась въ долахъ, на холмахъ,
 И въ темныхъ дубравахъ, и въ чистыхъ поляхъ.
 Была я единственной дочкой въ семьѣ.

¹⁾ И. Е. Андреевскій.

²⁾ Произнесено въ день акта Археологическаго Института.

Отецъ мой въ довольствѣ, зажиточно жилъ,
Былъ ласковъ со мною и часто онъ мнѣ
Игрушки, конфекты и книжки дарилъ.
Любила меня и родимая мать,
Но вскорѣ ее мнѣ пришлось потерять:
Голубушка бѣлый покинула свѣтъ,
А мнѣ и двѣнадцати не было лѣтъ.
Я горько рыдала и рвалась къ ней.
Когда опускали въ могилу ее,
Какъ будто бы дѣтской душою своей
Ужъ чуяла тяжкое горе свое.
Не меньше меня и отецъ горевалъ,
Но горе свое терпѣливо скрывалъ;
Лишь рѣже онъ сталъ у сосѣдей бывать,
Меня же сталъ больше, чѣмъ прежде, ласкать.
Бывало, зимою сидимъ мы вдвоемъ
Въ его кабинетѣ: я съ книжкой въ рукахъ,
А онъ за огромнымъ рабочимъ столомъ
То роется въ книгахъ, бумагахъ, дѣлахъ,
То медленно пишетъ гусинымъ перомъ,
Иль встанетъ и быстро заходитъ, потомъ
Ко мнѣ подойдетъ: ну меня миловать,
И въ щеки, и въ лобъ, и въ глаза цѣловать.
Такъ жили покойно мы, горя не знали;
Два года прошло ужъ со смерти родной,
А тутъ незамѣтно насъ новыя ждали
Напасти и бѣдствія цѣлой толпой.
За эти два года отецъ занимался
Не такъ аккуратно имѣньемъ своимъ,
Къ тому жъ и плохой урожай оказался,
А лѣтомъ, однажды, въ саду мы сидимъ,
Въ бесѣдкѣ; предъ нами кипитъ самоваръ;
Ужъ подъ вечеръ было; вдругъ слышимъ „горимъ!
Горимъ! Божья воля! ребята, пожаръ!“
Мы въ страшномъ испугѣ изъ сада бѣжимъ...
Конюшня, сараи, амбары пылають,
Шумъ, грохотъ и дымомъ наполненъ весь дворъ,

Зловѣщія искры и гальки ¹⁾ летаютъ
По вѣтру въ домовую крышу въ упоръ;
Работники, кучеръ, крестьяне съ баграми,
Кто съ лѣстницей длинной, иной съ топоромъ;
Крестьянки, работницы тутъ же съ бадьями,
Съ ушатами, ведрами... стонъ и содомъ...
Я въ обморокъ, видя все это, упала...
Не знаю, что было потомъ, а когда
Очнулась, то первое, что я узнала,
Извѣстье, что круглая я сирота...
Отецъ мой родимый во время пожара,
Стараясь хотя бы нашъ домъ отстоять,
Съ пожарной трубою въ рукахъ, отъ удара
Былъ долженъ страдальческій вѣкъ свой скончать...
Ну что же вы, дѣтки, нахмурили глазки?
Никакъ ужъ заплакать хотите и вы?
Не все же вамъ сказывать глупыя сказки,
Не выдумать ихъ изъ сѣдой головы...
Что дальше, потомъ?... да ужъ тутъ и конецъ...
Осталась сироткою бѣдною я,—
Покинули кровные мать и отецъ;
Имѣнье сгорѣло; пустая земля
Осталася мнѣ лишь; чужая семья
Меня пріютила, а землю родня
Взяла подъ опеку, въ конецъ разорила,
Съ торговь продала, а сиротку пустила
По бѣлому свѣту свободно гулять,
Самой о судьбѣ своей думать—гадать...
Ну, ладно! я вижу, ужъ спать вы хотите,
Въ другой разъ ко мнѣ какъ-нибудь приходите:
Не всю рассказала я жизнь вамъ свою;
Веселую пѣсенку я вамъ спою...

1889 г.

1) Пылающія головни, горящіе куски дерева.

77. Распинаніе Христа.

И Онъ страдалъ, и Онъ томился,
И Онъ былъ распятъ на крестѣ,
Хотя всю жизнь къ добру стремился,
Трудясь въ молитвѣ и постѣ!
Но Онъ безгрѣшенъ былъ отъ вѣка
И претерпѣлъ за родъ людской,
И къ вѣчной жизни человѣка
Онъ спасъ отъ смерти вѣковой.
А тотъ во злобѣ кровожадной
Его терзалъ и распиналъ
И карѣ грозной, беспощадной
Себя на вѣки обрекалъ...
Давно то было... уже скоро
Двадцатый вѣкъ съ тѣхъ поръ пойдетъ,
А міръ все ждетъ, когда аврора
Блаженный, вѣчный день зажжетъ.
И правда въ мірѣ все страдаетъ
Какъ ни была-бъ она чиста,
И человѣкъ все распинаетъ
Доднесъ духовнаго Христа...
Христось училъ насъ всепрощенью,
Училъ насъ ближняго любить,
Училъ насъ вѣрѣ и терпѣнью,
Училъ, какъ слѣдуетъ намъ жить;
Христось училъ, что мы свершаемъ
Благодѣяніе Ему,
Коль съ чистымъ сердцемъ помогаемъ
Въ несчастіи брату своему...
А мы?... мы такъ ли поступаемъ,
Какъ насъ училъ съ любовью Онъ?...
Мы ежечасно распинаемъ
Его божественный законъ.
О нуждахъ ближнихъ забывая,
Мы помнимъ только о своихъ
И часто, завистью сгорая,

Мы зримъ на счастье другихъ,
И, если выпадеть удобный
Намъ случай ближнимъ повредить,
Съ какою радостію злобной
Спѣшимъ мы это совершить;
Въ дни-жъ испытаній проклинаемъ
Мы своего рожденья часъ...
О! не Христа ль мы распинаемъ,
Христа, страдавшаго за насъ?

1890 г.

78. Передъ весной.

Вотъ и масляница!... вскорѣ
И весна придетъ,
И природа на просторѣ
Снова расцвѣтетъ.

Снова почва освѣжится
Дождичкомъ съ небесъ,
Звонкимъ хоромъ огласится
Ароматный лѣсъ,

И луга цвѣтнымъ покровомъ
Уберутся вновь,
И въ сердцахъ приливомъ новымъ
Забушуетъ кровь.

Снова солнышко проглянетъ
Въ небѣ голубомъ...
Мнѣ еще грустнѣе станетъ
На пиру чужомъ.

Мое сердце ужъ увяло
Для любви и розъ;
Оно много испытало
Въ жизни бурь и грозъ

И не въ силахъ увлекаться
Чарами весны.
Мнѣ не могутъ ужъ являться
Радужные сны.

Пусть природа торжествуетъ
Свой роскошный пиръ;
Вмѣстѣ съ нею пусть ликуетъ
Весь подлунный мѣръ.

Равнодушными очами
Буду я смотрѣть,
Пожимая лишь плечами,
И душой болѣть.

1890 г.

79. Гора Машука.

Вокругъ Машуки ѣду я...
Какая роскошь!... что за видъ!...
Какъ много сердцу говоритъ
Природа дивная ея!...
Хоть небольшой, но темный лѣсъ
Скрываетъ все по временамъ;
Лишь облака да часть небесъ
Доступны жажущимъ очамъ.
Но вотъ лужайка... видъ открыть...
Внизу лежитъ Горячеводскъ...
Тамъ Золотой Курганъ стоитъ,
А дальше путь въ Желѣзноводскъ.
Лужайка скрылась... лѣсъ опять,
Но вдругъ какая благодать!...
Какъ на ладони горы, горы!...
Вонъ Лысая; предъ ней озера...
Налѣво дальше Змѣвая,
Быкъ и Развалъ... А прямо тамъ

Гора Желѣзная... Бештау,
Какъ пышный пятиглавый храмъ.
Ея срединная вершина
Отъ тучъ свободна: завтра день
Быть долженъ ясный... Вновь картина.
О! любоваться мнѣ не лѣнь...
Скала! Перкальская скала!
Вблизи нея дуэль была
Родного намъ бойца-поэта,
Унесшая его изъ свѣта...
А вонъ Юца съ Джуцей стоитъ...
За ними Эльбрусъ снѣговой
Своею яркой бѣлизной
Мой взоръ ласкаетъ и манитъ...
А вотъ и озеро Проваль,
Съ его летучими мышами...
Вотъ гротъ поэта между скалъ...
Весь Пятигорскъ передъ глазами...
Красой природы умиленный,
Поэтъ сидѣлъ здѣсь въ тишинѣ,
Своей Тамарой вдохновленный,
Шептался съ ней наединѣ...
Вотъ памятникъ ¹⁾ еще поэта,
Давно замолкшаго для свѣта,
Когда то арфою своей
Будившаго сердца людей.
Какъ хорошо и какъ привольно!...
Но что же сердце ноетъ больно?
Ему все мало, все подай,
Весь благодатный, чудный край!...

1890 г.

1) Бесѣдка „Эолова Арфа“.

80. Передъ гротомъ Лермонтова.

Вотъ гротъ поэта... Одинокій,
Отъ суеты мірской далекій,
Пѣвецъ Тамары черноокой
Душой здѣсь часто отдыхалъ
И строфы „Демона“ писалъ...

Здѣсь все поэта вдохновляло,
Ему картины рисовало
И думы въ образы слагало...
Природа музою была...
Пѣвцу вѣнокъ она плела...

На горы, скалы любовался,
Въ глухой скалѣ уединялся,
Какъ горный духъ, онъ наслаждался,
Въ скалахъ отраду находилъ—
И близъ скалы той онъ почилъ...

1890 г.

81. Кисловодскъ.

Въ часъ прохладной и ясной вечерней поры
Кисловодскомъ люблюсь съ Крестовой горы...
Предъ очами онъ весь. Онъ построенъ безъ плана,
Въ котловинѣ, межъ горъ. Галлерею Нарзана
Видно плохо: лишь кровлю да правый фасадъ;
Дальше виденъ тѣнистый Мордовцева садъ;
А налѣво весь паркъ, какъ на блюдѣ, раскинутъ,
Онъ холмами кругомъ, какъ объятъями, сдвинутъ.
По срединѣ его громко рѣчка шумить,
Словно въ гости къ себѣ всѣхъ зоветъ и манить.
По пригоркамъ, ложбинамъ, по мѣстности чудной
Прихотливо рисуется садъ изумрудный.

Тамъ, за паркомъ, на горкѣ красуется храмъ,
Устремляясь распятемъ святымъ къ небесамъ
И надъ всѣмъ возвышаясь, какъ бы защищая
Благодатью святыни спокойствіе края.
Отъ него, въ безпорядкѣ, по склонамъ холмовъ,
Какъ канва, виденъ рядъ бѣловатыхъ домовъ.

1890 г.

82. **Е. В. П—ой.**

Все роскошно кругомъ;
Но отрады нѣтъ мнѣ:
Милый другъ въ сторонѣ;
Я тоскую по немъ...

Горы, парки, ручьи,
Ихъ живой разговоръ,
Все ласкаетъ мой взоръ,
Нѣжить уши мои.

Но на сердцѣ моемъ
Точно камень лежитъ,
Оно громко твердитъ
Мнѣ совсѣмъ о другомъ.

Скоро-ль время придетъ,
Что увижусь я съ ней,
Дорогою моею,
И она обойметъ

Страстно, крѣпко меня..
Ахъ! скорѣй бы пришло
И тоску унесло..
И воскресъ бы вновь я..

1890 г.

83. Т и ф л и с ь .

Въ Тифлисѣ одиноко я брожу
Въ аллеяхъ ботаническаго сада...
Деревьевъ тѣнь... пріятная прохлада...
Я медленно на верхъ горы всхожу...

Что за картина чудная открылась
Внизу моимъ восторженнымъ очамъ!
Такихъ красотъ, какія вижу тамъ,
Мнѣ зрѣть еще почти не приводилось.

Тифлисъ какъ на ладони весь! вонъ тамъ
Стоитъ старинный невысокій храмъ.
Соборъ Сіонскій то; армяне
Кругомъ устроили базаръ, но христіане
Святыню древнюю глубоко чтутъ
И съ вѣрою подъ сѣнь ея идутъ...
Вонъ и другихъ церквей кресты и главы,
Ихъ цѣлый рядъ надъ городомъ царить...

Грузинскія, армянскія... на видъ
Онѣ красивы, но не величавы...
Дворецъ великокняжескій лишь крышей
Своею выдается; много выше

Его другія зданія кругомъ;
Особенно какой то частный домъ,
Украшенный изящною рѣзьбою,
Бросается въ глаза величиною.

А ближе караванъ-сарай,
На площади построенный съ нимъ рядомъ;
Вонъ и Михайловская: садъ за садомъ
Манятъ къ себѣ, какъ прихотливый рай.

Всѣхъ лучше и красивѣй Муштеидъ...
Вдали виднѣется вокзалъ... А прямо
Часовня, Воронцовскій мостъ, два храма
И на рѣку Куру открытый видъ.

1890 г.

* * *

Дорогая моя, поскорѣ въ объятя
 Принимай ты меня и цѣлуй горячѣй!
 Милый другъ мой, я весь твой, какъ есть, безъ
 изъятя,
 Такъ ласкай же меня ты нѣжнѣй и страстнѣй!
 Безъ тревогъ нѣтъ отрадъ, безъ разлуки свиданья...
 Такъ разлука и муки порой намъ нужны,
 Чтобъ взаимныя наши объятя, лобзанья
 Были жизни, и страсти, и нѣги полны...
 Прогони же страданья, тоску и сомнѣнья,
 Постарайся забыть все, чѣмъ мучилась ты!
 Средь порывистыхъ ласкъ и страстей упоенья
 Отдохнемъ отъ заботъ и мірской суеты!...
 Вѣрь, что ты лишь одна, милый другъ, мнѣ являлась
 Наяву и во снѣ, что своею красой
 Въ моихъ мысляхъ и грезахъ лишь ты рисовалась,
 Что владѣла все время моею душой...
 Если-бъ знала ты, другъ мой, какъ тяжело мнѣ было,
 Какъ остался одинъ я, простившись съ тобой,
 И какъ сердце мое и болѣло, и ныло,
 И на части рвалось безысходной тоской,
 Какъ вся роскошь Кавказа, всѣ прелести юга
 Половину теряли своей красоты
 Потому лишь, что не было милаго друга
 Близъ меня, что далеко томилась ты...
 Такъ прости жъ меня, другъ мой, за всѣ тѣ
 страданья,
 Что пришлось тебѣ чрезъ меня испытать,
 И дари мнѣ нѣжнѣе и крѣпче лобзанья,
 Продолжая страстнѣе меня обнимать!...

1890 г.

85. Э к с п р о м т ь .

Поля, поля, вновь вижу васъ!
Своимъ убранствомъ и просторомъ,
Колосевъ мирнымъ разговоромъ
Вновь нѣжите вы слухъ и глазъ...

Я вамъ сродни, я вскормленъ вами...
Всю прелесть юга, весь Кавказъ
Съ его красивыми горами
Я промѣнять готовъ на васъ.

1890 г.

86. Е . В . П .

Завтра увижусь съ моей ненаглядной,
Съ моей дорогою, подругою вѣрной...
О, мигъ свиданья блаженный, отраднй,
Ты радостью душу наполнишь безмѣрной!

Пусть же спѣшитъ мимолетное время,
Съ его заботами и мелочами!...
Смоемъ съ тобой мы тяжелое бремя
Разлуки блаженными встрѣчи слезами!...

1890 г.

87. Великопостный звонъ.

Великопостный, заунывный
Я слышу колокольный звонъ.
На думы строгія невольню
 Меня наводитъ онъ.
И жаль становится погибшихъ,
Растраченныхъ бесплодно лѣтъ...
И я смотрю на все бывшее,
 Какъ на безумный бредъ.

Да, сколько было увлеченій,
Надеждъ несбывшихся, утратъ,
Страданій ложныхъ, ложныхъ цѣлей,
Ребяческихъ отрадъ!...
И это-ль—жизнь христіанина
И путь, указанный ему
Святою вѣрой и стремленьемъ
Къ спасенью своему?...
И не напрасно заунывный
Я слышу колокольный звонъ:
На думы строгія неволью
Меня наводитъ онъ.

1891 г.

88. Великимъ постомъ.

Вотъ храмъ Господень... И смиренный
Народъ спѣшитъ къ нему толпой
И жаждетъ въ немъ найти священный,
Душеспасительный покой...
Тутъ есть, быть можетъ, и злодѣи...
Подъ ихъ жестокою рукой
Лилася, можетъ быть, алѣя,
Дымясь, кровь братская рѣкой...
Тутъ есть, быть можетъ, лицемѣры,
Льстецы, грабители, скупцы,
Жестокосердцы, маловѣры,
Клеветники и гордецы...
И всѣ спѣшатъ подъ сѣнь святую,
Презрѣвъ на время суету,
Вкусить желая часть благу,
Снискать для сердца чистоту...
И всѣ полны однимъ стремленьемъ,
Однимъ лучомъ озарены;
Лишь объ одномъ съ нѣмымъ моленьемъ
Всѣ главы долу склонены.
Они желаютъ, чтобъ Спаситель

Имъ грѣшныя дѣла простилъ,
Что Онъ, безсмертный Искупитель,
Своею Кровью напоилъ
И напиталъ Своимъ ихъ Тѣломъ,
Чтобъ спасъ отъ смерти и грѣха,
Чтобъ наградилъ Онъ ихъ удѣломъ
Разбойника, но не врага...
О еслибъ чаще, люди-братья,
Мы очищали такъ сердца,
То не было-бъ межъ насъ проклятыя,
А было бъ счастье безъ конца!...

1891 г.

89. В е с н о ю.

Какое это время чудное—весна!
Ликуетъ вся природа—небо и земля,
Съ отрадой пробудясь отъ тягостнаго сна;
Вновь слышны шумъ дубравъ и трели соловья...
Невольню бьетъ тревогу сердце у поэта.
Весны очарованью жадно отдаваясь,
Онъ, не ища вниманья, не прося отвѣта,
Поетъ, поетъ безъ цѣли, свыше вдохновляясь.
И въ пѣсняхъ сладкозвучныхъ небо и земля,
Веселый шумъ дубравъ и трели соловья
Находятъ отраженье, отзывъ и привѣтъ...
Съ природою ликуетъ радостный поэтъ.

1891 г.

90. Памяти И. Е. Андреевскаго.

Подъ снѣгомъ, градомъ и дождемъ
Мы прахъ завѣтный провожали
И въ горѣ лютомъ и нѣмомъ
Его въ могилу опускали...

О какъ безвременно, неожиданно
Насталъ его послѣдній часъ,
Невыразимо, несказанно,
Какъ громомъ, поразившій насъ!
Лишь трое ¹⁾ изъ друзей рѣшилось
Прервать святую тишину,—
И вотъ кладбище огласилось
Надгробнымъ словомъ, въ глубину
Сердцеъ и душъ толпы народной
Проникшимъ какъ бы фиміамъ
И надъ могилой благородной
Восшедшимъ къ горнимъ небесамъ...
Да, было сказано немного:
Печаль сковала всѣ уста;
Но теплая молитва къ Богу
Была сердечна и чиста.
Вѣдь мы навѣки разставались
Съ великой, честною душой;
Съ его кончиною остались
Друзья безъ счета сиротой...
Онъ полонъ былъ надеждъ и силы
И много-бъ, много-бъ совершилъ...
Но хладный мракъ сырой могилы
Его на вѣкъ отъ насъ сокрылъ.
И мы, ему по духу братья,
Его духовные сыны,
Его дѣла и предпріятыя
Мы съ честью продолжать должны,
И пусть намъ образъ незабвенный
Живымъ является всегда;
И въ мигъ побѣды вождельнной,
И въ часъ суроваго труда!...

1891 г.

1) Одинъ студентъ, В. И. Сергѣевичъ и авторъ.

91. **На смерть И. Е. Андреевскаго.**

Опять, опять осиротѣль
Нашъ мирный тихій институтъ.
Не радостень его удѣль,
И скорби вновь его гнетуть...
Его душа, его оплотъ,
Его служитель безкорыстный,
Нашъ честный, славный патріотъ
Сраженъ судьбою ненавистной...
И вотъ безжизненный, холодный
Мы трупъ оплакали его,
Борца идеи благородной
И гордость братства своего...
Но нѣтъ, не трупъ одинъ безгласный
Остался намъ, не только прахъ...
Весь складъ души его прекрасной,
Весь онъ живетъ у насъ въ сердцахъ.
Его сочувственнымъ привѣтомъ
Былъ всякій честный трудъ почтенъ;
Своимъ примѣромъ и совѣтомъ
Незамѣнимъ для насъ былъ онъ.
Онъ жизнью института жилъ,
Онъ съ нимъ работалъ, съ нимъ страдалъ,
Его всѣмъ сердцемъ онъ любилъ
И отъ паденья охранялъ.
При немъ наука процвѣтала,
Любовь къ познанію росла,
И вѣра въ лучшее пылала
Въ сердцахъ и къ истинѣ влекла...
И сколько радужныхъ мечтаній,
И сколько пламенныхъ надеждъ
Смѣнилось чашей испытаній
На радость сонмищу невѣждъ!...
Его физически сломила
Для насъ жестокая судьба,

Но нравственно не утомила
Его за истину борьба.
И вотъ завѣтъ его священный,
Послѣдній намъ его завѣтъ:
Бороться съ тьмой неукосненно,
Внося въ нее науки свѣтъ...
Не посрамимъ его мы славы,
Его исполнимъ волю мы!
Пусть ярко образъ величавый
Намъ озаряетъ бездну тьмы!
Пусть насъ подвигнетъ въ путь терновый
Его безвременный конецъ,—
И мы сплетемъ ему лавровый,
Неувядаемый вѣнецъ!... 1)

92. П о э з і я.

Поэзія—не бредъ больного настроенья,
Не вздорный лепетъ празднаго воображенья;
Поэзія есть пѣснь взволнованной души,
И всѣ ея напѣвы жизненны, свѣжи...
И всякій человѣкъ способенъ быть поэтомъ,
Когда душа его полна небеснымъ свѣтомъ.
Пусть у него черства природа и сурова,
И мысль лишь для расчетовъ низменныхъ готова,
Но если чувствомъ красоты онъ обладаетъ,
Порой священный трепетъ имъ овладѣваетъ,
И въ чувствахъ иль словахъ Парнасу данъ онъ шлетъ,
Открыто иль въ душѣ неволью онъ поетъ.
И это-ль—бредъ мечты, и это-ль—праздный лепетъ—
Необъяснимый и невольный сердца трепетъ,
Когда оно духовной жизнию живетъ,
Забывъ житейскіе и прозу, и расчетъ?...

1891 г.

1) Произнесено на могилѣ покойнаго 25 Мая 1891 г.

93. Д и т я т и.

Учись дитя! въ наукѣ счастье,
Въ ней жизни разумъ, жизни свѣтъ,
Съ ней легче избѣгать ненастья
И многихъ, многихъ въ жизни бѣдъ.

Учись прилежно и охотно,
Съ любовью, съ рвеніемъ учись,
Въ часы-жъ досуга беззаботно
Шали, рѣзвись и веселись!

1891 г.

94. Н а В о л г ѣ.

О, Волга, родимая Волга!
Въ разлукѣ мы были такъ долго,—
И вотъ предъ тобою я вновь,
И та-жъ во мнѣ дышетъ любовь,

Любовь къ твоимъ шири, раздолью
И къ вѣчно родному приволью!...
Свободно, легко, во всю грудь
Могу я, какъ прежде, вздохнуть

И взоръ устремить свой пытливо
Въ поросшіе лѣсомъ красиво,
Манящіе вдаль берега...

О, Волга, ты мнѣ дорога,

Ты тѣмъ дорога, что впервые
Внушила мнѣ грезы святыя,—
И грезы тѣ послѣ вполнѣ
Вселились навѣки во мнѣ.

1892 г.

Я увѣренъ, что ты ожидаешь
Съ нетерпѣньемъ великимъ меня;
Что жестоко себя ты терзаешь
Размысленъемъ, пріѣду ли я...

Я сегодня увижусь съ тобой,
Дорогая моя, ненаглядная!
Зарумянится яркой зарей
Безпросвѣтная тьма, безотрадная.

И томительный сонъ съ моихъ вѣкъ
Самъ собою исчезнетъ безслѣдно,—
И мой челнъ на спасительный брегъ
Я поставлю рукою побѣдной...

Не тоскуй же, мой другъ, не крушись!
Скоро вмѣстѣ мы будемъ съ тобою...
Если-жъ хочешь, скорѣй прослезись,
Но отрадной, блаженной слезою!

1892 г.

96. На родинѣ.

И вотъ на родинѣ я вновь!
Она попрежнему мила,
И въ сердцѣ прежняя любовь
Къ ней, дорогой, не умерла...
Все тотъ же домъ, все тотъ же садъ,
Съ грядами разныхъ овощей,
Все тотъ же прудъ и тотъ же рядъ
Крестьянскихъ хижинъ безъ сѣней,
Все тотъ же лѣсъ и тѣ-жъ поля,
Все тѣ же воздухъ и земля,
Все, все, какъ было встарину,—

И я душой здѣсь отдохну...
Да, все, какъ было... лишь одно
Моей души не веселитъ...
То незабвенное давно
Близъ церкви подъ крестомъ лежитъ,—
И непослушная слеза
Невольно каплетъ, и скорѣй
Спѣшишь рукой прикрыть глаза
Иль удалиться отъ людей...
Но все жъ на родинѣ я вновь,
И, какъ всегда, она мила,
И въ сердцѣ прежняя любовь
Къ ней, дорогой, не умерла.
И мнѣ отрадны старый домъ.
И садъ съ грядами овощей,
И рядъ избушекъ за прудомъ,
И роскошь лѣса и полей.
Мнѣ все здѣсь сердце веселитъ,
Все о быломъ мнѣ говорить.
Я вновь воспряну здѣсь душой,
Найдя свободу и покой.

1892 г.

97. СѢНО И МОПСЪ.

На сѣнѣ мопсъ лежитъ, хвостомъ виляя
И самъ съ собою разсуждая:
„Куда мнѣ эта дрянь, зачѣмъ,
Коль съ роду я ее не ѣмъ?...
А много есть охотниковъ до сѣна,
И можно выгоднождать обмѣна.
Я мостолыгу славную слуплю.
А иначе клочка не уступлю.
Да по частямъ мѣнять и нѣтъ расчета:
Все будетъ тяготить забота.

А то ли дѣло разомъ всю охапку сбыть
И кусь мяса изрядный получить“.

Такъ здраво думалъ мопсъ почтенный...

Вдругъ вышелъ случай вождельный:

Говядины шесть фунтовъ для промѣна

Несутъ ему за всю охапку сѣна.

Казалось бы, чего еще желать?

Скорѣй бы надо промѣнять.

Такъ нѣтъ! уперся мопсъ упрямый,

Всѣмъ заявляя прямо,

Что если сразу шесть дають,

То послѣ больше принесутъ.

И что жъ? недѣля цѣлая проходитъ,

А сѣно сбыта не находить.

Уже нашъ мопсъ желаетъ тутъ

Хоть шесть бы взять, да не дають.

Являлися купцы подрядъ три раза:

Давали въ первый разъ четыре фунта мяса,

Въ другой—четыре съ половиной, въ третій—

пять,—

Потомъ замолкли всѣ опять.

А мопсу мало и пяти:

Ему все хочется шести.

Купцовъ же ужъ простылъ и слѣдъ,

А новыхъ больше нѣтъ, какъ нѣтъ...

Проходитъ мѣсяць и другой,

Никто ужъ къ мопсу ни ногой.

Ужъ сѣно свѣжесть потеряю

И вообще дешевле стало.

Ужъ мопсъ и за пять радъ отдать;

Да врядъ дадутъ ли ужъ и пять.

И сѣно въ цѣлости лежитъ

А мопсъ его все сторожить:

И самъ не ѣстъ и ѣстъ другимъ не позволяетъ

Такъ втуне все и пропадаетъ.

1892 г.

98. На двадцатипятилѣтіе
Славянскаго Благотворительнаго Общества

(11 Мая 1893 г.).

Четверть вѣка миновало
Съ той поры, какъ возникало
Наше общество,—и вотъ
Четверть вѣка процвѣтало
И славянству доставляло
Оно жизненный оплотъ.

Въ дни невзгоды и страданій,
Въ годы тяжкихъ испытаній
Нашихъ братьевъ и друзей
Мы, по мѣрѣ нашихъ знаній,
Нашихъ силъ и состояній,
Ихъ спасали отъ скорбей.

Галичане, и хорваты,
И болгары, и далматы,
Сербы, чехи, босняки...
Будь бѣдны они, богаты,
Будь преступны или святы—
Намъ по крови свояки.

Наше общество всецѣло,
Безкорыстно и умѣло
Помогать старалось имъ;
На святое это дѣло
Оно жертвовало смѣло
Достояніемъ своимъ.

И всегда славяне-братья,
Безъ различья, безъ изъятья,
Могутъ видѣть въ насъ друзей
И забывъ раздоръ, проклятья,
Въ наши ринуться объятья,
Словно къ матери своей...

Лишь враги и лицемѣры,
Лишь злодѣи, изуверы
Жадно розни нашей ждуть;
Но залого чистой вѣры
Въ единеніе безъ мѣры
Быстро крѣпнуть и растутъ.

И ужъ близится то время,
Какъ славянское все племя
Общей жизнью заживетъ,
Иноземной власти бремя
И вражды взаимной сѣмя
Безъ слѣда, навѣкъ сотретъ..

Будемъ вѣрить терпѣливо,
Не волнуясь суетливо,
Что настанетъ та пора...
А тогда мы горделиво,
Вмѣстѣ съ братьями, счастливо
Вскликнемъ дружное ура!...

99. Оргія Нерона.

Общій хоръ.

Счастіе жизни въ веселыхъ пирахъ,
Жаркихъ лобзаньяхъ и страсти томленьяхъ.
Только въ винѣ и любви наслажденьяхъ
Можно забыть передъ смертію страхъ.
Радостно зрѣть, какъ струится вино;
Въ кубкахъ играетъ, искрится оно,
И вызываетъ волненье въ крови,
И зажигаетъ пожары любви.
Радостно зрѣть трепетанье персей,
Нектаромъ жгучимъ любви опьяненныхъ,
Яркій румянецъ ланить воспаленныхъ
Неукротимой борьбою страстей.

Неронъ.

Вино лишь и красавицъ въ мѣрѣ
Пристойно воспѣвать на лирѣ,
И краше всѣхъ изъ нихъ—она
Моя подруга и жена.

Сабина.

Вино лишь и красавцевъ въ мѣрѣ
Пристойно воспѣвать на лирѣ,
И краше всѣхъ изъ нихъ лишь онъ—
Супругъ мой, царственный Неронъ.

(Дуэтъ).

Общій хоръ.

Вино и красоту лишь въ мѣрѣ
Пристойно воспѣвать на лирѣ,
И краше нѣтъ четы иной,
Какъ царь съ супругой молодой.

(Дуэтъ и хоръ).

Неронъ.

Могучій я властитель міра,
Народы всѣ покорны мнѣ,
Послушны мнѣ театръ и лира,
Ихъ тайны я постигъ вполнѣ.
Моя душа вполнѣ покойна,
Равняется некому со мной....
Одна Сабина лишь достойна
Со мною участи одной.
Ее царицею вселенной,
Своей женою сдѣлалъ я,
Пылая страстью неизмѣнной.
Любовью вѣчною горя.

Сабина.

Много на небѣ сіяетъ свѣтилъ,
А на землѣ лишь свѣтило одно:
Это—Неронъ; онъ всѣ звѣзды затмилъ,

И передъ нимъ даже солнце темно.
Пейте-жь во славу Нерона, пируйте,
Почести Бога ему воздавайте,
Въ гимнахъ и пѣсняхъ его восхваляйте,
Пейте, пируйте, ликуйте!

Царедворецъ.

Неронъ—нашъ богъ;
Того, кто-бъ могъ
Равняться съ нимъ—на свѣтѣ нѣтъ.
Какъ солнца лучъ,
Блестящъ, могучъ,
Онъ всюду льетъ тепло и свѣтъ.
Неронъ—мудрецъ,
Артистъ, пѣвецъ,
Всѣхъ музъ любимецъ дорогой.
Неустрашимъ,
Непобѣдимъ,
На полѣ брани онъ герой.
Неронъ правдивъ,
Миролубивъ,
Судья и строгій, и прямой.
Какъ Адонисъ
И какъ Парисъ,
Красивъ и статенъ онъ собой.

Невольницы.

Вино, любовь
Волнують кровь...
Мы всѣ любви покорны
И въ ласкахъ непритворны.
Вино шипитъ,
И кровь кипитъ...
Мы любимъ всѣ волненье
И страстное томленье.
Вино хмѣльнѣй,
И страсть жарчѣй...

Вино насъ возбуждаетъ,
Любовь же услаждаетъ...

Общій хоръ.

О! эти истины не новы.

Мы всѣ любить и пить готовы!...

(Этотъ припѣвъ можетъ быть повторяемъ послѣ каждого куплета хора невольницъ).

Сабина.

Что это, другъ мой, какъ стало темно?
Звѣзды померкли, и небо черно;
Въ городѣ свѣточи тускло дыматся.
Царь ли съ царицею такъ веселятся?
Мрака ночного я, другъ, не люблю:
Грустью онъ вѣетъ на душу мою.

Неронъ.

Развеселись, дорогая Пoppея!...
Эй, зажигайте костры поскорѣе
Изъ христіанъ, тѣхъ презрѣнныхъ рабовъ,
Что государства устои шатаютъ
И, пресмыкаясь въ землѣ межъ гробовъ,
Тамъ свои жертвы во мглѣ совершаютъ!
Пусть они царственный Римъ, городъ вѣчный,
Ярко собой освѣщаютъ всю ночь,
Мы же начнемъ снова пиръ нашъ безпечный,
Чуднымъ виномъ прогоняя сонъ прочь...
Развеселись же, Пoppея моя!...
Пусть насъ порадуетъ пѣсня твоя.

Сабина.

Въ непорочную Психею
Долго мѣтился Амуръ
И вдругъ жертвою своею
Самъ увлекся черезчуръ.
Онъ къ натянутому луку
Прикоснулся наугадъ,

Но стрѣла его же руку
Оцарапала, и ядъ
Страстной нѣги, нѣги томной
Разлился въ его крови,
И къ ногамъ Психеи скромной
Онъ повергъ дары любви.
Обольщенная Психея
Свой нарушила обѣтъ...
И въ объятіяхъ злодѣя
Позабыла цѣлый свѣтъ.
И Амуръ ночной порою
Къ ней частенько прилеталъ
И съ красавицей земною
Ложе нѣги раздѣлялъ...
Наконецъ Венера злая
Снизошла къ ея мольбѣ
И, союзъ благословляя,
На Олимпъ взяла къ себѣ.

Христіане.

Боже вѣчный, Боже сильный,
Боже, благостью обильный,
Прими въ чертогъ свой насъ!
Близокъ нашъ послѣдній часъ...

Пирующие.

На кострахъ они поютъ,
Словно пиршества ихъ ждуть...

Христіане.

Всѣ сокровища земныя,
Блага міра покупныя
Мы презрѣли для Тебя,
Правду вѣчную любя...

Пирующие.

Пусть горятъ они свѣтлѣй!...
Будемъ пить мы веселѣй!...

Христіане.

О, сладчайшій нашъ Спаситель
И отъ ада Избавитель,
Двери рая намъ открой,
Насъ навѣкъ оставь съ собой!...

Пирующіе.

Эй, вина, еще вина!...
Безъ него жизнь не полна...

Христіане.

Свѣте тихій, Свѣте ясный!...

Пирующіе.

Какъ свѣтло они горять!...

Народъ.

Боги! гибнетъ Римъ прекрасный!...

Пирующіе.

Что плебеи тамъ кричатъ?...

Христіане.

Приими нашъ духъ нетлѣнный!...

Пирующіе.

Будемъ пить, пока живемъ!...

Народъ.

О, спасайте Римъ священный!...

Пирующіе.

Боги! мы въ огнѣ кругомъ!...

1893 г.

100. **М о л и т в а.**

Прими, о Господи, всесильный,
Молитву жаркую мою,
Какъ приношенья дымъ кадилаый,
Въ обитель свѣтлую Твою.

И рукъ сихъ грѣшныхъ воздѣянье
Къ святымъ, незримымъ небесамъ,
Какъ дивное благоуханье,
Вечерней жертвы еиміамъ!

1894 г.

101. **Д. И. Прозоровскому.**

(20 Апрѣля 1894 г.).

Маститый жрецъ археологіи,
Отецъ російской метрологіи,
Палеографіи знатокъ!
Твои изслѣдованія строгія,
Твои труды и годы многіе
Почтить собрался нашъ кружокъ.

Ты—не чинами и не званіемъ—
Былъ увлекаемъ лишь познаніемъ
Глубокой русской старины.
Полвѣка истины исканіемъ
И древнихъ хартій толкованіемъ
Ты занятъ былъ среди тишины.

И вотъ плодомъ уединенія,
Вечернихъ думъ, ночного бдѣнія,
Плодомъ усидчивыхъ трудовъ,
Усиьемъ творческаго генія,
Цѣною доблестнаго рвенія
Явились „Новгородъ и Псковъ“,

„Монета—вѣсъ“, „О кунахъ“, разныя
Замѣтки, очерки прекрасныя,
Тамъ каталогъ, тутъ инвентарь...
Но превзошелъ всѣ эти гласныя
Твои труды разнообразныя
Пасхальный чудо-календарь ¹⁾.

Съ такою пользой несомнѣнною
Полвѣка съ честью неизмѣнною
Наукѣ свято ты служилъ;
На вѣкъ со славою нетлѣнною
Изъ дуба съ лаврами сплетенною
Чело ты вѣтвью окружилъ...

Пусть жизнь твоя спартански-строгая
Полна лишеній, одинокая,
На удивленіе людей,
Но внутренно, въ душѣ широкая
И плодотворностью глубокая,
Примѣромъ будетъ для друзей!...

И мы съ сердечнымъ умиленіемъ,
Съ душевнымъ, братскимъ единеніемъ,
И благодарныя за все,
Воспомявая съ наслажденіемъ
Былое, съ чистымъ упоеніемъ,
Служеніе чествуемъ твое.

102. 20 Октября 1894 года.

Прости, прости, о, Царь правдивый,
Царь добрый, Царь миролюбивый!
О, какъ неожиданно Ты угасъ,
Въ уныніе повергнувъ насъ!...

¹⁾ Неизданный въ свѣтъ.

Бразды правленья государствомъ
Ты твердо къ счастью направлялъ
И даже иноземнымъ царствамъ
Залоги мира Ты являлъ...
Русь, благоденствія полна,
Подъ мощною Твоей державой,
Растила съ честію и славой
Самосознанья сѣмена...
Шесть лѣтъ назадъ отъ смерти вѣрной,
Къ всеобщей радости безмѣрной,
Творецъ Всевышній, возлюбя,
Со всей семьею спасъ Тебя,
Наука-жъ къ избѣжанью нынѣ
Твоей безвременной кончины
Была не въ силахъ средствъ найти...
Такъ дивны Божіи пути!...
Усни же мирно, славный Царь,
Покой въ Россіи наблюдавшій,
А Самъ спокойствія не знавшій,
Усни спокойно, Государь!...

103. Царь-Миротворецъ.

И пастухъ, и царедворецъ,
Сердцемъ истинно скорбя,
Царь-Великій Миротворецъ,
Всѣ оплакали Тебя.
Всѣ сосѣднія державы
Избѣгали ссоръ съ Тобой,
И средь мирной, тихой славы
Совершенъ былъ подвигъ Твой.
Самъ въ дѣла страны вникая,
Ты расходы сократилъ;
Займы царства облегчая,
Ты кредитъ возстановилъ.

Самъ на тронѣ намъ являя
Семьянина идеаль,
Снисходя и сострадаая,
Ты права безроднымъ далъ:
Гдѣ болѣзнь, гдѣ голодъ сильный,
Всюду Ты помочь спѣшилъ,
Удѣляя даръ обильный,
Придавая бодрость силъ.
Захудавшее дворянство
Ты старался вновь поднять
И общинное крестьянство
Черезъ ссуды поддержать.
Основаній не ломая,
Ты законы обновилъ,
И, науки почитая,
Много новыхъ школъ открылъ.
Всѣ ключи дипломатіи
Ты въ рукахъ своихъ держалъ,
Миръ Европы изъ Россіи
Мощно, твердо охранялъ.
Вотъ за что Тебя, Царь славный,
Миротворцемъ всѣ зовутъ
И за что Твой путь державный
Славословятъ и поютъ.
И прозванье это вѣчно
Сохранится за Тобой,
И съ любовію сердечной
Русь запомнить образъ Твой.
Нѣтъ Тебя! Но Ты Россіи
Два сокровища вручилъ:
Сердце Ангела Маріи
И Вождя во цвѣтѣ силъ.
Такъ усни же, Миротворецъ,
Сномъ покойнымъ и святымъ!
Вѣчной правды Ратоборецъ,
Мы завѣтъ Твой сохранимъ.

И Второго Николая,
Безпредѣльно возлюбя
И отъ бѣдъ оберегая,
Будемъ чтить какъ и Тебя.

1894 г.

104. На Волгѣ.

И вотъ на Волгѣ я опять!..
Среди простора и свободы,
Среди чарующей природы
Я чую Божью благодать...

О какъ ты сердцу дорога!..
Я ожилъ вновь душой смущенной..
Вновь нѣжатъ взоръ мой утомленный
Твои родные берега...

По склонамъ ихъ то здѣсь, то тамъ,
Среди луговъ, лѣсныхъ опушекъ,
Пестрѣютъ хаты деревушекъ
Или бѣлѣтъ сельскій храмъ.

И свѣжестъ серебристыхъ волнъ,
И бирюза небесъ прозрачныхъ
Трезвятъ меня отъ мыслей мрачныхъ,
И вдохновенья вновь я полнъ...

1895 г.

105. На Волгѣ.

На берега твои взирая,
Душой больною отдыхая,
О, Волга, я счастливъ, стократъ
И сердцемъ безконечно радъ....

Была моей ты колыбелью,
И въ дѣтствѣ соловьиной трелью

Меня баюкала ближній лѣсъ
Подъ пологомъ родныхъ небесъ.

И все для сердца дорогое,
Все счастье прошлое, бывшее
Вблизи тебя въ землѣ лежитъ,
Къ себѣ влечетъ, къ себѣ манитъ.

1895 г.

106. Къ родинѣ.

О, родина! стремлюсь къ тебѣ
Я всей душой моею больною.
Своею чудною красой
Ты, какъ всегда, влечешь къ себѣ...
И сколько разъ съ нѣмой тоской,
Но съ вѣрой теплой и живой,
Къ тебѣ съ мольбами я взывалъ,
Тебя я мысленно лобзалъ!
Прими-жъ меня подъ милый кровъ,
Какъ сына блуднаго отецъ!...
Съ тобою слиться я готовъ...
О, сжался, сжался наконецъ!...
Съ чужбины дальней прибылъ я,
Чтобъ отдохнуть въ твоей тиши,
Въ твоей заманчивой глуши
Найти отраду для себя.
Тамъ шумъ, смятенье, суета,
А здѣсь покой и простота;
Тамъ птичья въ клѣткѣ жизнь моя,
А здѣсь, какъ вѣтръ, свободенъ я.
Прими-жъ, прими, родимый край,
Меня въ объятія свои
И мнѣ остатокъ жизни дай
Провести средь мира и любви!

1895 г.

107. Разставаніе съ родиной.

(На Волгѣ).

Надѣюсь, родина святая,
Тебя я снова посѣтить.
Я не могу тебя, родная,
Ни позабыть, ни разлюбить.
Ты много горя, много боли
Мнѣ причиняла съ давнихъ лѣтъ;
Но нѣтъ во мнѣ ни твердой воли,
Ни силъ, ни дерзновенья нѣтъ
Порвать съ тобою связь навѣки,
Найти вдали тебя приютъ...
Поля, лѣса родные, рѣки
Къ себѣ манятъ, къ себѣ влекутъ...
Мнѣ надоѣло все чужое,
Мнѣ надоѣлъ шумъ городовъ,
Мнѣ дорого гнѣздо родное
Въ затишьи лѣса и луговъ.
Я въ немъ счастливъ бывалъ когда то...
Вблизи его отцовскій прахъ,
Останки матери и брата
Лежать въ сиреневыхъ кустахъ...
И все мнѣ въ немъ напоминаетъ
Былое счастье юныхъ дней,
Все взоръ и сердце услаждаетъ:
И домъ, и садъ, гумно, ручей...
И каждый кустикъ, долъ, равнина,
Пригорокъ, рѣчка и лѣсокъ
Въ очахъ моихъ восторгъ, картина,
Для сладкихъ думъ и грезъ предлогъ.
Прости-жъ, о, родина святая,
Съ тобой на время расстаюсь
И вновь съ отрадой, дорогая,
Въ твои объятія возвращусь.

1895 г.

108. Р а з д у м ь е.

И дѣтство, и юность давно миновали,
И мужества возрастъ давно ужъ насталь...
Не разъ углый челнъ мой невзгоды терзали,
Не разъ онъ подъ вихремъ житейскимъ страдалъ.
И что же? окрѣпнувъ въ борьбѣ съ непогодой,
Упорнѣе сталъ онъ въ стремленьи своемъ,
Покойнѣй владѣя своею свободой,
Уклончивѣй дѣйствуя въ брани съ врагомъ.
Да, опытъ прошелъ небезплодно,—и прямо,
Безъ страха смотрю я на жизненный путь,
Борюся умѣло, хотя и упрямо,
И дышетъ свободно, безтрепетно грудь.
Но лучше ли мнѣ и не жалко-ль порою
Счастливой и свѣтлой минувшей зари,
Когда вдохновлялся я чистой душою,
Лелѣя чудесныя грезы мои?
О, съ дивнымъ восторгомъ, съ отрадой безумной
За нихъ возвратилъ бы весь опытъ я свой,
Чтобъ снова въ борьбѣ и кипучей, и шумной
Вернуть для души и для сердца покой.

1895 г.

109. М о л и т в а.

О, Боже мой,
Творецъ благой!
Тебѣ пою
Хвалу мою,
Мольбу творю,
Благодарю
За жребій мой,
Что данъ Тобой,
За всю, за всю
Любовь Твою...

И я, любя,
Молю Тебя,
Чтобъ для Христа
Весь гнетъ креста
Былъ данъ мнѣ вновь
За ту любовь...
О, Боже мой,
О, всеблагой,
Всего Творецъ,
Всему Отецъ!
Мольбу мою
Прими въ Свою
Небесну весь
И дай мнѣ здѣсь
Исполнить Твой
Законъ святой...
О, Боже мой,
О, Спасе мой,
Весь міръ любя,
Молю Тебя!...

1895 г.

110. Р а з д у м ь е .

Я странникъ здѣсь, пришлецъ случайный,
Я здѣсь въ гостяхъ, не у себя:
То говоритъ мнѣ голосъ тайный,
То существомъ всѣмъ чую я...

Откуда я пришелъ, не знаю,
Не помню родины моей,
Но ей живу, по ней вздыхаю
И всей душой стремлюся къ ней...

Тамъ ждутъ меня любовь святая
И благодать, благодать безъ конца;
И сонмъ духовъ безгрѣшныхъ рая,
И лицезрѣніе Творца!...

1895 г.

111. Завѣтныя желанія.

Желалъ бы я, отъ жизни бренной,
Отъ суеты и треволенья
Уйдя навѣкъ, душой нетлѣнной
Проникнуть въ горнія селенья,—

Гдѣ передъ Ликомъ Правды Вѣчной
И въ соприсутствіи святыхъ,
Очистясь отъ грѣховъ земныхъ,
Позналъ бы миръ я безконечный...

Еще желалъ бы я съ отрадой,
Чтобъ грѣшный прахъ мой былъ зарытъ
Вблизи той церкви, въ той оградѣ,
Гдѣ прахъ отеческій сокрытъ!...

1895 г.

112. Раздумье.

Столицей сумрачной спѣшу я
На свой урочный трудъ...
На встрѣчу мнѣ, со мною рядомъ
И ѣдутъ, и идутъ...

На улицахъ и днемъ, и ночью
Здѣсь движется народъ...
Все мечется, и суетится,
И все полно заботъ...

Иду среди камней по камню,
И взоръ мой притупленъ,
И сердце словно каменѣтъ,
И умъ оцѣпененъ...

О, если бы замѣнъ сихъ улицъ
И каменныхъ громадъ
Мнѣ дали вновь полей убранство
И рощу или садъ!...

Вздохнулъ бы я больною грудью
Свободно и легко
И счастливъ, счастливъ былъ бы сильно,
Безмѣрно, глубоко.

1895 г.

113. Молитва.

О, Боже мой, Боже мой, Боже мой, Творче,
Весь міръ содержащій въ Десницѣ Своей,
Во все проникая всевидящимъ Окомъ:
Въ морскую песчинку и помыслъ людей!
Мнѣ тяжко, Создатель, бываетъ порою,
Скорбями стѣсняются сердце и грудь,
И мнѣ не по силамъ становится крестъ мой,
Мой жизненный, терномъ усѣянный путь.
Къ Тебѣ, мой Спаситель, къ Тебѣ прибѣгаю
Съ моею усердной и теплой мольбой:
Возри на меня, оубни благодатью,
Дай силы, здоровья и сердцу покой!
Но если ужъ надо, то больше и чаще
Невзгодами жизни мой духъ искушай
Изъ ветхаго новымъ творя человѣкомъ,
Отъ смерти къ безсмертью меня приближай!

1895 г.

114. Сонъ.

Мнѣ въ ранней юности приснился
Однажды чудный, вѣщій сонъ.
Въ священномъ мѣстѣ я молился,
Дремучимъ лѣсомъ окруженъ.
Тамъ жилъ отшельникъ одинокій;
Спасался онъ съ издавнихъ лѣтъ,
Отъ суеты мірской далекій,
Свершая строго свой обѣтъ.

Ничто вокругъ не нарушало
Благоговѣйной тишины,
И небо звѣздами сверкало
Съ неизмѣримой вышины.
Передъ иконою святою
Главу я съ вѣрою склонялъ,
И старецъ дряхлою рукою
Меня на путь благословлялъ
И, мнѣ на перси крестъ древесный
Надѣвъ, съ улыбкой неземной
Промолвилъ онъ: „тебѣ чудесный
Данъ жребій—трудный, но благой.
И пусть сей крестъ, какъ символъ вѣры,
Тебя хранить въ дни тяжкихъ бѣдъ,
Которыхъ безъ числа, безъ мѣры
Познаешь ты средь долгихъ лѣтъ.
Но ты, смиривъ свою гордыню,
Путемъ неправды не ходи,
И эту дивную святыню
Всегда носи ты на груди!“
И вдругъ видѣніе сокрылось...
Въ пустынѣ дикой я лежу,
Черезъ мгновение мнѣ снилось:
На крестъ съ отрадою гляжу.
Я вижу въ немъ свое спасенье
Отъ всѣхъ соблазновъ и тревогъ.
Святую силу искупленья
Вложилъ въ него чрезъ старца Богъ.
И въ умиленіи сердечномъ
Обѣтъ великій я даю,
Что въ этомъ мѣрѣ быстротечномъ
Его я свято сохраняю,
Ни на минуту не забуду,
Что грудь мнѣ осѣняетъ онъ,
И всѣми силами я буду
Блюсти божественный законъ.
Встаю и, помоляся Богу

И приложившись ко кресту,
Пускаюсь въ дальнюю дорогу,
Готовый къ тяжкому труду.
Иду и день, и ночь пустыней
Безводной, мрачной и глухой,
Хранимъ завѣтною святыней
И мысля лишь о ней одной.
Но вотъ мой духъ ослабѣваетъ,
Мечта объ отдыхѣ томить,
И вѣжды сонъ одолѣваетъ,—
И даръ священный мной забытъ...
Вдругъ просыпаюсь весь разбитый,
Ищу креста въ нѣмой тоскѣ...
Лучами солнца весь залитый,
Лежить вдали онъ на пескѣ.
И со слезами, и въ смятеньи,
Собравъ съ трудомъ остатокъ силъ,
Я подошелъ и въ умиленьи
Вновь грудь святыней осянилъ.
И вновь, колѣнопреклоненный
Передъ всевидящимъ Творцомъ,
Я повторилъ обѣтъ священный
Не разлучаться со крестомъ.
Мгновенно сердце озарилось
Любовью чистой ко Христу,
И рвенье твердое явилось
Презрѣть плотскую суету.
Иду опять, не уставая,
Иду и день, и ночь впередъ...
И вотъ лужайка небольшая
Къ себѣ невольно взоръ влечетъ.
Вотъ рѣчка, бѣдная избушка,
Овечки рѣзвятся гурьбой,
Свирѣблю нѣжною пастушка
Сзываетъ ихъ на водопой.
Невинный видъ, скромна, стыдлива...
Я усталъ чувствую въ себѣ,

И поступь сдѣлалась лѣнива...
Невольно подхожу къ избѣ...
Съ привѣтомъ ласковая дѣва
Мнѣ подаетъ вино и сыръ...
Подъ звуки чуднаго напѣва
Я забываю цѣлый міръ.
Красою дѣвы очарованъ,
Обѣтъ я забываю свой
И, страстью жгучею взволнованъ,
Предъ ней склоняюся съ мольбой.
Но, ослабѣвшій, изнуренный
Страдою путевыхъ трудовъ
И виннымъ паромъ опьяненный,
Я падаю безъ силъ, безъ словъ...
Проснувшись съ горечью сознанья
Грѣха, содѣяннаго мной,
Я со слезами покаянья
Хочу взглянуть на крестъ святой.
Но на груди ужъ нѣтъ святыни,
Ни на полу, ни на столѣ,—
И снова я среди пустыни
Блуждаю взоромъ по землѣ.
И вновь твержу обѣтъ священный,
Что если крестъ опять сыщу,
То весь остатокъ жизни брэнной
Ему всецѣло посвящу.
Давно ужъ солнце на закатѣ;
Я по лужайкѣ все брожу,
И наконецъ въ травѣ, близъ хаты,
Я крестъ завѣтный нахожу.
Раскрывъ ему свои объятья
И возложивъ на перси вновь,
Я предалъ вѣчному проклятью
Свою преступную любовь.
О чудо! вмигъ перерождаюсь,
Вновь полонъ бодрости, здоровъ,
Опять блаженствомъ наслаждаюсь

И снова въ тяжкій путь готовъ.
Иду, Творца благословляю,
И осѣняюся крестомъ,
И гимны новые слагаю
Въ восторгѣ сладостномъ моемъ.
И дни идутъ чредой за днями,
И ночи ихъ смѣняютъ мглой,
И по оврагамъ, и холмами
Иду я узкою тропой.
Вотъ мнѣ навстрѣчу лѣсъ дремучій
Съ зловѣщимъ шепотомъ своимъ,
Иду я дебрею колючей
И бодръ, и веселъ, невредимъ.
Рыкають львы передо мною,
И тигры бѣшено ревуть,
Геены мечутся толпою,
И сонмы змѣй ко мнѣ ползуть.
Но я безъ страха и смятенья,
Со славословьемъ на устахъ
И полный вѣры и терпѣнья,
И день, и ночь все на ногахъ.
Столь дивенъ крестъ! Святая сила
Столь чудотворно среди бѣдъ
Меня отъ гибели хранила!
Такъ вѣренъ старца былъ завѣтъ!...
Сталъ рѣдокъ лѣсъ, и показались
Луга цвѣтистые, поля,
Ручьи и рѣчки извивались,
Мой взоръ усталый веселя.
Сель, городовъ и весей много
Я безъ вниманья миноваль,
Идя безъ усталости дорогой,
Почти совсѣмъ не отдыхаль.
Болота, топи и трясины
Мнѣ часто затрудняли путь,
Холмы и горныя вершины
Больную надрывали грудь.

И наконецъ передъ очами
Явился городъ пребольшой,
Съ многоэтажными домами
Съ веселой, шумной суетой.
Не мало памятниковъ славныхъ,
Искусствъ и роскоши затѣй,
Не мало храмовъ православныхъ,
Не мало въ немъ монастырей.
И я спѣшу по стогнамъ града,
Спѣшу въ далекій, древнѣй храмъ,
Гдѣ ждетъ великая отрада
Припасть къ цѣлительнымъ мощамъ.
На встрѣчу, рядомъ и со мною
Народъ и ѣдетъ, и идетъ
Разнообразною толпою,
То полнъ веселья, то заботъ...
Дорогой долгой утомленный,
Подавленъ шумомъ городскимъ,
Зашелъ я въ садъ уединенный
Вздохнуть подъ дубомъ вѣковымъ
И здѣсь на лавочкѣ невольно
Въ тѣни деревьевъ задремалъ.
Прошло ужъ времени довольно,
Когда я пробуждаться сталъ.
Смотрю: ужъ солнце закатилось,
И рдѣютъ полосы зари;
Въ саду же все перемѣнилось:
Толпа людей, и фонари
Цвѣтными свѣтятся огнями,
Скорѣй изъ сада я спѣшу,
Но выхода между кустами
И межъ людьми не нахожу.
Людскою давкой оттѣсненный,
Въ средину сада я попалъ,
Гдѣ средь палатки освѣщенной
Паяцъ, кривляясь, распѣвалъ
Подъ звуки музыки игривой;

Народъ шумѣлъ и хохоталъ;
Затѣмъ танцовщицѣ красивой
Безумно онъ рукоплескалъ.
Палатка вскорѣ опустѣла,
И въ ней погасъ волшебный свѣтъ:
Замѣтно публика рѣдѣла,
И многіе пошли въ буфетъ.
Я страшный голодъ ощущаю,
Борюсь, крѣплюсь, но нѣту силъ,
И я ужъ слѣдъ свой направляю
Во слѣдъ полуночныхъ кутилъ.
Но вдругъ мелькнула мысль невольно,
Со мною-ль крестъ завѣтный мой?...
О ужась!... сердце сжалось больно...
Я безъ святыни дорогой!...
И я въ отчаяннѣ великомъ,
Въ изнеможеннѣ и слезахъ,
Со стономъ падаю и крикомъ,
Безъ чувствъ, безъ памяти, въ кустахъ...
Очнулся я въ большой палатѣ,
Средь тяжко страждущихъ больныхъ,
И тотчасъ вспомнилъ объ утратѣ
Залога радостей святыхъ...
Съ трудомъ великимъ поддавалась
Болѣзнь лѣченію врача;
Но вѣра въ сердцѣ разгоралась,
Какъ воска яраго свѣча.
И вотъ приходитъ день желанный,
Я изъ больницы выхожу
И въ храмъ далекій неустанно
И съ нетерпѣніемъ спѣшу.
Спѣшу къ мошамъ святымъ, нетлѣннымъ
Снести печаль и скорбь мою,
Съ рѣшеньемъ твердымъ, неизмѣннымъ
Вполнѣ исправить жизнь свою.
Вхожу во храмъ съ благоговѣньемъ,
Съ молитвой теплой на устахъ,

И передъ ракой съ умиленьемъ
Весь повергаюсь я во прахъ.
Въ живомъ, сердечномъ упованьи
Я вѣрой пламенной горю...
О радость!... на мощахъ, въ сіяньи,
Свой крестъ потерянный я зрю...
Въ восторгѣ, удивляясь чуду
И крестъ держа въ своихъ рукахъ,
Твержу: „ужъ больше не забуду!“
И пробуждаюсь въ слезахъ.

1895 г.

115. М о л и т в а.

Боже нашъ вѣчный,
Духъ вездѣсушій,
Духъ безконечный,
Духъ всемогущій,
Жизни Зиждитель,
Міра Творецъ,
Ты нашъ Спаситель,
Ты нашъ Отецъ!

Въ жизни сей бренной,
Скорбной, тернистой,
Духъ всеблаженный,
Спасъ нашъ пречистый,
Всѣхъ насъ любовью
Ты согрѣвай,
Крестными кровью,
Тѣломъ питай!

Много въ насъ скверны,
Бездна дурного,
Злы, лицемѣрны,
Жаждемъ плотского,
Нашимъ моленьямъ,

Творче, вонми,
Правды велѣнья
Насъ вразуми!

Образъ Твой славный
Въ насъ забываемъ,
Жизнью злонравной
Мы оскверняемъ.
Отче небесный,
Всѣхъ насъ прости,
Образъ чудесный
Свой освяти!

1895 г.

116. ЧУДНЫЯ МГНОВЕНІЯ.

Господь нерѣдко посылаетъ
Мнѣ въ храмъ чудныя мгновенья:
Душа невольно источаетъ
Святыя слезы умиленья.

Глубоко въ сердце западаютъ
Молитвословія живыя;
Въ умѣ безслѣдно исчезаютъ
Мечты и помыслы земныя.

Я весь проникнуть созерцаемъ
Творца духовными очами,
Съ любовью, вѣрой, упованьемъ
Молясь и сердцемъ, и устами.

Всего меня восторгъ священный
И трепеть благостный объемлетъ,
И крестнымъ знаменемъ смущенный
Мой демонъ-искуситель дремлетъ...

Вотъ отчего я такъ охотно
Хожу во храмъ и тамъ молюся;
Я тамъ смиренно, беззаботно
Съ Творцомъ и ближними мирюся...

О, Боже, Отче, Вседержитель!
Не презри моего моления,
Грѣховъ и смерти Искупитель,
Шли чаще мнѣ сіи мгновенья.

1895 г.

117. На обращеніе Болгаріи.

(²/₁₄ Февраля 1896 г.).

Веселитесь, торжествуйте,
Сердцемъ радостно ликуйте,
Всѣ друзья славянъ!
Радость общая настала,
Время скорби миновало,
Спаль съ очей туманъ.

Мигъ желанный, мигъ возврата
Къ намъ отторженнаго брата
Дорогъ и великъ.
Для славянскаго сознанья,
Единенья и призванья
Это—чудный мигъ!

Всѣ разрозненные братья
Снова въ тѣсныя объятя
Дружбой скрѣплены.
Вновь славянскіе народы,
Безъ ущерба для свободы,
Братскихъ чувствъ полны!

И ужъ близится то время,
Какъ славянское все племя
Сплотится въ союзъ.
Участь каждаго собрата
Будетъ счастіемъ богата
Средь духовныхъ узъ!...

Отъ Невы и до Дуная,
Отъ Балканъ и до Алтая
Сплошь славянскій міръ—
Вотъ въ чемъ счастье славянина,
Въ чемъ мечта его едина,
Въ чемъ его кумиръ!...

Веселитесь же, славяне!
Веселитесь, россияне!
Близокъ счастья часъ.
Въ дни могучей общей славы
Чужеземныя державы
Не страшны для насъ!...

Въ эти дни поры блаженной
У славянъ для всей вселенной
Вспыхнетъ свѣтъ Христа
И сплотитъ весь міръ не кровью.
А славянскою любовью,
Съ помощью креста!

118. В е с н а.

Вновь весеннія воды струятся,
Струны лиры опять шевелятся,
Чувства, мысли вновь къ небу стремятся,
Мигъ—и ожилъ поэтъ!...
Все, что спало въ природѣ уныло,
Все, что сердце невнятно томило,
Все, что въ мысляхъ сокрытаго было,
Все получить отвѣтъ.

Время мрака, снѣговъ, непогоды,
Время скорби, сердечной невзгоды,
Время гнета души, несвободы
Вновь дождалось конца...

Вновь природа одѣлась царицей,
Сердце снова согрѣто денницей,
Мысль попрежнему носится птицей,
Все волнуетъ пѣвца.

И поетъ, и поетъ безъ завѣта,
И не просить у ближнихъ привѣта,
Полонъ чудныхъ восторга и свѣта,
Вдохновенный баянь...

Онъ поетъ красоту мірозданья,
Онъ поетъ и сердце упованья,
Онъ поетъ и души ликованья,
И удѣлъ горнихъ странъ.

1896 г.

119. Передъ обѣдней.

Давно ужъ колоколъ церковный
Сзываетъ прихожанъ во храмъ,
Гдѣ людямъ миръ святой, духовный
Преподаетъ Спаситель Самъ...

Давно, давно звонятъ къ обѣднѣ,
А я все медлю и лѣнюсь:
Какъ рыба трепетная въ бреднѣ,
Я суетой мірской томлюсь...

Такъ часто счастья святого
Лишаюсь добровольно я
И по внушенью духа злого
Готовлю къ гибели себя...

Что можетъ быть отраднѣй въ мірѣ
Церковныхъ гимновъ и молитвъ?
Какой сравнятся съ ними лирѣ
Среди житейскихъ бурь и битвъ?...

Я чувствую восторгъ блаженный,
Когда всѣмъ сердцемъ я пою,
Но миръ вкушаю я священный,
Когда во храмѣ я стою.

1896 г.

120. БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

На улицахъ давно нѣтъ снѣга,
Отъ льда очистилась Нева,
И въ воздухѣ разлита нѣга...
Весна вошла въ свои права.

Сады и скверы запестрились
Вновь изумрудной муравой;
Деревья и кусты покрылись
Весенней, дѣвственной листвою...

И небо свѣтлой бирюзою
Ласкаетъ взоръ моихъ очей...
Люблю я Петербургъ весною
Средь бѣлыхъ сѣверныхъ ночей!

1896 г.

121. Русь.

(Коронаціонная кантата).

1. Дуэтъ.

Что за радость, ликование
На Руси святой,
Что за праздникъ, пиrowанье,
Что за пиръ горой?

Ужъ не солнышко-ли съ неба
На землю сошло,
Благоденствие отъ Феба
Людемъ принесло?

Да, намъ Солнце золотое
Ярко свѣтитъ вновь,
Разсѣвая молодое
Счастье и любовь.

2. Хоръ дѣтей.

Благодареніе жаркое
Шлемъ мы святымъ небесамъ:
Чудное Солнышко яркое
Свѣтитъ попрежнему намъ.

Вмѣстѣ съ Нимъ Звѣздочка ясная
Нѣжно сіяетъ для насъ,
Столь же, какъ Солнце, прекрасная,
Столь же отрадна для глазъ.

3. Хоръ мужчинъ.

Наступилъ день торжественный, славный;
Для Россіи онъ счастье несетъ.
Государь нашъ могучій, державный
Мономаховы бармы беретъ.

О вѣнчайся на царство, вѣнчайся,
Нашъ великій Второй Николай,
На престолѣ Руси величайся
И ко счастью ея направляй!

Если надо, мы въ ярую битву
За Тебя всѣ готовы итти,
Но горячую шепчемъ молитву
Мы о мирномъ для Руси пути.

4. Хоръ женщинъ.

Вѣнчайся, Царица, вѣнчайся
И многія лѣта сіяй,
Россіи всѣмъ сердцемъ отдайся,
Заботы Царя облегчай!

Всѣ русскія матери, жены
Съ одною мольбой на устахъ:
Да смертные вопли и стоны
Не слышатся въ русскихъ войскахъ;
Пусть, мирнымъ величьемъ блистая,
Россія свершаетъ свой путь,
На тронѣ-жъ Чета молодая
Хранима Создателемъ будь!

5. Общій хоръ. Слава.

Колокольный звонъ раздался
Въ матушкѣ Москвѣ;
По Руси святой промчался
Чудный слухъ въ молвѣ...
Слава!

Царь вѣнчается на царство
Со Царицею;
Торжествуетъ государство
Со столицею...
Слава!

Царствуй Царь великій, славный,
Милуй и казни
И съ Подругою державной
Русь отъ бѣдъ храни!...
Слава!

Русь святая, Русь родная,
Сердцемъ веселись
И, Творца благословляя,
Пламенно молись!...
Слава!

Да хранить Отецъ Небесный
Ихъ на страхъ врагамъ!
Да съ престола Свѣтъ чудесный
Дольше свѣтитъ намъ!...
Слава!

Царю Всероссійскому слава!
Царицѣ, Имъ избранной, слава!
И Матери Царственной слава!
Цареву Наслѣднику слава!
Всеи Царской Семѣ Русской слава!
И Дому Романову слава!

1896 г.

122. Мечты.

Минуты сладостныхъ мечтаній,
Мгновенья свѣтлыхъ упованій,
О какъ порой вы хороши,
Какъ благотворны для души!
Я васъ извѣдалъ съ давнихъ дней
Безвѣстной юности моей.

Въ ту пору свѣжихъ впечатлѣній
Рой темныхъ, тягостныхъ сомнѣній
Моей души не омрачалъ;
Въ то время горя я не зналъ,
Не зналъ враговъ, любилъ людей,
Живя среди родныхъ полей.

Я въ правду вѣрилъ такъ глубоко,
Такъ чтить я истину высоко,
Любовью чистою сгоралъ
И лишь добра отъ жизни ждалъ,—
И я любилъ мою мечту,
Какъ и природы красоту.

Съ годами правда омрачилась,
Съ годами истина затмилась,
Любовь поругана была,
Я въ жизни встрѣтилъ много зла,
И за мечту свою не разъ
Страдалъ я горестно подчасъ.

Но, несмотря на всѣ страданья,
На всѣ душевныя терзанья,
Мнѣ правда милою была
И сердце истина влекла,
Какъ прежде, я любовь хранилъ
И о добрѣ мечтать любилъ.

И нынѣ, опытомъ богатый
И дней тревожныхъ на закатѣ,
Я лжи, какъ прежде, не терплю
И жарко истину люблю,
Люблю добро я всей душой
И увлекаюся мечтой.

1896 г.

123. Дядя Власть.

Вотъ онъ—дядя Власть бездомный,
Съ книгой, образомъ, сумой,
Въ армякѣ, сермягѣ скромной,
Съ непокрытой головой...
Говорять, вериги носить
На рукахъ и на ногахъ,
На созданье храма просить
Въ деревняхъ и городахъ.
Съ деревянной длинной палкой,
Изнуренный и сѣдой,
Круглый годъ походкой валкой
Бродить Русью онъ святой.
Какъ сложилось рѣшенье,
Какъ онъ далъ себѣ обѣтъ
Собирать „на построенье“,
Никакихъ преданій нѣтъ.
Былъ ли жизнью обездоленъ,
Или съ дѣтства склоненъ былъ,
Иль людьми былъ недоволенъ,

Или тяжко согрѣшилъ,
Никому то неизвѣстно,—
Знають только онъ да Богъ.
Подвигъ свой свершая честно,
Отъ соблазновъ онъ далекъ.
Погруженный вѣчно въ думу,
Съ озабоченнымъ челомъ,
Ходить тихо онъ, безъ шуму.
Осѣняяся крестомъ,
И, на встрѣчнаго въ мгновенье
Благодушно посмотрѣвъ,
Просить онъ „на построенье“
Рѣчью плавной, нараспѣвъ.
И въ постѣ, трудѣ, лишеньи
Пребывая вѣчно самъ,
Онъ воздвигъ на приношенья
Не одинъ, быть можетъ, храмъ...
И не мало дядей Власовъ
По Руси святой идетъ
Изъ простыхъ и темныхъ классовъ
Совершать свой крестный ходъ.
Знать, здорова Русь родная,
Даровита и честна,
Если сила столь живая
Такъ нерѣдко въ ней видна.
О, дай Богъ, чтобы побольше
Дядей Власовъ было въ ней
И чтобъ Власовъ образъ дольше
Жилъ для родины своей!

1896 г.

124. **Попрошайкамъ.**

Что вы бѣгаете, дѣти,
За прохожими гурьбой?...
Неужель копѣйки эти
Осчастливятъ васъ собой?...

Протянувъ свои ручонки,
Вы дрожите подъ дождемъ,
А вода сквозь рубашонки
Льется на землю ручьемъ...

Вамъ бы, дѣти, лучше дома
Сказку, азбуку читать,
Если жъ книжка незнакома,
Порѣзвиться, поиграть.

Развѣ матери съ отцами
Посылаютъ васъ просить?...
Иль сиротки вы, и сами
Вы должны себя кормить?...

Развѣ у родныхъ иль близкихъ
Нѣтъ пріюта для дѣтей?
Иль живете вы у низкихъ
И безжалостныхъ людей,

А они васъ худу учатъ,
Заставляя собирать,
И ругаютъ васъ, и мучатъ,
Коль вамъ нечего имъ дать?...

Или просите безъ нужды,
Ради лакомства у всѣхъ,
И лишенія вамъ чужды?—
Такъ, вѣдь, это, дѣти, грѣхъ.

То ли дѣло, обучившись
Счету, грамотѣ, письму,
Къ мастерству приноровившись,
Быть не въ тягость никому!...

Ну да ладно... подождите...
Вотъ вамъ малость, такъ и быть,
Лишь домой скорѣй бѣгите,
Да ужъ больше не просить!...

1896 г.

125. Парасковья.

По паперти одной приходской церкви
Средь нищихъ я нерѣдко прохожу;
Межъ нихъ одна старушка мнѣ знакома;
Я на нее участливѣй гляжу.

Была она когда-то въ услуженьи
Въ семействѣ, гдѣ я комнату снималъ;
Она слыла искусною кухаркой;
Ее старушкой доброй я считалъ.

Но и тогда частенько ужъ ночами
Она страдала сильно, не могла
Работы тяжелой выносить, и вскорѣ
Въ больницу, бѣдная, она слегла.

Прошло съ тѣхъ поръ почти четыре года,
И вдругъ ее встрѣчаю въ храмѣ я,
Среди оборванныхъ и жалкихъ нищихъ
Стоитъ въ углу Парасковьюшка моя.

Мы обошлись другъ съ другомъ, какъ родные.
Она печально рассказала мнѣ,
Что сбилась оцончательно ногами
И отказались ей служить онѣ.

Прислугой быть она уже не можетъ;
Достатка нѣтъ; глаза не видятъ шить,
И вотъ однимъ Христовымъ подаяньемъ
Приходится на старости ей жить...

И съ той поры, какъ въ церкви той бываю,
Мнѣ слышится при выходѣ изъ ней
Надорванный, дрожащій, тихій голосъ:
„Подайте Парасковьюшкѣ своей!...“

1896 г.

126. Похороны.

Вчера я увидѣлъ тяжелую сцену.
Близъ кладбища сельскаго я проѣзжалъ,
Смотрю: въ немъ собралася кучка народу:
Тамъ кто-то въ толпѣ безутѣшно рыдать...
Схожу съ тарантаса, вступаю въ ограду;
Смѣшавшись съ толпою, я вижу кругомъ
Печальныя, скорбныя лица и слезы,
И яму копають три парня молчкомъ...
Вблизи стоитъ гробъ; онъ уже заколоченъ;
Надъ ямой двѣ бабы ревутъ въ голоса:
Одна причитаетъ по мужу, другая
По братѣ рыдаетъ... Невольно слеза
Лицо мнѣ смочила, а въ душу закралось
Тревожное чувство... Природа вокругъ
Особенно какъ-то тогда ликовала,
А тутъ умираетъ отецъ, мужъ и другъ.
Изъ бабьихъ причетовъ я явственно понялъ,
Что умеръ хорошій хозяинъ, мужикъ
Изъ ближней деревни, степенный, семейный;
Былъ плотникомъ славнымъ покойный старикъ;
Онъ былъ на работѣ, да вышла оплошность:
Бревномъ придавило до смерти его...
Остались жена да четыре большіе,
Степенные сына; сиротъ—никого...
Старикъ поднялъ на ноги всѣхъ и къ работѣ
Своей приучилъ... И потери печаль
Не очень ужъ тяжело должна отразиться
Въ семействѣ... Но все же покойнаго жаль...
1896 г.

127. 25 Іюня 1896 г.

Столѣтіе минуло
Съ рожденья Николая
И въ вѣчность промелькнуло,
Какъ перелетныхъ стая...

И три Вождя почили
Въ Россіи православной
И Правнуку вручили
Полетъ ея державный...

Отецъ и Сынъ со Внукомъ
Отчизнѣ послужили,
Къ искусствамъ и наукамъ
Широкій путь открыли...

О, правнукъ Николая,
Второй нашъ Николай,
О просвѣшеньѣ края
Заботы довершай!...

О, Внукъ царя свободныхъ,
Счастливыхъ россіянъ,
О, поддержи природныхъ
Собратьевъ намъ—славянъ!

Преемникъ Миротворца,
Пусть скиптръ являетъ Твой
Всѣмъ намъ отъ царедворца
До пахаря покой!...

Твой Прадѣдъ былъ изъ строгихъ,
Но доблестныхъ Вождей
И милостивъ для многихъ
Изъ слугъ страны своей...

Онъ войны велъ со славой.
Онъ персовъ побѣждалъ
И грековъ величаво
Отъ турокъ защищалъ.

Османскую державу
Онъ дважды побѣдилъ
И съ честію Варшаву
Мятежную смирилъ.

Для Австріи сосѣдней
Кошута наказаль,
Войною же послѣдней
За православье всталъ...

Отечеству заслуги
Умѣль онъ поощрять,
И доблесть, и науки
По-царски награждать.

Графъ Дибичъ-Забалканскій,
Жуковскій, Филаретъ,
Паскевичъ, графъ Сперанскій,
И Грузіи поэтъ,

Нашъ Пушкинъ незабвенный,
И Гоголь, и Кольцовъ,
И Глинка вдохновенный,
И дѣдушка Крыловъ,

Таланты молодые
Ивановъ и Брюловъ...
Вотъ имена драгія
Отечества сыновъ!...

Подъ скиптромъ Николая
Хранима Русь была,
Изъ нѣдръ своихъ рождая
Намъ за орломъ орла...

Къ ослушникамъ суровый,
Онъ жарко Русь любилъ
И путь къ наукѣ новый
Потомству проложилъ...

Онъ царскій санъ священный
Съ достоинствомъ носилъ,
Прозванье „Незабвенный“
По праву получилъ

О, Царь великодушный,
Миръ праху Твоему!
Вотъ гимнъ Руси, послушной
Монарху своему.

128. **Раздумье.**

Только сталь мой цвѣтникъ украшаться,
И покинуть его мнѣ должно!...
Да, мнѣ съ родиной милой разстаться
На годъ цѣлый судьбой рѣшено.

О, какая была бы отрада,
Если-бъ могъ я еще здѣсь побыть,
Среди этого тихаго сада
Городскую шумиху забыть,

Если-бъ въ этой уютной бесѣдкѣ,
Средь ласкающихъ взоры цвѣтовъ,
Я, какъ пѣвчая птичка на вѣткѣ,
Могъ бы славить Владыку міровъ,

Если-бъ благовѣсть ближняго храма
Временами мой слухъ услаждалъ
И съ погоста родимаго прямо
Въ сердце миръ и любовь навѣвалъ!...

1896 г.

129. **Благодареніе.**

Къ Тебѣ, Заступница усердная, съ мольбою при-
бѣгаю,
Къ Тебѣ, о, Матерь Бога вѣчнаго, всѣмъ серд-
цемъ я взываю!
Прими, прими благодареніе отъ грѣшнаго раба,
Что чудотворно такъ облегчена добру со зломъ
борьба!

Я пропадалъ, какъ прахъ, растоптанный прохо-
 жаго ногою,
 Я тяжко изнывалъ обиженный неправдою людскою.
 Казалось, не было сомнѣнiя въ гибели моей,
 И я уже не ждалъ спасенiя отъ близкихъ мнѣ
 людей.
 Но лучъ животворящiй, благостный, меня не
 оставляя,
 Средь мрака, скорби и терзанiя мнѣ душу озаряя,
 Явился якоремъ спасительнымъ... Тотъ лучъ свя-
 той была
 Ты, скорбныхъ, сырыхъ всѣхъ Заступница; Ты, Ты
 меня спасла;
 Ты, Ты свершила дѣло чудное Своею благодатью,
 Предавъ зловредныя стремленiя враговъ моихъ
 заклятью...
 И вотъ я, недостойный, грѣшный рабъ, стою
 вновь невредимъ
 Предъ образомъ цѣлительнымъ и чудодѣйствен-
 нымъ Твоимъ.
 Прими жъ, прими благодаренiе отъ грѣшнаго раба
 За то, что чудно такъ ослаблена враговъ моихъ
 борьба!
 Тебѣ, о, всеблагая Матерь Божiя, себя вручаю!
 Лишь на Тебя со Пресвятою Троицею уповаю,
 Сердечной, неизмѣнной, пламенною вѣрою горя,
 Всѣмъ помышленiемъ любя, за все, за все благо-
 даря!

1896 г.

130. М о л и т в а.

Прости, Создатель, дерзкiй ропотъ
 На жребiй, данный мнѣ Тобой,
 И сердца недовольный шепотъ,
 Съ желаньемъ участи иной!

Я такъ ничтоженъ предъ Тобою,
Передъ величіемъ Твоимъ!
Не оскорбись моею хулою,
Безумнымъ лепетомъ моимъ!...

Въ погонѣ за житейской славой,
За благоденствіемъ земнымъ
Наполнилъ я мой духъ отравой,
Не внемля истинамъ Твоимъ.

Забывъ Твою святую волю,
Обуреваемъ суетой,
Я самъ отвергъ благую долю—
Мой путь, начертанный Тобой.

Вселенной мнѣ-ль понять законы?
Ихъ знаютъ только небеса.
Пройдутъ вѣковъ хотъ миллионы,
Но не исчезнутъ чудеса.

И мнѣ-ль судить Твои рѣшенья,
Твой промыслъ правый и святой,
Коль самъ я полонъ весь сомнѣнья
И самъ не властенъ надъ собой?

Прости жъ, Творецъ, мои стенанья,
Прости роптанія мои
И дай мнѣ силъ для упованья,
Дай силъ для вѣры и любви!

1896 г.

131.

* * *

Какъ утлый челнъ средъ океана,
Не направляемый никѣмъ,
Носимъ безпечными волнами,
По волѣ вѣтровъ и теченій,

Кренясь, вздымаясь и кружась,
Вполнѣ безпомощно стремится
Одинъ въ невѣдомую даль,
Такъ я средь міра одиноко,
Завѣтъ Всевышняго забывъ,
Послушный суетѣ житейской,
Земнымъ соблазнамъ предаваясь,
По волѣ рока и страстей,
Стремлюсь къ невѣдомой мнѣ цѣли
По скользкимъ жизненнымъ волнамъ.

1896 г.

132. Жъ р о д и н ѣ .

Прости, прости, мой милый край!
Намъ предстоитъ разстаться.
Теперь навѣкъ уже прощай!
Намъ больше не видаться.

Все, что съ рожденья было мнѣ
Такъ дорого и мило,
Въ родимой будетъ сторонѣ
Завѣтною могилой.

Твоихъ красотъ не зрѣть ужъ мнѣ,
Не воспѣвать ихъ лирой.
Твой лѣсъ, не выросшій вполнѣ,
Исчезнетъ подъ сѣкирой.

Нахлынетъ хищниковъ орда
И сплошь его порубить,
Безъ сожалѣнья навсегда
Красу твою загубить...

И мой цвѣтникъ отраднѣй, садъ
Не пощадятъ номады;
Они навѣрно обратятъ
Ихъ въ овощныя гряды...

Ужъ для меня не прозвучитъ
Вновь колоколь родимый,
Ужъ сердца вновь не озаритъ
Погоста видъ любимый...

Какъ съ частью сердца, расстаюсь
Съ тобой, страна родная,
И волѣ рока предаюсь,
Тебя благословляя.

1896 г.

133. Великій день.

Сегодня Дѣва Пресвятая
Христа Предвѣчнаго рождаетъ,
И, Бога въ Немъ не познавая,
Земля вертепъ имъ раскрываетъ.
Лишь пастыри, душой простою,
Повѣривъ вѣсти вождельнной,
Воспѣли пѣсню святою
Рожденіе Творца вселенной
И, вмѣстѣ съ ангельскимъ синклитомъ
Творцу воздавъ благодаренье,
Передъ Младенцемъ именитымъ
Во прахъ поверглись въ умиленьи.
Издалика жъ, звѣздой ведомы,
Въ лучахъ духовнаго прозрѣнья,
Жрецы науки, астрономы
Къ пещерѣ шли на поклоненье
И въ даръ Спасителю вселенной
Несли сокровища земныя...
Такъ озарились вдохновенно
И разумъ, и сердца простыя...
Родился днесъ Спаситель міра!...
И умъ, и сердце, торжествуйте!...
Звучи величественнѣй, лира!...
О, братья, вѣрьте и ликуйте!...

1896 г.

134. С л а в а .

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Рождество Твое, Христе, Боже нашъ,
Озарило міръ свѣтомъ разума.
Возсіяль тотъ свѣтъ въ сердца праведныхъ—
И безхитростныхъ, кроткихъ пастырей,
И пытателей славы Божіей—
Неба звѣзднаго изыскателей.
И волхвы звѣздой путеводною
Научилися поклоненію
Тебѣ, Спасе Нашъ, Солнце истины,
Солнце вѣчное правды Божіей,
И хвалой своей научили всѣхъ
Отъ восточныхъ странъ и до западныхъ
Познавать Тебя, съ высоты Востокъ,
Воспѣвать Тебѣ славу вѣчную.

1896 г.

135. В ѣ х р а м ѣ .

Люблю я въ храмѣ многолюдномъ,
Затерянный въ толпѣ густой,
Вдали отъ суеты мірской,
Въ какомъ то озареніи чудномъ
Вкушать всеблагостный покой.

Неволью шепчется молитва
И слезы льются изъ очей,
И, средь невѣдомыхъ людей,
Забыта жизненная битва
И стихъ разгаръ моихъ страстей.

И съ этой чуждой мнѣ толпою
Роднясь и сердцемъ, и душой,
Я предъ иконою святой

Склоняюсь грѣшной головою,
Но съ вѣрой чистой и живой...

О! какъ тогда я сожалѣю,
Что, часто лѣностью томимъ
Или обычаемъ тѣснимъ,
Я въ жизни больше тяготѣю
Къ соблазнамъ и дѣламъ мірскимъ.

1897 г.

136. Воспоминанія.

Иду я вдоль Фонтанки. День морозный,
И солнце ясное блеститъ,
И снѣжныя падучія пушинки
Лучами дивно серебрить.
Какъ чудно-хорошо! Но, къ сожалѣнью,
Спѣшу я на урочный трудъ,
И въ душной, тѣсной комнатѣ бумаги
Меня докучливыя ждуть.
Ахъ! если бы теперь гуськомъ на тройкѣ,
Въ возкѣ иль просто на санихъ,
Глухимъ проселкомъ лихо прокатиться
Въ завѣтныхъ съ юности мѣстахъ,
То средь избушекъ, тонушихъ въ сугробахъ,
То межъ причудливыхъ вѣтвей,
Одѣтыхъ въ снѣжные роскошные покровы,
То вдоль сребрящихся полей!...
Бывало, ѣдемъ дружною семьею
Версть полтораста на своихъ,
И изъ возка веселый смѣхъ несется...
Стой, кучеръ!... колокольчикъ стихъ...
И молодежь, дышащая здоровьемъ,
Стремится шумно изъ возка
Расправить члены на привольѣ снѣжномъ...
О, какъ ихъ радость велика!...

А вотъ и спускъ крутой съ пригорка къ рѣчкѣ,
 А тамъ и на гору подъемъ...
 Ужъ тутъ и старики восходятъ тихо
 И подъ гору идутъ пѣшкомъ...
 Всѣ вновь усѣлись. Тройка удалая
 По снѣжному пути летитъ...
 Лихой ямщикъ затягиваетъ пѣсню,
 И колокольчикъ вновь звенитъ...
 И сѣдоки, и лошади устали;
 Замолкъ ямщикъ... Вотъ и сельцо...
 Скорѣй въ избѣ заѣзжую, курнѹю!
 Тамъ ждутъ закуска, чай, винцо...
 Стоянка затянулась... Дѣтямъ скучно...
 Успѣли лошади вздохнуть...
 Расчетъ съ хозяйкою вполнѣ оконченъ,
 И снова все готово въ путь...
 И ѣдемъ такъ, бывало, сутки, двое
 Веселой, дружною семьей...
 Легко, отраднo... А въ концѣ дороги
 Свиданье съ милою родней...
 Давно умчалось время золотое,
 Забавы юности прошли,
 И тучей мрачною угрюмая заботы
 Чело страдальца облегли...
 Но дороги порой воспоминанья,
 О юномъ счастья мечты;
 Какъ звѣзды на небѣ въ ночи, отрадны
 Они средь тяжкой суеты,
 Счастливъ, кто ими обладаетъ въ жизни.
 Они такъ чудно хороши...
 И пусть же онъ хранить ихъ, какъ святыню,
 Какъ перлы дивныя души!

1897 г.

137. А. Г. Ф—ву.

Учитель мой прямой и строгій,
Сердечно васъ благодарю.
Примите жъ этотъ знакъ убогій
Любви, которой къ вамъ горю!
Съ какимъ вниманьемъ и терпѣньемъ
Читали вы стихи мои,
Къ ошибкамъ, рѣзкимъ выраженьямъ
Замѣтки дѣлая свои.

Вы первый, что, съ такой охотой
Къ добру направивъ смыслъ и слогъ,
Съ такой отеческой заботой
Мнѣ дали памятный урокъ.
Его во вѣкъ я не забуду
И въ пѣсняхъ будущихъ моихъ
Ему лишь слѣдовать я буду,
Исправя прежнихъ пѣсень стихъ.

Я съ каждымъ новымъ пѣснопѣньемъ
Вашъ образъ буду призывать,
Согласно вашимъ наставленьямъ,
И смыслъ, и слогъ въ немъ исправлять.
И, можетъ быть, я пѣснюю новой
Въ собратьяхъ правду укрѣплю...
О, какъ, учитель мой суровый,
Васъ уважаю, васъ люблю!

1897 г.

138. М о л и т в а.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Господь, моей Владыко жизни!
Ты духа праздности, унынья,
Любоначалья, празднословья
Не дай, о Боже, никогда мнѣ!

Духъ цѣломудрія же, Творче,
Смиренномудрія, терпѣнья
И духъ любви къ Тебѣ и ближнимъ
Мнѣ, Твоему рабу, Ты даруй!

О да Господь и Царь всесильный,
Мнѣ, Твоему рабу, Ты даруй
Лишь зрѣть мои всѣ прегрѣшенья,
Ни въ чемъ не осуждая брата!

О, какъ Отецъ мой милосердый,
Благословенъ Ты во вселенной,
На небесахъ, подъ небесами,
Вездѣ, отъ всѣхъ, всегда и вѣчно!

1897 г.

139. **На смерть А. Н. Майкова** *).

Еще одна завѣтная могила
Прибавилась въ ряду родныхъ могилъ!..
Еще судьба жестокая сразила
Одну изъ русскихъ вдохновенныхъ силъ!..

Плачь, горько плачь, печальная Россія,
Надъ урною народнаго пѣвца!
Не повторятся трели золотыя
Любимца музъ, поэзіи жреца...

Въ дни предпочтенья пѣснопѣньямъ прозы
Онъ лирою полвѣка міръ плѣнялъ
И чистыя, восторженные слезы
Въ насъ пѣснью задушевной вызывалъ...

Не прихотью, не ремесломъ доходнымъ
Являлся для него сей дивный даръ.
Онъ былъ отъ цѣлей низменныхъ свободнымъ
Источникомъ волшебныхъ, чудныхъ чаръ...

*) Произнесено на могилѣ покойнаго.

И нѣжная, задумчивая лира,
Звуча во всѣхъ концахъ родной земли,
Дышала жаждою любви и мира
Для церкви, царства, ближнихъ и семьи...

И не искалъ онъ славы; на свободѣ,
Безъ принужденья пѣснь его лилась,
Будила чувства добрыя въ народѣ,
И вся Россія съ пѣснью той сжилась...

Но вотъ насталъ послѣдній часъ разлуки...
Главой увѣнчанной поникъ пѣвецъ...
Навѣкъ умолкли сладостные звуки
Средь миллионовъ плачущихъ сердець...

Усни, поэтъ народный, незабвенный,
Усни отъ всѣхъ тревогъ, отъ всѣхъ суетъ!..
О, „Двухъ міровъ“ создатель вдохновенный,
Воспѣвъ земной, познай небесный свѣтъ!..

Да, умеръ ты... и тѣло передъ нами
Бездушное, безгласное лежитъ...
И гробъ твой мы украсили цвѣтами...
И церковь память вѣчную твердитъ...

Но живъ твой духъ!.. живетъ въ твоихъ твореньяхъ!..

Живетъ въ сердцахъ, признательныхъ тебѣ!..
Поэтъ! ты въ сладкозвучныхъ пѣснопѣньяхъ
Воздвигнулъ вѣчный памятникъ себѣ!

1897 года.

140. Псаломъ 50.

(Переложение).

Помилуй, Боже мой, меня
По милости Твоей великой,
По множеству щедротъ Твоихъ
Мое очисти беззаконье!

Омой меня Ты многократно
Отъ беззаконья моего
И отъ грѣха, о Боже вѣчный,
Меня очисти навсегда!
Я сознаю, Отецъ небесный,
Всѣ беззаконія мои,
И грѣхъ мой тяжкій и великій
Всегда, всегда передо мной.
Тебѣ, Тебѣ лишь одному
Я согрѣшилъ, о Боже правый,
Лукавое лишь предъ Тобою
Сдѣлалъ я, лукавый рабъ.
Ты чистъ, о Боже мой, со мною,
Твоимъ рабомъ, въ Своемъ судѣ
И праведенъ, какъ Солнце правды,
Ты въ приговорѣ надо мной.
Я въ беззаконіи былъ зачатъ
И матерью въ грѣхѣ рожденъ,
Но, въ сердцѣ истину любя,
Внутри меня явилъ Ты мудрость.
Меня иссопомъ окропи,
И буду чистъ, какъ изъ купели,
Омой меня святой водой
И буду я бѣлѣе снѣга!
Дай мнѣ услышать снова радость,
Веселье дай услышать вновь,
И возликують снова кости,
Столь сокрушенныя Тобой!
Лицо Свое Ты отвори
Отъ всѣхъ грѣховъ моихъ несчетныхъ,
Всѣ беззаконія мои
Изгладь всеильною Десницею!
Ты сердце чистое созижди
Во мнѣ, о Боже всеблагій,
И правый духъ въ моей утробѣ
Ты благодатью обнови!
Отъ Лица Своего меня,

Раба дурного, не отвергни
И Духа Твоего Святого
Ты отъ меня не отними!
Ты снова, Боже, возврати
Миѣ Твоего спасенья радость
И вновь Владычественнымъ Духомъ
Меня Ты въ скорби утверди!
И научу я беззаконныхъ
Всѣмъ праведнымъ Твоимъ путямъ,
И нечестивые рабы
Къ Тебѣ, о Боже, обратятся!
Избавь меня отъ крови, Боже,
Господь спасенья моего,
И грѣшный мой языкъ восхвалить
Твою, о Боже, правоту!
Господь, уста мои отверзи,
Уста, сомкнутыя грѣхомъ,
И вновь уста мои отверсты
Лишь возвѣстятъ Твою хвалу!
Любую жертву далъ бы я,
Наружной жертвы не желаешь
И никакому всесожженью
Ты нынѣ не благоволишь.
Лишь о грѣхѣ духъ сокрушенный
Вотъ жертва Богу моему,
И сокрушеннаго смиренно
Ты, Боже, сердца не презришь.
Облагодѣтельствуй Сіонъ
Благоволеніемъ Твоимъ
И стѣны крѣпкія воздвигни
Іерусалиму Своему!
Тогда Тебѣ благоугодны
Всѣ жертвы правды будутъ вновь,
И возношенье, всесожженье:
Тельцовъ возложить на алтарь.

1897 г.

141. Въ день погребенія А. Н. Майкова.

(Личныя впечатлѣнія).

Прекрасенъ былъ весенній день,
Какъ греза свѣтлая поэта...
Въ сей день пѣвца могилы сѣнь
Укрыла отъ дневного свѣта...

При отпѣваніи лежалъ
Онъ, какъ живой, на возвышеніи
И самъ, казалось, принималъ
Участіе въ церковномъ пѣнни...

Вдругъ внемлетъ радостный поэтъ
Съ амвона благостный обѣтъ:
„Да, плоть Мою ядущій
И кровь Мою пьющій
Животъ имѣетъ вѣчный:
Его Я въ день конечный
Отъ смерти разрѣшу
И къ жизни воскрешу“ *).

И съ облегченными сердцами
Молились отъ души мы въ храмѣ,
Побѣду правды торжествуя,
Въ чело избранника цѣлуя...

Мы прахъ, навѣкъ намъ дорогой,
Изъ церкви вынесли съ мольбами,
Его въ могилѣ скрывъ сырой,
Убрали холмъ ея вѣнками...

1897 года.

*) Смыслъ читаемаго тогда евангелія (Іоан., VI, 54).

142. Псаломъ 1-й.

(Подражаніе).

Блаженъ, блаженъ тотъ мужъ, который
На путь грѣховный не встаетъ,
Въ совѣтъ не ходитъ нечестивыхъ,
Въ порочномъ сонмѣ не сидитъ,
Котораго вся воля въ Богѣ,
Въ законѣ Божьемъ состоитъ,
Который объ Его законѣ
Лишь размышляетъ день и ночь.
И будетъ этотъ мужъ, какъ древо,
Посаженное близъ воды,
Которое приноситъ плодъ свой
Во время, данное ему.
И листъ котораго не вянетъ,
Успѣшны всѣ того дѣла.
Не такъ счастливы нечестивцы
Въ своихъ неправедныхъ дѣлахъ.
Они, какъ придорожный прахъ,
Съ лица земли гонимый вѣтромъ,—
И потому не устоятъ
Всѣ нечестивые въ день судный.
И грѣшникамъ по ихъ дѣламъ
Въ собраньи праведныхъ не быть.
Господь и знаетъ, и хранитъ
Лишь только праведныхъ путь вѣрный—
И потому во злѣ погибнетъ
Всѣхъ нечестивыхъ ложный путь.

1897 г.

143. Послѣднее прости.

(А. Н. Майкову).

Народный нашъ поэтъ,
Пѣвецъ нашъ незабвенный!
Едва-ль не цѣлый свѣтъ
Воспѣлъ ты, вдохновенный.

Востокъ, Элладу, Римъ,
Красы былого міра
Бряцаньемъ струнъ живымъ
Намъ воскрешала лира.

Прими же, нашъ пѣвецъ,
Уже въ загробномъ мірѣ,
Прощальный гимнъ сердець,
Родныхъ тебѣ по лирѣ!

За великое, страдальное
Для земли родной служенье
Шлемъ тебѣ „прости“ печальное
Мы въ сердечномъ сокрушеньѣ.

Это слово повторяется
Всей родной твоей страной,
И слезами обливается
Русь надъ урной дорогою.

1897 г.

144. Экспромтъ.

Знай: когда тебѣ не спится
И смятенъ твой духъ
Тяжкой мыслию томится,—
Чти молитву вслухъ,

Или встань скорѣй, умойся,
Богу помолись—
На молитвѣ успокойся
И за трудъ примись!

Силою святой молитвы
Духъ воспрянетъ твой,
И окрѣпнетъ плоть для битвы
Съ жизненной бѣдой.

1897 г.

145. Пѣвецъ.

(Посвящается А. Н. Майкову).

Когда молилъ я Аполлона
Даръ пѣсенъ въ сердцѣ мнѣ явить,
Ко мнѣ съ божественнаго трона
Онъ снизошелъ и далъ мнѣ пить.

И нектаръ чудный вдохновенья
Мгновенно духъ мой озарилъ,
И огонь священный пѣснопѣнья
Въ своемъ я сердцѣ ощутилъ.

Вдругъ струны лиры задрожали
По волѣ юнаго пѣвца,
Въ честь Аполлона зазвучали
Хвалы и гимны безъ конца.

И умиленный Аполлонъ
Настроилъ лиру мнѣ звучнѣе,
И я позналъ святой законъ
Огня, которымъ пламенѣю.

Съ тѣхъ поръ не только Аполлона,
Весь мѣръ могу я воспѣвать,
И лирныхъ струнъ волшебныхъ звона
Мнѣ самому ужъ не унять.

1897 г.

146. Весенняя дума.

Весна! весна! опять природа
Плѣняетъ взоръ мой красотой,
Опять просторъ, опять свобода,
Опять сводъ неба голубой!..

Вновь сердце трепетнымъ желаньемъ
Полно любить весь Божій мѣръ,

Вновь духъ исполненъ ликованьемъ,
Вновь я могучъ, вновь я не сирь!...

Въ красѣ природы созерцаю
Величье, благость Божества
И съ чистой вѣрой ожидаю
Надъ смертью жизни торжества.

Покорная Всевышней Силѣ,
Природа вся воскресла вновь,
И на согрѣвшейся могилѣ
Зажглася новая любовь.

И мнѣ-ль безсрочно и безслѣдно
Угаснуть вѣчною душой?
Нѣтъ! вѣрю, вѣрю беззавѣтно
Я въ жизнь за смертію земной.

Я, какъ природа, увядаю.
Къ концу земного бытія,
Но въ ней же образъ наблюдаю
Того, какъ и воскресну я.

1897 г.

147. На двадцатипятилѣтіе Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній.

(6-го Апрѣля 1897 г.).

Двадцать пять лѣтъ уже... четверть столѣтія... это
не звукъ лишь пустой...
Наша Комиссія двадцать пять лѣтъ уже занята
мыслей одной,
Мыслью великою, цѣлью высокою, какъ бы нашъ
темный народъ
Вывести лучше изъ мрака невѣжества, что такъ
отчизну гнететь,
Въ свѣтъ просвѣщенія, въ область познанія,
книжкой разгуль замѣнивъ,

Рядомъ съ учениемъ, объ руку съ грамотой, вѣщ-
шаго зла не прививъ,
Вѣщаго зла, какъ тля, проникаетъ нынѣ въ мла-
дые умы,
Нравственно губить и въ вѣрѣ колеблетъ, ведя
до больницъ, до тюрьмы...
Да, просвѣщеніе—дѣло благое, но трудное дѣло.
Дай Богъ,
Чтобъ нашъ народъ вмѣстѣ съ книгой чистъ въ
вѣрѣ и чувствахъ остаться бы могъ,
Вотъ въ чемъ задача Комиссіи нашей и въ чемъ
ея слава и честь!
Это — не фраза пустая, не праздное слово, не
громкая лесть.
Четверть столѣтья стремленій, усилій, надеждъ,
безкорыстныхъ заботъ,
И посмотрите: нашъ бѣдный крестьянинъ теперь
ужъ не прежній, не тотъ.
Многіе-ль скажутъ, какъ прежде, теперь, что земля
на трехъ рыбахъ стоитъ?
Многихъ-ли лѣшаго хохотъ въ лѣсу, какъ бывало,
страшитъ и кружить?
Всякій ли вѣритъ въ сестеръ-лихорадокъ и хо-
дитъ росу собирать?
Всякій ли знаетъ, что есть приворотъ-трава? вся-
кій ли станетъ гадать?
Истины вѣры святой съ каждымъ годомъ все
крѣпнутъ въ глухихъ деревняхъ.
Часто тамъ встрѣтимъ ребятъ на завалинкѣ съ
книжкой о царскихъ дѣлахъ,
Или о томъ, какъ сложились основы и судьбы
Россійской земли,
Иль какъ улучшить посѣвъ, огородъ, какъ испра-
вить ошибки свои.
Въ ней мужичокъ узнаетъ, что отъ пьянства стра-
даетъ здоровье его,

Что онъ обязанъ всѣхъ ближнихъ любить и
жалѣть, какъ себя самого...
Вотъ та задача, которую наша Комиссія двадцать
пять лѣтъ
Съ жаромъ преслѣдуетъ, тщась водворить средь
народа познанія свѣтъ!...
Школы народныя — дѣло хорошее, но ихъ такъ
мало у насъ;
Въ нихъ обучаются больше лишь дѣти, не очень
успѣшно подчасъ...
Книжка-жъ дешевая, чтенье съ картинами годны
для всѣхъ поселянъ;
Въ помощь училищамъ пользу большую окажутъ
они для крестьянъ.
Вѣдь и теперь ужъ изданья Комиссії встрѣтимъ
въ далекихъ мѣстахъ:
И на обоихъ Двинахъ, и въ Камчаткѣ, Бухарѣ,
Кавказскихъ горахъ!...
Жаль, что для чтеній Комиссія наша имѣетъ
столь тѣсный районъ ¹⁾:
Дѣло благое пока недоступно для многихъ отчины
сторонъ...
Жаль и того, что у нашей Комиссії средства
такъ скудны всегда ²⁾;
А для успѣшности дѣла, вѣдь, мало однихъ лишь
заботъ да труда...
Дай же намъ Богъ и при этихъ условіяхъ дѣло
съ успѣхомъ вести,
Родинѣ-матери пользу великую, свѣтъ и любовь
принести!

¹⁾ С.-Петербургскій учебный округъ.

²⁾ 3.000 р. ежегодной субсидіи изъ казны.

148. Весеннее раздумье.

Богатствъ природы изобилъе,
Разнообразіе красотъ...
О полномъ знаніи безсилъе
Всѣхъ человѣческихъ заботъ...
Законовъ міра неизмѣнность
И жизни міра полнота...
Земныхъ соблазновъ тлѣнъ и бренность,
Земного счастья тшета...
Откуда-жь у людей сомнѣнье
Въ существованьи Божества?
Откуда дѣтское стремленье
Къ обожествленью вещества?
О! недостойное безумье
Созданья Божія вѣнца!...
За это скорбное раздумье
Молю прощенье у Творца!
Его я славить буду вѣчно,
Блюсти законъ Его святой
И восторгаться безконечно
Его творенья красотой.

1897 г.

149. При выносѣ Плащаницы.

Скорбное чувство мной овладѣло...
Господи, Боже, днесь Ты распять!
Вотъ предо мной пречистое Тѣло...
Кровь пресвятую язвы точать...
Господи, Спасе, жизни Зиждитель,
Терпишь за насъ, за нашъ произволъ!
Міра отъ смертныхъ мукъ Избавитель,

Тяжекъ Твой крестъ: тьмы темъ въ людяхъ золь.
Знаемъ мы, Боже, чувствуемъ сами
Бездну всѣхъ нашихъ страшныхъ грѣховъ;
Зримъ Тебя, Спасе, мы со слезами
Уничиженымъ злобой враговъ.
Вотъ на колѣняхъ, съ горькимъ рыданьемъ
Мы къ Плащаницѣ, Боже, Твоей
Всѣ припадаемъ съ робкимъ лобзаньемъ,
Видя залогъ спасенія въ ней.
Боже, возри на плодъ Своей жертвы,
Какъ онъ обиленъ, какъ онъ великъ:
Были къ любви мы глухи и мертвы;
Духомъ любви прониклись мы вмигъ.
Ты, воскресивъ надежду и вѣру
Въ райскую жизнь, въ животъ безъ конца,
Давъ намъ тревогъ посильную мѣру,
Выстрадалъ всѣмъ прошенья Творца.
Мы ужъ не тѣ, мы сердцемъ смягчились,
Путь нашъ грѣховный страшнымъ намъ сталъ,
Свѣтомъ духовнымъ мы озарились,
Къ ближнимъ въ насъ лучъ любви засіялъ.
Слабы мы, Боже, немощны тѣломъ;
Міра соблазны сладки такъ намъ;
Имъ предаемся мыслью и дѣломъ,
Часто мы служимъ нашимъ страстямъ.
Но не вотще залогъ искупленья
Намъ Ты являешь смертью Своей,
Въ наши сердца онъ внесъ обновленье;
Часто мы глухи къ зову страстей.
Годы проходятъ, съ ними и страсти,
Легче для насъ борьба со грѣхомъ,
Намъ не страшны ужъ больше напасти,
Меньше заботъ у насъ о земномъ.
Чаще и чаще мысли стремятся
Къ истинѣ, правдѣ, Боже, Твоей,
Подвиги вѣры въ людяхъ творятся,
Духъ побѣждаетъ путы страстей.

Вотъ въ чемъ, Спаситель, плодъ Твоей жертвы,
Вотъ какъ обилень, какъ онъ великъ....
Были къ любви мы глухи и мертвы,
Духомъ любви прониклись мы вмигъ.

1897 г.

150. Въ Михайловскомъ паркѣ.

Идиллія съ элегіей

Сдружились тѣсно здѣсь....
Вотъ символъ нѣжной вѣрности,
Въ листьѣхъ сокрытый весь:

Гранитный крестъ съ молитвеннымъ
Воззваніемъ къ Творцу,
Всѣхъ скорбныхъ Утѣшителю,
Спасителю, Отцу,

И съ краткимъ указаніемъ
На время жизни той,
Что для супруга милаго
Была его душой....

Аллеей густолиственной
Тотъ крестъ соединенъ
Съ дворцовой башней: зрителю
Изъ оконъ виденъ онъ,

Чтобъ въ часъ уединенія,
Среди земныхъ тревогъ,
Супругъ, смотря на памятникъ,
Найти отраду могъ.

1897 г.

151. А. Г. Ф — в у.

Ваши помощь и совѣты
Благотворности полны.
Вашей ласкою согрѣты
Всѣ мои бывые сны

Всѣ завѣтныя стремленья
Вновь воскресли для меня,
Вновь исчезли всѣ сомнѣнья...
Сталъ душою чище я.

Глубже взоръ мой проникаетъ
Въ сущность нравственныхъ началъ.
Ужъ меня не привлекаетъ
Прелесть суетныхъ похвалъ.

И, надеждой окрыленный,
Что правдивостью стиховъ
Я расчищу путь законный
Для отечества сыновъ.

Я съ любовью и терпѣньемъ
Буду даръ свой развивать,
Чуждъ житейскимъ треволненьямъ,
Жизнь души лишь познавать.

Такъ завѣтъ любвеобильный
Вашъ я буду соблюдать
И любовью чистой, сильной,
Неизмѣнной къ Вамъ пылать.

1897 г.

152. Неправда.

Нѣтъ, ты не правъ, мудрецъ, сказавши,
Что въ мѣръ все лишь тлѣнь пустой,
Жизнь сномъ и миражемъ назвавши
И въ смерти лишь признавъ покой.

Не тлѣнь одинъ лишь въ мірѣ этомъ
И въ людяхъ не одна лишь ложь.
Нѣтъ, жизнь полна духовнымъ свѣтомъ,
Ты-жъ слѣпъ и ошупью бредешь.
Не въ силахъ ты понять законы
И цѣли жизни міровой:
Какъ и зачѣмъ звѣздъ миллионы
Мерцаютъ въ тверди голубой?
Какъ, для чего горитъ денница?
Кому, на что земля нужна?
Къ чему столѣтій вереница
Такъ нескончаемо длинна?
И ты, мудрецъ, не въ состояннй
Понять души своей законъ.
Въ твоёмъ упорномъ отрицаннй
Младенческій мнѣ слышенъ стонъ.
Такъ, недовольное отказомъ,
Брюзжитъ капризное дитя,
Безумно комкая, вертя
Съ игрушками и книжки разомъ.
Не въ силахъ ты, мудрецъ, постигнуть
Всю прелесть жизни, бытія,
Въ глубокой міра смыслъ проникнуть,
Познать въ немъ самого себя.
Но если свой кичливый разумъ
Ты вѣрѣ въ Бога подчинишь,
То ты, мудрецъ, невольно, разомъ
Отраду въ жизни ощутишь,
Найдешь ты въ ней и цѣль, и счастье,
Надежду и любовь поймешь,
Свое отринешь безучастье
И жизнь ужъ сномъ не назовешь.

1897 г.

153. **Археологическому Институту.**

Всякое дѣло полно испытаній,
Тяжкихъ усилій, тревогъ и страданій....
Только въ концѣ многолѣтнихъ трудовъ
Можно дожидаться желанныхъ плодовъ....
 Да не смущаютъ питомцевъ науки
 Ихъ неудачи, сомнѣнья и муки!
 Часто чрезъ бездну ошибокъ идетъ
 Дѣло священной науки впередъ.
 Мы семейнымъ кружкомъ
 Говоримъ здѣсь и пьемъ
Все во славу и честь института;
 Пусть отрады полна,
 Весела и шумна
Будетъ эта благая минута!...
 Пусть живетъ институтъ,
 Его силы растутъ
Съ каждымъ годомъ все больше и больше,
 И преданья его
 Средь кружка своего
Да хранимъ мы все дольше и дольше!
 Пусть сочлены его
 Средь труда своего
Обращаютъ къ нему свои взоры
 И въ общеніе съ нимъ
 Ищутъ силамъ своимъ
Направленья и твердой опоры!
 Какъ въ сѣтчаткѣ глазной,
 Въ немъ такъ часто порой
Отражаются наши дѣянья,
 И, какъ мысли чела,
 Въ немъ судьба собрала
Намъ полезныя отрасли знанья....
 Девятнадцать лишь лѣтъъ,
 Какъ родился на свѣтъ
Институтъ, нами столько любимый,

А ужь временемъ симъ
Мало-ль сдѣлано имъ
Къ изученю отчизны родимой?!...
И не онъ виноватъ,
Что бесплодно лежатъ
И въ землѣ, и въ архивахъ богатства,
Что такъ труденъ туда
И теперь, какъ всегда,
Доступъ членамъ ученаго братства...
Пусть же время идетъ
Поскорѣ впередъ,
И настанетъ пора золотая:
Милый нашъ институтъ
Всѣ оцѣнить, поймутъ,
И разсѣется тьма вѣковая!..
Пусть же вѣкъ онъ живетъ,
Пусть растетъ и цвѣтетъ
Съ каждымъ годомъ все больше и больше,
И преданья его
Средь кружка своего
Да хранимъ мы все дольше и дольше! ¹⁾

1897 г.

154. Напоминаніе.

Смертный, будь доволенъ долей
И Творца благословляй,
И съ Его святою волей
Жизнь свою ты соглашай!
И, повѣрь, счастливѣй будешь,
Чѣмъ свершая произволь;
Если Бога не забудешь,
То избѣгнешь многихъ золь.

¹⁾ Произнесено въ день акта Археологическаго Института 11 Мая 1897 года.

Ты—вѣнецъ всего творенья,
 Міроваго бытія;
 Благодать вся откровенья
 Разлита лишь для тебя.
 И Создателю угоднѣй
 Ты всѣхъ тварей на землѣ:
 Крестной смертію Господней
 Ты въ своемъ искупленъ злѣ.
 Помни-жь, смертный, ежечасно.
 Что ты дорогъ для Творца,
 Что живешь ты не напрасно
 Отъ начала до конца,
 Что ты долженъ въ этомъ мірѣ
 Волю Божью исполнять,
 Какъ пророкъ-царь на псалтирѣ
 Сердцемъ Бога воспѣвать.

1897 г.

155. Прости на вѣкъ.

Со скорбью тяжкою, со жгучими слезами
 Простился я съ гнѣздомъ моимъ роднымъ.
 Что дорого, что близко сердцу было съ дѣтства,
 Далекимъ стало и чужимъ.
 И старый домъ, гдѣ больше полувѣка
 Отецъ и мать жизнь мирную вели,
 Гдѣ братья, сестры, я впервые свѣтъ узрѣли
 И безъ заботъ до юности росли...
 И тихій садъ съ грядами овощными,
 Обсаженный деревьями кругомъ
 И лишь недавно дружеской рукою
 Украшенный отраднымъ цвѣтникомъ...
 И рядъ крестьянскихъ избъ за прудомъ мелко-
 воднымъ,
 Откуда дѣтскій смѣхъ мнѣ слышался порой,

И эти дѣти грязныя, босыя,
Но съ чистою, къ добру отзывчивой душой...
И ближній храмъ съ толпою мирныхъ земледѣль-
цевъ,
На душу вѣющій отрадной простотой,
И возлѣ храма сердцу милыя могилы,
Прикрытыя сиреневой листвою...
Все, все, прости на вѣкъ!...
Въ былые дни лелѣялъ я себя надеждой
Въ родномъ гнѣздѣ провести остатокъ дней...
И вотъ теперь я—безпріютный странникъ
Вдали отъ милой родины моеей...
О, приведется-ль мнѣ хоть на мгновенье
Когда-нибудь въ край милый заглянуть
И близъ могилокъ подъ сиреневой листвою
Душою скорбной отдохнуть?!...

1897 г.

156. Добро и зло.

Владыко свѣта, Царь вселенной,
Духъ благотворный, всеблаженный,
Міръ этотъ бранный
Не карай!...
Начальникъ мрака, тьмы кромѣшной,
Духъ ненавидящій, мятежный,
Міръ этотъ грѣшный
Не терзай!...
Въ своихъ грѣховныхъ упованьяхъ,
Въ своихъ неправедныхъ желаньяхъ
И начинаньяхъ
Міръ погрязъ.
Но въ немъ средь грѣшныхъ побужденій
Свѣтильникъ чистыхъ откровеній
И вдохновеній
Не угасъ.

Какъ мракъ ни силенъ въ мѣрѣ этомъ
И какъ ни борется со свѣтомъ,
Къ благимъ завѣтамъ
Мѣрѣ открытъ.

И будетъ время то блаженно,
Когда добро во всей вселенной
Зло неизмѣнно
Побѣдитъ.

1897 г.

157.

* *
*

Радость и горе
Въ жизни земной,
Словно какъ въ морѣ
Буря, покой.

Будемъ безопасно
Все мы сносить,
Другъ друга вѣчно
Нѣжно любить,

Вмѣстѣ до гроба
Жизнь коротать,
Въ горѣ же оба
Вмѣстѣ страдать.

Горе не въ горе
Будетъ тогда...
Счастія море...
Сладость труда...

Въ мѣрѣ такъ много,
Другъ мой, красотъ...
Бездна у Бога
Людымъ щедротъ...

Что намъ богатство,
Слава, почетъ?
Дружба, пріятство—
Счастья оплотъ.

Божію волю
Мы совершимъ,
Данную долю
Благословимъ.

1897 г.

158. Д у м ы.

Много силъ
Въ мою душу Создатель вложилъ,
И я долженъ развить ихъ на дѣлѣ.
Много благъ
Онъ мнѣ далъ отъ рожденья, хоть нагъ
Я родился и въ немощномъ тѣлѣ.
Духомъ бодръ,
Старецъ Іовъ болѣзненный одръ
Терпѣливо сносилъ, слава Бога.
Мощный духъ
Былъ къ тѣлеснымъ страданіямъ глухъ;
Такъ онъ въ вѣрѣ воспитанъ былъ строго.
И Господь
Укрѣпилъ старца брѣнную плоть,
Наградивъ за терпѣнье сторицей.
Старца вновь
Окружили миръ, дружба, любовь,
Осѣненные Высшей Десницей.
Такъ и я,
Если буду духовно себя
Развивать и о горнемъ лишь мыслить,
Буду вѣкъ
Не по имени лишь человѣкъ,

И щедротъ мнѣ благихъ не исчислить.
О, Творецъ,
Утѣшитель всѣхъ скорбныхъ сердець,
Укрѣпи меня въ вѣрѣ и рвенъи,
Чтобъ я могъ,
Не взирая на бездну тревогъ,
Славословить Тебя въ умиленъи!
Дай Ты мнѣ
Проникаться во всемъ и вполнѣ
Лишь Твоею божественной волей
И въ дѣлахъ
Славить Имя Твое, какъ въ псалмахъ
И, какъ Ювъ, довольнымъ быть долеи.

1897 г.

159. Признаніе.

Нѣтъ, я не льщу, не притворяюсь,
Когда Царемъ я вдохновляюсь,
Когда дѣла Его пою
И славу въ гимнахъ воздаю.

Я за Царя творю молитву,
Я за Царя готовъ на битву,
Готовъ отдать всю жизнь мою;
Его я пламенно люблю.

Пусть мнѣ не вѣрятъ, пусть смѣются;
Пусть укоризны раздаются:
Царя я буду восхвалять
И пѣсни въ честь его слагать.

Не русскимъ былъ бы я душою,
Когда-бъ стыдился предъ толпою
Царя хвалить, Его любя...
Нѣтъ, презиралъ бы я себя...

Я—русскій сердцемъ, русскій кровью,
Къ Царю горю прямою любовью,
Я—вѣрноподанный душой,
Я—гражданинъ земли родной.

1897 г.

160.

*
* *

Январь, а дышетъ все весною:
И солнце, воздухъ, и вода,
И говорятъ, что прилетали
Ужъ птицы пѣвчія сюда...

Бывало, въ это время мерзли
И наши птицы на лету,
И мы на стеклахъ оконъ зрѣли
Узоровъ зимнихъ красоты,

Деревья же въ садахъ сверкали
Алмазной снѣжной пеленой,
И по льду на конькахъ шутливо
Каталась молодежь толпой.

Зима во всѣ права вступала
И не щадила никого,
Румяня молодыхъ и старыхъ
Дыханьемъ „дѣда“ своего,

А „дѣдъ“ владычествовалъ всюду
И все держалъ въ своихъ браздахъ:
Подъ ледянымъ покровомъ рѣки
Безсильно спали въ берегахъ...

.....
1898 г.

На 20-лѣтіе Археологическаго Института.

(15 Января 1898 г.) *).

Земля лишь двадцать разъ
Вкругъ солнца обратилась
Съ тѣхъ поръ, какъ мысль явилась
Завѣтная для насъ.

 Былъ русскій патриотъ.
 Онъ видѣлъ въ изученіи
 Того, что гибнетъ въ тлѣньи,
 Познанія оплотъ.

И вотъ сей славный сынъ,
Своей отчизны славной,
Сынъ церкви православной
И честный гражданинъ,

 Рѣшилъ учредить
 Въ Россіи заведенье,
 Котораго рожденье
 Мы собрались почитать.

На средства частныхъ лицъ,
Монархомъ разрѣшенный,
Сей храмъ наукъ, рожденный
Въ новѣйшей изъ столицъ,

 Вначалѣ много лѣтъ
 Жилъ жизнью безвѣстной,
 Въ работѣ скромной, честной.
 Лія познанья свѣтъ

Во мракъ былыхъ временъ,
Въ архивы и могилы,
Въ преданья славы, силы
Отжившихъ ужъ племень...

 Но скорбный часъ пробилъ:
 Угасъ создатель смѣлый,

*) Произнесено въ день годовщины Археологическаго Института.

И храмъ осиротѣлый
Едва то пережилъ...
Вдругъ новый патріотъ,
Принявъ бразды правленья,
Для жизни учрежденья
Явилъ въ себѣ оплотъ.
Онъ силы вновь придалъ
И въ трудную минуту
Поддержку институту
Въ правительствѣ снискалъ.
Поддержка та была
Вначалѣ небольшая,
Но, свыше освящая,
Отъ гибели спасла...
И вотъ лишь двадцать лѣтъ
Минуло отъ рожденья
Благого учрежденья,
Какъ тьму разсвѣялъ свѣтъ...
Какъ труженикъ-паукъ,
Въ работѣ незамѣтный
Надъ сѣтію завѣтной,
Намъ виденъ станетъ вдругъ,
Такъ тихій институтъ
Работой скромной, мирной,
Разбросанной, обширной,
Среди препонъ и путь,
Обиліемъ трудовъ
И полный силъ и рвенья,
Вдругъ ставитъ въ изумленье
Отечества сыновъ.
Правительство само
Скорбитъ его судьбою
И мощною рукою
Влечетъ съ него ярмо.
Явило намъ оно
Вниманіе большое,

И дѣло, столь благое,
На вѣкъ утверждено!...
 И малое зерно
 Взросло могучимъ дровомъ.
 Такъ небольшимъ посѣвомъ
 Тучнѣетъ все гумно...
Что-жъ сдѣлалъ институтъ?
Онъ сотню далъ умѣлыхъ
Борцовъ науки, смѣлыхъ,
На тяжкій годныхъ трудъ;
 Архивовъ хламъ и пыль
 Не страшны имъ, но милы,
 Не страшны имъ могилы,
 Любезны миѳъ и былъ;
Онъ къ жизни пробудилъ
Невѣдомыя силы;
Курганы и могилы
Онъ свѣтомъ озарилъ;
 Онъ дѣлалъ все, что могъ.
 И голосомъ призывнымъ
 Комиссіямъ архивнымъ
 Онъ первый далъ толчокъ
И зорко наблюдалъ
За всѣми ихъ шагами,
Совѣтомъ и трудами
Имъ часто помогаль.
 Такъ дѣйствовалъ, училъ
 Онъ честно и упорно,
 Полно и благотворно
 Такъ двадцать лѣтъ онъ жилъ...
Отнынѣ, осѣненъ
Державною Рукою,
Онъ твердою стезею,
Свободный отъ препонъ,
 Далекій отъ невзгодъ,
 И празднои укоризны,

Исторію отчизны.
Научно разовьеть.
Дай Боже, чтобъ сей трудъ
Сочувственно былъ встрѣченъ.
Чтобъ свыше былъ отмѣченъ
И впредь нашъ институтъ
И данъ свободный входъ
Въ архивы и музеи
Поборникамъ идеи,
Которой онъ живетъ.
Чтобъ на Руси святой
Наука процвѣтала
И сумракъ разгоняла
Немеркнушей зарей!
И пусть онъ ввѣкъ живетъ,
Нашъ институтъ любимый,
И для страны родимой
Науки свѣтъ лить!

162.

* *
*

Когда усталость, утомленье
Ты въ брennomъ тѣлѣ ощутишь,
Иль въ душу западетъ сомнѣнье,
И безотчетно ты скорбишь,

Когда тебя страшить порою
Грядущей жизни темнота,
Иль безпощадною рукою
Тѣснить мѣрская суета,

Скорѣй склонись съ благоговѣньемъ
Ты предъ иконою святой
И съ твердой вѣрой и терпѣньемъ
Молись устами и душой!

И снидетъ благодать святая
На душу скорбную твою:
Воспрянешь ты, благословляя
Всю жизнь тревожную свою.

1898 г.

163. Проза жизни.

Среди житейскихъ тревоженій
И мелкихъ суетныхъ заботъ
Я чуждъ порою вдохновеній
И поэтическихъ красотъ.

И это время тяжкимъ гнетомъ
Ложится на душу мою;
Съ его медлительнымъ полетомъ
Невольно прозу жизни пью.

Тогда... тогда мнѣ не до пѣсень...
Душа невольно смущена,
Мой кругозоръ и тусклъ и тѣсенъ
И жизнь отрады лишена.

1898 г.

164. Народнымъ учителямъ и учительницамъ.

Необъятно и просторно
Поле просвѣщенья...
Ваше дѣло благотворно
Въ жизни населенья...

Тьму невѣжества тупого
Разогнать ученьемъ,
Суевѣрія слѣпого
Свѣтлымъ умозрѣньемъ—

Что возвышеннѣй такого
Для страны служенья:
Быть разсадникомъ благого
Въ краѣ просвѣщенья?

Нѣтъ заслуги выше въ мѣрѣ,
Какъ такое дѣло,
И воспѣть его на лирѣ
Я рѣшаюсь смѣло..

Мальчикъ, дѣвочка—малютки
Съ чистою душою,
Что живыя незабудки
Въ полѣ предъ грозою.

Быстро сводъ небесъ лазурный
Тучей облечется,
Пронесется вѣтеръ бурный,—
И цвѣтокъ помнется,

Такъ и съ нѣжною природой
Юнаго созданья,
Одареннаго свободой,
Безъ самосознанья.

Не всегда среди лазури
Солнышко сіяетъ,
Не безъ горя, не безъ бури
Наша жизнь бываетъ.

Налетитъ лихое горе,
Встрѣтится невзгодѣ,
И дитя, что лодка въ морѣ
Въ бурю, въ полноводье.

Да и взрослому такъ трудно
Въ жизни безъ сознанья:
Часто спятъ въ немъ непробудно,
Глохнутъ дарованья.

Человѣкъ—вѣнецъ творенья,
Царь среди вселенной,
Но лишь силой разумѣнья,
Мыслию нетлѣнной.

Эта сила въ брennomъ тѣлѣ—
Божіе дыханье,
И развить ее на дѣлѣ—
Всѣхъ людей призванье.

Но не всѣ мы въ состояннн
Развиваться сами
Иль имѣемъ дарованье
Быть учителями.

Есть ревнители, которымъ
Вручено то дѣло:
Вѣрнымъ способомъ и скорымъ
Развивать умѣло.

Это—вы, что неустанно
Трудитесь въ школѣ,
Укрѣпляя постоянно
Ближнихъ въ Божьей волѣ,

Занимаясь съ похвальнымъ
Рвеньемъ, средь лишеній,
Воспитаніемъ начальнымъ
Новыхъ поколѣній...

Это—вы, друзья народа,
Слуги просвѣщенья,
Въ васъ его оплотъ, свобода
И залогъ спасенья.

Вы, какъ пчелы, лонемногу
Въ соты медъ кладете
И своей работой Богу
Славу воздаете...

Нашъ народъ любвеобильный
Трудъ вашъ почитаетъ
И за подвигъ вашъ посильный
Васъ благословляетъ.

О, свершайте же, свершайте
Подвигъ этотъ мирный
И познаемъ озарите
Край родной обширный!

Дай вамъ Богъ и силъ, и рвенья,
Дай вамъ Богъ терпѣнья
Плодотворнаго служенья
Въ полѣ просвѣщенья!

1898 г.

165. Въ вагонѣ.

На придорожные цвѣточки
Любуясь изъ окна вагона,
Невольно съ грустью вспоминаю
Я время юношескихъ лѣтъ.

Какъ эти нѣжные цвѣточки,
Мгновенно взоръ мой поласкавши,
Вдали, какъ призракъ, исчезаютъ,
Такъ скрылась юности пора.

Но придорожные цвѣточки
Я въ жизни встрѣчу не однажды,
А юность лишь въ воспоминаньи
Мнѣ улыбается порой.

1898 г.

166. **Надъ озеромъ.**

Озеро, солнце, деревья,
Небо, на немъ облака...
Какъ хорошо все въ природѣ!
Милость Творца велика.

Нѣгой, любовью, восторгомъ,
Кажется, міръ напоенъ.
Чувство отраднaго мира
Въ сердце вливаетъ мнѣ онъ.

Жизненной битвой измученъ,
Я не видалъ ей конца.
Нынѣ-жъ за всѣ тревоженья
Я славословлю Творца.

Нѣтъ у него испытанья
Сверхъ человѣческихъ силъ;
Міръ же, Имъ созданный, часто
Намъ несравненно такъ милъ.

О, если-бъ въ немъ было меньше
Горя, и скорби, и слезъ,
Если-бъ у каждаго въ сердцѣ
Былъ неизмѣнно Христось!

О, если-бъ злоба и зависть
Міръ не терзали собою,
Если бы каждый доволенъ
Былъ своей долей земной!

Какъ хорошо бы жилося
Средь неизсчитныхъ чудесъ!
Вся бы земля отражала
Вѣчную славу небесъ.

Дивный вѣнецъ мірозданья
Былъ бы счастливъ и блаженъ;
Все негодное Богу
Онъ презиралъ бы, какъ тлѣнъ.

Боже! ущедрѣ любовью
Миръ, сотворенный Тобой,
Дай человѣку возможность
Выполнить жребій святой!

1898 г.

167. **БѢЛОЙ НОЧЬЮ.**

Тишина ночная
Все вокругъ объемлетъ...
Недвижимы сосны...
Озеро ужъ дремлетъ...
Приумолкли птички...
Вѣтерка не слышно...
Небеса бѣлѣютъ
Пеленою пышной...
Въ полусвѣтлой дымкѣ
Все, среди покоя,
Мирно отдыхаетъ
Отъ дневного зноя...
Кратокъ безмятежный
Отдыхъ бѣлой ночи...
Воздухъ ароматный
Мнѣ смежаетъ очи.
И дремлю я мирно,
Заодно съ природой,
Отъ дневной тревоги
Упоенъ свободой...

1898 г.

168. **С О Н Ъ.**

Мнѣ снился сегодня причудливый сонъ:
Вернулася, будто бы, юность ко мнѣ,
Я вновь обитаю въ родимыхъ мѣстахъ
И веселье и радость сердцемъ вполнѣ.

Старинный нашъ домъ, и запущенный садъ,
И прудъ, и гумно, всѣ постройки, и дворъ,
Все, все такъ роскошно отдѣлано вновь,
Ласкаетъ и нѣжитъ мой жаждущій взоръ.

Вотъ быстро вхожу я на верхній балконъ,
Любуюся видомъ, что съ дѣтства знакомъ.
Внизу подо мною цвѣтникъ разведенъ, —
Имъ съ трехъ сторонъ пышно объемлется домъ;

А дальше фруктовый красуется садъ;
Налѣво рожь спѣлая рошей глядитъ;
За садомъ высокій виднѣется лѣсъ;
Направо за рѣчкой деревня стоитъ.

Гдѣ семь лишь убогихъ ютилося хатъ,
Тамъ нынѣ три ряда красивыхъ домовъ:
Покрываютъ желѣзомъ, съ балконами всѣ,
Предъ ними аллеи тѣнистыхъ садовъ.

Крестьяне деревни безбѣдно живутъ:
Ужъ дѣти не ходятъ у нихъ босикомъ;
Всѣ грамотны стали и водки не пьютъ;
Деревня та смотритъ богатымъ селомъ.

Брожу по своимъ и крестьянскимъ полямъ:
Пшеница, и рожь, и ячмень, и овесъ,
И клеверъ, и ленъ урожаемъ своимъ
Меня восхищаютъ до радостныхъ слезъ.

Спѣшу я къ обѣднѣ въ приходскій нашъ храмъ,
Любуюся внѣшней его красотой,
Внутри же своимъ благолѣшиемъ онъ
Мой духъ наполняетъ отрадой святой.

Въ немъ служба съ усердіемъ, чинно идетъ,
И хоръ изъ учащихся стройно поетъ;
Молящихся много, и каждый изъ нихъ,
Крестясь умиленно, поклоны кладетъ.

Близъ церкви въ селѣ есть пріютъ для сиротъ,
Двѣ школы, читальня народная въ немъ,
Въ немъ есть богадѣльня для дряхлыхъ людей
Больница—и всюду безплатный пріемъ.

О, родина, родина! вижу тебя
Цвѣтущей, богатой счастливой вполнѣ,
Такою, какой съ юныхъ лѣтъ еще зрѣть
Такъ жадно, такъ страстно хотѣлося мнѣ.

Я счастливъ тобою, свободно дышу....
Но, Боже мой, Боже! вѣдь, это лишь сонъ...
Сонъ чудный, прекрасный.... о если-бъ когда
Хоть частью, хоть вмалѣ исполнился онъ!...

1898 г.

169. Вдвоемъ.

Вдвоемъ съ тобой гуляя паркомъ,
Я счастливъ, милая, вполнѣ,
И драгоценнѣйшимъ подаркомъ
Твой каждый взглядъ летитъ ко мнѣ.

О, если-бъ вмѣстѣ намъ, другъ милый,
Всю жизнь прожить и умереть,
Всю жизнь до самой бы могилы
Другъ другу въ очи такъ смотрѣть!

1898 г.

170. На скачкахъ.

Вчера на скачкахъ я смотрѣлъ
Соревнованье лошадей
И вмѣстѣ съ тѣмъ я подглядѣлъ
Большую жадность у людей.

Стремятся многіе нажить;
Летитъ послѣдній рубль въ закладъ;
Потомъ приходится тужить,
Да не вернешь его назадъ.

Иному счастье повезетъ:
Возьметъ онъ выигрышъ большой;
Въ другой разъ прахомъ все пойдетъ,—
И кошелекъ опять пустой...

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Сословіи, званій, пола, лѣтъ!
Тутъ много юношей, дѣвицъ;
Грудныхъ младенцевъ только нѣтъ...

Сидитъ изъ папенокъ одинъ
Съ мамашей, съ маленькимъ сынкомъ.
Примѣрный этотъ семьянинъ,
Сюда являся всѣмъ домкомъ,

Рѣшаетъ ставки сообща
Съ женой своею молодой;
Та сводитъ счеты, трепещая;
Сынокъ слѣдитъ за ихъ игрой...

Студенты, пажъ и гимназистъ
Вскладчину ставятъ свой закладъ...
Тамъ юнкера и реалистъ
О ставкахъ тоже говорятъ...

Двѣ барышни, въ азартъ войдя,
Распроигрались въ пухъ и прахъ
И, во-свосяси уходя,
Едва держались на ногахъ...

Въ толпѣ смятенъе, шумъ и крикъ.
Остроты умственныхъ калѣкъ...
О, какъ безуменъ, пошлъ и дикъ
Порой бываетъ человѣкъ!...

Картина эта не по мнѣ,
Сюда я больше ни ногой..
Люблю гулять я въ тишинѣ;
Люблю природу и покой.

1898 г.

171. На берегу Иматры.

Съ ревомъ ужаснымъ, съ клокочущей пѣной
Иматра бьется въ гранитныхъ берегахъ...
Жадно слѣжу я за быстрою смѣной
Брызгъ, серебрящихся въ лунныхъ лучахъ.

Вотъ, ударяясь о глыбу гранита,
Бѣшеный валъ разсыпается въ прахъ...
Вслѣдъ ему новый несется сердито,
Дѣлая страшный, неистовый взмахъ,

Дальше онъ рвется по склону стремнины,
Но, въ свой чередъ получивши отпоръ,
Пылью дробится надъ бездной пучины,
Радуя мой ненасытимый взоръ...

Вотъ повстрѣчались два вала бурливыхъ,
Сверху одинъ низвергаясь, другой
Въ сторону прянувъ отъ скалъ горделивыхъ,
И завязался отчаянный бой...

Злобно бушуетъ, безумно грохочетъ,
Яростно крутится водоворотъ,
Словно весь адъ и реветъ, и хохочетъ,
И поглотить всю вселенную хочетъ
И похоронную пѣсню поетъ...

1898 г.

172. Въ саду Монрепо.

Дико, угрюмо въ саду Монрепо;
Глыбы гранита висятъ надо мною,
Уединенной бреду я тропой,
Мысленно преданъ покою...

Странное чувство объемлетъ меня:
Словно, оторванъ отъ внѣшней природы,
Въ царствѣ титановъ скитаюсь я,
Думать лишенный свободы.

1898 г.

173. Передъ Выборгской башней.

Бродя по Выборгскимъ валамъ,
Невдалекъ отъ башни Шлосса,
Невольно предаюсь мечтамъ
Я о борьбѣ со Шведомъ Росса.

Ручьи кровавые лились
И обагрjali ихъ собою;
Знамена разныя вились
Надъ изстрадавшейся страной.

Прошли лихія времена:
Миръ водворился надъ валами,
И не враждуютъ племена,
И кровь покрылася цвѣтами.

1898 г.

174. Въ лунную ночь.

Льетса кроткій свѣтъ луны
На заснувшія селенья
Въ сладкій часъ отдохновенья,
Часъ любви и вдохновенья,
Часъ полночной тишины.

И деревья, и кусты,
Озаренные лучами,
Изумрудными вѣтвями
Мирно дремлютъ передъ нами:
Не шелохнутся листы.

Дремлетъ въ озерѣ вода:
Нѣтъ ни ряби, ни волненья,
Вѣтерка ничуть движенья,
Пѣвчихъ птицъ не слышно пѣнья,
Смолкли говоръ и ѣзда.

Въ этотъ чудный часъ вдвоемъ,
Другъ мой милый, мы съ тобою
Посидимъ рука съ рукою,
Полюбujemy луною
И безопасно отдохнемъ.

1898 г.

175. Въ знойный день.

Вотъ и дождалися солнечныхъ дней!...

Жарко, томительно жарко!...
Надо укрыться отъ зноя скорѣй
Въ куцахъ тѣнистаго парка.

Свѣта и тѣни смѣшеніе вновь
Пусть веселитъ наши взоры;
Пусть въ насъ волнуютъ и сердце и кровь
Всходы на вышки и горы;

Пусть бархатистой струей вѣтерка
Жаръ умѣряется въ тѣлѣ,
Звонко доносятся издалика
Къ намъ соловьиныя трели;

Шумъ же деревьевъ и рокотъ воды
Пусть заглушаютъ собою

Топотъ и стукъ отдаленной ѳзды,
Мысль направляя къ покою!...

Щедро, обильно природа даритъ
Насъ обаян्याми юга,

Шопотомъ, внятнымъ для сердца, твердитъ:
„Дѣти, любите другъ друга!“

1898 г.

176. Прогулка.

Близъ озера съ нею недавно
Мы мирно гуляли вдвоемъ,
Смотря, какъ свободно и плавно
Три яхты скользили по немъ.

Такъ пышно и такъ прихотливо
Вздувались ихъ паруса,
Въ волнахъ же прозрачныхъ игриво
Сверкали, дробясь, небеса.

И жадный нашъ взоръ изумленно
Слѣдилъ за игрою двойной,
Любуясь въ ней умиленно
Природы завѣтной красой.

И рукъ человѣческихъ дѣло
Ничтожнымъ казалось намъ:
Отъ влаги лазурной всецѣло
Мы сердцемъ влеклись къ небесамъ.

1898 г.

177. На открытіе памятника Царю-Освободителю.

Воздвигнуть памятникъ ему,
Освободителю народа,
Руси печальнику, кому
Такъ дорога его свобода.

Онъ сердцемъ любящимъ своимъ
Вникалъ во всѣ дѣла отчизны,
И, преданъ вѣяньямъ благимъ,
Не убоился укоризны.

Онъ волею, земство, города,
Печать и войско, судъ и школу
Преобразилъ не безъ труда,
Внявъ сердцемъ времени глаголу.

Онъ крестоносцемъ на Востокъ
Ходилъ за вѣру и славянство
И грозный варваровъ потокъ
Вернулъ въ предѣлы мусульманства.

Онъ личность высоко цѣнилъ,
Въ ней почитая человека:
Клеймо и кнутъ онъ отмѣнилъ,
Въ Руси царившіе извѣка.

И благодарная страна
Съ народомъ сильнымъ и свободнымъ
Склонилась, счастья полна,
Предъ великаномъ благороднымъ.

А онъ изъ древняго кремля
Первопрестольныя столицы
Льетъ свѣтъ на горы и поля,
Какъ лучезарный ликъ денницы.

И связь духовная крѣпка
Межъ нимъ и родиной святою,
Его дарами велика,
Русь бодро встрѣтится съ грозою
Во всеоружьи новыхъ благъ—
Свободы личной, слова, дѣла—
И торжествующій свой стягъ
Воздвигнетъ надъ вселенной смѣло.

1898 г.

178. Мирный кличъ.

Раздался мощный гласъ Царя
Страны полночной и обширной:
Великодушіемъ горя,
Зоветь Европу къ жизни мирной.

Въ заботахъ пламенныхъ своихъ
О просвѣщеніи народномъ
И о развитіи свободномъ
Всѣхъ благъ духовныхъ и земныхъ.

Онъ осуждаетъ накопленье
Военныхъ силъ Европы всей
И признаетъ разоруженье
Залогомъ счастья людей.

Дай Богъ, чтобы отрадный кличъ
Не замеръ голосомъ въ пустынь
И чтобъ война, сей грозный бичъ,
Была преданіемъ отнынѣ.

1898 г.

179. Передъ осенью.

(Раздумье).

Дачное время кончается...
Скоро и въ городъ пора...
Тамъ суета начинается
Только-что встанешь, съ утра.

Воли нѣтъ, камня довольно,
Словно закупоренъ ты;
Глазу и грустно, и больно
Въ дымкѣ полутемноты.

Всюду толпа суетливая
Двигается взадъ и впередъ,

Часто ѣзда торопливая
 Бѣдный пугаетъ народъ...
 Вечеромъ сходки въ гостинныхъ—
 Карты, ѣда и вино—
 И на пирахъ именинныхъ
 Скучно, снотворно, пьяно.
 Тяжкія ночи безсонныя,
 Поздніе утро, обѣдъ,
 Вѣчныя сплетни салонныя,
 Вѣчный во всемъ полусвѣтъ...
 Что же меня такъ невольно
 Въ суетный городъ влечетъ?
 Здѣсь такъ свѣтло и привольно,
 Все полной жизнью живетъ.
 Въ новый уборъ наряжаются
 Рожи, и паркъ, и сады,
 Пѣснями птицъ оглашаются...
 Дышешь легко близъ воды...
 Да, хорошо здѣсь!... Но службы
 Долгъ призываетъ меня,
 Долгъ общежитія, дружбы:
 Имъ подчиняюся я.

1898 г.

180. Лунный свѣтъ.

Слѣдъ солнца блѣдный, чуть примѣтный
 Еще не гаснетъ надъ землей,
 А ужъ луна съ красой завѣтной
 Плыветъ подъ дымкой голубой.
 И борются между собою
 Два свѣта въ синевѣ небесъ,
 Внизу же сѣрватою мглою
 Одѣто все—и долъ, и лѣсъ.

Но вотъ заря ужъ потухаетъ,
И западъ сумракомъ покрытъ:
Луна свѣтлѣе все мерцаетъ
И какъ-то празднично глядитъ.

Она одна сильнѣй блистаетъ,
И озаряетъ все собой,
И всю природу надѣляетъ
Какой-то сказочной красой...

Люблю я кроткое сіянье
Ночной красавицы небесъ:
Отраднo сердцу созерцанье
Волшебныхъ, сказочныхъ чудесъ.

1898 г.

181. По дорогѣ въ Токсово.

Ложбины, доли и холмы
Такъ перемѣшаны красиво,
Такъ вьется рѣчка прихотливо
Узоромъ голубой тесьмы...

Среди полянокъ, по холмамъ
Своеобразныя избушки
Безбѣдной финской деревушки
Разбросаны то здѣсь, то тамъ...

Ужъ нивы сжаты, и снопы
Стоять, какъ ратники, рядами...
А вотъ и встрѣча со жнецами:
Блестятъ на солнцѣ ихъ серпы...

И на пригоркахъ, и въ долахъ
Лѣсъ хвойный кушамы пестрѣтъ...
А вонъ лазурью голубѣтъ
Большое озеро въ кустахъ...

Вблизи высокая гора,
Съ крутой тропинкой и бесѣдкой,
Откуда яснымъ днемъ нерѣдко
Вдали примѣтенъ градъ Петра...

Своеобразной красотой
Богата финская природа.
Дышать отраднo, и свобода
Невольнo духъ подьѣмлетъ мой.

1898 г.

182. **А. Г. Ф — в у.**

Я не забылъ васъ ни на мигъ
И часто съ вами былъ душою.
Къ вамъ въ гости я ходить привыкъ
Съ моею подругой неземною.

Примите-жъ насъ вы и теперь
Съ радушіемъ своимъ обычнымъ
И съ прямодушіемъ привычнымъ
Намъ покажите честь иль дверь.

Вотъ наши новые плоды
Мечтаній, помысловъ завѣтныхъ,
Стремленій сердца безотвѣтныхъ,
Вотъ наши новые труды.

Цѣните ихъ, судите ихъ
Судомъ прямымъ безъ снисхожденья,
Не опасаясь униженья
Гостей непрошенныхъ своихъ.

1898 г.

183. **Р о м а н с ъ.**

Мы вездѣ, мой другъ, съ тобою
Путешествуемъ вдвоемъ
И, довольные судьбою,
Не горюемъ ни о чемъ.

Намъ вездѣ съ тобой веселье—
Дома, въ паркахъ и садахъ,
Словно чудное похмѣлье
Нынѣ въ нашихъ головахъ.

Ночь ли, холодъ ли, гроза ли,
Намъ съ тобою все равно:
Мы подъ ливнями гуляли,
И намъ было лишь смѣшно.

Днемъ же солнечнымъ, другъ милый,
Или ночью лунной намъ
Ѣздить весело такъ было
По полямъ и по горамъ.

Въ это лѣто мы не мало
Покаталися съ тобой...
Какъ отрадно намъ бывало
Вмѣстѣ жизнью жить одной!...

Если-бъ можно было вѣчно
Намъ съ тобой такъ дружно жить
И другъ друга безконечно
Нѣжно, пламенно любить!.

1898 г.

184. Наступленіе осени.

Деревья одѣлись ужъ ризой осенней:
То золотомъ блещутъ, то пурпуромъ яркимъ,
И солнце играетъ лучомъ ужъ нежаркимъ;
Природа вся выглядитъ какъ-то степеннѣй.

И озеро какъ-то угрюмѣе стало:
Не видно ни лодокъ, ни яхтъ съ парусами
И только сѣдыми порою волнами
Бурлитъ и колышется какъ ни попало.

Пустыннѣ сдѣлалось въ самомъ селеннѣ:
Ужъ дачники всѣ перебрались въ столицу,
Но я, какъ и прежде, златую денницу
Встрѣчаю съ восторгомъ, въ нѣмомъ упоеньи...

О, какъ хорошо заодно жить съ природой,
Вдали городскихъ и заботъ, и волненій,
Среди красоты, всѣхъ ея вдохновеній,
Среди тишины, озаренной свободой!

1898 г.

185. Шувалово.

Прощай, Шувалово! въ себѣ
Я чую бодрость, я тебѣ
Обязанъ рядомъ пѣсногнѣннѣ
И цѣлымъ роемъ вдохновеннѣ.

Сюда прѣхалъ я больной,
Съ унылой, мрачною душой,
И вновь я ожилъ на свободѣ,
Благодаря благой природѣ.

Какъ знать, вернуся ли когда
На дачу снова я сюда?
Но вспоминать тебя я буду,
Твоихъ даровъ я не забуду.

1898 г.

186. Осенняя картинка.

Деревьевъ дивное убранство
Невольно взоръ ласкаетъ мой:
Рубинъ, топазы, изумруды
Горятъ причудливой игрой...

И солнце свѣтомъ лучезарнымъ
Переливается въ листахъ
И, проникая въ глубь лѣсную,
Какъ будто прячется въ кустахъ...

И вѣтерокъ тревожитъ вѣтви
И сыплетъ листьями порой,
Какъ бы волшебница, попутно
Цвѣты роняя за собой...

Да, осень блещетъ красотою
Не меньше лѣта и весны,
Хоть сердца такъ не опьяняетъ,
Лелѣя радужные сны.

1898 г.

187. ШКОЛЬНИКИ.

Лѣтомъ радостнымъ, нежаркимъ
Мы, подъ солнцемъ свѣтлымъ, яркимъ,
Нагулялися въ лѣсахъ,
Въ чистомъ полѣ и лугахъ.

Кто постарше, тотъ съ косою
Да съ тяжелою сохою,
Съ бороною за конемъ
Или съ пѣсней да серпомъ.

Кто моложе, тотъ съ граблями,
За тельгой со снопами,
За картошкой на грядкахъ
Иль въ овечьихъ пастухахъ.

Въ дождикъ всѣ мы съ кузовками
Въ лѣсъ ходили за грибами
И по ягоды порой
Цѣлой бѣгали гурьбой.

А когда зерно сушили,
На ладони молотили,

То-то празникъ былъ для насъ,
Средь веселья и проказъ...

Лѣто красное проходить;
Осень грусть на насъ наводитъ:
Не гулять ужъ по полямъ,
По горамъ и по доламъ

А въ избѣ сидѣть такъ скучно,
Слушать, какъ порою звучно
Изъ-за печки, гдѣ шестокъ,
Надрывается сверчокъ...

И зима—не то, что лѣто:
Мать поднимется до свѣта,
Возить въ печкѣ чугуномъ;
Въ хатѣ куры, хлѣвъ, содомъ...

Не кататься же въ салазкахъ
Или въ бабушкиныхъ сказкахъ;
Время тратить, вѣдь, смѣшно,—
Не пристало намъ оно;

Лучше будемъ, братцы, въ школѣ
Заниматься мы подолѣ;
Тамъ уютно, и тепло,
И опрятно, и свѣтло.

Тамъ нашъ батюшка духовный
Учить службѣ насъ церковной,
Учить, какъ Сынъ Божій насъ
Отъ мученій вѣчныхъ спасъ.

Тамъ учитель учить чтеню,
Счету, и письму, и пѣнью,
И занято учить такъ,
Да и самъ-то онъ добрякъ.

Съ нимъ такъ весело учиться;
Даже стыдно намъ лѣниться,

И не хочется къ домамъ:
Онъ добра желяетъ намъ.

А по праздникамъ съ нимъ въ храмѣ
Хоромъ пѣтъ мы любимъ сами,
И на клиросѣ читать,
И на церковь собирать.

Намъ онъ часто объясняетъ,
Какъ на свѣтѣ что бываетъ,
Отчего и дождь, и снѣгъ,
Жить какъ долженъ человѣкъ,

Какъ улучшить лугъ и поле,
Чтобъ всего родилось болѣ,
Какъ улучшить огородъ,
Всей скотинушки приплодъ...

Мы, вѣдь, братцы, не грудные;
Намъ работать не впервые:
Какъ научимся всему,
Будемъ помощью въ дому.

Насъ отецъ и мать растили,
Одѣвали и кормили,
И заботились о насъ,
Можетъ быть, съ трудомъ подчасъ.

А теперь ихъ слабы силы;
Такъ должны мы до могилы
Вмѣстѣ съ ними, братцы, жить,
Ихъ покоить и любить.

Дастъ Господь за то намъ счастье,
Удаливъ отъ насъ ненастье,
И поможетъ намъ во всемъ:
Будетъ полной чашей домъ.

И съ другими, братцы, нужно
Жить намъ честно, мирно, дружно,

Всѣхъ евангельски любить,
А въ бѣдѣ и пособить.

Мы счастливы, братцы, будемъ,
Если Бога не забудемъ,
И ученье въ прокъ пойдетъ...
Все бываетъ въ свой чередъ.

А теперь пойдёмъ дружице
Въ школу, братцы, веселѣе,
Чтобъ учитель насъ не ждалъ
И часъ даромъ не пропалъ.

1898 г.

188. СОВѢТЪ.

Терпѣливо сноси всѣ невзгоды,
Твердо вѣруй, надѣйся, люби!
Прекратятся страданія годы,
И залѣчатся раны твои.

Какъ во мракѣ блестящія точки,
Такъ мгновенья отрадъ средь скорбей:
Они красятъ всю жизнь, какъ цвѣточки
Средь безводныхъ и скучныхъ степей.

Помнить зло челоуѣкъ не умѣетъ,
А добро вспоминать такъ легко:
Сердце больше къ добру тяготѣетъ,
Хоть порой отъ него далеко.

Вѣрь: забудется скоро ненастье,
Только вѣруй, надѣйся, люби:
Въ этомъ наше надежное счастье,
И залѣчатся раны твои!

1898 г.

Я твердо вѣрилъ съ юныхъ лѣтъ,
 Что не останусь безъ привѣта,
 Что встрѣчу я въ душѣ поэта
 И въ немъ найду тепло и свѣтъ.

И не напрасно вѣрилъ я;
 Я, наконецъ, нашелъ поэта,
 Хотя сокрытаго для свѣта
 И даже... даже для себя.

Вы—тотъ поэтъ въ душѣ, который
 Меня привѣтомъ подарилъ,
 Мнѣ придалъ бодрости и силъ
 И далъ совѣтъ прямой и скорый.

Вы—тотъ поэтъ, что мнѣ съ любовью
 Мой долгъ предъ міромъ указалъ,
 Направивъ духъ мой къ славословью
 Того, кто жизнь мнѣ даровалъ.

Вы—тотъ поэтъ въ моихъ очахъ,
 Что повліялъ такъ благотворно
 На пѣснь мою, дабы позорно
 Не расточалась въ мелочахъ.

Вы—тотъ поэтъ добра, любви,
 И красоты, и правды вѣчной,
 Что съ добротой такой сердечной
 Исправилъ промахи мои.

Вашъ опытъ, знанія и чувство,
 Повѣрьте, сдѣлали свое,
 И самъ я вижу, что мое
 Впередъ подвинулось искусство.

Я, съ благодарной вамъ душою,
 Пойду указаннымъ путемъ,

Имѣя васъ передъ собою
Въ воображеніи моемъ.

И будутъ, можетъ быть, мои
Стихи отечеству полезны
И соплеменникамъ любезны
Напѣвы правды и любви.

О, если такъ, то больше славы,
Что на Руси родимой нравы
Улучшатся, не мнѣ, а вамъ
Должно воздать по всѣмъ правамъ.

1898 г.

190. Успокоеніе.

Вновь посѣтивъ края родные,
Я вспомнилъ сны мои бывые
Въ отрадной сельской тишинѣ,
И какъ-то легче стало мнѣ.

Родимый кровь мой въ запустѣнны,
Цвѣтникъ уютный въ небреженьи,
А молодой, зеленый лѣсъ
Подъ дланью хищника исчезъ.

Но грустный видъ ужъ не тревожить
Моей души: она ужъ можетъ
Не прилѣпляться къ суетѣ,
Стремясь къ духовной красотѣ.

Отраднѣе родина земная,
Но та небесная, святая
Обитель, гдѣ нашъ духъ рождень,
Отраднѣе намъ, какъ свѣтлый сонъ.

1898 г.

Тоску по родинѣ отнынѣ
Служеньемъ истиннымъ святынѣ
Я постараюсь заглушить
И больше горнее любить.

191. **Передъ мощами.**

Я предъ нетлѣнными мощами
Стою среди толпы густой,
Сжигаемъ бурными страстями,
Опутанъ бренной суетой.

Смотрю, лежитъ на возвышеньи
Угодникъ Божій, какъ живой,
И богомольцы въ умиленьи
Тѣснятся къ ракъ дорогой.

Невольно мысль моя стремится
Предаться радости святой,
И сердце бѣдное томится
Юдолью скорбною земной.

Онъ, какъ и всѣ, томился міромъ,
Томился бренной суетой,
Но ни однимъ земнымъ кумиромъ
Не соблазнился мужъ святой.

Мерцая тихою лампадой,
Онъ не искалъ хвалы мірской
И отъ Всевышняго наградой
Почтенъ нетлѣнной, неземной.

И всѣ познали свѣтъ духовный,
Что озарялъ его собой
И въ чемъ величія верховный
Источникъ вѣчный и святой.

И мужъ безвѣстный сталъ святыней,
И прахъ ничтожный сталъ красой:
Къ нему за помощію нынѣ
Идутъ и сирый, и больной.

Такъ Богъ чудесно покрываетъ
Своею славой неземной
Того, кто вѣрно соблюдаетъ
Всю жизнь законъ Его святой.

Дерзну ли грѣшными руками
Коснуться раки дорогой
И богохульными устами
Припасть ко длани столь святой?...

Съ великимъ трепетомъ, слезами
Склоняюсь грѣшной головой
Я предъ нетлѣнными мощами,
Дабы обрѣсть себѣ покой....

Прости, угодникъ Божій, смѣлость,
Прости порывъ невольный мой,
Моихъ пороковъ закоснѣлость,
Ты чистотой своей покрой!

1898 г.

192. К і е в ъ.

Я посѣтилъ тебя впервые,
Завѣтный Кіевъ, чудный градъ!
Твои сокровища святыя
Такъ много сердцу говорятъ...

Твои высоты и пещеры
Священной вѣютъ стариной...
Твоихъ подвижниковъ примѣры
Отраднo духъ подъемяютъ мой...

Ты—колыбель Руси родимой,
Ты—правой вѣры колыбель,
И Днѣпръ твой быстрый, Русью чтимый,—
Руси начальная купель...

Ты—русской славы зароженье
И мать россійскихъ городовъ,
Первоисточникъ просвѣщенья
И всѣхъ развитія плодовъ...

Я посѣтилъ тебя впервые,
И, очарованный вполне,
Твои сокровища святыя
Я полюбилъ теперь вдвойнѣ...

Мой блѣдный стихъ въ изображеньи
Святынь безчисленныхъ твоихъ,
Но въ памяти, въ воображеньи
Запечатлю я вѣчно ихъ.

1898 г.

193. Памяти Я. П. Полонскаго.

Еще угасъ поэтъ-художникъ!
Еще уснулъ навѣкъ пѣвецъ!...
Осиротѣли вдругъ треножникъ,
Палитра, лира и рѣзецъ...

Не раздадутся пѣсенъ звуки,
Не заиграютъ краски вновь;
Безпомощно сложились руки,
Уста сомкнуты, стала кровь...

Онъ былъ послѣднимъ изъ плеяды
Пѣвцовъ-художниковъ у насъ,
Которымъ грезились наяды,
Русалки, нимфы и пегасы...

Онъ выполнилъ свой долгъ предъ міромъ
И все, что могъ, онъ совершилъ,
И пѣснь его дышала миромъ
И полнотой душевныхъ силъ.

Такъ пусть онъ мирно отдыхаетъ
Отъ всѣхъ невзгодъ, отъ всѣхъ тревогъ
И пусть съ отрадой воспѣваетъ
Творца Всевышняго чертогъ!...

1898 г.

194. Заповѣдь.

Слова Спасителя я часто вспоминаю:
„Гдѣ два иль три во имя собраны Мое,
Тамъ Я среди нихъ незримо пребываю“.
Въ глубокой смыслъ сей заповѣди я вникаю
И сознаю ничтожество свое.

Въ ней обѣщается намъ благодать святая
И соприсутствіе духовное Христа,
Коль мы, сердца въ любви соединяя
И Господа на помощь призывая,
Живемъ и дѣйствуемъ подъ сѣнію креста.

Что я, ничтожный червь, на что одинъ способенъ?
Что я могу ничтожной силою моей?
Я муравью безсильному подобенъ.
Я силенъ, и уменъ, и нуженъ, и удобенъ
Лишь въ обществѣ подобныхъ мнѣ людей...

Великій смыслъ, глубокое значенье
Имѣетъ заповѣдь, о, Господи, Твоя:
Святится ей людей духовное общенье
И ихъ сердецъ взаимное стремленье;
Въ ней указывается единство бытія.

О, если-бъ эта заповѣдь святая
Всѣмъ человѣчествомъ блюлась вполнѣ,
То люди жили бы среди земного рая:
Всѣ мы, Создателя благословляя,
Вкушали-бъ вмѣстѣ радости однѣ.
1898 г.

195. **Находчивый кварталный.**

(Легенда объ Императорѣ Николаѣ I).

Ѣдетъ скоро, Ѣдетъ быстро
Императоръ... Гей, пади!...
Но еще быстрѣе мчится
Хватъ кварталный впереди.

Императоръ въ нетерпѣньи
Обогнать его велить,
А кварталный, не смущаясь,
Шибче прежняго летить...

„Стой, ни съ мѣста!“ громогласно
Императоръ прокричалъ,
И смѣльчакъ, оторопѣлый,
Во мгновенье ока сталъ.

„Отчего царю дороги
Не давалъ ты впереди?“
— Оттого, что не видалъ я,
Какъ царь ѣхалъ позади...—

„А давно ли у кварталныхъ
Завелися рысаки?
По полиціи оклады,
Вѣдь не очень велики“.

— Что окладъ?... окладъ пустое:
Съ нимъ однимъ не проживешь.
Въ нашемъ званьи безъ доходовъ
Просто съ голода умрешь...—

„Безъ доходовъ?... значитъ, взятки
По полициі берутъ,
Невзирая на законы,
Несмотря на строгій судъ?“

О, нисколько!... и безъ взятокъ
Можетъ быть вездѣ доходъ;
Надо лишь имѣть сноровку
И блюсти во всемъ расчетъ... —

„Для тебя найдется должность
Безъ доходовъ у меня!“
— Государь! на всякомъ мѣстѣ
Есть доходная статья... —

Во дворецъ къ себѣ вернувшись,
Просить царь вельможъ своихъ
Отыскать такое мѣсто,
Гдѣ доходовъ никакихъ.

Долго думали вельможи,
Наконецъ, даютъ отвѣтъ:
„Мы нашли такую должность,
Что совсѣмъ доходовъ нѣтъ:

На дворѣ, близъ царской кухни,
Гдѣ коптятъ окорока,
У коптилки нѣтъ прибѣтка
Ни зерна, ни пятака“.

И квартальнаго лихого,
Что имѣетъ рысака,
Царь въ коптилки производитъ:
„Пусть коптитъ окорока!“ ...

Дѣлать нечего, квартальный
Сталъ коптить окорока...
День коптитъ, другой и третій,
И беретъ его тоска...

Смотрить: каплетъ сало на-земь,
Пропадаетъ ни по чемъ...
Понабралъ онъ черепочковъ
И подставилъ ихъ рядкомъ...

Каплетъ сало въ черепочки:
„Славный будетъ мнѣ доходъ“...
Накопивъ побольше сала,
На базаръ его несетъ...

Черезъ мѣсяцъ призываетъ
Царь коптилку во дворецъ.
„Каковы теперъ доходы?
Признавайся, молодецъ!“

— Ничего, доходъ имѣю
И царя благодарю,
За недѣлю я не мало
Сала въ рынокъ продаю.—

Подивился императоръ,
Что догадивъ молодецъ,
И велѣлъ ему кварталнымъ
Быть въ участкѣ, гдѣ дворецъ...

Больше прежняго доходовъ
Сталъ кварталный получать,
Рысаковъ завелъ отборныхъ,
Такъ-что лучше не сыскать...

Годъ проходитъ. Призываетъ
Царь кварталнаго къ себѣ:
„Каковы доходы нынѣ?
Хорошо-ль теперъ тебѣ?“

Благодаренъ государю
Я за ласку и за честь,
А доходовъ по участку
Просто даже и не счесть.

Мнѣ отъ всѣхъ домохозяевъ
Благостыня хороша,
Отъ одинаго лишь дома
Нѣтъ прибѣтка ни гроша.—

„Отъ какого-жъ это дома
Нѣтъ прибѣтка молодцу?“
— Да простить мнѣ царь за смѣлость—
Нѣтъ доходовъ по дворцу...—

Угодилъ царю квартальный
Откровенностью своей:
Изъ дворца сталъ получать онъ
Въ годъ по тысячѣ рублей...

Съ той поры на тотъ участокъ
И до нашихъ даже дней
Изъ дворцовыхъ средствъ дается
Въ годъ по тысячѣ рублей.

1898 г.

196. **З и м а.**

Зима, зима, волшебница зима!
Какъ рѣдкій гость, въ столицу ты явилась,
И вдругъ столица оживилась
И вся какъ бы преобразилась.
Помолодѣла вдругъ сама.

Дышать отраднo, вольно и легко,
И что ни шагъ, взоръ пораженъ картиной:
Нева блеститъ сплошною льдиной,
Сады серебрятся паутиной,
Бѣлѣтъ путь, какъ молоко.

Какъ дѣва въ пышный свадебный уборъ
Принарядилась хмурая столица;
У всѣхъ порозовѣли лица;

Саней несется вереница;
На окнахъ кружевной узоръ...

О, погости, подольше погости,
Дай подышать, родимая, тобою,
Дай насладиться красотою
И вслѣдъ за осенью сырою
Вновь поскорѣй насъ посѣти!

1898 г.

197. Великопостные мотивы.

Послѣ масленицы шумной
И безпечнаго веселья
Настаетъ постомъ затишье
И невольное раздумье.

Вспоминаешь въ думѣ строгой,
Что съ тобою въ годъ случилось,
Что ты за годъ передумалъ,
Перечувствовалъ и сдѣлалъ.

Сколько было увлеченій,
Сколько пламенныхъ желаній,
И надеждъ, и огорченій,
И сомнѣній, и страданій!...

Для чего все это было?...
И къ чему душа стремилась,
Забывая миръ, и совѣсть,
И любовь, любовь святую?...

И раскаянье въ ошибкахъ
Западаетъ въ сердце глубже,
И стараешься быть лучше
И разборчивѣй въ поступкахъ.

Не напрасно постъ великій
Учрежденъ для человѣка:

Удаляя отъ соблазновъ,
Онъ духовно укрѣпляетъ.

Всѣ житейскія невзгоды
Словно въ сторону отходятъ:
Легче тѣлу, чище сердце,
На душѣ свѣтлѣе какъ-то.

И порой слова молитвы
Сами шепчутся невольно...
Какъ отрадно человѣку
Въ это время жить на свѣтѣ!

1899 г.

198. Въ минуту скорби.

О, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ больно
Терпѣть неправду и молчать!
И не хотѣлъ бы, да невольно
Начнешь на жребій свой роптать.

Зла никому я не желаю.
Зачѣмъ же дѣлаютъ мнѣ зло?
Зачѣмъ я въ скорби изнываю?
Зачѣмъ такъ жить мнѣ тяжело?

О, подкрѣпи меня, Спаситель,
На тяжкомъ жизненномъ пути!...
О, вразуми меня, Учитель,
Какъ Твой законъ мнѣ соблюсти!

1899 г.

199. Въ минуту вдохновенія.

О, какъ я радъ, что вновь способенъ
Я пѣснопѣнія творить
И славу Богу возносить!
Не знаю, съ кѣмъ себя сравнить,
Какимъ счастливецамъ я подобенъ:

Богатымъ, мудрымъ или властнымъ?
Но пѣснь—богатство для меня,
Въ ней мудрость слышится моя,
И ей вполнѣ владѣю я.
Безъ музы-жъ я живу несчастнымъ.

Мнѣ страшно, тяжело и больно.
Когда болѣзнь меня томить,
Иль суета и ложь тѣснить,
Иль злоба, клевета язвить,
И пѣснь изъ устъ не льется вольно.

Счастливъ, кто даромъ пѣснопѣннѣй
Всю жизнь владѣеть до конца,
Кто славить гимнами Творца,
Кто будить лирою сердца
Для добрыхъ чувствъ и вожделѣннѣй.

Какъ я доволенъ въ тѣ мгновенья,
Когда душа моя поетъ,
Не прозябаетъ, а живетъ
Среди безчисленныхъ красотъ
Огнемъ святого вдохновенья!

1899 г.

200. Крестная смерть.

Толпой нестройною всѣ шли...
Его, Спасителя вселенной,
На казнь позорную вели...
И на спинѣ Своей согбенной
Свой крестъ влачили Онъ безъ роптанья
Средь богохульнаго собранья...
Но отъ испытанныхъ предъ симъ
Обидъ, побоевъ, заушенья
Онъ изнемогъ и на каменя
Упалъ подъ бременемъ Своимъ...

Туть Симона ¹⁾ остановили
И на него крестъ возложили,
И Симонъ крестъ Христовъ понесъ...
Покорно шелъ на смерть Христось...

Воть и Голгоѳа. Укрѣпили
На ней три равные креста
И на срединномъ пригвоздили
Ни въ чемъ невиннаго Христа,
На остальныхъ же двухъ рѣшили
Двоихъ разбойниковъ распять.
И Божій Сынъ, Спаситель міра,
Источникъ и любви, и мира,
Межъ нихъ былъ долженъ умирать!..
Виднѣлась надпись надъ главою:
„Царь Іудейскій“. То Пилать
Въ насмѣшку сдѣлалъ надъ толпою,
Что будто царь ея распять.
А войны, что распинали,
Дѣлили ризы межъ собой,
Но какъ хитонъ былъ несшивной,
То жеребій о немъ бросали...

И Дѣва-Мать неизреченно
Скорбѣла чистою душой,
Смотря, какъ грѣшники надменно
Свершали судъ неправый свой.
И ученикъ Христа любимый
Стоялъ съ Ней рядомъ и скорбѣлъ.
И Онъ, Самъ скорбію томимый,
Ихъ горе облегчить хотѣлъ,
И со креста возвалъ къ Ней твердо:
„Воть сынъ Твой“, и къ нему вѣщалъ:
„Воть Мать твоя“. Враги же, гордо
Свою побѣду торжествуя,
Надъ Нимъ кощунственно ликуя,

1) Симонъ Киринеянинъ.

Кричали: „Ты другихъ спасалъ,
Другихъ изъ мертвыхъ воскрешалъ,
Себя Христомъ провозглашая
И Сыномъ Божьимъ величая.
Спаси Себя, сойди съ креста!
Тогда признаемъ за Христа“.

Въ злодѣйствахъ сердцемъ зачерствѣвшій
И для добра ужъ омертвѣвшій,
Одинъ разбойникъ со креста,
Какъ и толпа, ругалъ Христа;
Другой же духомъ усмирися,
Раскаившися въ грѣхѣ своемъ,
Къ Нему съ мольбою обратился:
„О, вспомни въ царствіи Твоемъ!“
И отвѣчалъ ему Спаситель:
„Сегодня будешь ты въ раю“.
Но Самъ Онъ, міра Искупитель,
Едва сносилъ ужъ скорбь Свою
И вдругъ воскликнулъ: „Боже, Боже 1),
Меня оставилъ Ты по что же?“
Враги же, въ злобѣ ихъ безмѣрной,
Смѣялись: „Илію зоветь.
Посмотримъ, какъ-то тотъ придетъ
Спасти Его отъ смерти вѣрной!...“

Христось изнемогалъ отъ жажды,
И воинъ, что стоялъ у ногъ,
Давалъ ему пить оцетъ 2) дважды,
Но Онъ, отвѣдавъ, пить не могъ
И, громкимъ голосомъ: „Свершилось!“
Воскликнувъ, испустилъ Свой духъ...
Давно ужъ тьмою все покрылось.
Когда жъ Господь скончался, вдругъ
Завѣса въ храмѣ разодралась,

1) „Боже, Боже“—по еврейски „Или, Или“.

2) Оцетъ—уксусъ съ желчью.

Поколебалася земля,
Разсѣлись камни... Ужасалась
Толпа, во грудь себя бія...
Пещеры и гроба открылись,
Возстали мертвые изъ нихъ
И очень многимъ изъ живыхъ
Во градъ на третій день явились...
И воины, что распинали,
И сотникъ, бывший у креста,
Всѣ исповѣдали Христа
И Сыномъ Божьимъ называли...

Въ то время пятница была.
Спѣшили снять съ крестовъ тѣла,
Не оставляя сей работы
До дня великаго субботы.
Чтобъ жизнь распятыхъ прекратить,
Рѣшили голени имъ бить
И, перебивъ у двухъ несчастныхъ,
Къ кресту Спасителя пошли;
Когда жъ скончавшимся нашли
Христа отъ мукъ Его ужасныхъ,
Одинъ изъ посланныхъ рѣшился
Его въ ребро пронзить копьемъ,—
И кровь съ водой текли ручьемъ...
Такъ судъ злодѣевъ совершился.
Тогда Іосифъ съ Никодимомъ ¹⁾,
Скорбя о Пастырѣ любимомъ,
Святое тѣло снявъ съ креста,
Въ пещерѣ погребли Христа...

Итакъ свершился судъ неправый,
Судъ человѣческій, слѣпой,—
И родъ грѣховный, родъ лукавый
Искуплень кровью пресвятой.

¹⁾ Іосифъ изъ Аримаѳеи и Никодимъ — тайные ученики Іисуса Христа.

О, какъ любовь Христова къ міру
Неизмѣримо велика!...
А міръ по прежнему кумиру
Кадитъ ужъ многіе вѣка...
И страждетъ міръ, все больше страждетъ...
Когда жъ спасеніе придетъ?
Его Христось для міра жаждетъ,
Его и міръ преступный ждетъ...
Христова жертва въ дни страданій
Неизмѣримо велика.
Насколь же чаша испытаній
Должна для міра быть горька?!
Но отъ грѣха и смерти онъ
Цѣной искупленъ безконечной,—
И будетъ, будетъ онъ спасенъ,
Воскреснетъ онъ для жизни вѣчной!
Какъ Божій Сынъ пречистой кровью
Весь міръ отъ смерти искупилъ
И безпредѣльною любовью
Его духовно озарилъ,
Такъ долженъ міръ своимъ томленьемъ
Христовы муки искупить
И всей душой, всѣмъ помышленьемъ
Христа навѣки возлюбить.
Тогда наступитъ мигъ блаженный:
Міръ тлѣнный силою креста
Преобразится въ міръ нетлѣнный—
Настанетъ царствіе Христа!...

1899 г.

201. Христось воскресе!

1.

Ужъ крестный ходъ Христа встрѣчаетъ.
Толпа обратно въ храмъ спѣшитъ.
„Христось воскресе!“ клиръ вѣщаетъ,
„Во-истину!“ народъ гласитъ...

И горе-грусть, что грудь тѣснило
И хладный сковывало умъ,
Что сердце, душу тяготило,
Рождая бездну мрачныхъ думъ,
У всѣхъ въ единый мигъ пропало:
Влечетъ невольно всѣхъ къ мольбѣ;
На лицахъ радость засіяла
Во всей безчисленной толпѣ...

Какъ хорошо сіе мгновенье
И какъ торжественно оно!...
Вражды, и горя, и сомнѣнья
Какъ будто не было давно:

Всѣ—братья, сестры, всѣ—родные,
Всѣ хрістіане стали вмигъ,
Отбросивъ помыслы земные,
Узрѣвъ небесный, свѣтлый Ликъ...

2.

Въ день Воскресенья, люди-братья,
Духовнымъ свѣтомъ просвѣтимся
И сердцемъ всѣ возвеселимся,
Простремъ взаимныя объятія
И такъ воскликнемъ до небесъ:
„Христось изъ мертвыхъ днесъ воскресъ,
Своею смертію смерть поправъ
И жизнь усопшимъ даровавъ!“

3.

Воскресъ Христось, міръ искупивши
Отъ смерти смертію Своей
И къ вѣчной жизни возбудивши
Сокрытыхъ во гробахъ людей!
Мигъ вожделѣнный, мигъ блаженный,
Чудесный мигъ, священный мигъ,
Мигъ торжества для всей вселенной,—
Какъ онъ прекрасенъ и великъ!

1899 г.

**Въ 21-ю годовщину Археологическаго
Института.**

Все впередъ идетъ на свѣтъ,
И познанія растутъ...
Да растеть и нашъ родимый,
Дорогой намъ институтъ!...

Мысль великая, однажды
Зародившись, не умретъ
И въ послѣдствіи дастъ въ жизни
Изобильный, сильный плодъ.

Такъ и съ нашимъ институтомъ:
Мысль о немъ и жизнь его—
Это рядъ побѣдъ великихъ
Разумѣнья самого.

Бывъ основанъ и устроенъ
Лишь по мысли одного,
Вынесъ онъ невзгодъ немало
Средь развитія своего.

Но невзгоды пронеслися,
Какъ по вѣтру облака,
И теперь жизнь института
И полна и широка.

Въ двадцать первую годину
Съ основанія его
Мы пируемъ дружно, мирно
Въ узахъ братства своего.

Нашъ кружокъ все прибываетъ,
Пополняются ряды,
И растутъ, растутъ замѣтно
Мысли жизненной плоды.

Тамъ архивъ списанъ древній,
Тамъ остатки старины
Изъ земли на свѣтъ изъяты,
Крайней важности полны.

Исторической наукѣ
Открывается просторъ:
Въ помощь ей и груды хартій,
И лопата, и топоръ...

Институтъ своихъ питомцевъ
Будеть сотнями считать
И средь ихъ усилій дружныхъ
Въ глубь столбтій проникать.

И, какъ свѣточъ дивно-яркій,
Озарить онъ мракъ вѣковъ
И отечество избавить
Отъ невѣдѣнья оковъ.

Пусть скорѣе наступаетъ
Эта чудная пора!...
Мы-жъ во славу института
Вскликнемъ дружное „ура“!... ¹⁾

1899 г.

203. А. С. ПУШКИНЪ

въ духовно-нравственномъ отношеніи.

Чудеснымъ даромъ пѣснопѣнья
По волѣ Бога надѣленъ,
Свой долгъ въ предѣлахъ разумѣнья
Передъ людьми исполнилъ онъ.

Среди безчисленныхъ твореній
Его могучаго пера
Онъ чуждъ неправды, лжеученій
И полонъ вѣры и добра.

¹⁾ Произнесено въ день акта Археологическаго Института 9 Мая 1899 года.

Порой, влекомый вдохновеньемъ,
Молитвы онъ перелагалъ,
И самъ усердно, съ умиленьемъ
Онъ Слово Божіе читалъ,

Онъ признавалъ необходимымъ
Для православнаго душой
Имѣть занятіемъ любимымъ
Бесѣду съ Книгою Святой.

Въ распространеніи средь дикихъ,
Сосѣднихъ съ Грузіей племень
Христовой Истины великихъ
Плодовъ залого видѣлъ онъ.

Какъ православной церкви сыномъ
Послушнымъ, преданнымъ онъ былъ,
Такъ былъ достойнымъ гражданиномъ,
Свое отечество любилъ,

Желалъ развитія, свободы
Для гражданъ родины своей,
Чтобы славянскіе народы
Въ дни бѣды опоры зрѣли въ ней.

Онъ вѣрноподаннымъ примѣрнымъ
Являлъ себя всю жизнь свою,
Слугой Царя прямымъ и вѣрнымъ,
Горя любовію къ Царю.

Дѣтей любилъ онъ беззавѣтно,
Для нихъ такъ много написалъ
И въ добрыхъ чувствахъ незамѣтно
Рядъ поколѣній воспиталъ.

Необычайно благотворно
Служенье русскаго пѣвца;
Его вліяніе безспорно
Въ Руси на юныя сердца.

Онъ—гордость наша, наша слава,

Онъ—честный русскій гражданинъ,
И пѣснь его такъ величава,
Полна и чувства и картинъ.

Ей старъ и младъ съ восторгомъ внемлетъ;
Она, врачуя отъ скорбей,
Живить и нравственно подъемлетъ
Сердца и помыслы людей.

И, благодарно вспоминая
Того, кто жизнь ей посвятилъ,
Добра и славы ей желая,
Служа ей, сколько было силъ,
Вся Русь въ столѣтіе рожденья
Его, народнаго пѣвца,
Возноситъ теплыя моленья
Къ Престолу Вышняго Творца.

1899 г.

204. В е с н а .

Примчалось вновь
Веселья время,
И сѣтъ сѣмя
Весны любовь...
И въ сердцѣ кровь
Забушевала...
Былое бремя
Вновь отлегло,
И вновь мнѣ стало
Легко, свѣтло...
И вновь, какъ прежде,
Я все молюсь,
Вновь отдаюсь
Святой надеждѣ...
И мнѣ поется,
Изъ устъ моихъ

Невольно льется
Хвалебный стихъ...
Непостижимой,
Неизъяснимой
Я вѣры полнъ
И невредимо
Несусь я мимо
Житейскихъ волнъ...
И духъ сомнѣнья,
Духъ злобы вновь,
Какъ прежде, дремлетъ;
Меня любовь
И вдохновенье
Всего объемлютъ...
Готовъ я вѣчно,
Какъ нынѣ, жить,
Готовъ сердечно
Я всѣхъ любить
И въ каждомъ видѣть
Второе я,
Боясь обидѣть
Какъ и себя...
Любовь святая!
Все озаря,
Какъ гость на пиръ,
Явися въ мѣръ,
И правъ сердцами,
И зло карай!...
Тогда межъ нами
Возникнетъ рай,
Вражды, коварства
Пройдетъ пора,
Настанетъ царство
Любви, добра.

1899 г.

205. А. С. ПУШКИНЪ

для русскихъ дѣтей.

Было время золотое
На Руси родной, святой:
Пушкинъ—имя дорогое—
Пѣль такъ звучно той порой.

Подъ перомъ его игривымъ
Много сказокъ родилось,
Много пѣсенъ съ прихотливымъ,
Легкимъ слогомъ раздалось.

„Прибѣжали въ избу дѣти“—
Кто не знаетъ изъ дѣтей?
Съ юныхъ губокъ строчки эти
Такъ и льются, какъ ручей.

„Мчатся тучи, вьются тучи“—
Такъ и хочется читать;
Эти строчки такъ пѣвучи,
Ихъ легко запоминать.

„Буря мглою небо кроетъ“...
Жутко сдѣлается вдругъ;
Такъ и кажется, что воетъ,
Стонетъ, плачетъ вихрь вокругъ.

„Сквозь волнистые туманы“...
Такъ и грезится зима:
Льда и снѣга океаны...
Въ душу льется пѣснь сама.

„Птичка Божія не знаетъ“—
Что за чудныя словца!
Какъ-то радостно бываетъ,
Какъ прочтешь ихъ до конца...

„Надъ Невою рѣзво вьются“...
Царь пируетъ широко...

Звуки радостные льются
Въ сердце русскихъ глубоко...

„У Лукоморья дубъ зеленый“...
Какая прелесть въ сказкѣ сей!...
Не котъ мурлычетъ здѣсь ученый:
Поетъ роскошно соловей...

„Гонимы вешними лучами“—
Здѣсь такъ и грезится весна,
Съ ея ручьями и лугами,
Вся гама птичьяго полна...

„Зима! крестьянинъ, торжествуя“...
Родною вѣтъ стороной...
И старъ, и младъ, въ душѣ ликуя,
Довольны дружною зимой...

„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“—
Какая правда дышетъ здѣсь!...
И сколько чувства, мыслей умныхъ!...
Поэтъ здѣсь высказался весь...

„Горитъ востокъ зарею новой“—
Какая сила, мощь въ словахъ!
Весь бой жестокой и суровой
Такъ и мерещится въ очахъ...

„Пока не требуетъ поэта“—
Тутъ сознается самъ поэтъ,
Что безъ любви, добра и свѣта
И для него отрады нѣтъ.

„Поэтъ на лирѣ вдохновенной“—
Что за гармонія въ стихахъ!
Отъ суеты житейской, бренной
Поэтъ уносится въ псалмахъ...

Уподобленіе поэта—
„Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ“.

Какая прелесть—пѣсня эта!
Вѣрна съ природою во всемъ...

А вотъ рожденіе пророка—
„Духовной жаждою томимъ“:
Здѣсь вѣстникъ правды, безъ порока,
Со вдохновеніемъ святымъ...

„Еще одно послѣднее сказанье...“
Любовью, миромъ дышетъ старца рѣчь...
Былыхъ временъ и дѣлъ повѣствованье
Пѣвецъ сумѣлъ въ изящный слогъ облечь.

„Поэтъ, не дорожи любовію народной!“
Святая правда дышетъ съ вѣщихъ устъ пѣвца:
Лишь пѣсню смѣлой, гордой, мощной и свободной
Къ добру и свѣту можно пробуждать сердца...

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный...“
Сознанія своихъ заслугъ исполненъ весь,
Призывамъ вдохновенія всегда покорный,
Пѣвецъ самъ о себѣ пророчествуетъ здѣсь.

„О чемъ шумите вы, народные витіи?...“
Отечествомъ гордясь, отечество любя,
Здѣсь гражданинъ-поэтъ клеветникамъ Россіи
Шлетъ вызовъ доблестный отъ имени ея.

„Отцы-пустынники и жены непорочны...“
Здѣсь вѣры истинной, надежды столь благой,
Любви живой родникъ неистощимый, мощный
Бьетъ чистой, жизненной, живительной струей.

Вотъ немногіе примѣры
Пѣсенъ русскаго пѣвца...
Православной полонъ вѣры,
Онъ Царя чтить, какъ отца.

Онъ къ отечеству святому
Весь любовію пылалъ

И потомству дорогому
Благоденствія желалъ.

И потомство не забудеть
Имя Пушкина вовѣкъ,
Помнить съ гордостію будетъ,
Что онъ—русскій человѣкъ,

Пѣсни дивныя поэта
Будеть съ дѣтства изучать,
Для любви, добра и свѣта
Силы въ нихъ воспринимать.

Праздникъ русскій—день рожденья
Незабвеннаго пѣвца—
Средь восторга, умиленья
Встрѣтятъ русскія сердца!

1899 г.

206. Памяти А. С. Пушкина.

(26-го Мая 1899 года).

Россія празднуетъ сто лѣтъ
Со дня рожденія поэта,
Какихъ въ ней не было, и нѣтъ,
И врядъ ли будетъ многи лѣта.
Онъ лирой вѣщею своей
Будиль къ добру сердца людей.

И до него баяновъ рядъ
Слылъ на Руси въ былые годы,
Пѣлъ много гимновъ и балладъ,
Слагалъ торжественныя оды,
И музы сѣверной земли
Вѣнки изъ лавровъ имъ плели.

Но вотъ явился въ ней пѣвецъ
И прежнихъ всѣхъ затмилъ собою:

Палитра, лира и рѣзецъ
Сдружились подъ его рукою;
Образность, звучность, красота—
Все вмѣстѣ стало не мечта.

Казалось, онъ не сочинялъ,
А думалъ, говорилъ стихами,
Казалось, лирой не бряцалъ,
А струны лиры пѣли сами,
И звонъ волшебной лиры той
Разнесся по странѣ родной.

И всѣ слышали тотъ звонъ,
Тѣ вдохновляющіе звуки,—
И, какъ бальзамъ чудесный, онъ
Цѣлили сердца отъ ранъ и муки,
И оживлялъ, и возвышалъ,
И для любви ихъ раскрывалъ.

И говорилъ пѣвецъ себѣ:
Живи одинъ, иди свободно,
Куда твой умъ велитъ тебѣ,
Служа искусству благородно,
Врачуя ближнихъ отъ скорбей,
Не жди награды отъ людей!

И онъ согласно съ этимъ жилъ,
Служа искусству для искусства,
И словомъ творческимъ будилъ
Въ народѣ нравственные чувства,
И не щадилъ онъ для того
Силь дарованья своего.

Разнообразія полны
Напѣвы лиры вдохновенной:
Легенды, были старины,
Картины жизни современной,
Любви и правды идеаль
Онъ въ пѣсняхъ намъ живописалъ.

Чего, чего въ тѣхъ пѣсняхъ нѣтъ!
Былины, сказки и преданья
Давно минувшихъ дѣлъ и лѣтъ;
Романы, повѣсти, страданья,
Сомнѣнья, думы и любовь,—
И все волнуетъ умъ и кровь.

И много, много онъ творилъ,
Хотя и жилъ онъ такъ немного
И въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ.
Разстался съ жизненной дорогой:
Явились горе и вражда,
Пѣвца сгубили навсегда.

Нашъ Пушкинъ браннымъ прахомъ стать...
Умолкъ звонъ лиры вдохновенной,
Что такъ торжественно звучалъ
Въ Руси для всѣхъ концовъ вселенной...
Пѣвецъ угасъ, и скорбь о немъ
Вѣкъ не умретъ въ краю родномъ.

Онъ міру возвѣстилъ всему,
Что памятникъ нерукотворный
Воздвигъ себѣ, что путь къ нему
Не заростетъ и будетъ торный:
Пѣвецъ въ потомствѣ не умретъ,
И будетъ чтить его народъ.

Сбылося все, и нашъ поэтъ,
Въ своихъ твореньяхъ вѣчно новый,
Жить будетъ много, много лѣтъ,
Стяжавъ себѣ вѣнецъ лавровый,
Стяжавъ народныя хвалы,
Неуязвимый для хулы.

И въ знаменательный сей день,
День юбилея вѣкового,
Пусть вдохновитъ поэта тѣнь
Сердца потомства дорогого,

Да дастъ намъ новаго пѣвца,
Дабы глаголомъ жегъ сердца!...

Русь! благодарная душой
Поэту за его созданья,
За подвигъ для страны родной,
За всѣ тревоги и страданья,
Въ свой жребій вѣруя, гряди!
Твое призванье впереди.

207. Братьямъ-славянамъ.

Въ край далекій, край холодный
Къ намъ на праздникъ нашъ народный
Вы собралися, друзья,
Въ убѣждены, что, конечно,
Приметь васъ тепло, сердечно
Наша русская семья.

Не ошиблися вы, братья:
Задушевныя объятья
Здѣсь всегда готовы вамъ...
И во дни невзгоды, горя
Въ лонѣ русскаго-ли моря
Нѣтъ приюта всѣмъ ручьямъ?

А теперь, въ дни нашей славы
Въ годы мира для державы,
Въ годы счастья свои,
Русь тѣмъ болѣе вамъ рада:
Вы ей братья, вы ей чада
Въ духъ правды и любви.

Ваше дружное стремленье
И свободное стеченье
Въ градъ Великаго Петра

Намъ свидѣтельствуеть ясно,
Что все ближе ежечасно
Къ намъ блаженная пора,

Та пора, что такъ отраднa
Для славянъ, что жаждутъ жадно
Братья съ давнихъ ужъ временъ,
Та пора, когда всѣ козни
Сгинуть, и не будетъ розни
Въ мѣрѣ родственныхъ племенъ.

Ждалъ поры той вождельной
И поэтъ нашъ вдохновенный
И воспѣлъ мечты свои:
Не изсякнетъ наше море,
Въ немъ сольются на просторѣ
Всѣ славянскіе ручьи.

И мечты наполовину
Ужъ исполнились: въ годину
Гласа Русскаго Царя
О всеобщемъ примиреньи
Мы, славяне, въ единеньи
И надеждою горя,

Праздникъ русскій торжествуемъ,
Сердцемъ радостно ликуемъ
Въ узахъ дружбы и любви.
Общность нашихъ всѣхъ стремлений,
Нашихъ братскихъ вождельній
Въ нашей вѣрѣ и крови.

Твердо вѣруемъ, что вскорѣ
Разольется наше море .
И полно, и широко, —
И тогда изъ нѣдръ славянства
Свѣточъ мирный христіанства
Озаритъ весь мѣръ легко.

О, да будетъ, о, да будетъ
И вовѣки да пребудетъ
Эта чудная пора!
Нынѣ-жъ, братья дорогіе,
Дружно въ честь Вождя Россіи
Вскликнемъ: живіо! ура!

1899 г.

208. Бродячіе артисты.

Заунывные звуки шарманки,
Надрывающій сердце напѣвъ
Этой жалкой, должно быть, цыганки,
Что поетъ, можетъ быть, не поѣвъ.

А вокругъ равнодушные взоры
Беззаботныхъ и праздныхъ зѣвакъ,
Шутки, смѣхъ и порой разговоры,
Лишь достойные пьяныхъ гулякъ.

И хотя бы копѣйкою мѣдной
Кто-нибудь изъ толпы поощрилъ
Трудъ артистки голодной и бѣдной,
Что поетъ, выбиваясь изъ силъ.

Эти голодь и бѣдность такъ ясно
Отражаются въ пѣсняхъ ея.
И подумаешь—станетъ ужасно:
Можетъ быть голодаеть семья.

Дѣти ждуть—не дождутся родимой;
Хоть бы черстваго хлѣба кусокъ,
А малюткѣ больной и любимой
Молочкомъ бы наполнить рожокъ.

Вотъ какія тяжелыя думы,
Можетъ быть, у нея на умѣ.
Оттого ея пѣсни угрюмы,
Словно стонъ бурныхъ вьюгъ по зимѣ.

И не мало ихъ бродить въ столицѣ,
Въ ясный день и ненастной порой,
Ихъ, подобныхъ сей жалкой пѣвицѣ,
Обездоленныхъ лютой бѣдой.

Между ними встрѣчаемъ порою
Злополучныхъ отцовъ, матерей,
Окруженныхъ нерѣдко гурьбою
Изнуренныхъ и хилыхъ дѣтей.

Такъ привычны намъ эти картины—
Горе ближняго, слезы, нужда:
Мимо нихъ безъ малѣйшей кручины
Мы спокойно идемъ иногда.

А какая забьется тревога
Въ сердцахъ братьевъ сихъ меньшихъ, когда
Кто-нибудь изъ толпы, ради Бога
Бросить гривенникъ имъ иногда!...

Я не спору: быть можетъ, и правы
Возстающіе противъ сего,
Ихъ идеи, быть можетъ, и здравы
О вредѣ попрошайства всего...

Но я радуюсь какъ-то неволью,
Видя добрыя чувства людей,
Мое сердце сжимается больно
Отъ научныхъ, но жесткихъ идей.

1899 г.

209. П а м я т н и к ъ .

(Посвящается ***).

Ты памятникъ воздвигъ себѣ нетлѣнный,
Къ нему пути не заростутъ.
Слухъ о тебѣ пройдетъ по всей вселенной,
Тебя всѣ люди назовутъ.

И дорогъ тѣмъ ты будешь всѣмъ народамъ,
Что ты добро лишь воспѣвалъ,

Въ противовѣсъ неправдѣ и невгодамъ
Терпѣнье въ ближнихъ укрѣплялъ,
Что чуждъ былъ ты тлетворныхъ лжеученій,
Одной лишь истинѣ служилъ
И силою сердечныхъ пѣснопѣній
Желанья добрыя будилъ,
Что, бывъ по крови славяниномъ русскимъ,
По вѣрѣ православнымъ бывъ,
Въ своихъ воззрѣнιάхъ ты не былъ узкимъ,
Во всемъ прекрасное любивъ,
Что утверждалъ ты лирой вѣру въ Бога
И ревность сердца къ алтарю,
Училъ блюсти законъ и правду строго,
Любовь къ отечеству, къ царю,
Что пѣлъ ты гимны миру и свободѣ,
И всепрощающей любви,
Что твердо шелъ на встрѣчу ты невгодѣ
И чувства не мѣнялъ свои.
И не забудутъ о тебѣ народы,
И духъ твой съ тѣломъ не умретъ,
Но въ гимнахъ правды, мира и свободы
Вѣкамъ въ наслѣдье перейдетъ...
И не заглохнуть сѣмена живыя,
Въ сердца внѣдренныя тобой...
И въ этомъ лавры всѣ твои земныя,
Нетлѣнный памятникъ земной.
1899 г.

210. ВЪ ЯСНУЮ НОЧЬ.

Ночь дивная, чудесная!...
Какъ дышется легко!...
Свѣтло... Лазурь небесная
Прозрачна глубоко...

Проникнуть въ высь хотѣлось бы
Мнѣ взоромъ и умомъ:
Навѣрно, тамъ запѣлось бы
Не какъ въ краю земномъ.

Тамъ ангелы съ избранными
Скитальцами земли
Псалмами несказанными
Мой слухъ бы увлекли,

Сіяньемъ облили бы,
Мнѣ очи озаря,
И зрѣть ихъ допустили бы
Чертогъ царей Царя.

Любовь неизреченную
Я сердцемъ бы постигъ
И въ тайну сокровенную
Умомъ своимъ проникъ.

Но нѣтъ: отъ вѣка вѣчное
Намъ тлѣннымъ не дано,
Конечнымъ безконечное
Сокрыто и темно.

1899 г.

211. 28 Іюня 1899 года.

Не протекло пяти годинъ,
Какъ наша добрая Царица
Вдругъ стала скорбная вдовица—
И вновь ударъ Ей: гаснетъ Сынъ!

Она—примѣрная Подруга,
Она—достоинѣйшая Мать,
Лишась любезнаго Супруга,
Должна и Сына потерять!...

Супругъ со сказочной былъ силой,
Какъ святорусскій богатырь,

А Сынъ болѣзненный и хилый:
Ему былъ мѣръ, что монастырь.

Но, какъ Отецъ, Онъ духомъ силенъ,
И кротокъ, и умѣренъ былъ,
И сердцемъ былъ любвеобилень,
Царя, и Мать, и Русь любилъ.

Онъ былъ отрадой несказанной
Для нѣжной Матери Своей
Предметъ заботы неустанной
И думъ въ безсонницу ночей...

О, подкрѣпи Ее, Спаситель,
И скорби сердца утиши!
А Ты, Россіи Просвѣтитель,
Будь свѣтомъ для Ея души!

Въ Тебѣ, въ Твоей Семьѣ счастливой
И въ Братѣ-Юношѣ Твоемъ —
Для Матери чадолюбивой
Душевныхъ силъ Ея подъемъ.

Она такъ дорога Россіи,
Давъ ей столь мудраго Царя,
Мольбы не смолкнутъ о Маріи
Передъ престоломъ алтаря!

1899 г.

212. Сила молитвы.

О, какъ порою тяжело мнѣ
На жизненномъ пути!
И кажется, что данный крестъ
Не въ силахъ я нести...

Сомнѣніе бесплодное
Смущаетъ хладный умъ,

И полонъ онъ томительныхъ,
Безсвязныхъ мрачныхъ думъ...

А сердце... сердце бѣдное
Тревогою полно,
Какой-то безотчетною
Тоской удручено...

Въ такое время скорбное
Одно спасенье мнѣ:
Создателю молитвенно
Предать себя вполнѣ,

Прося у Всемогущаго
И мира, и любви,
Прося у Милосердаго
Простить грѣхи мои.

Молитвы сила благодна:
Исчезнетъ жизни гнеть,—
И снова я съ надеждою
Тогда смотрю впередъ.

1899 г.

213. С л е з ы.

Чувствую силы въ себѣ я могучія:
Вновь я способенъ творить,
Въ пѣснь облекать свои слезы кипучія,
Пѣсню сердца шевелить.

Пѣсни мои—это слезы незримыя,
Плачь сокровенный души,
Слезы глубоко и долго хранимыя...
О, какъ онѣ хороши!

Часто онѣ вызываются трудною,
Тяжкой житейской борьбой,
Или природы таинственно-чудною,
Непостижимой красой,

Чаще же чистыми сердца движеньями
Ближнихъ, собратій моихъ,
Или же церкви святой откровеньями
Въ молитвословьяхъ живыхъ.

Въ этихъ слезахъ я и самъ очищаюся,
Лучше являюсь душой,
Ими жъ цѣлительно я укрѣпляюся
Къ битвѣ съ житейской волной.

1899 г.

214. Вѣнцу творенія.

О, ты, лукавый сынъ свободы
И въ дни безумія гордецъ!
Ты, величавый царь природы
И мірозданія вѣнецъ!

То проникаешь въ тайны неба,
Насытясь благами земли,
То изнываешь ты безъ хлѣба,
И пресмыкаешься въ пыли...

Къ чему стремишься ты, случайный
И царь, и рабъ своихъ страстей,
Такъ часто заглушая тайный
Въ себѣ судъ совѣсти твоей?

Зачѣмъ роскошествуешь пышно,
Почетомъ, славой обольщенъ,
Когда тебѣ нерѣдко слышно,
Что ближній скорбью удрученъ?

Не мнишь ли ты, что межъ тобою
И ближнимъ—разница въ крови,
Что вы—съ различною душою,
Что недостойнъ онъ любви?

Но если такъ, то какъ вы оба
Изъ персти быть одной могли.

Равно живете лишь до гроба
И въ нѣдрахъ тлѣете земли?

И если случаемъ счастливымъ
Возвышенъ былъ ты передъ нимъ,
Тебѣ-ль, со взоромъ горделивымъ,
Кичиться разумомъ своимъ?

Вѣдь, случай можетъ и собрата
Передъ тобою вознести:
Въ томъ жизнь примѣрами богата,
Имъ даже счета не найти.

Такъ если выше надъ иными
Ты сталъ чрезъ случай лишь одинъ,
То не обязанъ ли ты съ ними
Быть какъ отецъ, какъ братъ, какъ сынъ?

Вѣдь, несмотря на блага міра,
На все довольство, на почетъ,
Подкосить всѣхъ одна сѣкира,
И Богу строгій дашь отчетъ.

И чѣмъ счастливѣй на землѣ ты,
Тѣмъ больше спросится съ тебя.
Какіе-жъ Богу дашь отвѣты,
Чѣмъ оправдаешь ты себя?

Вѣдь Промыслъ Божій надѣляетъ
Крестомъ богатымъ иль простымъ
И несть его повелѣваетъ,
Не любоваться только имъ.

И ты, вѣнецъ и царь природы,
Все это долженъ сознать
И всѣ соблазны и невзгоды
Во славу Бога побѣждать.

1900 г.

215. Жажда жизни.

О, Боже! какъ жизнь хороша!
Какъ хочется жить мнѣ и жить!
Какъ рада, какъ рада душа!
Какъ сердце стремится любить!...

Прости мнѣ, Создатель, мой бредъ,
Что я, недовольный, твержу,
Когда и неправду, и вредъ
Въ собратяхъ своихъ нахожу!...

Такъ мудро устроенъ весь миръ
Такъ чудно украсенъ Тобой!
Въ немъ дышать отрада и миръ;
Легко въ немъ живется порой.

Я въ эти минуты готовъ
Забыть всѣ обиды, все зло
И явныхъ, и тайныхъ враговъ:
Мнѣ такъ и тепло, и свѣтло...

О, Боже! какъ жизнь хороша!...
Такъ хочется жить мнѣ и жить!...
Такъ рада, такъ рада душа!...
Такъ сердце стремится любить!...

1900 г.

216. Раздумье.

Мнѣ часто въ минуты раздумья невольно
Приходитъ на память минувшее время,
И сердцу становится тѣсно и больно,
Какъ будто гнететъ его тяжкое бремя.

Тогда вспоминаются милыя лица
Родныхъ и друзей; какъ живыя картины,
Предъ взоромъ проходитъ сихъ лицъ вереница:
Румянецъ, улыбки, усталость, морщины...

Средь призраковъ этихъ яснѣ порою
Являются мать и отецъ, какъ бывало,
Съ любовью во взорѣ, но съ грустью нѣмою,
Что время иль горе на нихъ начертало.

О, гдѣ вы, родимые, гдѣ, дорогіе,
Въ какой сторонѣ недоступнаго міра?
Забыли-ль вовсе тревоги земныя?
Вполнѣ ли вкушаете радости мира?

Хотя бы во снѣ, въ легкой грезѣ полночной,
Шепнули вы мнѣ, хорошо ли живете,
И буду-ль я съ вами въ разлукѣ бессрочной,
Иль вы и меня, незабвенные, ждете...

Не вѣдаю самъ, объяснить не могу я,
Но сердце твердитъ мнѣ, что рано иль поздно
Мы свидимся съ вами, любя и ликуя,
Что мы не на вѣки останемся разномъ...

О, если-бъ, окончивъ земныя страданья,
Съ душой, не причастной ни злу, ни тревогѣ,
Дождаться мнѣ вѣчнаго съ вами свиданья
И вѣчной улады въ небесномъ чертогѣ!

1900 г.

217. **Одному изъ многихъ.**

Обрывки знаній пріобрѣвши,
Ты успокоился на томъ,
Ни въ чемъ духовно не созрѣвши,
Задумалъ жить своимъ умомъ.

Прямымъ послѣдствіемъ такого
Пренебреженія собой
Есть отрицаніе святого
Начала въ жизни міровой.

И ты забылъ, конечно, Бога,
А съ Нимъ и весь Его законъ:

Ужъ не во храмъ твоя дорога,
А лишь кумирамъ на поклонъ.

Твои кумиры, хоть ничтожны,
Твой духъ смущаютъ день и ночь.
И день, и ночь твои тревожны;
И мукъ тебѣ не превозмочь...

Безъ вѣры въ сердцѣ спокойномъ
Нѣтъ мѣста истинной любви.
Ее ты ищешь въ недостойномъ,
Тлетворномъ пламени въ крови.

Безъ вѣры гложнетъ чувство долга
По отношенію къ другимъ:
Ты, не раздумывая долго,
Зломъ платишь искреннимъ твоимъ.

Безъ вѣры трудъ не утѣшаетъ
И безразличны ночь и день:
Вотъ отчего овладѣваетъ
Тобой томительная лѣнь.

Безъ вѣры совѣсть засыпаетъ,
Сознаніе добра и зла:
И умъ твой жалкій разрѣшаетъ
Тебѣ неправыя дѣла.

И не живешь, а прозябаешь
Ты бесполезно для себя,
И ближнимъ горе причиняешь,
Не разсуждая, не любя...

Одна лишь тяжесть испытанья
Способна вѣру возбудить.
И мракъ уснувшего сознанья
Духовнымъ свѣтомъ озарить.

Тогда и ты воскреснешь снова
Для жизни честной, трудовой,

Явясъ поборникомъ святого
Начала въ жизни міровой.

О, дай же Богъ тебѣ скорѣе
Урокъ тяжелый испытать,
Чтобъ ты взглянулъ на жизнь честнѣе
И началъ жить, не прозябать!

1900 г.

218. Горе извозчика.

„Что ты, любезный, вздыхаешь?
Иль что неладно съ тобой?
Иль съ полугару качаешь
Буйной своей головой?“

— Эхъ, ваша милость честная,
Съ горя и выпить не грѣхъ...
Слышь ты, обида какая:
Баба родила на смѣхъ.—

„Что-жъ тутъ, пріятель, худого?
Богъ, значить, счастье послалъ.
Видно, хлебнулъ ты здорово:
Съ радостью горе смѣшалъ“.

— Что-жъ, ваша свѣтлость, за радость
Въ экой оказіи мнѣ?...
Вся-то осталася сладость
Только въ проклятомъ винѣ...

Слышь ты, съ хозяйкой своею
Я не видался пять лѣтъ...
Тамъ, на деревнѣ, за нею
И увяжися сосѣдъ...

Я то вотъ здѣсь работаю...
Ну, занимаюсь хмѣлькомъ...
Грамотку вдругъ получаю:
Слышь, наградила сынкомъ...

Такъ бы, кажись, лиходѣйку.
До полусмерти зашибъ...
Жизнь мнѣ теперь ни въ копѣйку,
Ни за копѣйку погибъ...—

„Самъ виноватъ, братъ, выходишь,
Что позабылъ о женѣ:
Время въ столицѣ проводишь,
Думая лишь о винѣ“.

— Это такъ точно, извѣстно...
Да въ баловствѣ я ни—ни!...
Ну и она, значить, честно
Вѣрность супругу храни!—

„Ты, братъ, философъ, какъ видно.
Да почему же ей знать?
Ей, видно, стало обидно
Мужа пять лѣтъ поджидать“.

— Эхма!... одно утѣшаетъ,
Если стаканчикъ въ рукахъ...
А окаянный смущаетъ:
Ей, удавись на вожжахъ!...

„Ну, а бываешь ли въ храмѣ?“
— Гдѣ ужъ, до храма ли тутъ...
Видите, кажется, сами:
Скоро придетъ, знать, капутъ...

Гдѣ ужъ, какое моленье:
Вотъ она—глянь-ка въ карманъ
Скляница... все утѣшенье,
Какъ распрягусь, да въ чуланъ...

Ночь-то—одно наказанье:
Глазъ, почитай, не сомкнешь...
Рожи, соблазны, мечтанье...
Къ утру насилу заснешь...

Утромъ хозяинъ серчаетъ:
Что разоспался, вставай!...

Только и знай, понукаетъ,
Время, коня снаряжай!...

То есть и лба-то порою
Не перекрестишь, какъ слѣдъ,
Развѣ потомъ, за ѣздою,
Коль нанимателей нѣтъ.

Эхма, подчасъ и вино-то
Начало какъ-то претить...
Часто приходитъ охота
Съ жизнью своей порѣшиться...

Все окаянный смущаетъ:
Дразнить вожжами во снѣ...
Или къ женѣ посылаетъ:
Слышь, поѣзжай-де къ женѣ!—

„Слушай, любезный, ты больше
Водки ни капли—крѣпись!
На ночь молися подольше,
Сколько есть силы, молись!

Съ бабой своей помирися,
Всѣмъ ее сердцемъ прости!
Да на дитя не сердися—
Сыномъ въ семьѣ возрасти!

И на сосѣда не злися!
Словомъ, со всѣмъ примиришь,
Да поскорѣй соберися
И на деревню вернись!

Сдѣлаешь такъ — позабудешь
Тяжкія ты времена:
Счастливъ попрежнему будешь,
Крѣпче полюбитъ жена.

А мальчуганъ-то, быть можетъ,
Лучше родного сына

Послѣ тебѣ же поможетъ
И пріютить старика.

Да и сосѣдъ не обидить
Ужъ ни тебя, ни жену,
Если въ тебѣ не увидить
Зла за свою же вину.

Вспомни, Спаситель-то міра
Сколько за насъ претерпѣлъ,
Полный любви къ намъ и мира!
Тоже и намъ Онъ велѣлъ.

Вѣрь мнѣ: Господь испытанья
Намъ посылаетъ порой,—
Твердо ли сносимъ страданья,
Чтимъ ли Его всей душой?“...

— Баринъ, дай Богъ вамъ здоровья,
Что вразумили меня!
Сердце взыграло любовью,
Радость почувствовалъ я.

Сдѣлаю все, какъ велѣли,
Завтра же ѣду домой!...
Дребезги склянки звенѣли,
Прыгая по мостовой.

1900 г.

219. **Догадливый Сеня.**

(Историческій случай).

Ужъ какъ въ тысяча семьсотъ
Шестьдесятъ второмъ году
Для голштинцевъ былъ почетъ
На Руси, всѣмъ на бѣду.

Императоромъ въ тотъ годъ
Петръ Θεодоровичъ былъ,

И нѣмецкій весь народъ
Онъ особенно любилъ.

Долго строился дворець
Въ Петербургѣ надъ Невой
И вполнѣ ужъ, наконецъ,
Быль отдѣланъ той порой.

А предъ новымъ-то дворцомъ
Быль весьма обширный лугъ.
Онъ застроенъ былъ кругомъ,
Тѣсно множествомъ лачугъ.

Быль заваленъ лугъ большой
Бездной бревенъ и досокъ,
Щебнемъ, глиною, щепой
И впродоль, и поперекъ.

За недѣлю предъ Святой,
Съ нетерпѣньемъ на лицѣ,
Пожелалъ Царь молодой
Праздникъ встрѣтить въ томъ дворцѣ.

Услыхавъ то, Корфъ старикъ,
Полицмейстеромъ что былъ,
Головою вдругъ поникъ
И чуть волкомъ не завылъ.

Онъ взглянулъ на лугъ большой:
Ни проѣзда, ни дорогъ—
И нѣмецкой головой
Ничего смекнуть не могъ

Надо мѣсяцъ или два,
Чтобъ расчистить этотъ лугъ.
Закружилась голова,
И въ постель слегъ нѣмецъ вдругъ.

И другіе нѣмцы тожъ
Не могли бѣдѣ помочь:

Пробирала многихъ дрожь,
Не смыкали глазъ всю ночь...

А какъ Царь о томъ узналъ,
Воспылалъ онъ гнѣвомъ вдругъ
И расчистить приказалъ
Въ трое сутокъ цѣлый лугъ.

Корфъ съ постели соскочилъ,
Къ лугу снова полетѣлъ,
Но задачи не рѣшилъ,
Какъ мозгами ни вертѣлъ.

Генералы тутъ пришли,
Чтобы выручить его,
Разсужденія вели:
Не рѣшили ничего.

А кругомъ народъ простой
Собирался, толковалъ
Объ оказіи такой
Да плечами пожималъ.

Только Сеня—молодецъ,
Плотникъ, русскій мужичекъ,
Молвилъ Корфу наконецъ,
Что уладилъ бы въ денекъ.

Нѣмецъ слушаетъ его;
Плотникъ Сеня говоритъ:
„Днемъ не будетъ ничего,
Если Царь то повелить.

Вѣдь Царь-батюшка богатъ,
Такъ убытокъ небольшой,
А народъ нашъ тароватъ,
Радъ поживѣ даровой.

Если съ луга разрѣшатъ
Все, что хочешь, даромъ брать,

Въ тотъ же день все растащатъ,
Только будетъ ширь да гладь“.

Нѣмцу сразу не смекнуть:
Сеню глупымъ обозвалъ,
А потомъ, какъ понялъ суть,
Во дворець онъ поскакалъ.

Государя онъ просилъ,
Чтобъ указомъ именнымъ
Съ луга брать все разрѣшилъ
Всѣмъ по силамъ по своимъ.

Петръ Θεодоровичъ вмигъ
Просіялъ отъ мысли той,—
И счастливый Корфъ старикъ
Несъ указецъ именной.

Какъ народъ провѣдалъ вдругъ
О рѣшеніи Петра,
Муравейникомъ весь лугъ
На другой день сталъ съ утра.

Конный, пѣшій, старъ и малъ,
Съ киркой, ломомъ, топоромъ,
Всякъ, что любо, разбиралъ...
Крики, драка, смѣхъ, содомъ....

Полицмейстеръ прискакалъ
Съ конной стражею своей;
За порядкомъ генералъ
Присмотрѣть хотѣлъ скорѣй.

Но народъ ихъ не призналъ:
Каждый дѣломъ занятъ былъ...
Кто-то Корфа обругалъ,
Чуть бревномъ не придавилъ.

Кто-то шутить, говоря:
„Убирайся! недосугъ:

По приказу мы Царя
Расчищаемъ этотъ лугъ.

Не уйдешь, такъ и тебя
Заберемъ со всѣмъ добромъ:
Такъ совѣтую, любя,
Проходи своимъ путемъ“....

Вотъ карета шестерней
Съ Милліонной черезъ лугъ!...
Присяжная съ коренной
Предъ народомъ стали вдругъ....

Но вельможа приказалъ
Изъ кареты, чтобъ скорѣй
Хорошенько нахлесталъ
Кучеръ бѣдныхъ лошадей.

И шестерка во всю прыть
Съ мѣста тронулась впередъ,
Безъ разбора ставъ давить
Копошившійся народъ.

Вопли, стоны раздались....
На карету, на коней
Доски, бревна поднялись,
Градь посыпался камней....

Изъ кареты тутъ въ сердцахъ
Ярче пламени-огня,
Самъ вельможа, въ орденахъ,
Крикнулъ: „смирно... иль меня

Не узнали?... берегись!...
Герцогъ Биронъ*) я... и вдругъ
Смолкли всѣ и подались,
Услыхавъ зловѣщій звукъ.

*) Онъ только что вернулся изъ ссылки и ѣхалъ представляться Государю, въ старый, деревянный дворецъ на Невскомъ.

И карета шестерней
Безъ помѣхи пронеслась
Посреди толпы нѣмой,
Пыль столбомъ лишь поднялась.

Словно чорта повстрѣчавъ,
Осѣнились всѣ крестомъ
И за дѣло, повздыхавъ,
Принялися вновь потомъ....

Еще солнышко горитъ,
А работѣ ужъ конецъ....
Ухмыляясь, говорить
Плотникъ Сеня—молодецъ:

„И давно бы такъ пора!...
Глядь!.. шаромъ хотъ покати!...
То-то, нѣмецъ—нѣмчура,
Съ нашимъ братомъ не шути!

Самому-то невдомекъ
А меня же обругалъ....
Я хотъ русскій мужичокъ,
Да ума не занималъ“.

1900 г.

220. Выборъ смотрителя.

(Быль).

Разъ въ городкѣ малоизвѣстномъ
Въ его училищѣ уѣздномъ
Смотритель къ предкамъ отошелъ.
Случись тутъ кстати попечитель,
Всѣхъ школъ по округу блюститель,
Онъ тотчасъ выборъ произвелъ,
Чтобъ замѣстить свободный постъ.
И былъ тотъ выборъ очень простъ.

Изъ трехъ учителей наличныхъ,
Къ преподаванію привычныхъ,
Одинъ изрядно попивалъ,
Другой былъ старъ уже годами,
А третій молодъ: онъ дѣлами
И временно не управлялъ.
Былъ брошенъ жребій: молодой
Начальствомъ сталъ для школы той.

Судьба такъ мудро разрѣшила:
Должно быть, высшая въ ней сила
Вліяетъ на дѣла людей:
Хоть молодъ новый былъ смотритель,
Но онъ отличный былъ учитель
И къ дѣлу былъ всего годнѣй.
И попечитель былъ уменъ,
Что не рѣшалъ вопроса онъ.

1900 г.

221. Экспромты.

Поэтъ, не придавай значенья
Суду измѣнчивой толпы:
Среди похвалъ, среди глумленья
Держись прямого направленья
Однажды избранной тропы!

Надѣйся, вѣруй и люби,
Молись, трудись и помогай!
Лишь въ этомъ радости твои
И на землѣ возможный рай.

1900 г.

222. 7 Мая 1900 г. *)

На мирномъ праздникѣ науки
Сошлись мы тѣсною семьей,
Чтобы, пожавъ другъ другу руки,
За общей чашей круговой
Въ бесѣдѣ отдохнуть душой.

Такъ пусть звенятъ стаканы наши,
Вновь наполняясь быстрѣй,
Во здравье всѣмъ, изъ общей чаши,
Пусть рѣчи льются веселѣй,
Закончимъ праздникъ мы шумнѣй!

И какъ не праздновать шумнѣе?
И какъ не радоваться намъ?
Нашъ кругъ становится полнѣе,
На благо будущимъ вѣкамъ,
Во славу предкамъ и отцамъ.

Сегодня новый рядъ собратій
Права гражданства получилъ.
Такъ пожелаемъ безъ изъятій
Имъ рьяныхъ бодрости и силъ
Въ пыли архивовъ и могилъ!

Живѣй, курганная лопата!...
Смѣлѣй, архивное перо!...
Они для насъ дороже злата,
Ничто предъ ними серебро,
Въ нихъ—археолога добро....

Недаромъ предки наши жили,
Не безъ слѣда ихъ дни прошли:
Ихъ мысль архивы сохранили,
Ихъ трудъ курганы сберегли,
Останки ихъ въ пластахъ земли.

*) Въ день акта Археологическаго Института.

Когда сокровища изъ тлѣнья
Изъяты будутъ всѣ на свѣтъ,
То молодья поколѣнья,
Грядущей жизни соль и цвѣтъ,
Найдутъ въ нихъ опытъ и совѣтъ.

Лишь дикарямъ однимъ пристойно
Не знать исторіи родной,
Въ слѣпомъ невѣдѣннѣ, спокойно,
Глумясь надъ вѣщей стариной,
Жить современностью одной.

Не зная жизни изначальной,
Идетъ ошибочно народъ,—
И этой истины печальной
Примѣровъ множество найдетъ,
Кто справку въ прошломъ наведетъ,

Кто азбуку отлично знаетъ,
Тотъ легче затвердитъ склады,
Тотъ книгу лучше прочитаетъ:
Не повторять ему зады,
И ужъ въ указкѣ нѣтъ нужды.

Лишь тотъ народъ, который твердо
Урокомъ прошлаго живетъ,
Лишь тотъ увѣренно и гордо
Стезей разумною идетъ
И бодро движется впередъ.

Археологій стремленье:
Минувшій опытъ сохранить,
Былого смыслъ, его значенье
И мудрость предковъ освѣтить,
Народный духъ возстановить.

И мы послужимъ для отчизны
Раскрывемъ темной старины:
Хотя-бъ насмѣшки, укоризны

Бросали намъ со стороны,
Мы будемъ тверды и вѣрны!
Теперь же пусть звенять стаканы
И осушаются быстрѣй
За всѣ архивы и курганы!
Пусть льются рѣчи веселѣй!
Закончимъ праздникъ мы шумѣй!

223. Н а м о р ѣ.

Плыву, а море серебрится
Луной таинственно съ небесъ,
И въ сердцѣ радость шевелится,
И страхъ опасности исчезъ.

Я вѣрю: въ этомъ чудномъ строѣ
Природныхъ силъ и красоты
Не омрачить несчастье злое
Моей восторженной мечты.

Какъ будто цѣплю алмазной
Смирили море небеса,
Взамѣнъ пучины безобразной,
Явивъ для взора чудеса.

И влагъ бурной, непокорной
Пославъ покой и тишину,—
И я съ улыбкой непритворной
Смотрю на свѣтлую волну.

Я говорю: ты намъ грозила
Смертельной гибелью, какъ змѣрь,
И намъ безвѣстie сушила.
Такъ поласкай же насъ теперь!

Возвратясь недавно съ юга
 Въ нашъ туманный Петроградъ,
 Словно я лишился друга
 И сердечныхъ всѣхъ отрадъ.

Послѣ сказочной природы,
 Послѣ ласковыхъ небесъ
 Вдругъ лишился я свободы,
 И веселья духъ исчезъ.

Нѣтъ привольнаго простора,
 Благовонной нѣтъ листвы,
 Нѣтъ и отдыха для взора,
 Кромѣ царственной Невы.

Все обыденно, не ново,
 Все размѣрено въ пригонъ,
 Все такъ выгладитъ сурово,
 Словно снится тяжкій сонъ.

Всюду пасмурныя лица,
 Смѣхъ, забота, суета...
 Это-ль—славная столица,
 Градовъ Руси красота?

То ли дѣло—южный берегъ,
 Моря теплаго просторъ,
 Иль шумящій грозно Терекъ
 И громады снѣжныхъ горъ!

Не искусствомъ кропотливымъ,
 Не рассчитаннымъ трудомъ,
 Все тамъ кажется счастливымъ,
 Жизни полнымъ, бытіемъ,

Все глядѣлъ бы взоромъ жаднымъ
 На живыя чудеса,
 Съ упованіемъ отраднымъ
 Все смотрѣлъ бы въ небеса!...

Человѣческимъ твореньемъ
Восхищаемся порой,
Какъ же быть предъ проявленьемъ
Воли Божіей святой?

Посреди громадь чудесныхъ,
Посреди пучинъ морскихъ,
Средь лучей свѣтилъ небесныхъ,
Я—пылинка лишь для нихъ.

Что же я въ сравненьи съ мощной,
Вѣчной силой Божества,
Чей глаголъ во тьмѣ полнощной
Создалъ бездну вещества,

Озаривши бездной свѣта,
Давъ и жизнь, и красоту?
Какъ же я Творца за это
Восхваляю и чѣмъ почту?

Буду вѣрой возвышаться,
И надеждою пылать,
И любовью наполняться
Славя Божью благодать!

1900 г.

225. Привлеченія московскаго генерала.

(Комическая поэма).

Путешествовавъ немало,
Я немало испыталъ,
И пришелъ я къ заключенью:
Жаль, что я не генералъ.

То ли дѣло, какъ съ цвѣтными
Отворотами гулять
И всѣмъ встрѣчнымъ—поперечнымъ
Ими пыль въ глаза пускать!

Я дѣйствительнымъ то статскимъ
Хоть и сроду не бывалъ,
Тѣмъ не меньше по погонямъ
Я—московскій генераль.

Гдѣ же, вѣдь, простымъ то смертнымъ
Всѣ примѣты различить?
За дѣйствительнаго часто
И случалось мнѣ сходить.

Какъ хотите, но поддѣльнымъ
Генераломъ худо быть,
И рѣшился, наконецъ, я
Больше формы не носить.

Какъ то въ легонькой визиткѣ
Погулять поѣхалъ я
Въ тѣ края, гдѣ взоръ ласкаетъ
Моря теплаго струя,

Уложивъ на всякій случай
И тужурку въ чемоданъ,
Чтобъ въ ненастье, непогоду
Потеплѣй укрыть свой станъ.

По пути же то и дѣло
Заѣзжалъ я въ города
Или ради любопытства,
Иль развлечься иногда.

Въ лѣтней шелковой фуражкѣ
Да визиткѣ было мнѣ
Путешествовать легко такъ:
Я доволенъ былъ вполне.

Только что за странность? всюду
На машинѣ, лошадахъ,
На вокзалахъ, пароходахъ,
Пристаняхъ и въ городахъ—

Я не вижу уваженья
Отъ попутчиковъ своихъ,

Отъ носильщиковъ, лакеевъ,
Отъ кондукторовъ самихъ.

Что за диво? тутъ невольно
Пораскинулъ я умомъ
И надѣлъ скорѣй фуражку
Я съ кокардой и значкомъ.

Дѣло въ шляпѣ; самъ кондукторъ,
Что совсѣмъ не отвѣчалъ,
Хоть и быстро, мимоходомъ.
Два—три слова мнѣ сказалъ.

И носильщики охотнѣй
Появляются на зовъ,
Отъ попутчиковъ поменьше
Получать я сталъ толчковъ.

Горькимъ опытомъ умудренъ,
Я съ кокардой сталъ гулять,
Но и тутъ порой невольно
Странность началъ примѣчать.

Хоть ко мнѣ не столь небрежно
Относятся стали всѣ,
Вѣроятно, изъ вниманья
Лишь къ фуражечной красѣ,
Все же, мнѣ казалось, мало
Я почтенія внушалъ;
Почему-жъ и знать имъ было,
Что московскій генераль?

Можетъ быть, чиновникъ бѣдный,
Захудалый писарекъ...
И не каждый полицейскій
Дѣлалъ мнѣ подъ козырекъ.

Вотъ какъ встрѣтится военный,
Хоть бы оберъ-офицеръ,
Или кто въ гражданской формѣ,
Хоть бы просто землемѣръ,

Тотчасъ видно, что особа
И къ нему съ почтеньемъ всѣ.
Вотъ что значить быть въ дорогѣ
Въ полной форменной красѣ!

Смотришь: мѣсто уступаютъ,
Извиненія пойдутъ,
И носильщикъ подлетаетъ,
Хоть его и не зовутъ.

А вотъ я то, горемыка,
Хоть московскій генераль
И съ фуражкой казенной,
Ужъ чего ни испыталъ!

Разъ прилежъ я на диванѣ,
Чтобъ набраться свѣжихъ силъ,
А купчина коренастый
Чуть мнѣ ногъ не придавилъ.

Разъ носильщикъ вверхъ на сѣтку
Весь багажъ мой поуклалъ,
Армянинъ же съ дерзкой бранью
Вещи на полъ побросалъ.

Разъ въ вагонѣ оказалось
Много форменныхъ особъ:
Разлеглися на диванахъ...
Вотъ, почувствовавъ ознобъ,

Я, по ихъ примѣру, также
Вздумалъ малость прикурнуть,
Понакрывшись потеплѣе;
Но едва успѣлъ заснуть,

Какъ въ вагонъ кондукторъ вводитъ
Мужичка самъ другъ съ женой
И, поднявъ меня небрежно,
Садитъ рядомъ ихъ со мной.

Пересадка,—и гурьбою
Къ намъ носильщики бѣгутъ,

Но у форменныхъ особъ лишь
Спѣшно вещи ихъ несутъ.

Я напрасно къ нимъ взываю:
Ни одинъ ко мнѣ нейдетъ.
Я боюсь, что опоздаю,
И билетъ мой пропадетъ.

Дѣлать нечего съ отвагой
Забираю свой багажъ
И съ казенною фуражкой
Продолжаю такъ вояжъ.

На извозчикѣ къ вокзалу
Разъ подѣхавъ съ багажомъ,
Я сошелъ, какъ вдругъ поручикъ
Оттѣснилъ меня плечомъ,

И двоихъ знакомыхъ важно
Онъ въ коляску усадилъ,
А возница говорить мнѣ,
Чтобъ расплатой поспѣшилъ

И скорѣй бы взялъ я вещи:
Господа, молъ, ждуть его...
Послѣ этого не сталъ я
Прятать чина своего.

Вынулъ я свою тужурку
И въ уборную скорѣй,
Придалъ важности во взорѣ,
Сталъ развязнѣй и смѣлѣй.

Мигомъ все перемѣнилось,
Какъ бы силой волшебства:
И носильщикъ суетится,—
Сразу ихъ явилось два;

Самъ кондукторъ помогаетъ,
Мѣсто лучшее даетъ,
Если-жъ мѣста не хватаетъ,
Въ первый классъ переведетъ.

Полицейскіе, жандармы
Услужить порой бѣгутъ
И съ особеннымъ усердьемъ
Честь по чину отдаютъ;

А попутчики любезно
Уступаютъ мѣсто мнѣ
И заботятся порою,
Все-ль удобно мнѣ вполнѣ;

И чиновныя особы,
Офицеръ и генераль,
Всѣ любезны, деликатны,
И никто ужъ не толкалъ...

Но въ кастановой тужуркѣ
Было слишкомъ жарко мнѣ:
Я пылалъ, какъ въ преисподней
Души грѣшныя въ огнѣ.

Что тутъ дѣлать? думалъ, думалъ,
Какъ себя мнѣ охлаждать
Такъ, чтобъ вмѣстѣ уваженья
Отъ народа не терять.

Наконецъ, нашелъ я способъ:
Пріѣзжаю на вокзалъ
Я въ кастановой тужуркѣ,
По погонамъ—генераль.

Такъ сажуся и въ вагонъ я;
Поѣздъ тронулся; сижу,
Дожидаюсь контролера,
Мину строгую держу.

Всѣ кондукторы и оберъ,
Всѣ попутчики глядятъ
Съ уваженьемъ на погоны,
Гдѣ такъ звѣздочки блестятъ.

Контролеръ обходитъ важно
За кондукторомъ вагонъ;

Приближаясь же ко мнѣ, онъ
Понижаетъ важный тонъ

И, принявши для провѣрки
Мой билетъ, любезно онъ
Возвращаетъ, съ уваженьемъ
Покосившись на погонъ.

По уходѣ контролера,
Я въ уборную иду,
Одѣваюсь въ визитку,
А тужурку на виду

Близъ себя скорѣй повѣшу
Такъ, чтобъ виденъ былъ погонъ
И чтобъ новымъ пассажирамъ
Прямо въ глазъ бросался онъ.

Какъ продѣлаю все это,
То спокоенъ я вполне:
Не боюсь, чтобъ кто изъ ближнихъ
Причинилъ обиду мнѣ.

Передъ тѣмъ же, какъ мнѣ нужно
Изъ вагона выходить,
На извозчика садиться
И въ гостиницу катить,
Надѣваю вновь тужурку,
А визитку въ чемоданъ,
И вполне ужъ я увѣренъ,
Что спасетъ меня мой санъ.

Точно также поступалъ я,
И сядясь на пароходъ,
И сходя съ него на берегъ.
Такъ морочилъ я народъ.

Все прекрасно шло. Катался
Я отлично, господа!
Лишь однажды вышелъ казусъ:
Не забыть мнѣ никогда.

Разъ отправился въ каретѣ
Черезъ горы я въ Тифлисъ,
Взялъ второе мѣсто: видно
Тамъ впередъ, и вверхъ, и внизъ.

Кряду три такія мѣста:
Сѣлъ со мной одинъ старикъ,
А предъ нами то, на козлахъ,
Лишь кондукторъ да ямщикъ.

Такъ свободно и удобно
Было намъ вдвоемъ сидѣть;
Но, въ виду жары, тужурки
Не рѣшился я надѣть;

Послѣ первой же стоянки
Я, садясь, былъ пораженъ:
У меня ужъ оказалось
По сосѣду съ двухъ сторонъ.

Лишь ямщикъ одинъ на козлахъ,
На моемъ же мѣстѣ вдругъ
Развалился нашъ кондукторъ,
Какъ старинный, давній другъ.

Опустивши верхъ кареты,
Самъ заснулъ онъ крѣпкимъ сномъ;
Непріятно такъ и тѣсно
Стало намъ со старикомъ.

Вотъ вторая остановка;
И садимся мы опять:
Вновь кондукторъ съ нами рядомъ,
И успѣлъ ужъ задремать.

Возмутился тутъ я духомъ,
Но до станціи молчалъ:
Не хотѣлъ внушать невѣждѣ,
Что я чуть не генералъ.

А на станцію пріѣхавъ,
Чемоданъ велѣлъ подать—

Вмѣсто пагубной визитки
Сталь тужурку надѣвать.

Какъ увицѣлъ гость незванный,
Что за птица рядомъ съ нимъ,
Мигомъ въ козлахъ очутился,
Съ виннымъ запахомъ своимъ,

И старался всю дорогу
Быть учтивымъ и служить,
Хоть успѣлъ ужъ я визиткой
Вновь тужурку замѣнить.

Горькимъ опытомъ познавши
Силу формы, господа,
Я рѣшилъ теперь лишь въ оной
Путешествовать всегда,

А чтобъ не было мнѣ жарко
Въ ней кататься и гулять,
Положилъ съ собою лѣтомъ
На дорогу китель братъ.

Дѣло въ томъ, что и тогда-то
Въ чемоданѣ китель былъ,
Да безъ пуговицъ, погоновъ
И петлицъ: я ихъ забылъ...

Генеральскія погоны
Много вѣсу придаютъ.
Смотришь: тускнутъ брилліанты,
Языки къ гортани льнутъ.

А цвѣтные отвороты—
Что за прелесть, за краса!
Тѣ еще сильнѣй вліяютъ,
Производятъ чудеса.

Хорошо быть генераломъ,
Пыль въ глаза порой нустить
И при слабомъ женскомъ полѣ
Моложавѣй какъ-то быть!

Ахъ, цвѣтныя отвороты!
Да когда-жъ мнѣ ихъ дадутъ?
Смотришь: годы золотыя
Такъ напрасно пропадутъ...

Отвороты бы цвѣтныя
Да въ придачу со звѣздой!
Всю Россію-бъ я извѣздить,
Милліонъ взявъ за женой!

1900 г.

226. П о э т у.

Успокойся, поэтъ, не волнуйся и сердце свое усмири!
Все на свѣтѣ идетъ непреложнымъ путемъ.
Послѣ сильной грозы оживаетъ природа вся вмигъ,
посмотри!

Такъ настанетъ веселье и въ сердцѣ твоёмъ.

Вихрь житейскій тебѣ благодворень, какъ въ маѣ
гроза для земли,

Твоему вдохновенью заснуть не даетъ.

И отрадѣ, и горю земнымъ одинаково чутко внимли!

Только тотъ, кто живетъ, всей душою поетъ.

Посмотри на пернатыхъ, что хоромъ своимъ огла-
шаютъ лѣса:

Каждый мигъ имъ опасность иль гибель грозить,
А онѣ, лишь проснутся, ужъ радостно славятъ и
чтутъ небеса,

И тебѣ голосъ внутренней то же велить.

1900 г.

227. М о и п ѣ с н и.

Невозможно воздержаться,
Чтобъ въ сей жизни не роптать.
Нѣтъ, нельзя все восторгаться
И лишь гимны воспѣвать.

У поэта также чувства,
Также сердце есть и кровь.
Жрецъ высокаго искусства
Сильно чувствуетъ любовь.

Но, любя добро душою,
Онъ встрѣчаетъ много зла,
Оттого и пѣснь порою
Не свѣтла, не весела.

Но, добро-ль онъ воспѣваетъ,
Или зло громить порой,
Онъ равно тѣмъ достигаетъ
Цѣли доброй и благой.

Странно было-бъ, зло встрѣчая,
Обходить его, молчать:
Цѣль поэзіи святая—
Зло карать и бичевать.

Если буду воспѣвать я
Лишь добро и красоту,
То поймутъ меня лишь братья,
Что презрѣли суету.

Но, бичуя слишкомъ больно
Зло, порокъ въ своихъ стихахъ,
Отвращеніе невольное
Пробуждаю къ нимъ въ сердцахъ.

Утопавшія дотолѣ
Въ тинѣ страсти иногда,
Тѣ сердца, быть можетъ, болѣ
Не погрязнутъ никогда.

Буду-жъ я все, что увижу,
Что услышу, въ пѣснь влагать,
Что люблю, что ненавижу,
Буду славить иль карать.

1900 г.

228. Призваніе.

Нѣтъ, не призванъ я къ тому,
Чтобъ людей карать!
Тяжело, вѣдь, самому
Мнѣ душой страдать.

Надо жалость всю забыть,
Чтобъ людей казнить,
Да и сердцемъ чистымъ быть...
Лучше ужъ любить!

Если слишкомъ накипитъ
Въ сердцѣ, ну тогда
Пусть мой стихъ разитъ, громитъ
Корни зла, вреда!

Можетъ быть, и тутъ порой
Пользу принесу
И иныхъ отъ страсти злой
Пѣснею спасу.

Но могу и раздражить
Пѣснею своей
И совсѣмъ ужъ погубить
Я иныхъ людей.

Стану-жъ больше воспѣвать
Я любовь и свѣтъ,
Никого не огорчать!...
И грѣха въ томъ нѣтъ.

А на сердцѣ у меня
Какъ тогда легко,
Какъ дышу всей грудью я
Вольно, глубоко!

Но всего отраднѣй пѣть
Гимны небесамъ
И всѣмъ сердцемъ пламенѣть
Къ праведнымъ дѣламъ.

229. **КЪ МУЗѢ.**

Довольно, муза, намъ съ тобою
Людей судить и зло карать!
Добра не мало подъ луною:
Его намъ надо воспѣвать.

Оставимъ образы неправыхъ
И утопающихъ во злѣ
И пѣть начнемъ о величавыхъ
Явленьяхъ духа на землѣ.

Пѣть о прекрасномъ такъ отрадно,
Такъ благотворно для души;
Его такъ сердце ищетъ жадно,
О немъ такъ пѣсни хороши.

Добра не меньше зла на свѣтѣ,
Лишь зломъ оно затемнѣно,
Такъ пусть хоть въ пламенномъ куплетѣ
Людей порадуетъ оно!

Быть можетъ, злоба устыдится,
Заслышавъ гимны красотѣ,
И сердце гордое смирится
И обратится къ добротѣ.

Начнемъ же, муза, пѣть съ тобою
Любовь и правду, миръ и свѣтъ,
И небеса съ ихъ красотою,
И все, въ чемъ духа злобы нѣтъ!

1900 г.

230. **ОПЯТЬ КЪ МУЗѢ.**

О, муза, муза! что же это?
Опять мы стали бичевать:
Вѣдь, смѣхъ язвительный поэта
Большѣй, чѣмъ каторги печать.

Вѣдь, мы съ тобой уже рѣшили,
Оставивъ зло, добро лишь пѣть.
И вновь мы образъ сочинили,
Надъ коимъ надобно скорбѣть.

О, неужели мы не можемъ
Ужъ больше гимны воспѣвать!
Зачѣмъ же мы сердца тревожимъ,
Глумясь надъ ближними опять?

Вѣдь на землѣ добра такъ много!...
Въ природѣ мало ли красотъ?...
И кто воспѣлъ достойно Бога?...
Кто чудесамъ закончилъ счетъ?...

Скорѣй же, муза, помолившись,
Забудемъ ближнихъ оскорблять,
Къ добру, къ добру лишь устремившись,
Мы будемъ гимны воспѣвать!

1900 г.

231. А. Г. Ф—ву.

(Письмо-экспромтъ).

Что же вы меня забыли?
Три ужъ пятницы прошло.
Иль меня вы разлюбили
За какое-либо зло,
Что нашли въ моихъ твореньяхъ?
Но поэтъ, вѣдь, человѣкъ;
И въ своихъ онъ пѣснопѣньяхъ
Часто свой рисуетъ вѣкъ.
Цѣль поэзіи священной,
Вѣдь не только воспѣвать
Гимны Богу во вселенной,
Но и зло искоренять.
Пріѣзжайте же скорѣе,
Хоть бы въ этотъ же пятокъ!

Пообѣдавъ поплотнѣе,
Мы въ осенній вечерокъ
Передъ печкой искрометной
Побесѣдуемъ вдвоемъ:
Угощу я васъ охотно
Пѣсней-былью кой о чемъ.

1900 г.

232. 1 Октября 1900 года.

Предъ святыней нашей главной ¹⁾
Въ день отраднѣй мы стеклись:
Въ лоно церкви православной
Братья-чехи предались.

Вспомнимъ притчу мы святую:
Обрѣтенная овца
Радость пастырю благую
Доставляетъ безъ конца.

Сколь-же Господу угодно
Было тридцать лѣтъ назадъ,
Какъ по вѣрѣ къ намъ свободно
Приобшился кровный братъ!

О, когда-бъ славяне-братья
Не по крови лишь одной,
Но и вѣрой безъ изъятя
Всѣ сроднились межъ собой!

Сколько-бъ радости нетлѣнной
Было въ горнихъ небесахъ
И любви неизреченной
Въ нашихъ родственныхъ сердцахъ!

1900 г.

¹⁾ Мощи св. кн. Александра Невского—для С.-Петербурга.

233. О с е н ь ю.

Обнажилася земля...
Обнажилися деревья
И стоять, какъ привидѣнья,
Взоръ собой не веселя
И листвою не шевеля...

Осень хмурая стоитъ...
Спать спокойнымъ сномъ природа.
Мысли полная свобода:
Не стѣсняетъ грустный видъ,
Больше сердцу говорить...

Шире какъ-то кругозоръ,
Мирно страсти отдыхаютъ,
И виды не развлекаютъ
До красотъ мой жадный взоръ;
Вдохновенію просторъ:

Не волнуется и кровь
Подъ влияньемъ красокъ внѣшнихъ,
И отрадъ юдольныхъ здѣшнихъ,
Но живетъ спокойно вновь
Въ сердцѣ прежняя любовь...

Хорошо дышать весной,
Отдыхать средь нѣги лѣта,
Но для думъ и грезъ поэта
Лучше нѣтъ поры иной—
Мирной осени глухой.

1900 г.

234. М о и с т и х и.

На думы строгія невольною
Пора осенняя наводитъ:
На свѣтъ все чредой проходитъ,
И въ сердцѣ тягостно и больно.

Увянетъ жизнь моя земная,
Какъ увядаетъ вся природа.
Но что-жь я сдѣлалъ для народа,
На лирѣ трепетной бряцаю?

Я пѣлъ молитвы, гимны, стансы,
Кантаты, оды и баллады,
Поэмы, думы, серенады,
Сатиры, были и романсы.

И много разныхъ бездѣлушекъ,
Съ подругой-музою согласно,
Я создалъ: все лежитъ напрасно,
Какъ хламъ заброшенныхъ игрушекъ.

Меня нерѣдко упрекають,
Зачѣмъ талантъ я свой скрываю
И въ свѣтъ стиховъ не выпускаю,
Издать все сборникъ побуждаютъ.

Когда-жь займусь я этимъ дѣломъ
И поправлять когда я буду
Стиховъ написанную груду
Въ восторгѣ пламенномъ и смѣломъ?

Такъ и лежать они безплодно,
Безъ пользы ближнимъ, безъ вниманья,
И ждуть посмертнаго изданья,
Коль будетъ случаю угодно.

Но, можетъ быть, они истлѣють
Въ пыли иль крысамъ на съѣденье
Пойдутъ, а съ ними вдохновенье,
Которымъ строки пламенѣють.

Нѣтъ, пусть ужъ лучше понемногу
Я исправленьемъ ихъ займуся:
Въ ихъ дебри съ музою помчуся,
Благословяся на дорогу.

Быть можетъ, скоро одолѣю
Расчистки трудъ въ лѣсу дремучемъ
И, какъ торговокъ на толкучемъ,
Послушать критиковъ успѣю.

1900 г.

235. Ж и з н ь.

Забудемъ зло и будемъ помнить
Мы только о добрѣ одномъ!
Вся наша жизнь земная мнится
Мнѣ кратковременнымъ лишь сномъ.

Какъ часто насъ во снѣ тревожитъ
Видѣній темныхъ смутный рой,
И мы, очнувшись, прогоняемъ
Ихъ трезвой мыслию порой,

Такъ и житейскія невзгоды
Души покой смущаютъ въ насъ,
И, забывая ихъ, счастливей
Бываемъ въ жизни во сто разъ.

И какъ видѣній свѣтлыхъ грезы
Намъ сердце радостью полнятъ,
И мы, проснувшись, напрягаемъ,
Чтобъ удержать ихъ жадный взглядъ.

Такъ и житейскія отрады
Счастливятъ въ жизни насъ порой,
И мы въ нихъ видимъ часто больше,
Чѣмъ случай жизненный простой.

Съ теченьемъ времени блѣднѣютъ
Всѣ неудачи въ жизни сей,
И только радости плѣняютъ
Прекрасной сущностью своей.

Забудемъ зло и будемъ помнить
Мы только о добрѣ одномъ,—
И жизнь тревожная намъ будетъ
Всегда отраднымъ, сладкимъ сномъ.

1900 г.

236. ГИМНЪ ЛЮБВИ.

Двадцать лѣтъ ужъ мы съ тобою
Вмѣстѣ, милый другъ, живемъ,
И живемъ душа съ душою,
Неразрывно мы вдвоемъ.

Много было огорченій,
Много тягостныхъ заботъ
Средь житейскихъ тревоженій
И безчисленныхъ невгодъ.

Но взаимнымъ попеченьемъ
Ограждались мы отъ бѣдъ
И душевнымъ единеньемъ
Наслаждались двадцать лѣтъ.

Ласкъ взаимныхъ обаянье,
Обоюдная любовь
Умаляли бѣдъ вліянье,
Успокаивали кровь.

Я съ отрадой вспоминаю
Нашу жизнь за двадцать лѣтъ:
Въ память ихъ тебѣ слагаю
Благодарственный привѣтъ.

Дай же Богъ намъ впредь съ тобою
Такъ счастливо, другъ мой, жить,
Жить всегда душа съ душою
И взаимно такъ любить!

1900 г.

237. З О Л О Т Н И К Ъ .

(Посвящается П. Я. М-ву).

Много умныхъ поговорокъ
На святой Руси у насъ.
„Золотникъ и малъ да дорогъ“—
Слышимъ чуть не каждый часъ.

Я невольно вспоминаю
Мудрость предковъ и отцовъ
Каждый разъ, когда встрѣчаю
Подтвержденье этихъ словъ.

Весь онъ маленькій, невидный,
Худошавъ, здоровьемъ хилъ,
Но для многихъ даръ завидный
Онъ отъ Бога получилъ.

Искра Божія въ немъ сильно,
Яркимъ пламенемъ горитъ
И согражданъ изобильно
Свѣтомъ правды озаритъ.

Мощью пѣсни вдохновенной
Онъ могуче силачей,
Блескомъ славы же нетлѣнной
Превзойдетъ и королей...

Миръ чудесъ не исчезаетъ:
Въ маломъ такъ Творецъ великъ!...
И нерѣдко такъ бываетъ:
Малъ да дорогъ золотникъ.

1900 г.

238. Ж И З Н Е Н Н Ы Й О П Ы Т Ъ .

Года бѣгутъ, года летятъ,
Моихъ тревогъ знать не хотятъ.
Среди заботъ, невзгодъ и бѣдъ
Борюся я на склонѣ лѣтъ.

Мой внѣшній видъ уже не тотъ:
Ужъ время знать себя даетъ.

Но юнъ, какъ прежде, духомъ я;
Свѣжа, какъ прежде, мысль моя;

Мечта является легко
И возлетаетъ высоко,

Объемля все, что въ мѣрѣ есть,
И грезъ моихъ не перечестъ.

Не посѣтила ли меня
Вторая молодость моя?

О! если такъ, она милѣй,
Чѣмъ юность раннихъ, давнихъ дней.

Тогда я только въ жизнь входилъ,
Не то, что слѣдуетъ, любилъ,

Не различалъ добра и зла:
Жизнь прозябаніемъ была.

Теперь, извѣдавъ много бѣдъ,
Испытанъ жизнью многихъ лѣтъ,

Я знаю, что должно любить
И въ чемъ отраду находить.

Ужъ не отдамся всей душой
Я страсти пагубной, слѣпой.

Привыкъ я правду уважать,
Всѣхъ ближнихъ братьями считать

И чтить не лица, а дѣла,
Служа добру, не помня зла.

Моя любовь не оскорбитъ,
Друзей враждой не огорчитъ.

Но миръ и радость принесетъ,
Являя счастьяю оплотъ.

Я вѣрю въ Бога, въ небеса,
Въ Его святія чудеса

И въ жизнь загробную мою
И гимны истинѣ пою.

Я совершенствуюсь душой,
Доволенъ жизнью и собой,

За все Творца благодарю,
Ему молитвы я творю,

И мѣръ суетъ всегда готовъ
Я промѣнять на вѣчный кровь.

1900 г.

239. Митрополитъ Филиппъ.

Г.

На дальнемъ сѣверѣ суровомъ,
Среди обители святой,
Подъ явнымъ Божиимъ покровомъ,
Жилъ инокъ съ чудною душой.

Потомокъ предковъ именитыхъ,
Вельможъ знатнѣйшихъ на Руси,
Бояръ московскихъ родовитыхъ,
Всѣ преимущества свои—

Богатство, почести и славу—
Презрѣлъ онъ все, какъ суету,
Какъ бесполезную забаву,
Какъ преходящую тшету.

Онъ шумъ и блескъ Москвы престольной
И княжій дворъ, и ратный станъ,
Безъ колебаній, добровольно
Смѣнилъ на иноческій санъ.

Въ трудахъ спасенья подвизаясь,
Покрытый рубищемъ, въ лаптяхъ,

На сѣверъ къ морю удаляясь,
Покой нашель онъ въ Соловахъ.

Въ постѣ, молитвѣ, послушаньи
Онъ время мирно проводилъ,
Заботясь лишь о процвѣтаньи
Обители, что было силъ.

Его вся братія любила
И братомъ истиннымъ звала,
Какъ мужа праведнаго чтила,
Своимъ игумномъ избрала.

Не возгордился саномъ новымъ
Святой Филиппъ, но и тогда
Молитвѣ и трудамъ суровымъ
Остался вѣренъ, какъ всегда.

Свою обитель устроая,
Онъ жилъ смиренно, какъ и всѣ,
На блага міра не взирая,
Мнилъ о душевной лишь красѣ.

Онъ былъ наставникомъ сердечнымъ,
Отцомъ для братіи своей,
Своимъ примѣромъ безупречнымъ
Хранилъ ее отъ всѣхъ страстей.

При немъ какъ братія сіяла
Своей духовной чистотой,
Такъ и обитель процвѣтала
Во всемъ наружной красотой.

Кипѣла дружная работа:
Тамъ расчищались лѣса,
Тутъ осушались болота,
Творились въявь чудеса.

Дороги ровныя, прямыя,
Плотины, мельницы, лады,

Свои варницы соляныя,
Затоны рыбные свои...

Угрюмый островъ обратился
Какъ-бы въ цвѣтущій, пышный садъ...
Смягченный воздухъ огласился
И гамомъ птицъ, и шумомъ стадъ...

Обитель вскорѣ возсіяла
Великолѣпиемъ церквей...
Такъ плодотворно протекала
Филиппа жизнь во славу ей.

И слухъ о жизни, столь высокой,
Изъ мирныхъ стѣнъ монастыря,
Пройдя по всей Руси широкой,
Достигъ до грознаго царя.

Самъ царь, усердный къ вѣрѣ правой,
Усердный къ Божиимъ церквамъ,
Бывъ изумленъ такою славой,
Свой взоръ направилъ къ Соловкамъ.

Россіи грозный повелитель
Труды игумна поощрялъ,
Дарами щедрыми обитель
Не разъ по-царски надѣлялъ.

Въ дѣлахъ великихъ управленья
Не могъ о старцѣ онъ забыть
И положилъ, безъ измѣненья,
Ему владыкой вскорѣ быть.

И день пришелъ. Митрополита
Не стало въ царственной Москвѣ.
Забота для всего синклита:
Кого поставятъ во главѣ?

Велись порядки ужъ иные
Тогда въ Москвѣ— не то, что встарь:

Дѣла синклита, какъ мірскія,
Порой вершилъ самъ государь

Бояре въ годы малолѣтства
Царя московскаго о немъ
Не порадили. Время дѣтства
Шло безпорядочно во всемъ.

Свои корысти соблюдая,
Бояре, отрока-царя
Въ дѣла страны не посвящая,
Враждою межъ собой горя,

Въ немъ сердце лишь ожесточали,
Не развивая головы:
Топтать конемъ не запрещали
Народъ на улицахъ Москвы.

И царь, съ великою душою,
Наклонной къ правдѣ и добру,
Но съ затаенною враждою
Къ боярамъ, ко всему двору,

Ставъ подозрителенъ и скрытенъ,
Порою вспылчивъ и жестокъ,
Порою въ казняхъ ненасытенъ,
Въ надеждѣ извести порокъ,

Боясь измѣны, смуть и мести,
Вельможъ исконныхъ удалилъ,
Людьми безъ правилъ и безъ чести
Свою особу окружилъ.

Не только знатные бояре,
Но даже слуги алтаря
Жестокой подвергались карѣ,
Прогнѣвавъ грознаго царя.

Царь не любилъ архіереевъ,
Когда перечили ему,

Коря опричниковъ-злодѣевъ,
Согласно долгу своему,

Но, преданъ вѣрѣ православной
И храмы Божіи любя,
Онъ устроенье церкви главной
Считалъ заботой для себя.

И царь посольство снаряжаетъ
На сѣверъ дальній, въ Соловки,
Къ себѣ Филиппа призываетъ.
Уставамъ церкви вопреки,

Онъ хочетъ зрѣть митрополитомъ
Святого старца съ этихъ поръ,
На зависть всѣмъ архимандритамъ
И всѣмъ епископамъ въ укорь...

Явясь въ Москву, чернецъ смиренный
Предъ очи царскія предсталъ.
Съ великой честію, отмѣнной
Его царь принялъ, обласкалъ

И, пригласивъ его къ обѣду,
Своей трапезой угостилъ.
Затѣмъ въ духовную бесѣду
Царь грозный съ инокомъ вступилъ.

Когда же царь свое рѣшенье
Святому старцу объявилъ,
Тотъ приведенъ былъ въ изумленье
И безутѣшно слезы лилъ.

Онъ говорилъ, что санъ высокій
Митрополита не по немъ,
Что монастырь глухой, далекій
Милъ для него, какъ отчій домъ,

Что на Руси владыкъ не мало:
Изъ нихъ избралъ бы государь,

Для нихъ скорѣе-бъ то пристало,
Какъ то водилося и встарь.

И, съ полной искренностью, снова
Царя онъ слезно умолялъ,
Чтобы царь бремени такого
Ладѣ, столь малой, не ввѣрялъ.

Царь непреклоненъ оставался,
Пылая рвеньемъ къ алтарю.
Филиппъ тогда повиновался,
Какъ вѣрноподанный, царю.

Исполнить царское рѣшенье
Онъ обѣщаніе даетъ,
Прося царя дать повелѣнье
Не быть опричинѣ впередъ,

Чтобы счастливою страной
Могла Россія процвѣтать,
Чтобъ могъ онъ съ искренней душою
Царя Руси благословлять.

Царь былъ иного убѣжденья,
Съ нимъ согласиться не хотѣлъ
И вскорѣ, выйдя изъ терпѣнья,
Умолкнуть старцу повелѣлъ.

Тогда владыки всѣмъ синклитомъ
Филиппа начали просить,
Чтобъ сталъ Руси митрополитомъ
И пересталъ царя гнѣвить:

Принявши царское рѣшенье
Безпрекословно, какъ законъ,
Святую волю Провидѣнья,
Какъ рабъ Христовъ, исполнить онъ.

Ихъ убѣжденьямъ уступая,
Филиппъ даетъ обѣтъ царю,

Дѣла мірскія оставляя,
Служить лишь церкви, алтарю.

2.

Царь соизволилъ. И смиренный
Чернецъ митрополитомъ сталъ.
Но санъ высокій, санъ отчужденный
Гордыни въ немъ не вызывалъ.

Какъ прежде, онъ въ постѣ, молитвѣ,
Трудахъ отраду находилъ.
Съ порокомъ, зломъ въ упорной битвѣ
Онъ силъ, здоровья не щадилъ.

Онъ всѣмъ несчастнымъ былъ утѣхой,
Всѣмъ угнетеннымъ былъ отцомъ,
Злодѣйскимъ замысламъ помѣхой,
Защитой правымъ предъ царемъ.

Филиппа имя пронеслося
Изъ края въ край страны родной,
Во всѣхъ сердцахъ отозвалося,
Какъ звукъ отрадный, звукъ святой.

Вся Русь воскресла, оживилась:
Въ первосвятителѣ своемъ
Она надеждой ободрилась
На поворотъ къ добру во всемъ.

Однимъ опричникамъ пришелся
Митрополитъ не по-душѣ.
Онъ противъ нихъ съ царемъ боролся,
Хоть большей частію вотще.

Набѣгъ ли буйный на селенье
Толпа опричниковъ чинить,
Или боярское имѣнье
Огнемъ безжалостно палить,
Наносить ли безчестье женамъ
И дочкамъ мирныхъ горожанъ,—

Филиппъ на помощь воплямъ, стонамъ:
Его спасаетъ важный санъ.

Злодѣевъ, грозно обличая,
Съ амвона словомъ онъ громить,
Передъ царемъ ихъ обвиняя,
Неправду ставитъ имъ на видъ.

Такъ твердо велъ первосвятитель
Борьбу упорную со зломъ.
И городской, и сельскій житель
Имѣлъ заступника лишь въ немъ.

Филиппъ хотя и обязался
Быть въ сторонѣ отъ дѣлъ мірскихъ,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказался
Отъ правъ святительскихъ своихъ—

Блюсти покой среди пасомыхъ
И, какъ служитель алтаря,
Печалиться за чадъ гнетомыхъ
Предъ правосудіемъ царя.

Царь на Филипповы доуки
Вниманья мало обращалъ:
Онѣ ему вязали руки;
Филиппъ царю порой мѣшалъ.

Разбои часто учинялись
По изволенію царя,
Когда опалѣ подвергались
Купцы, бояре и князья.

Филиппъ своимъ происхожденьемъ
Не могъ довѣрія внушать,
И царь невольно съ подозрѣньемъ
Сталъ на святителя взирать.

Однажды царь, съ его дружиной,
Надѣвъ монашескій нарядъ,

Вошли во храмъ, средь службы чинной,
И предъ народомъ стали въ рядъ.

Такимъ кощунствомъ возмущенный,
Филиппъ едва свой гнѣвъ сдержалъ.
Великой скорбью удрученный,
На мѣстѣ онъ своемъ стоялъ.

Царь подошелъ къ нему, желая,
Чтобъ іерархъ благословилъ.
На ликъ Спасителя взирая,
Филиппъ молчаніе хранилъ.

Когда-жъ владыкѣ заявили,
Что государь стоитъ предъ нимъ,
И осѣнить его просили
Благословеніемъ своимъ,

Филиппъ вѣщалъ, въ негодованьи,
Святою ревностью горя:
„Въ семь видѣ, въ странномъ одѣяньи
Я не могу признать царя!...

Не узнаю царя равно я
И въ управленіи страной...
Свершаемъ таинство святое
Здѣсь, въ алтарѣ... а за стѣной

Кровь христіанская струится,
Русь изнываетъ въ грабежахъ,
Зло царскимъ именемъ творится,
Повсюду муки, вопль и страхъ...

Еще донинѣ не слыхали,
Чтобъ православные цари,
И столь ужасно, возмущали
Державы мирныя свои...

Въ странахъ языческихъ, невѣрныхъ
Есть правда, милость и законъ,

Въ Россіи-жь для злодѣйствъ безмѣрныхъ
Нѣтъ ни управы, ни препонъ...

Ты, государь, высокъ на тронѣ,
Но есть Всевышній Судія
И нашъ, и твой. Онъ въ каждомъ стонѣ
Отвѣта спросить у тебя.

О, какъ передъ Царемъ вселенной
Предстанешь ты на страшный судъ
Съ державой, кровью обагреной,
Когда и камни вопіють?!“...

Царь трепеталъ во гнѣвѣ яромъ,
Жезломъ о плиты ударялъ...
Какъ бы охваченный пожаромъ,
Онъ страшнымъ голосомъ сказалъ:

„Чернецъ! мятежниковъ доселѣ
Щадила я... нынѣ буду къ вамъ,
Какимъ зовутъ меня, на дѣлѣ!“
И внѣ себя покинулъ храмъ...

Другой былъ случай въ крестномъ ходѣ:
Митрополитъ его свершалъ
И вдругъ опричника въ народѣ
Въ тафѣ случайно увидалъ.

Царя онъ просить, возмущенный,
Велѣтъ безчинство прекратить...
Кромѣшникъ же, не уличенный,
Успѣлъ тафью поспѣшно скрыть...

Царь, вспыхнувъ гнѣвомъ безпричиннымъ,
Лжецомъ владыку называлъ...
Затѣмъ надъ старцемъ неповиннымъ
Судъ нарядить онъ приказалъ.

Явились ложные доносы,
И лжесвидѣтели нашлись,—

Въ него, какъ острымъ жаломъ осы
Въ чистѣйшей медь, они впились.

Филиппа обвиняли ложно,
Что для царя желалъ онъ зла
И возмущалъ народъ безбожно,
Мѣшаясь въ свѣтскія дѣла,

Что даже въ жизни онъ келейной,
Въ глухой обители грѣшилъ
И силой тайной, чародѣйной
Къ себѣ царя приворожилъ.

Очныя ставки и допросы
Велись въ присутствіи царя.
Но, презирая всѣ доносы
И праздныхъ словъ не говоря,

Вполнѣ понявъ, что нѣтъ надежды,
Что совершенно онъ погибъ,
Свои священныя одежды
Снимаетъ праведный Филиппъ,

Передъ царемъ ихъ полагаетъ,
Сказавши въ трепетѣ души,
Что онъ отшельникомъ желаетъ
Окончить жизнь свою въ тиши.

Но царь велитъ надѣть ихъ снова
И ждать рѣшенія суда.
О, какъ жестока, какъ сурова
Была владыки скорбь тогда!..

И вотъ попрежнему въ соборѣ
Служилъ святой митрополитъ...
Вдругъ двери настезь, и въ притворѣ
Толпа опричниковъ шумить,

Въ алтарь къ владыкѣ проникая,
Рветъ облаченіе съ него,

Суда рѣшенъе объявляя:
Лишенъ онъ сана своего,

Въ худую ризу одѣваетъ,
По храму буйственно влечетъ,
И вонъ метлами выгоняетъ,
И на дровняхъ его везетъ...

Народъ въ отчаянни, смятенни,
Съ рыданьемъ, воплемъ и въ слезахъ
Спѣшитъ за старцемъ въ отдаленни:
Его объемлютъ скорбь и страхъ...

3.

Въ убогой кельѣ, подъ надзоромъ,
Великій старецъ заключенъ,
А на другой день предъ соборомъ
Царя и судей приведенъ.

Казалось мало испытанья,
Казался малъ еще позоръ,—
И вотъ ему среди собранья
Читаютъ судный приговоръ.

Его въ коварствѣ обвиняютъ,
Въ богопротивномъ волшебствѣ,
Въ злодѣйскихъ козняхъ уличаютъ,
Въ народной смутѣ на Москвѣ.

Тогда, невинно осужденный,
Безъ оправданья на устахъ,
Глубоко горемъ потрясенный,
Но забывая стыдъ и страхъ,

Святой Филиппъ, среди собранья,
Любовью къ родинѣ горя,
Въ послѣднемъ словѣ увѣщанья
Такъ молитъ грознаго царя:

„О, государь самодержавный,
Великій русскій государь!

Блюди народъ свой православный,
Храни его, какъ было встарь!

Взгляни, какъ царствовали предки
На славу родины своей,
Какъ прежде казни были рѣдки,
И царь отцомъ былъ для людей!

Припомни то, какъ самъ когда-то
Царилъ ты мирно на Руси,
Какъ тихо, счастливо, богато
Жила вся Русь... о, воскреси

Въ себѣ духъ предковъ благородный,
Опалы, казни уничтожь,
Возвысь въ Россіи духъ народный,
Пойми опричнины всю ложь!..

О, государь, ты посланъ Богомъ
На благо, счастье людей
И на судъ великомъ, строгомъ
Ты дашь отчетъ Царю Царей!“

Слова сердечнаго воззванья
Царя въ смущенье привели...
Но слуги въ злѣбъ изъ собранья
Скорѣе старца увлекли...

Опять ему пріютомъ келья,
Трапезой черствый хлѣбъ, вода...
Но и средь гнуснаго веселья
Не успокоилась вражда.

Весь родъ боярскій Колычевыхъ,
Откуда былъ и самъ Филиппъ,
Средь пытокъ тяжкихъ и суровыхъ
Отъ рукъ опричниковъ погибъ.

И царь Филиппу посылаетъ
Главу племянника, а тотъ

Береть ее, благословляетъ,
Назадъ безмолвно отдаетъ...

Враги тревожились немало,
Что монастырь, гдѣ старецъ жилъ,
Народу много посѣщало,
Что онъ для всѣхъ такъ дорогъ былъ.

Боясь волненій, смуты мнимой,
Царя старались убѣдить,
Что изъ Москвы необходимо
Скорѣе старца удалить.

И вотъ, по волѣ царской, вскорѣ
Филиппа въ Тверь перевели,
Гдѣ въ Отрочъ-монастырь на горе
Его для свѣта погребли.

Филиппъ лишень былъ даже кельи,
Но, какъ преступникъ и злодѣй,
Въ сыромъ и мрачномъ подземельи
Томился до послѣднихъ дней.

Когда царь гнѣвомъ опалился
На Новгородъ, его властей,
То по дорогѣ въ Клинь явился
Со всей дружиною своей.

И въ тверитянахъ видя смуту,
Рѣшивъ ихъ тяжко наказать,
Любимца своего Малюту
Къ Филиппу вздумалъ онъ послать;

Какъ бы прося благословенья
Для начинанья своего;
Но старецъ, силою прозрѣнья
Понявъ цѣль тайную сего,

Сказалъ, что Богъ благословляетъ
Лишь добрыхъ добрыя дѣла,

Что самъ Филиппъ давно желаетъ
Уйти отъ суеты и зла.

Исполнить царское велѣнье
Тогда Скуратовъ поспѣшилъ—
Наединѣ, безъ сожалѣнья,
Филиппа звѣрски задушилъ...

Малюта объявилъ монахамъ,
Что старецъ умеръ отъ жары.
Похоронили тѣ со страхомъ
Филиппа средь ночной поры...

Угасъ чистѣйшій пламень вѣры,
Свѣтильникъ правды и добра!
Возвеселились изувѣры:
Пришла безправія пора.

Самоуправству, своеволью
Теперь ужъ не было препонъ,
И по всему Руси раздолью
Дымилась кровь, носился стонъ.

Повсюду зло торжествовало,
Неправдѣ не было конца,
Добра, казалось, не стало
Съ кончиной пастыря-отца.

Но всеблагое Провидѣнье
Хранило Русь инымъ путемъ,
Пославши снова утѣшенье
Всѣмъ скорбнымъ въ инокѣ святомъ.

Со дня Филипповой кончины
Едва прошло пятнадцать лѣтъ,
Еще печали и кручины
По немъ въ Руси не высохъ слѣдъ,
Какъ вдругъ его останки, тлѣнья
Въ земной утробѣ избѣжавъ,

Чудесной силой исцѣленья
Для всей Руси святыней ставъ,

Явились яснымъ указаньемъ,
Что будетъ лучшая пора,
Когда тяжелымъ испытаньемъ
Русь обновится для добра...

О, какъ предъ новою святыней
Прониклись трепетомъ въ сердцахъ
Враги Филиппа, съ ихъ гордыней,
Какой объялъ ихъ тайный страхъ!..

И какъ исполнились веселья
Всѣ сокрушенныя сердца!..
И свѣтъ изъ мрака подземелья
Русь озарять сталъ безъ конца!..

Такъ, несмотря на ухищренья
Вражды жестокой и слѣпой,
На беспощадныя гоненья
И торжество неправды злой,

Святая правда возсіяла,
Повергнувъ ницъ своихъ враговъ,
И всѣмъ чудесно указала
Путь ко спасенью и покровъ.

Великомученикъ-святитель
Былъ къ лику праведныхъ причтенъ
И въ Соловецкую обитель
Былъ съ торжествомъ перенесенъ...

Россія тяжко изнывала
Среди несчетныхъ золъ и бѣдъ:
Внутри усобица терзала,
Извнѣ тѣснили ляхъ и шведъ.

Но вотъ настали дни покоя...
Зардѣлась яркая заря...

Россія подвигомъ героя
Стяжала юнаго царя,

Который мирнымъ управленьемъ,
По плану мудраго отца,
Былъ для нея успокоеньемъ,
Привлекши подданныхъ сердца.

За нимъ явился на престолѣ
Тишайшій въ мѣрѣ государь,
И по его державной волѣ
Народный духъ воскресъ, какъ встарь.

Виновность предка вспоминая,
Неправду грознаго царя,
Филиппа святость признавая,
Любовью къ истинѣ горя,

Онъ пожелалъ святое тѣло
Въ престольный градъ перенести,
Чтобы, исполнивъ это дѣло,
Долгъ христіанскій соблюсти.

И, чуждый пагубной гордыни,
Съ великой вѣрою живой,
При встрѣчѣ благодной святыни,
Склонялся земно онъ главой.

Въ Успенскомъ храмѣ почиваетъ
Донинѣ мученикъ святой,
И съ теплой вѣрой прибѣгаетъ
Къ нему несчастный и больной.

Такъ дивно, чудно проявился
Законъ Всевышняго Творца:
Нетлѣнной славою покрылся
Зло претерпѣвшій до конца.

1900 г.

240. 15 Января 1901 года ¹⁾.

Мы опять сошлись вмѣстѣ,
Чтобъ отпраздновать семей
Годовщину института
Братской чашей круговой.

Скоро будетъ четверть вѣка,
Какъ основанъ институтъ:
Быстро такъ стремится время,
Мимолетно дни бѣгутъ.

А за временемъ вдогонку
Быстро нашъ кружокъ растетъ:
Въ немъ познанія отчизны
Прочный зиждется оплотъ.

Постепенно, шагъ за шагомъ
Разступается земля;
Въ ней сокровища стяжаетъ
Наша мирная семья.

И значительно доступнѣй
Входъ въ архивы сталъ для насъ,
Хоть желанной въ нихъ свободы
Не пробилъ отрадный часъ,

Много сдѣлано ужъ нами
Къ изученію страны
Но еще гораздо больше
Ждетъ остатковъ старины

По лицу земли пространной,
Чтобъ умѣлая рука
Ихъ спасла отъ разрушенья...
Да, задача не легка...

Тамъ развалины сѣдыя
Храмовъ, башенъ и дворцовъ

¹⁾ Произнесено въ 23-ю годовщину Археологическаго Института.

Расхищаются свободно:
Нѣтъ защиты отъ враговъ...

Тамъ курганы и могилы
Истребляются порой;
Часто портятъ ихъ напрасно
Неумѣлою рукой...

Тамъ архивы и музеи
Въ нерадѣніи, въ пыли,
Безполезно пропадаютъ
Для сыновъ родной земли...

Велика задача наша:
Нужно много средствъ, людей,
Чтобъ сокровища повсюду
Охранить лишь поскорѣй;

А еще того труднѣе
Описать ихъ, объяснить
И найти межъ ними цѣльность,
Связь духовную и нить.

Въ помощь намъ ужъ есть во многихъ
Изъ губернскихъ городовъ
Въ ихъ комиссіяхъ архивныхъ
Рядъ значительныхъ трудовъ.

Но комиссій этихъ мало,
Средства такъ малы у нихъ...
Есть мѣста, гдѣ нѣтъ, при средствахъ,
Силь научныхъ никакихъ.

Часто слышатся и нынѣ
То глумленіе, то смѣхъ
Надъ задачей института;
Видятъ въ немъ смертельный грѣхъ,

Совершенный патріотомъ,
Основавшимъ институтъ...

Долго такъ еще въ Россіи
Мракъ, невѣжество живутъ...

Дай же Богъ, чтобы скорѣе
Прояснился этотъ мракъ,
Чтобъ задачей института
Дорожилъ въ Россіи всякъ,

И питомцы института,
Расходясь по всей странѣ,
Возбуждали въ близкихъ ревность
И влеченье къ старинѣ,

А правительство охрану
Для сокровищъ создало
И сочленамъ института
Всѣмъ, что нужно, помогло...

Велика задача наша,
Но легокъ намъ будетъ трудъ,
Если силы государства
Всѣ на помощь намъ придутъ.

Но пока тотъ часъ настанетъ,
Будемъ вновь работать мы,
Озарять науки свѣтомъ
Старину подъ кровомъ тьмы!

А теперь, оставивъ думы
О грядущемъ, всей семьей
Мы во славу института
Выпьемъ влаги огневой!

241.

* *
*

Замолкли звуки... пѣснь моя не льется...
Такъ долго!... Ужъ поэтъ ли я?...
Какъ тяжело!... Тоскливо сердце бьется,
И никнетъ голова моя...

Порой, заслыша трели золотыя
Свободной пѣсни молодой,
И я готовъ раскрыть уста нѣмая
И смѣло вторить пѣснѣ той.

Но нѣтъ! борьба, усталость и забота
Отяготили мысль мою,
Меня гнететъ какая-то дремота,
Я сердцемъ сплю и не пою...

Такъ тягостно сознаніе безсилья
Для чуткой, творческой души!..
О, муза, дай мнѣ вдохновенья крылья
И немощь воли сокруши!

1901 г.

242. Царь и епископъ.

(390 г.).

Во градѣ Солуни тревога и стонъ.
Любимый народомъ актеръ арестованъ,
И вѣстью такою народъ возмущенъ
И мщеніемъ власти мятежнымъ взволнованъ.

Не могъ усмирить и военный отрядъ
Народнаго бунта, и жертвою мести
По стогнамъ Солуни недвижно лежатъ
Тѣла усмиравшихъ безъ воинской чести.

И слухъ о кровавой расправѣ проникъ
Въ Миланъ, гдѣ случился тогда Θεодосій.
Быль гнѣвъ императора страшно великъ,
Его могъ смягчить лишь епископъ Амвросій.

Царя убѣдительно онъ умолялъ,
Чтобъ случай сей скорбный былъ преданъ заб-
венью,

И царь православный святителю внялъ,
Душою великой склонившись къ прощенью.

Но вскорѣ гнѣвъ царскій былъ вновь разожженъ
Совѣтомъ толпы царедворцевъ злорадной,
И снова мятежный народъ обреченъ
Для казни жестокой, для казни нещадной.

Солунскіе граждане въ циркъ собрались,
А съ ними и жены, и дѣти; безопасно
Веселому зрѣлищу всѣ отдались,
Забывъ о заботѣ обыденной, вѣчной.

Вдругъ воины царскіе тѣсною толпой
Все зданіе цирка извнѣ окружили,
Проникнули въ циркъ и со злобой слѣпой
Семь тысячъ безвинныхъ людей умертвили.

Такое злодѣйство въ уныніе, страхъ
И трепеть весь людъ привело христіанскій,
И, въ скорби великой, въ суровыхъ словахъ
Царя упрекаетъ Амвросій Миланскій.

Онъ пишетъ царю, что жестокостью сей
Тотъ церкви Христовой нанесъ поруганье,
Что долженъ скорбѣть о винѣ онъ своей,
Раскаяньемъ слезнымъ омыть злодѣянье.

Когда-жъ Θεодосій войти захотѣлъ
Въ Миланскій соборъ, то святитель суровый
Ему входъ во храмъ преградить повелѣлъ,
Предать отлученью отъ церкви готовый,

Вѣщая царю, что въ присутствіи тѣхъ,
Кто кровью себя обагрилъ невиновной,
Считаетъ себѣ за великій онъ грѣхъ
Свершеніе таинствъ и службы церковной.

И вновь закликаетъ святитель царя
Раскаяньемъ смыть неповинныхъ обиду,
Любовію къ Богу и ближнимъ горя,
Подобно царю и пророку Давиду.

И царь не посмѣлъ быть ослушникомъ вновь,
Святителя волѣ вполне подчинился;

Старался въ немъ кротостью вызвать любовь
И долгое время внѣ храма томился.

Восьмой уже мѣсяць съ тѣхъ поръ миноваль,
Когда царь навлекъ на себя запрещенье.
Онъ вновь предъ вратами собора стояль,
Кляня всенародно свое преступленье.

И вмѣстѣ съ царемъ весь народъ умоляль,
Рыданіемъ воздухъ вокругъ оглашая,
Чтобъ строгій святитель прошеніе далъ
Царю, входъ во храмъ, наконецъ, разрѣшая.

И церкви блюститель внимаетъ мольбамъ:
Царь входитъ во храмъ при всеобщемъ весельи...
О, честь вамъ и слава безсмертная вамъ,
Смиреніе трона, величіе кельи!

1901 г.

243.

*
* *

Не вѣрь, поэтъ, что въ мірѣ счастья,
Добра и правды въ мірѣ нѣтъ,
Что въ людяхъ-братьяхъ нѣтъ участья,
Живой любви, не вѣрь, поэтъ!

Не вѣрь, поэтъ, что можно златомъ
Купить едва не цѣлый свѣтъ,
Что счастье—въ жребіи богатомъ,
Что злато—все, не вѣрь, поэтъ!

Не вѣрь, поэтъ, что жгучей страстью
Хладъ сердца можетъ быть согрѣтъ,
Что можно быть счастливымъ властью
Надъ ближними, не вѣрь, поэтъ!

Не вѣрь, поэтъ, что въ блескѣ славы
Для сердца есть отрада—нѣтъ,

Что жизнь дана лишь для забавы
И для пировъ, не вѣрь, поэтъ!

Не вѣрь, поэтъ, что въ лирномъ звукѣ,
Въ искусствѣ лишь ненужный бредъ,
Что истина въ одной наукѣ
И въ ремеслѣ, не вѣрь, поэтъ!

Свершай же путь свой терпѣливѣй,
Не бойся ни тревогъ, ни бѣдъ
И вѣрь, что жребія счастливей,
Чѣмъ твой, поэтъ, на свѣтѣ нѣтъ!

1901 г.

244. С у д ъ п а п ы.

(896 г.).

Въ первый день свѣтлаго праздника Пасхи
Въ Римѣ преставился папа Формозъ.
Вскорѣ на папскій престолъ возведенъ былъ
Нѣкто суроваго нрава Стефанъ.
Местью пылая къ усопшему, папа
Судъ незаконный надъ нимъ нарядилъ.
Тѣло его откопать повелѣвши,
Въ ризы священныя трупъ облачить,
Въ залѣ суда предъ собой помѣстивши,
Такъ ему папа Стефанъ говорилъ:
„Какъ ты, епископъ Формозъ, возгордившись,
Папскій престолъ предвосхитить посмѣлъ?“
Послѣ того осужденъ былъ покойный:
Ризы священныя сняли съ него,
И повелѣлъ бездыханное тѣло
Папа Стефанъ поруганью предать.
Звѣрски три пальца отрѣзавъ у трупа,
Голову также отсѣкли ему.
Такъ изуродовавъ, тѣло Формоза
Бросили съ бранью въ стремительный Тибръ.

Всѣхъ, посвященныхъ въ духовные саны
Папой Формозомъ, Стефанъ низложилъ.—
Папѣ Стефану жестокою кáру
Вскорѣ затѣмъ привелось испытать:
Былъ онъ врагами захваченъ внезапно,
Брошенъ въ темницу и тамъ удушенъ.
Праха же Формоза случайно на берегъ
Сѣтью рыбацкою вытащенъ былъ
И съ торжествомъ, подобающимъ папѣ,
Церковью снова былъ преданъ землѣ.

1901 г.

245. Христось воскресь.

Сіяетъ храмъ, сіяетъ весь огнями,
Сердца людей любовію горять...
Христось воскресь! Невидимо Онъ съ нами,—
То лица всѣхъ невольнo говорятъ.

Христось воскресь! То сердцемъ всѣ мы чуемъ.
Воскресъ Онъ въ сердца каждого изъ насъ,—
Вотъ почему торжественно ликуемъ
Мы въ этотъ свѣтлый, благодатный часъ.

Христось воскресь! Возлюбленные братья,
Превознесемъ въ гимнахъ до небесъ,
Раскрывъ другъ другу искренно объятъ!
Христось воскресь, во истину воскресь!

1901 г.

246. Лжеучитель.

Маститый писатель талантомъ безспорнымъ
Сердца и умы всѣхъ согражданъ привлѣкъ,
Народному духу, сознанию народа
Своимъ дарованьемъ развиться помогъ.

Ему показалось мало служенья
Отечеству чистымъ искусствомъ своимъ:

Коснуться задумалъ онъ вѣры народной,
Осмыслить ее толкованьемъ своимъ!

Открыто и прямо онъ всѣмъ признавался,
Что долго невѣриемъ въ Бога страдалъ
И лишь по усильномъ, усердномъ стараньи
И Бога, и волю Его онъ позналъ.

И вотъ начинается онъ истинамъ вѣры,
Какъ самъ разумѣлъ ихъ, народъ поучать,
Не бывъ подготовленъ къ тому воспитаньемъ,
Безъ права на то, чтобъ о нихъ разсуждать.

Немало ошибочныхъ взглядовъ и мнѣнй
Въ своихъ толкованяхъ онъ допустилъ,
Себя самого и приверженцевъ многихъ
Отъ вѣры отеческой тѣмъ отложилъ.

Духовная власть не могла оставаться
Вполнѣ равнодушной къ соблазну сему,
И вотъ объявляетъ она всенародно
Свое запрещенье и кару ему.

Въ соборномъ воззваньи она извѣщаетъ,
Что самъ лжеученіемъ гордымъ своимъ
Отъ церкви отцовъ онъ отпалъ и не можетъ
Быть въ ней, до раскаянья, больше терпимъ.

И что-же? въ народѣ явилось немало
Людей, что глумились надъ мѣрой такой.
Не есть ли то признакъ упадка въ народѣ
Отеческой вѣры и силы живой?

1901 г.

247. Надежда.

Много каждому созданью
Въ жизни горя суждено,
Но благому упованью
Предаваться всѣмъ должно

И надежда не обманетъ:
Испытанія пройдутъ,
Легче жить на свѣтѣ станетъ,
Легче будетъ всякій трудъ.

Безъ надежды жить на свѣтѣ —
Все равно, что прозябать,
Все равно, что въ полномъ цвѣтѣ
Розѣ въ бурю трепетать.

Лишь надеждою одною
Вся земная жизнь красна:
Умираетъ все чредою,
Но всегда жива она.

Все надеждой, упованьемъ
Въ мѣрѣ дышется, живетъ
И подъ ихъ лишь обаяньемъ
Мѣръ исполненъ весь красотъ.

Пусть же насъ не оставляетъ
Упованье никогда!
Пусть отчаянье не знаетъ
Къ сердцу нашему слѣда!

1901 г.

248. **Вс. С. Соловьеву.**

(12 Апрелья 1901 г.).

Благотворно послужили
Вы для родины перомъ
И немало освѣтили
Намъ неяснаго въ быломъ.

Въ историческомъ романѣ
Воскресала старина,
Что таилася въ туманѣ,
Блѣдныхъ призраковъ полна.

Эти призраки преданья
Принимали плоть и кровь,
Оживали въ нихъ страданья—
Мысли, страсти и любовь...

Въ занимательныхъ разсказахъ,
Полныхъ, въ нѣскольکو томовъ,
Отражалась, какъ въ алмазахъ,
Жизнь и предковъ, и отцовъ.

И картины давней были,
Намъ являясь чредой,
Жажду знанья въ насъ будили,
Чувства добрыя порой.

И съ исторіей родною
Мы знакомились по нимъ,
Восхищаясь красотою—
Слогомъ яснымъ и живымъ...

Потрудились вы немало
Для отечества перомъ,
И себя оно познало,
Вспоминая васъ добромъ.

Поработайте-жъ, какъ прежде,
Вновь для родины святой,
Въ просвѣщеніе невѣждъ,
Въ назиданье волъ злой!...

Не напрасно дарованьемъ
Васъ Всевышній надѣлилъ
И, полны мы упованья,
Дастъ вамъ бодрости и силъ,

Чтобъ еще хотя полвѣка
Намъ бывшее воскрешать
И на пользу человѣка
Снова перлы создавать.

Вѣрю я и вѣрить буду,
 Что на свѣтѣ правда есть,
 Что со временемъ повсюду
 Воздадутъ ей люди честь,

 Что не вѣчно будетъ въ мѣрѣ
 Кривда верхъ надъ правдой брать,
 Что въ любви, согласи, мирѣ
 Будутъ люди жизнь свершать,

 Что поймутъ они навѣрно,
 Какъ самимъ же тяжело,
 Если всюду и безмѣрно
 Будетъ властвовать лишь зло.

 Что всѣ блага въ жизни этой
 Созданы для всѣхъ людей,
 Что любовію согрѣтой
 Грудь дышется вольнѣй,

 Что неправое богатство
 И неправыя дѣла—
 Все равно, что святотатство
 И на Господа хула.

 Вѣрю я и вѣрить буду,
 Что на свѣтѣ правда есть,
 Что современемъ повсюду
 Воздадутъ ей люди честь.

1901 г.

Не можетъ быть, не можетъ быть.
 Чтобъ зло и ложь вездѣ царили,
 Чтобъ люди правды не любили,
 Добро старались тѣснить.

Не можетъ быть, не можетъ быть,
Чтобъ свѣтъ Христа въ сердцахъ затмился,
Чтобъ въ нихъ навѣки мракъ вселился
И совѣсть могъ бы заглушить.

Не можетъ быть, не можетъ быть,
Чтобъ люди Бога позабыли
И лишь страстямъ своимъ служили,
Рѣшаясь душу погубить.

И какъ возможно допустить,
Чтобъ люди рая не желали
И о житейскомъ лишь мечтали?
Не можетъ быть, не можетъ быть.

1901 г.

251.

* * *

Весенній день, весенній день!
Лучами солнышко печеть.
Но мнѣ тепло, и не влечетъ
Меня скорѣй укрыться въ тѣнь.

Какъ рѣдкій гость, у насъ оно
На время краткое блеснетъ,
Затѣмъ надолго пропадетъ,—
И снова сумрачно, темно.

О, еслибъ можно было вдругъ,
Безъ размышленія, безъ думъ,
Оставивъ мракъ, оставивъ шумъ,
Перенестись на свѣтъ, на югъ!

901 г.

Въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ
 Такъ прилѣпляемся къ землѣ,
 Что часто, позабывъ о небѣ,
 Мы пресмыкаемся во злѣ

И къ злу такъ сильно привыкаемъ,
 Что, и въ довольствѣ находясь,
 О правдѣ рѣдко вспоминаемъ,
 Еще порочнѣй становясь.

И въ сердце вкравшейся отравы
 Ни злата блескъ, ни лавры славы
 Ничто не въ силахъ истребить:

Оно все больше, больше жаждетъ
 И все сильнѣй, сильнѣе страждетъ,
 Спокойнымъ ужъ не можетъ быть.

1901 г.

253. Впросонкахъ.

Сегодня проснулся я рано...
 Хотѣлось бы снова заснуть...
 Какая-то жгучая рана
 Терзаетъ усталую грудь...

Съ трудомъ раскрываются очи,
 Смыкаются тяжко опять...
 Какіе-то призраки ночи
 Меня начинаютъ пугать...

Мучительной думой встревоженъ,
 Забыться стараюсь вновь,
 Но сонъ ужъ едва ли возможенъ:
 Такъ сильно взволнована кровь.

Заботы нелегкое бремя
Такъ тягостно душу томить,
Такъ медленно тянется время,
А сонъ отъ меня все бѣжить...

О, сонъ! что милѣе на свѣтѣ
Бодрящаго, мирнаго сна?
Имъ счастлива юность во цвѣтѣ,
Имъ старость отрады полна.

Всѣ скорби, невзгоды, лишенья
Легко переносятся съ нимъ;
Въ немъ ищемъ порой обновленья
Надорваннымъ силамъ своимъ.

Но вотъ, наконецъ, онъ, желанный,
Вновь хочетъ меня посѣтить...
Скорѣй приходи, многожданный,
И тѣло, и духъ исцѣлитъ!

1901 г.

254. Передъ сномъ.

Приди, приди, мой гость желанный,
Мой вѣрный, неизмѣнный другъ.
Цѣлитель думы неустанной,
Цѣлитель всѣхъ сердечныхъ мукъ!

Приди скорѣе, сонъ отраднѣй,
Спокойный, мирный, тихій сонъ,
И прекрати мой гнетъ нещадный,
Моей души немолчный стонъ!

Въ заботахъ мелочныхъ, ничтожныхъ
Весь день провелъ тревожно я,
И ожиданій тщетныхъ, ложныхъ
Была полна душа моя.

И нынѣ, какъ вчера, какъ прежде,
Являлся взору лишь туманъ,

И самой будничной надеждѣ
Встрѣчался всюду лишь обманъ.

И каждый день съ утра до ночи
Томлюсь я въ путахъ суеты:
Устали жаждущія очи,
Поблекли яркія мечты.

Но духомъ я не унываю,
И, несмотря на суету,
Я сердце чистымъ соблюдаю,
Любя добро и красоту.

И твердо вѣрю я, что въ этомъ
Залогъ всѣхъ радостей моихъ,
И мнѣ отрадно быть поэтомъ
Среди тревогъ и бѣдъ земныхъ.

Приди-жъ, приди мой сонъ желанный,
Отъ суеты меня укрой,
Дай отдыхъ думѣ неустанной
И сердце грезой успокой!

1901 г.

255. **Безсонница.**

Не спится мнѣ. Какъ ни желаю,
Никакъ заснуть я не могу
И въ мрачныхъ мысляхъ изнываю,
Какъ въ заколдованномъ кругу.

Томить меня забота злая,
Тревога грудь мою тѣснить
И сердце, скорбью наполняя,
Безостановочно щемить.

Стараюсь я веселой думой
Разсѣять грустныя мечты;

Но это трудно средь угрюмой
И безпросвѣтной темноты.

Но вотъ ужъ проблески разсвѣта...
Быть можетъ, сонъ придетъ ко мнѣ...
Защебетала птичка гдѣ-то
Въ передразвѣтной тишинѣ.

Другая вторить начинаетъ...
Свѣтлѣй становится, свѣтлѣй...
Должно быть, солнышко всплываетъ:
Хоръ птичекъ громче, веселѣй...

Но мнѣ попрежнему не спится!
И грудь попрежнему болить,
И сердце скорбію томится,
И голова въ жару горить.

Хотя-бъ на часъ одинъ забыться,
Хотя-бъ на часъ одинъ заснуть,
Чтобъ свѣтлой грезой подкрѣпиться
И съ облегченіемъ вздохнуть!

Тогда-бъ и я душой воспрянулъ,
И сердцемъ ожилъ бы я вновь
И пѣсней радостною грянулъ,
Вновь славя правду и любовь.

1901 г.

256. Снѣжинка.

(Экспромтъ).

Красавицѣ нѣжной на пылкую грудь
Случайно снѣжинка упала,
И та не успѣла еще и вздохнуть,
Какъ эта, растаявъ, пропала.

О, ежели снѣгъ такъ мгновенно изсохъ,
Отъ пламени груди прелестной,
Что-жъ было бы съ юношей, еслибъ онъ могъ
Устами коснуться чудесной?

1901 г.

257. 10 Мая 1901 года ¹⁾.

Сегодня, въ праздникъ Института,
Когда нашъ кругъ еще возросъ,
Вполнѣ удобная минута
Задать себѣ такой вопросъ:

Зачѣмъ, къ чему мы изучаемъ
Быль, пережитую до насъ,
И гласу прошлаго внимаемъ?
Чѣмъ дорогъ такъ намъ этотъ гласъ?

Нерѣдко юность горделиво,
Едва отрекшись отъ забавъ,
Вперяя мысль свою пытливо
Въ обзоръ обычаевъ и правъ,

Съ минувшей жизнью не справляясь,
Иль видя въ ней одинъ застои,
Возрѣняемъ новымъ увлекаясь,
Рисуетъ новый жизни строй.

Преданья предковъ позабыты...
Дѣянiя отцовъ смѣшны...
Законы новые открыты:
По нимъ всѣ дѣйствовать должны.

Такъ мыслить юность въ самомнѣнѣ,
Въ избыткѣ свѣжихъ, бодрыхъ силъ,

¹⁾ Произнесено въ день акта Археологическаго Института.

Шагая въ томъ же направленъѣ,
Которымъ предокъ проходилъ.

Но съ возмужалостью, съ годами
Слабѣетъ юношескій пылъ,
И мы ужъ ясно видимъ сами:
Нашъ путь ошибокъ полонъ былъ.

И еслибъ опытомъ готовымъ,
Что намъ завѣщанъ стариной,
Владѣли мы, то къ цѣлямъ новымъ
Дорогой шли бы мы иной.

Тогда невольно начинаемъ
Примѣромъ предковъ дорожить,
Хотя ужъ мало успѣваемъ
На дѣлѣ опытъ примѣнить.

Вотъ почему такъ часто наша
Жизнь огорченьями полна
И, какъ отравленная чаша,
Порой пугаетъ насъ она...

Какъ въ частной жизни человѣка,
Такъ и въ развитіи страны
Учитель вѣрный данъ отъ вѣка:
То—голосъ вѣщей старины.

Забывъ преданья вѣковыя,
Презрѣвъ столѣтій цѣнный плодъ,
Порой въ ошибки роковыя
Впадаетъ въ жизни и народъ.

Нерѣдко царства разрушались,
Идя ошибочной стезей
Лишь потому, что не справлялись
Въ скрижаляхъ древности сѣдой.

Уроки прошлаго безцѣнны
Для человѣка и страны.

О, пусть намъ будутъ незабвенны
Завѣты мудрой старины!

Не все въ сосѣдственныхъ державахъ,
Плѣняя умъ, лаская взглядъ,
Въ ихъ учрежденіяхъ и нравахъ,
Пригодно намъ, не все подрядъ.

Свои основы и завѣты,
Свои задачи есть у насъ.
Любовью къ родинѣ согрѣты,
Вѣрны имъ будемъ каждый часъ.

И, терпѣливо изучая
Остатки русской старины,
Минувшій опытъ освѣщая,
Послужимъ съ честью для страны!...

И чѣмъ тѣснѣй нашъ кругъ сплотится,
Чѣмъ больше силъ прибудетъ въ немъ,
Тѣмъ легче трудъ нашъ завершится,
Успѣшнѣй къ цѣли мы придемъ...

Съ надеждой смѣлой, безъ кручины,
Мы бодро шествуемъ впередъ,
И добровольныя дружины
Насъ подкрѣпляютъ каждый годъ.

И мы, сегодня принимая
Въ свой кругъ собратій новыхъ, имъ
Удачи въ будущемъ желая,
Въ честь ихъ бокалы осушимъ!

258. С О Н Ъ.

Сегодня приснился мнѣ цѣлый романъ.
Касался меня онъ съ моей ненаглядной.
Въ немъ истина съ ложью и съ правдой обманъ
Сплетались такъ тѣсно, такъ странно и складно.

Мы оба, мнѣ снилося, молоды вновь,
Исполнены прежнимъ взаимнымъ влеченьемъ,
Горѣли въ насъ прежнія страсть и любовь,
Страдали мы нѣжнымъ, сердечнымъ томленьемъ.

Вкругъ насъ появляются лица друзей,
Знакомыя лица и лица иныя,
Которыхъ не вѣдалъ я... много гостей...
Веселыя шутки... бесѣды живыя...

И вдругъ омрачается радостный взоръ,
И слезы блеснули у ней, ненаглядной,
Въ очахъ ея виденъ печальный укоръ,
Вопросъ безпокойный души безотрадной.

Змѣя подозрѣнія жалить ее,
И ревности червь сердце бѣдное гложетъ;
Понятно ей все вѣроломство мое,
Ужъ вѣрить она мнѣ, какъ прежде, не можетъ.

Но вскорѣ сомнѣнье разсѣялось въ прахъ;
Оно объяснилось простою ошибкой:
Вновь радость я вижу въ любимыхъ очахъ
И нѣжною вновь награжденъ я улыбкой.

И снова отрадно на свѣтѣ намъ жить:
Довольны мы оба, спокойны мы оба,
Готовы, какъ прежде, сердечно любить
Другъ друга всю жизнь непрерывно, до гроба.

Счастливые чувствомъ взаимнымъ своимъ,
Ревниво его отъ людей охраняя,
Отъ свѣтскаго шума мы съ нею бѣжимъ,
Въ домашнемъ быту, въ тишинѣ отдыхая.

Но трудно бываетъ вполне избѣжать
Съ людьми надоѣдливыхъ, скучныхъ сношеній.
Приходится часто намъ съ нею страдать
Отъ свѣтскихъ условій, отъ свѣтскихъ стѣсненій.

Являются новыя лица вкругъ насъ,
Другія смѣняютъ ихъ часто собою;

Межъ ними встрѣчаются люди подчасъ
Съ испорченнымъ сердцемъ и волею злою.

Такъ смѣло, такъ дерзко готовы они
Нарушить условія счастья чужого,
Преслѣдуя личныя цѣли свои,
Не видя въ своемъ вѣроломствѣ дурного.

И вотъ примѣчаю неволью я въ ней
Съ людьми недостойными какъ бы сближенье,
Къ себѣ-жъ самому все сильнѣй и сильнѣй
Какое-то странное чувство охлажденье.

Хочу я сомнѣнье свое разрѣшить
Бесѣдою съ ней по душѣ, откровенной
И вмѣстѣ страшуся ее оскорбить
Своимъ недоувѣриемъ къ ней, несравненной.

И молча томлюся сомнѣниемъ я,
Ревнивые взоры порою бросаю
Туда, гдѣ всей жизни отрада моя
Съ толпой веселится, меня забывая.

Печально брожу я, задумчивъ, угрюмъ,
Глубокою скорбью всегда удрученный,
Исполненъ гнетущихъ, болѣзненныхъ думъ,
Ея невниманьемъ ко мнѣ оскорбленный.

Замѣтивъ мое положенье, она
Веселье и шутки свои покидаетъ,
Заботы, участя, вниманья полна,
Меня попеченьемъ своимъ окружаетъ.

Такъ радостно стало мнѣ, весело вдругъ,
Вновь скрасилась жизнь моя нѣгой, привѣтомъ,
Ко мнѣ возвратился сердечный мой другъ,
Мой путь озарился вновь радужнымъ свѣтомъ.

Сомнѣнье пропало, я вѣрю ей вновь;
Смѣется она надъ моимъ подозрѣньемъ;
Какъ прежде, скрѣпляетъ намъ узы любовь,
И краткимъ нашъ день пролетаетъ мгновеньемъ.

Съ тѣхъ поръ мы увѣрены въ чувствахъ своихъ,
Ничто измѣнить ихъ до гроба не можетъ,
Мы временемъ долгимъ испытаны въ нихъ,
И ревность сердецъ нашихъ вновь не тревожить.

И радость, и горе мы дѣлимъ вдвоемъ,
Другъ друга отъ бѣдъ и тревогъ охраняя;
До старости мирно мы съ ней проживемъ,
Взаимностью дружбы себя утѣшая.

Такой-то сегодня приснился мнѣ сонъ,
И долго я былъ подъ его обаяньемъ:
Отрадою сердце наполнилъ мнѣ онъ
И духъ оживилъ, окрылилъ упованьемъ.

1901 г.

259. СВѢТЛЫЯ МГНОВЕНЬЯ.

Бываютъ свѣтлыя мгновенья,
Когда отрадно въ мѣрѣ жить,
Когда тревоги и лишенья
Не могутъ горя причинить,
Когда душа полна любовью
И недоступна для вражды,
Когда навѣтамъ и злословью
Спротивляться нѣтъ нужды,
Когда и другъ, и непріятель,
Какъ братья, дороги равно,
Когда съ Тобою, нашъ Создатель,
Душой сливаемся въ одно!

1901 г.

260. Въ дачномъ поѣздѣ.

Внутри вагона я стою
Среди сплотившейся толпы
И тѣсноту, и жарь терплю,
Лишенный къ выходу тропы.

Готовъ я деньги заплатить,
Лишь возвратиться бы назадъ,
Чтобъ на свободѣ снова быть,
Чтобы покинуть этотъ адъ.

Но нѣтъ! безсиленъ человекъ,
Безильны золото и умъ...
Терпи-жь! не цѣлый будетъ вѣкъ
И тѣснота, и жарь, и шумъ.

И я, смиривъ строптивый духъ,
Терплю, насколько хватаетъ силъ...
Страдаютъ нервы, взоръ и слухъ,
И бѣлый свѣтъ ужъ мнѣ не милъ.

Но вотъ, какъ съ узника долой
Оковы спали, раздалась
Толпа,—и ожилъ я душой,
И въ сердце радость ворвалась.

1901 г.

261. А. Г. Ф—ву.

(Письмо-экспромтъ).

Я въ большой на васъ обидѣ.
Въ четвертокъ мы ждали васъ;
И селедка въ должномъ видѣ,
И изъ клюквы знатный квасъ,

И пирогъ, достойный славы,
Супъ, каплунъ, и ветчина,

Всѣ любимыя приправы,
И стихи, взамѣнъ вина,
Все готово гостю было,
Дорогой же гость забылъ
Навѣстить,—и все 'простыло,
Даже стихотворный пылъ...

А сегодня мы рѣшили
Прокатиться въ Гунгенбургъ,
Нарву, Гатчину—отъ пыли,
Что глотаеть Петербургъ...

Остаемся мы въ надеждѣ:
Не забудете вы насъ
И заглянете, какъ прежде,
Въ скромный нашъ пріютъ не разъ.

1901 г.

262. ВЪ ПУТИ.

(Экспромтъ).

Сѣренькій денечекъ...
Мы съ тобой летимъ
Межъ полей, дружочекъ,
И въ окно глядимъ...

До погоды дѣла
Намъ съ тобою нѣтъ:
Мы готовы смѣло
Весь объѣхать свѣтъ.

По волнамъ бурливымъ,
По обрывамъ скалъ,
По мѣстамъ красивымъ
Путь нашъ пролегалъ,

Въ бурю, въ непогоду,
Въ тихій, свѣтлый день

Созерцать природу
Намъ съ тобой не лѣнь.

Что милѣй природы,
Созданной Творцомъ?
Что цѣннѣй свободы
Въ счастіи земномъ?

Что дороже въ мѣрѣ
Дружбы и любви,
Да игры на лирѣ
Съ пламенемъ въ крови?

1901 г.

263. Домикъ въ Дудергоффѣ.

(Преданіе).

Чтобъ отдохнуть немного
Отъ будничныхъ трудовъ,
Я въ праздникъ прокатиться
Задумалъ въ Дудергоффѣ.

Дорогой на разспросы,
Что мнѣ тамъ обозрѣть,
Я получалъ отвѣты:
„Тамъ нечего смотрѣть.

Гора одна—и только,
И то не высока,
Да на вершинѣ домикъ:
Спросите молока!“

Лишь въ самомъ Дудергоффѣ
Случайно я узналъ,
Что на горѣ дворецъ есть:
Петръ Первый основалъ.

Съ отвагой небывалой,
На солнцѣ, по жарѣ,

Я зашагалъ на славу
Наверхъ по той горѣ.

Порядкомъ утомившись,
Я встрѣчныхъ вопрошалъ:
„Какъ до дворца добратся“?
Никто изъ нихъ не зналъ.

Какая-то старушка
Мнѣ указала путь,
Совѣтуя, чтобъ вправо
Не вздумалъ я свернуть.

Пришлось идти немало;
Я началъ уставать;
Вотъ показалась дача...
Строеніе опять:

Какой-то странный домикъ—
Безъ сада, безъ двора...
Балконъ... въ два ряда окна—
Аршина въ полтора!..

Въ коричневую краску
Окрашенъ домикъ тотъ...
Скамьи предъ нимъ, а запертъ:
Никто въ немъ не живетъ...

Дорога прекратилась,
И дальше нѣтъ слѣда:
Должно быть, я ошибся
И вышелъ не туда.

Я воротился къ дачѣ,
Тамъ женщину спросилъ:
„А гдѣ дворецъ?... искавши,
Я выбился изъ силъ“.

И что же, къ изумленью
Узналъ я? домикъ тотъ
И есть Петровскій домикъ,
Дворцомъ лишь онъ слыветъ.

И на вопросъ, нельзя ли
Его мнѣ показать,
Идти мнѣ предложили
Къ нему и подождать.

Солдатъ приходитъ бравый,
По лѣстницѣ ведетъ
И съ важностью степенной
Мнѣ отпираетъ входъ.

Въ сѣняхъ мое вниманье
Служивый обратилъ
На стѣны вѣковыя,
При этомъ объяснилъ,

Что сложены тѣ стѣны
Изъ лиственницъ однѣхъ,
Безъ мху, безъ пакли, плотно,
На удивленье всѣхъ.

Затѣмъ въ одной изъ комнатъ,
Что будетъ поправѣй,
Онъ указалъ на столъ мнѣ:
Безъ клею, безъ гвоздей,

Изъ ясеня онъ сдѣланъ;
Работа столь хитра;
Такъ прочно и искусно,
Издѣлье рукъ Петра!...

Предметы всѣ такъ просты,
Излишества въ нихъ нѣтъ...
Сидѣнья стульевъ жестки...
Суровой жизни слѣдъ.

Во всемъ себя являетъ,
О прошломъ говоря,
Собой напоминая
Работника-царя.

Вотъ спальня, мирный отдыхъ
Дававшая царю,

Гдѣ царственную думу
Лелѣялъ онъ свою:

Изъ дерева простого
Кровать одна стоитъ...
Веревочное ложе...
И тлѣнья грустный видъ...

Вотъ кухня небольшая
Съ простѣйшимъ очагомъ,
Съ посудою изъ глины...
Нѣтъ роскоши ни въ чемъ...

Двѣ ложки деревянныхъ—
Издѣлье царскихъ рукъ:
Такъ проводилъ хозяинъ
Свой царственный досугъ!...

Мы лѣсенкою тѣсной
Наверхъ взошли и тамъ
Въ покоѣ очутились,
Гдѣ Царь Великій самъ

Всецѣло отдавался
Любому мастерству,
Въ работѣ облегчая
Отъ царскихъ думъ главу...

Изъ комнаты рабочей
Прошли мы въ кабинетъ:
И тамъ труды Петровы...
Чего, чего тамъ нѣтъ!...

И письменный тамъ столъ есть,
Съ чернильницей простой,
Съ простымъ перомъ гусинымъ,
И книжный шкафъ стѣнной...

И въ томъ шкафу хранится
Сработанный Петромъ
Игрушечныхъ размѣровъ
Вполнѣ готовый домъ.

Онъ образцомъ нагляднымъ
Для плотниковъ служилъ
При возведенъи дома,
Гдѣ Царь Великій жилъ...

И пальмовыя ширмы—
Верхъ славы столяра,
И зеркало, и стулъ есть:
Работа все Петра!..

Изъ кабинета въ залу
Вступить пришлось намъ:
Тамъ два стола продольныхъ
И лавки по стѣнамъ...

То—зала совѣщаній,
Гдѣ съ ближними людьми,
Великій думалъ думы
Великія свои,

Иль въ случаяхъ веселыхъ,
Средь праздничной поры,
Сподвижникамъ достойнымъ
Самъ задавалъ пиры.

И здѣсь напоминанье
О жизни трудовой:
Каминъ искусно сдѣланъ
Рукою мастерской,

Что съ равнымъ упоеньемъ
Перомъ и топоромъ
Работала для царства...
И на каминѣ томъ

Стоять четыре вазы—
Изящный трудъ Петровъ;
Въ нихъ фрукты подавались
Гостямъ среди пировъ...

О, былъ давно минувшихъ
Великихъ, славныхъ дней—

Россіи возрожденья
Отъ косности своей,
Когда отъ лѣни праздной
Страну свою будиль
Царь-Труженикъ на тронѣ
Насколько было силъ,
Когда въ примѣрѣ царскомъ
Воскресъ народный духъ
И поразилъ сосѣдей
О славѣ русскій слухъ,
Когда нашъ врагъ исконный
Склонилъ свою главу
И гетманъ своевольный
Утратилъ булаву,
Когда покорны стали
Намъ суша и моря
Подъ скипетромъ надежнымъ
Работника-Царя!
Давно ты миновала,
Великая пора,
Но міръ не позабудетъ
О подвигахъ Петра!

1901 г.

264. **Въ альбомѣ.**

(Экспромты).

1.

Мой другъ, ты пышно расцвѣла,
Какъ взоръ плѣняющая роза.
Дай Богъ тебѣ избѣгнуть зла,
Какъ розѣ бури и мороза.

Тебѣ стишокъ ужъ написалъ я,
 Чего жъ тебѣ еще, мой другъ?...
 Такъ пусть поэтомъ также будетъ,
 Какъ я, твой будущій супругъ!

1901 г.

265. Дорогою.

Сентябрьскимъ днемъ
 Лечу въ вагонѣ...
 Народу много
 Сидитъ кругомъ...

Все чуждо мнѣ,
 И съ грустной душой
 Сижу я, словно
 Одинъ вполнѣ...

Но вотъ порой
 Мнѣ слышны рѣчи:
 Жужжитъ какъ будто
 Пчелиный рой...

Вокзалъ,—и вотъ
 Весь муравьями
 Внутри вагона
 Народъ снуётъ...

И я встаю,
 Веселымъ видомъ
 Прикрыть стараясь
 Печаль мою...

Я знаю: тамъ,
 Въ гостяхъ, съ другими
 Винтомъ безпутнымъ
 Займусь я самъ.

Когда-жъ у насъ
Губить не стануть
Такъ безтолково
Веселья часъ?

1901 г.

266. **ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.**

Полночь. Ярко храмъ сіяеть.
Служба чинно въ немъ идетъ.
Православный людъ встрѣчаетъ
На молитвѣ новый годъ.

Не гаданьями, какъ прежде,
Не весельемъ на балахъ,
Въ скоморошеской одеждѣ,
Не съ бокалами въ рукахъ,

Но съ молитвою смиренной
Сталъ встрѣчать грядущій годъ
Предъ лицомъ Творца вселенной
Православный нашъ народъ.

Онъ созналъ, что ни гаданья,
Ни веселье, ни вино
Дать не могутъ упованья,
Что въ молитвѣ лишь оно.

И, съ душою умиленной,
Съ твердой вѣрою въ сердцахъ,
Онъ колѣнопреклоненно
Нынѣ молится въ церквахъ,

Да Отецъ его небесный
Всѣмъ намъ миръ-любовь пошлетъ,
Благодатію чудесной
Озаривъ грядущій годъ.

1901 г.

267. Костромичамъ.

Во всѣхъ насъ, братья, пламенѣтъ
Къ священной родинѣ любовь:
Она тогда лишъ въ насъ исчезнетъ,
Когда застынетъ наша кровь.

И гдѣ бы мы ни находились,
Куда-бъ ни удалились мы,
Не позабыть, не позабыть намъ
Родимой нашей Костромы.

На берегу рѣки великой,
Кормилицы святой Руси,
Она раскинула привольно
Сады и зданія свои.

Въ ней та святыня пребываетъ,
Которой съ дѣтства всякъ изъ насъ
Мольбы и славу возсылаетъ
И въ скорбный, и въ отраднй часъ.

Какъ въ ней самой, такъ и въ окрестныхъ
Мѣстечкахъ, селахъ, городахъ
Покоится для насъ завѣтнй
Отцовъ и предковъ нашихъ прахъ.

Они отечество любили
И были вѣрные сыны:
Царей Россійскихъ охраняли
Средь козней лютыхъ и войны.

Сусанинъ, старецъ величавый,
И Комисаровъ молодець—
Вотъ образцы родного края
Для вѣрнопопданныхъ сердець!...

Гордиться можемъ, братья, смѣло
Мы славной родиной своей:
Самъ благодатный Домъ Романовъ
Возникъ среди костромичей!

Близъ Костромы, въ уютныхъ кельяхъ,
Жилъ мирно кроткій Михаилъ
И тамъ престолъ Россійскій принялъ
Во цвѣтѣ юношескихъ силъ.

Враги Россіи ухищрялись
Царя младого погубить,
Но богатырь Иванъ Сусанинъ
Сумѣлъ несчастье отворотить.

Горя къ отечеству любовью,
Престолу вѣрностью горя,
Самоотверженно, геройски
Онъ палъ за Русскаго Царя.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три вѣка,
И родъ Романовыхъ живетъ,
Живетъ на благо всей Россіи:
Въ немъ счастья нашего оплотъ.

И намъ ли, братья, не гордиться
Родимой нашей стороной—
Царей Россійскихъ колыбелью,
Царей купелію святой?!...

Но не гордиться только, братья,
Должны мы родиной своей,
Но и заботиться о ближнихъ,
О благѣ всѣхъ костромичей.

Взаимопомощію членовъ
Счастлива каждая семья,
Согражданъ общею любовью
Лишь благоденствуетъ земля.

Вотъ почему сплотились вмѣстѣ
Всѣ мы въ земляческій союзъ,
Чтобы, содѣйствуя другъ другу,
Не выходить изъ тѣсныхъ узъ.

При нашемъ полномъ единеніи
Въ любви къ родимой сторонѣ

Мы и отечеству послужимъ,
Какъ слуги вѣрные вполнѣ.

И если-бъ надобность случилась,
То всѣ, любовію горя,
Какъ родичъ нашъ Иванъ Сусанинъ,
Умремъ за Русь и за Царя!

1901 г.

268. **Л я л ѣ.**

(Въ альбомѣ).

Учись, дитя! Въ познаныи свѣтъ.
Онъ мракъ житейскій разгоняетъ
И трудный путь намъ облегчаетъ,
Спасая насъ отъ многихъ бѣдъ.

Но, совершенствуясь умомъ,
И сердцемъ надо развиваться,
Любовью къ ближнимъ наполняться,
Законъ Творца блюсти во всемъ.

Надѣясь, вѣруя, любя,
Молясь, трудясь и помогая,
И, на землѣ отрады рая
Найдешь ты въ жизни для себя.

1902 г.

269. **В о л о д ѣ.**

(Въ альбомѣ).

Съ надеждой бодрой, съ вѣрой сильной,
Съ душой простой, любвеобильной
Свой подвигъ жизненный свершай!
Бѣги тщеславья, самомнѣнья
И, полный кротости, смиренья,
Всѣ испытанія встрѣчай!

Умомъ и сердцемъ развивайся,
Душой къ добру лишь устремляйся,
Не причиняя ближнимъ зла!
И будешь ты не обездоленъ,
И будешь ты всегда доволенъ,
И будетъ жизнь твоя свѣтла!

1902 г.

270. 15 Января 1902 года.

Вновь отрадная минута!
Мы, весельемъ пламенѣя,
Въ годовщину института,
Наканунѣ юбилея,
Собрались опять семьей
Къ общей чашѣ круговой.

Пусть звенять стаканы наши
Чаще, громче и дружнѣе
И вокругъ заздравной чаши
Льются рѣчи веселѣе
Объ отжившихъ и живыхъ,
Въ честь заслугъ, во славу ихъ!

Институтъ нашъ процвѣтаетъ,
И ужъ скоро четверть вѣка
Старину онъ освѣщаетъ,
Жизнь былую человѣка,
Мысли предковъ и отцовъ
И преданья всѣхъ вѣковъ.

Кругъ сочленовъ съ каждымъ годомъ
Все становится полнѣе,
Словно нива всходъ за всходомъ
Урожайнѣе, тучнѣе:
Институту скоро ихъ
Не вмѣститъ въ стѣнахъ своихъ.

Лица всѣхъ сословій, званій,
Состояній, положеній
Домогаются тѣхъ знаній,
Тѣхъ науки откровеній,
Что стяжаетъ институтъ,
Что труды его даютъ.

Слышны рѣчи, безъ глумленья,
Съ уваженіемъ порою,
О задачахъ учрежденья,
Что завѣтной стариною
Такъ разумно дорожить
И преданія хранить.

А съ какимъ трудомъ, борьбою
Институтъ нашъ развивался!
Частной школой небольшою
Онъ вначалѣ учреждался
И почти что чудомъ жилъ
Какъ творецъ его почилъ.

Вотъ что значитъ мысли сила,
Мощь разумнаго стремленья:
Тѣломъ властвуетъ могила,
Духъ же силой разумѣнья
Поколѣнія живить,
Ихъ сознаниемъ творить.

Воздадимъ же по заслугамъ
Безкорыстному, прямому
Патріоту, что былъ другомъ
Просвѣщенію родному
И науки чистой храмъ
Создалъ и оставилъ намъ!

Воздадимъ и всѣмъ ученымъ,
Что труды его дѣлили,
Что сей храмъ усовершеннымъ
Для потомства сохранили

И что нынѣ служатъ въ немъ
Честнымъ, ревностнымъ трудомъ!

Да и тѣмъ, что достояньемъ
Институту помогали
Или нравственнымъ вліяньемъ
Помощь дѣлу оказали,
По заслугамъ воздадимъ
Чувствомъ искреннимъ своимъ!

Годъ пройдетъ, и четверть вѣка
Институтъ просуществуетъ
И побѣду человѣка
Въ дѣлѣ знанья возликуетъ,
Показавъ, что въ немъ самомъ
Ключъ для чтенія въ быломъ.

Всѣ узнаютъ, что не даромъ,
Не напрасно онъ родился
И съ великимъ рвеньемъ, жаромъ
Для отечества трудился,
Посвятивъ его сыновъ
Въ быль исчезнувшихъ вѣковъ.

А теперь, за общей чашей,
Мы, весельемъ пламенѣя,
Пожелаемъ, въ дружбѣ нашей,
Всѣмъ дожить до юбилея,
Чтобы встрѣтить намъ его
Въ устахъ братства своего!

Пусть звенятъ стаканы наши
Чаще, громче и дружнѣе
И вокругъ заздравной чаши
Льются рѣчи веселѣе
Въ честь, во славу тѣсныхъ узъ,
Что скрѣпляютъ нашъ союзъ!

271. **М о л и т в а.**

Прости, Творецъ, что я порою
Рошцу на ближнихъ, на друзей
И дорожу однимъ собою,
Одной лишь участью своей.

Я знаю: всѣ мы люди-братья
И, какъ чудесный образъ Твой,
Должны взаимно безъ изъятъя
Горѣть любовію живой.

Я знаю: самъ я многогрѣшенъ
И причиняю людямъ зло,
Черезъ что такъ часто безутѣшенъ,
Такъ часто жить мнѣ тяжело.

Но что-жъ мнѣ дѣлать? Всею душою
Желалъ бы ближнихъ я любить,
Но сами ближніе порою
Стремятся въ жизни мнѣ вредить.

И на чистѣйшіе порывы
Моей незлобивой души,
Бывая часто злы и лживы,
Смѣются громко иль въ тиши.

И сердце кровью обливаясь,
Не можетъ вынести обидъ
И зломъ невольно заражаясь,
Негодованіемъ кипить.

Такъ и растеть вражда слѣпая
Межъ мной и братьями-людьми,
Любовь святую заглушая
Взаимной рознью и страстьми.

О, какъ желалъ бы я, чтобъ этой
Вражды не стало и слѣда,
Чтобъ грудью, дружбою согрѣтой,
Дышалъ свободно я всегда!

Прости-жь мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
Пошли покой душѣ моей
И дай мнѣ силу всепрощенья,
Чтобъ могъ любить я всѣхъ людей!

Я вѣрю, что любить возможно
И самыхъ яростныхъ враговъ:
То заповѣдалъ непреложно
Ты для своихъ земныхъ сыновъ.

Но этотъ крестъ мнѣ не подѣ силу
Безъ чудной помощи Твоей:
О, подкрѣпи меня, помилуй
Ты благодатию Своей!

1902 г.

272. Н ю р ъ.

Спѣши во храмъ и съ теплой вѣрой
Скорѣй молебень отслужи—
И матери своей недужной
Любовь ты этимъ докажи!

И вѣрь: Создатель не отринетъ
Молитвы дочери, и мать
Съ одра болѣзненнаго встанетъ,
Чтобъ снова дочь свою ласкать.

1902 г.

273. Памяти Н. В. Гоголя.

(21 Февраля 1902 г.).

Надъ пороками смѣялся
Ты, желая лишь добра,
И успѣхомъ увѣнчался
Юморъ бойкаго пера.

Сквозь невидимыя слезы
Раздавался бодрый смѣхъ,
Какъ въ шипахъ рождаются розы,
Что плѣняють взоры всѣхъ.

Русской жизни недостатки
Ты сатирою клеймилъ,
Глупость, пошлость, грязь и взятки
Для позора выводилъ.

Рядомъ съ мертвыми душами
Ты открылъ безъ душъ людей,
Что ютились грибами
Въ дебряхъ родины твоей.

Подъ бичомъ сатиры смѣлой
Имъ пришлось вымирать,
И едва-ль въ Россіи цѣлой
Можно встрѣтить ихъ опять.

Собакевичей, Ноздревыхъ,
Ихъ собратій больше нѣтъ,
Ревизоровъ Хлестаковыхъ
Позабылся давній слѣдъ.

Измѣнилась чрезвычайно
Русь и стала ужъ иной,
И твоя, поэтъ, Украина
Потеряла обликъ свой.

Но на смѣну ранъ отжившихъ
Новыхъ язвъ чередъ пришелъ,
Къ свѣту-жъ истины будившихъ
Замеръ сладостный глаголь.

И когда бы могъ изъ гроба
Ты, поэтъ, на Русь взглянуть,
Не восторженность, а злоба
Вдругъ наполнила бы грудь.

Спи же мирно, безмятежно!
Настрадался вдоволь ты,
Поработавъ столь прилежно
Для несбывшейся мечты.

1902 г.

274. В о р ы.

Въ мое отсутствіе въ мой домъ
Съ подобраннымъ ключомъ
Проникли воры,
Сломавъ сокровищницъ запоры,
Часть достоянья моего
Похитили и скрылись.
Спасибо не взяли всего:
Должно быть торопились.
Вернулся я въ свое жилище
Какъ на чужое пепелище.
Въ немъ безпорядокъ былъ такой,
Что я подавленъ былъ тоской,
Но, хорошенько поразмысливъ
И всѣ убытки перечисливъ,
Хвалу я Господу принесъ,
Что наказаль меня такъ мало,
Что сохранилъ мнѣ жизнь Христось,—
И мнѣ отрадно даже стало.
И пожалѣлъ я тутъ воровъ,
Что ради сущихъ пустяковъ
Они предъ Богомъ согрѣшили
Себя позоромъ заклемили
И миръ души своей смутили.

1902 г.

275. „Христось Воскресъ“!

„Христось воскресъ“ всего два слова,
Но благодати сколько въ нихъ!
Мы неземнымъ блаженствомъ снова
Озарены въ сердцахъ своихъ.
Забыты скорби и страданья,
Забыты горе и нужда,
Умолкли стоны и роптанья,
Исчезли зависть и вражда...

Всѣ лица радостью сіяють...
Сердца свободны отъ страстей...
Такъ чудодѣйственно вліяють
Слова святыя на людей!

Христось воскресь!... о, мигъ священный!...
О, чудо выше всѣхъ чудесь,
Какія были во вселенной!...
Христось воскресь! Христось воскресь!

1902 г.

276. М о л и т в а.

Господи, Боже мой, Царь мой небесный,
Далъ Ты мнѣ жребій благой и чудесный—
Волю святую Твою выполнять,
Жизнью моею Тебя прославлять.

Немошень тѣломъ я, Боже мой, Боже,
Немошень, Господи, духомъ я тоже,
Какъ же могу я мой жребій нести?
Какъ же мнѣ волю Твою соблюсти?

Такъ я безсиленъ и такъ я ничтоженъ!
Подвигъ такой для меня невозможенъ:
Въ силахъ его я тогда лишь свершать,
Если поможетъ Твоя благодать.

Дай же мнѣ, Господи, силу и рвенье
Выполнить свято мое назначенье,
Истинамъ вѣры меня Ты наставь,
Путь моей жизни ко благу направь!

1902 г.

277. Памяти В. А. Жуковского.

(12 Апрелья 1902 г.).

Ты первый изъ русскихъ баяновъ
Своей мелодической лирой
Плѣнилъ насъ изяществомъ слога,
Чтобъ родинѣ дать великановъ
Поэзiи, ранѣ сирой,
Чтобъ торной была имъ дорога.

Заслуги твои несомнѣнны,
Труды твои цѣнны для міра:
Красотами стихъ твой блистаетъ,
Баллады твои незабвенны,
И нѣжно звучащая лира
Восторгомъ сердца наполняетъ.

Ни гордость, ни зависть, ни злоба
Стиху твоему непричастны:
Въ немъ дышать любовь и свобода,
Онѣ лишь до самага гроба
Надъ сердцемъ твоимъ были властны:
Ты честно служилъ для народа.

Исполненъ сознательной вѣры
Въ созданьяхъ своихъ ты нерѣдко.
О нравственномъ долгѣ ревнуя,
Являлъ намъ благіе примѣры
Добра, справедливости, мѣтко
Порою неправду бичуя.

Ты мирные больше напѣвы
Любилъ, но и въ станѣ военномъ
Звучали твои пѣснопѣнья:
И старость, и юность, и дѣвы,
И воинъ въ стихѣ вдохновенномъ
Искали себѣ наслажденья.

Наслѣдника русской державы
Ты пѣстуномъ былъ благороднымъ.

Давь чувства и мысли благія,—
И дивной, немеркнушей славы
Достигъ Онъ въ сознаныи народномъ:
Ему благодарна Россія.

Покойся же, мужъ незабвенный,
Пѣвецъ простодушной Свѣтланы!
Свершилъ ты великое дѣло:
Твой памятникъ славы нетлѣнной
Родные народъ и баяны
Въ сердцахъ сохраняютъ всецѣло.

1902 г.

278. Взаимность.

(Посвящается Е. В. П.).

Двадцать два года мы вмѣстѣ живемъ
Въ дружбѣ, любви неизмѣнной.
Можетъ быть, вмѣстѣ мы такъ и умремъ,
Съ жизнью разстанемся брэнной.

Горько мнѣ было-бъ тебя пережить
Иль оставлять одинокой—
Жизнь остальную страдать и тужить
Въ скорби, печали глубокой.

Будемъ же, другъ мой, взаимно хранить
Наше здоровье и силы,
Чтобъ намъ подольше на свѣтѣ прожить,
Вмѣстѣ достигнувъ могилы.

Что намъ до свѣтскихъ забавъ мелочныхъ,
Что до другихъ намъ за дѣло?
Ласкъ и заботъ намъ довольно своихъ:
Имъ отдадимся всецѣло.

1902 г.

Всѣмъ намъ родина священна
И въ сознаньи неизмѣнно
Остается навсегда:

Гдѣ бы мы ни находились
И куда-бъ ни удалились,
Не забыть намъ никогда.

Да и какъ забыть возможно
То, чѣмъ сердце такъ тревожно
Бьется, дышетъ и живетъ?
Тотъ на вѣкъ несчастнымъ будетъ,
Кто отечество забудетъ,
Кто въ душѣ не патріотъ.

Сердцу близкая, родная,
Русь крещеная, святая
Да красуется вовѣкъ
И да смѣло ей гордится,
Русской славой веселится
Каждый русскій человѣкъ!

Послужила этой славѣ,
Русскимъ скипетру, державѣ
И престолу Кострома:
Рядъ пожаровъ и Сусанинъ,
Славный Домнинскій крестьянинъ,
Доблесть сердца и ума...

И Сусаниныхъ немало
Наша родина являла,
Но предателей въ ней нѣтъ...
Былъ другой царя хранитель,
Имъ спасенъ Освободитель:
Костромы онъ плодъ и цвѣтъ...

Въ мѣстной храминѣ соборной
Образъ древній, чудотворный

Богоматери стоитъ:
Осѣнилъ онъ въ дни коварства
Родъ Романовыхъ на царство
И донесъ его хранить...

Сколько вышло знаменитыхъ
Патріотовъ даровитыхъ
Изъ предѣловъ Костромскихъ—
Литераторовъ, ученыхъ,
Общимъ благомъ увлеченныхъ,
Столь потомству дорогихъ!...

Не должно-ль намъ веселиться
И не въ правѣ ли гордиться
Мы родимой стороной,
Какъ отечества твердыней,
Съ всероссійскою святыней,—
Нашей славной Костромой?...

И не слѣдуетъ ли, братья,
Намъ всецѣло, безъ изъятя,
Помогать всѣмъ землякамъ,
Ихъ поддерживать въ паденьи
И пещись о просвѣщенъи
Ихъ по темнымъ уголкамъ,

Научить ихъ въ должной мѣрѣ
Православной русской вѣрѣ,
Твердымъ истинамъ любви,
Чтобъ, оставивъ суевѣрья,
Сами секты и повѣрья
Уничтожили свои,

Убѣдить по доброй волѣ
Вразумлять въ приходской школѣ
Дочерей, какъ сыновей,
Чтобъ могли съ успѣхомъ сами,
Если будутъ матерями,
Обучать своихъ дѣтей!...

О, когда-бъ хмѣльное зелье
Поубавивъ, земледѣлье
Намъ поднять въ родныхъ краяхъ
И о лѣсоразведенїи,
О расчисткѣ, орошеньи
Мысль внѣдрить бы въ землякахъ;

Отклонить ихъ отъ стремленій
Жить вдали своихъ селеній,
Прикрѣпивъ къ родной землѣ,
И внушить имъ цѣль благую
Не бросать семью родную
Безъ призора на селѣ,

А подумать о приходахъ,
Объ общественныхъ невзгодахъ,
О пожарахъ въ деревняхъ,
О читальняхъ, о больницахъ,
О сиротахъ, о вдовицахъ,
Да о дряхлыхъ старикахъ!...

И о тѣхъ несчастныхъ лицахъ,
Что работаютъ въ столицахъ
И по прочимъ городамъ,
Иль на баркахъ, на заводахъ,
При различныхъ ихъ невзгодахъ,
Надо, братья, думать намъ:

Помогать имъ въ прїисканьи
Мѣстъ, занятій, пропитаньи
Въ безработчю пору,
При болѣзняхъ въ излѣченьи
Иль въ счастливомъ возвращеньи
Ихъ къ родимому двору...

Да, подумать, братья, нужно
Намъ о всѣхъ собратьяхъ, дружно,
Сообща имъ помогать:
Этимъ заповѣдь благую,

Христіанскую, святую
Будемъ точно выполнять.

Чтобъ отечество святое,
Столь для сердца дорогое,
Мощно крѣпло и росло,
Надо, чтобъ счастливы были
И въ довольствѣ полномъ жили
Въ немъ деревня и село.

Чтобъ здоровымъ было тѣло,
Надо, чтобъ оно имѣло
Невредимымъ каждый членъ;
Если-жъ членъ иной недуженъ,
То уходъ за нимъ столь нуженъ:
Тѣлу близокъ смерти тлѣнъ.

Вмѣстѣ думая—гадая
О собратяхъ, подавая
Помощь имъ во всѣхъ видахъ,
Проявивъ любовь и дружбу,
Тѣмъ сослужимъ, братья, службу
И въ общественныхъ дѣлахъ,

Тѣмъ докажемъ, что мы сами
Патріоты, что межъ нами
Есть Сусанины всегда,
Что не склонны къ произволу,
Что отечеству, престолу
Не измѣнимъ никогда.

Поработаемъ же смѣло
На общественное дѣло
Для сородичей своихъ,
Для отечества святого,
Для Монарха, столь благого,
Для потомковъ дорогихъ!

1902 г.

280. **Ж р е ц ы.**

(12 Мая 1902 г.).

Съ каждымъ годомъ прибываетъ
Сонмъ восторженныхъ жрецовъ,
Въ честь науки воспѣваетъ
Рядъ безчисленныхъ псалмовъ.

Кто съ лопатой надъ могилой,
Кто въ архивѣ за перомъ,
Восхищаясь мысли силой
Предка въ подвигѣ иномъ.

Строй минувшей жизни міра,
Постепенный ходъ вѣковъ
Воскрешаютъ въ гимнахъ лира
И псалтири сихъ жрецовъ.

И не тщетно воскрешаютъ
Быль давно прошедшихъ дней:
Такъ исторію слагаютъ
Славной родины своей...

Пусть же гусли и тимпаны
Къ нимъ примкнутъ на этотъ разъ!...
Да разсѣются туманы!
Да придетъ разсвѣта часъ!

Храмъ науки возсіяетъ:
Всѣ увидятъ вѣщій свѣтъ...
Нынѣ-жъ старый хоръ вѣщаетъ
Новоставленнымъ привѣтъ:

Да живутъ премноги годы
Храма новые жрецы!
Да минуютъ всѣ невзгоды
Свѣта, разума борцы!

1902 г.

281. Н ю р ъ.

Не увлекайся, милый другъ,
 Бѣги нашептываній лъстивыхъ
 И не рѣшай вопроса вдругъ
 Подъ обаяньемъ сказокъ лживыхъ!

Да, не готова ты пока
 Для битвы, для борьбы житейской:
 Ты такъ чиста, такъ далека
 Познанья ласки фарисейской.

А потому не торопись
 Рѣшать вопросы роковые,
 Но всестороннѣе всмотришь
 Въ сердца и помыслы людскіе!

Когда-жъ научишься вполне
 Цѣнить людей безъ заблужденій,
 Тогда спасибо скажешь мнѣ,
 Что охранялъ отъ увлеченій.

1902 г.

282. Отрывокъ изъ неначатой поэмы.

(А. Г. Ф—ву).

Друга и пѣстуна ждалъ я вчера съ нетерпѣньемъ
 великимъ,
 Квасу домашняго жбанъ пребольшой для него
 приготовилъ,
 Сельди голландскія съ лукомъ зеленымъ, весен-
 ней картошкой,
 Нѣжно-пухлявый пирогъ съ начинкой изъ свѣжей
 капусты,
 Крѣпкій отваръ изъ говяжьихъ костей и различ-
 ныхъ кореньевъ,
 Жирный индюкъ молодой былъ зажаренъ съ ру-
 мянцемъ задорнымъ,

Свѣжепросольныхъ огурчиковъ, словно улыбкой
дарящихъ,
Полное блюдо печеній миндальныхъ въ добавокъ
поставилъ,
Чаемъ китайскимъ хотѣлъ напоить я желаннаго
гостя,
Думая также занять бездѣлушками музы веселой,
Гость же, столь жданный, къ трапезѣ въ усло-
вленный срокъ не явился,
Я, огорченный, не могъ прикоснуться къ раз-
ставленнымъ блюдамъ:
Явства, столь вкусныя, вдругъ для меня потеряли
всю прелесть.

1902 г.

283. В е с н о й.

Въ лазурный день мая
Окно я раскрылъ,
И вѣтеръ, играя,
Меня освѣжилъ.

Мнѣ стало отраднo,
И грудью больной
Дышу я такъ жадно,
Довольный весной.

Ужъ скоро листвою
Украсится садъ,
И птички хвалюю
Его огласятъ.

Внѣ шума и зноя,
По цѣлымъ часамъ,
Въ тиши, средь покоя,
Гулять буду тамъ—

Листвой изумрудной
Свой взоръ утѣшатъ,

Мелодіей чудной
Свой слухъ услаждать.

Люблю я природу,
Ея красоту,
И жизнь, и свободу,
И чувствъ полноту.

Природа ликуеть—
Я радостень самъ,
И духъ мой врачуеть
Она какъ бальзамъ.

О, пусть она блещеть
Мнѣ въ полной красѣ
И раны залѣчитъ
Душевные всѣ!

1902 г.

284. Д у м а.

Милліоны людей...
Милліоны умовъ...
Милліоны страстей...
Милліоны грѣховъ...

И, при безднѣ страстей
Въ зараженной крови,
Бездна честныхъ идей
И сердечной любви...

Ни одинъ человекъ
На другихъ не похожъ,
И отъ вѣка во вѣкъ
Будеть въ мірѣ все то-жъ.

Но, при разности сей,
Въ людяхъ много сродства:
То въ порядкѣ вещей,
То законъ естества.

Въ зараженной крови
Много сходныхъ страстей,
Много братской любви
У различныхъ людей.

Миръ исполненъ чудесъ,
И темно для людей,
Что возьметъ перевѣсъ—
Мощь любви иль страстей.

Страсти намъ врождены:
Ихъ могуча игра;
Сами-жъ мы созданы
Для любви и добра.

Наши тѣло и кровь
Насъ къ земному влекутъ,
А добро и любовь
Пищу духу даютъ.

Что цѣннѣе для насъ—
Персть земли или духъ?...
Почему же подчасъ
Къ страсти клонимъ свой слухъ?

Мы живемъ на землѣ
И къ землѣ тяготимъ,
Пребывая во злѣ,
Наслаждаясь плотскимъ.

Небеса высоко:
Возвышаться до нихъ
Мыслью намъ не легко
Въ обольщеньяхъ земныхъ,

И душа стѣснена
Оболочкой плотской:
Ей порой не ясна
Жизнь внѣ жизни земной.

Оттого жизнь души
Забываемъ порой,

Оттого хороши
Страсти персти земной.

Но и тѣло, и кровь
Обращаются въ прахъ,
А добро и любовь
Храмы зиждутъ въ сердцахъ.

Съ каждымъ часомъ и днемъ
По закону Творца
Правда яркимъ лучомъ
Озаряетъ сердца.

И духовнымъ огнемъ
Міръ очистится весь,
И любовью съ добромъ
Насладимся мы здѣсь.

Будетъ рай на землѣ
И блаженство въ сердцахъ,
Позабудемъ о злѣ
И о темныхъ страстяхъ.

Оболочка спадетъ,
И душа до небесъ
Вознесется: придетъ
Время явныхъ чудесъ.

И съ предвѣчнымъ Отцомъ,
Волю свыше творя,
Въ единенье войдемъ
Мы, любовью горя.

1902 г.

285. Д у м а.

Вѣкъ живи и вѣкъ учись,
Вѣкъ разумнѣй становись:
Въ томъ твое предназначенье!
Хоть всего и не поймешь,

Съ убѣжденіемъ умрешь,
Что свершилъ Творца велѣнье.

Людамъ знать все не дано,
Хоть живутъ они давно
И впередъ идетъ познанье:
Вѣчно будутъ чудеса,
Ихъ святыя небеса
Намъ являютъ въ назиданье.

Не дерзай ихъ отрицать
Иль причины объяснять
Ихъ твоимъ умомъ ничтожнымъ!
Лучше смыслъ ихъ постигай
И къ поступкамъ примѣняй,
Что всегда найдешь возможнымъ!

Человѣку-ль на землѣ,
Въ суетѣ, грѣхѣ и злѣ,
Знать основы мірозданья,
Промыслъ Божій отвергать
Или дерзко порицать
Высшія предначертанья?

Помнить онъ обязанъ то,
Что онъ самъ собой ничто
И живетъ не самъ собою,
Что блюсти обязанъ онъ
Вседержителя законъ,
Чтя Его всегда хвалою.

Людамъ Богъ велѣлъ Себя
Познавать, Его любя,
По Его созданью—міру,
Чтя Его лишь одного,
Какъ Владыку своего,
Не служа отнюдь кумиру.

Объясняя-жъ чудеса,
Что являютъ небеса,

Нашимъ разумомъ кичливымъ,
Не творимъ ли изъ него
Мы кумира своего
Въ ослѣпленіи строптивомъ?

Величаяся умомъ,
Изъ себя мы создаемъ
Рядъ существъ, Творцу подобныхъ,
Даже выше быть хотимъ
Мы надъ Промысломъ благимъ
Духомъ пагубнымъ и злобнымъ.

Нѣтъ, скорѣе, сынъ земли,
Гласу Божію внемли,
Исполниѣй Творца велѣнья,
Произвола устранись,
Гордымъ разумомъ смирись
Предъ величьемъ Провидѣнья!

1902 г.

286. **М о л и т в а.**

Прости, прости меня, Господь,
Что я ропщу на жизнь порою!
Благослови мой духъ и плоть
Твоей десницею святою!

Мнѣ не по разуму понять
Твой Промыслъ мудрый, сокровенный,
Могу лишь сердцемъ прославлять
Тебя за даръ неоцѣненный,

Даръ мысли, воли и любви,
Даръ жизни временной, но чудной,
За всѣ волненія въ крови,
За всѣ тревоги доли трудной,

За весь подзвѣздный жребій мой,
Съ его отрадами земными—

И увлеченьемъ, и мечтой,
Съ его надеждами златыми.

Прости меня, что я порой,
Обуреваемъ суетою,
Клоню главу мою съ тоской
Иль проникаюсь думой злою:

Зачѣмъ рождень я на землѣ,
Съ ея грѣховными страстями,
Съ ея заботами о злѣ,
Съ ея неправыми дѣлами,

Зачѣмъ я долженъ претерпѣть
Всѣ тревоженія земныя,
Всю испытаній тяжкихъ сѣть,
Всѣ искушенія плотскія.

Зачѣмъ живу я, для чего,
Кому нужны мои страданья
Со дня рожденья моего
До дня послѣдняго дыханья!

Прости меня, Творецъ міровъ,
Что, обольщаяся порою
Успѣхомъ среди земныхъ сыновъ,
Я возношуся такъ мечтою,

Что, забывая иногда,
Исполненъ гибельной гордыни,
О часѣ страшнаго суда,
О почитаніи святыни,

О всемъ, что долженъ помнить я,
Взамѣнъ покорнаго смиренья,
Я выставляю самъ себя
Въ соблазнъ другимъ для поклоненья!

Прости, прости мнѣ, Царь царей,
И всѣ другія прегрѣшенья,
Что совершаю въ жизни сей,—
Дѣла, слова и помышленья!

Я ихъ свершаю лишь тогда;
Когда безуміемъ страдаю,
Когда я звѣрствую, когда
Я человѣкомъ не бываю.

О, научи меня, Господь,
Быть человѣкомъ неуклонно!
Благослови мой духъ и плоть,
Чтобы всегда я жилъ законно,

Чтобы любовію горѣлъ
Я только къ добрымъ начинаньямъ
И отвращеніе имѣлъ
Ко всѣмъ неправеднымъ дѣяньямъ,

Чтобы творилъ я только то,
Что заповѣдано Тобою,
И блага міра ни во что
Считалъ предъ вѣчною душою!

1902 г.

287.

* * *

Просто бѣда! хоть не ѣзди по дачамъ!
Я ужъ и счетъ потерялъ неудачамъ...

Солнышко утромъ сіяетъ свѣтло,
Въ полдень становится очень тепло,

Къ вечеру жъ вѣтеръ поднимется сильный,
Тучи сберутся и дождь преобильный

Вымочить странника вмигъ до костей:
Словно изъ плѣна, бѣжишь изъ гостей...

Что за капризное, странное лѣто!
Долго ль мученье протянется это?

Житель столицы съ отрадою ждетъ
Краснаго лѣта: авось, отдохнетъ

Внѣ городской суеты, несвободы
 Въ сельскомъ просторѣ, на лонѣ природы,
 Чтобъ заpastися живительныхъ силъ,
 Коихъ его шумный городъ лишилъ.
 Ждетъ не дождется онъ краснаго лѣта—
 Радужныхъ красокъ, раздолья и свѣта,
 Но, вмѣсто лѣтнихъ природы даровъ—
 Нѣжной лазури и яркихъ цвѣтовъ,
 Видитъ на небѣ лишь черныя тучи,
 Грудью вдыхаетъ песокъ лишь летучій,
 Вѣтеръ и холодъ страдальца томятъ,
 Такъ что онъ, бѣдный, прогулкѣ не радъ.
 Лучше ужъ дома, какъ осенью хмурой,
 Книгу читать, съ головою понурой,
 Грѣясь порою китайскимъ чайкомъ,
 Съ ромомъ ямайскимъ или съ коньячкомъ.

1902 г.

288. В Ъ Г Л У Ш И.

Бѣдная природа:
 Ельникъ да сосна,
 Но за то свобода,
 Миръ и тишина...

Жадно грудь впиваетъ
 Чистый ароматъ,
 Сердце отдыхаетъ:
 Въ немъ затихъ разладъ...

Далеко отъ шума,
 Суеты и битвъ
 Зрѣетъ мирно дума,
 Полная молитвъ...

И невольно льется
Радости слеза...
Сердце кротко бьется:
Улеглась гроза....

Бѣдная природа:
Ельникъ да сосна,
Но за то свобода,
Миръ и тишина.

1902 г

289. Д у м а.

Не въ свѣтломъ чертогѣ, не въ роскоши
пышной,
Но въ жребіи скромномъ, въ пещерѣ глухой,
Безвѣстно для міра—незримо, неслышно,
Родился Младенецъ святой.

Лишь вышнею силой повѣдано было
О томъ простодушнымъ вблизи пастухамъ,
Да чудное знаменье въ небѣ открыло
То дальнимъ волхвамъ-мудрецамъ.

И этотъ Младенецъ, безъ блеска и шума
Явившійся въ міръ,—самъ Владыка царей!...
Невольно смущается гордая дума
Предъ правдою, Боже, Твоей...

А мы поклоняемся праху земному,
Тельцамъ золотымъ, видя счастье въ нихъ,
И служимъ орудіемъ генію злomu,
Томясь въ заблужденьяхъ своихъ...

Вотъ ясли предъ нами съ Младенцемъ пред-
вѣчнымъ...
Пречистая Дѣва склонилась надъ Нимъ...

Скорѣй же съ раскаяньемъ полнымъ, сердечнымъ
Всю жизнь мы Христу предадимъ!

1902 г.

290. Р а з г о в о р ъ.

Тишина объемлетъ землю,
Звѣзды яркія горять.
Сердцемъ трепетнымъ я внемлю,
Какъ онѣ съ ней говорятъ.

„Мы сіяемъ на просторѣ,
Ты-жъ во мракъ погружена;
Намъ невѣдомо здѣсь горе,
Ты же скорби вся полна.

О, покинь свой сумракъ скучный
И вступи въ нашъ хороводъ,
Будь намъ спутникъ неразлучный
Средь веселья, внѣ заботъ!“

— Я давно бы къ вамъ примкнула,
Но мнѣ тяжело отъ людей;
Я во мракѣ потонула
Ради ихъ лихихъ страстей.

Братья съ братьями воюють,
Строятъ козни, сѣютъ зло
И сильнѣе завраждуютъ,
Если будетъ имъ свѣтло.—

„Такъ оставь породу эту,
Если такъ она дурна!
Вмѣстѣ съ нами, ближе къ свѣту,
Будешь радости полна“.

— Нѣтъ, не быть ужъ мнѣ счастливой.
Люди злы. Они и васъ
Заразятъ враждой строптивой:
Чуждъ имъ дружбы братней гласъ.

Я беспомощна такъ стала:
Овлаѣли мной они.
Я бороться ужъ устала,
Доживая въ скорби дни.--

„Странно, какъ ты покорила
Человѣку-муравью,
Съ вольной волей распростилась,
Позабывъ красу свою.

Мы же этого пигмея
Укротили бы какъ разъ,
И изъ лютаго злодѣя
Сталъ бы онъ рабомъ у насъ“.

— Ахъ! напрасно вы гордитесь:
Человѣкъ весьма хитеръ.
Лучше сами берегитесь!
Овлаѣетъ онъ, какъ воръ,
Вашей чудною свободой,
Вашимъ свѣтомъ и тепломъ:
Онъ давно уже съ природой
Споръ ведетъ съ большимъ умомъ;
Онъ давно ужъ изучаетъ
Ваши свойства, вашу суть
И давно уже мечтаетъ
Въ хороводъ къ вамъ заглянуть.—

Содрогнулись звѣзды хоромъ,
Поблѣднѣли всѣ заразъ,
И за дальнимъ косогоромъ
Ихъ послѣдній лучъ погасъ.

1902 г.

291. С о ю з ъ.

(Въ память 18 Августа 1902 г.).

Муза съ поэтомъ сошлись,
Въ вѣчной любви поклялись,

Связью супружескихъ узъ
Свой закрѣпили союзъ.

Нѣтъ уже больше сомнѣній,
Прежнихъ тревогъ и волненій,
Прежнихъ несноснѣйшихъ мукъ:
Все измѣнилось вдругъ.

Долго они ожидали
Счастья такого, мечтали
Хоть подъ конецъ освятить
Жизнь свою правомъ любить.

Вотъ, наконецъ, и дождались:
Въявѣ мечты оправдались.
Дай же имъ Богъ много лѣтъ
Миръ, и любовь, и совѣтъ!

1902 г.

292. П р о р о к ъ .

Внимая свыше откровенью,
Я правду вѣчную вѣщаю,
Согласно Божію велѣнью,
Къ любви всѣхъ ближнихъ призываю.

Они-жъ холодными умами
Стоять отъ истины далеко
И развращенными сердцами
Погрязли въ пагубѣ глубоко.

Законы истины священной
Для нихъ такъ чужды, непонятны,
Любви же праведной, нетлѣнной
Завѣты часто неприятны.

И вдохновенные глаголы
Звучать безъ отзова порою,
Лишь оглашая горы, доли
Своей пророческой хвалою.

Нерѣдко ближніе глумятся
Надъ рѣчью пламенной пророка
И дѣлать зло ему стремятся:
Столь ненависть къ нему жестока.

Какъ смѣлъ назваться онъ пророкомъ
И къ нимъ учителемъ явиться
Въ борьбѣ съ неправдой и порокомъ?
Какъ смѣлъ собой такъ возгордиться?

И вотъ, осмѣянный толпою
И ею признанный безумнымъ,
Порой съ поникшею главою
Брожу по улицамъ я шумнымъ.

Читая зло въ сердцахъ собратій,
Душою тяжко я страдаю,
Въ отвѣтъ на громы ихъ проклятій
Я сердцемъ ихъ благословляю.

Я говорю: они несчастны
Подъ гнетомъ злобы и порока
И потому ко мнѣ пристрастны—
Не могутъ зрѣть во мнѣ пророка.

Когда жъ уйду изъ жизни брэнной,
Почтутъ слова мои святыми
И разнесутъ ихъ по вселенной:
И поколѣньями молодыми

Глаголы истины священной
Съ восторгомъ будутъ изучаться,
Любовью праведной, нетлѣнной
Сердца ихъ будутъ проникаться.

И, вновь исполняясь вдохновенья,
Я правду вѣчную вѣщаю,
Съ душою, полной умиленья,
Къ любви всѣхъ ближнихъ призываю.

293. Эхо и поэтъ.

Эху-ль подобенъ пѣвецъ вдохновенный?
Можно ль сравнить его съ гуломъ пустымъ?
Можетъ ли эхо на вздохъ сокровенный
Гимномъ отвѣтить живымъ и святымъ?

Эхо способно лишь отзвукомъ вѣрно
Звукамъ въ пространствѣ порой подражать,
Вѣщая-жъ лира поэта безмѣрно
Можетъ сама пѣснопѣнья рождать,

Пѣсней отрадной, молитвой сердечной
Можетъ людскія сердца утѣшать,
Братской любовію, правдою вѣчной
Можетъ ихъ мощно къ добру направлять.

Нѣтъ, не сравню звона струнъ вдохновенныхъ
Съ гуломъ бездушнаго эха пустымъ,
Какъ не сравню шума волнъ разъяренныхъ
Съ вѣчнымъ евангельскимъ словомъ святымъ.

1902 г.

294. С е р д ц у.

Сердце мое, сердце,
Много ты терпѣло,
Много въ тебѣ горя,
Много наболѣло.

Люди—мои братья
Такъ тебя терзали,
Напоследокъ вдосталь
Чуть не доканали.

Что жъ мнѣ дѣлать, сердце,
Какъ мнѣ быть съ тобою,
Чѣмъ твою тревогу,
Чѣмъ я успокою?

Отомстить ли братьямъ
Иль простить имъ козни?
Быть ли съ ними въ мирѣ
Иль остаться въ розни?

Если зло питать къ нимъ,
Вновь ты страдаешь:
При любви и дружбѣ
Ты лишь отдыхаешь.

Если быть имъ другомъ,
Вновь терпѣть придется,
Выносить ихъ козни
Снова приведется.

Что жъ мнѣ дѣлать, сердце,
Какъ мнѣ быть съ тобою,
Чѣмъ твою тревогу,
Чѣмъ я успокою?

Развѣ намъ подальше
Отъ людей укрыться,
Суеты житейской
Вовсе устраниться?

Гдѣ-жъ такое мѣсто
Есть на бѣломъ свѣтѣ,
Гдѣ-бъ не уловили
Насъ людскія сѣти?

Видно, намъ придется
Вновь терпѣть съ тобою,
До конца бороться
Съ кривдою людскою...

Что-жъ мнѣ дѣлать, сердце,
Какъ мнѣ быть съ тобою,
Чѣмъ твою тревогу,
Чѣмъ я успокою?

Будемъ равнодушнѣй
Мы къ людскимъ обидамъ,

Будемъ безучастнѣй
Къ ихъ корыстнымъ видамъ,
Ни вражды, ни дружбы
Къ нимъ питать не будемъ,
Всѣ людскія козни
Поскорѣй забудемъ,
Если жъ будемъ въ силахъ
Имъ помочь въ несчастьи,
Не откажемъ, сердце,
Въ нашемъ имъ участьи!
И легко, и мирно
Проживемъ на свѣтѣ:
Не опасны будутъ
Намъ людскія сѣти.

1902 г.

295. **Зимняя сказка.**

Небо сыплетъ серебромъ,
Серебро роняетъ,
Словно бѣлымъ полотномъ
Землю пеленаетъ.
„Спи—усни, мое дитя,
Запасайся силой,
Чтобъ, съ улыбкою, шутя,
Вновь проснуться милой!
Ты устала ужъ блистать,
Одѣваться въ краски:
Время, время засыпать!...
Слушай дѣда сказки!...
Принакройся потеплѣй
Мягкимъ одѣяньемъ!...
Ты-жъ, морозъ, ее согрѣй
Огневымъ дыханьемъ!“

Дѣдъ-морозъ уже готовъ
Сказывать ей сказки,
Навѣвая бездну словъ
И даря ей ласки.

„Баю-баюшки-баю-
Баю-баю-баю...
Спи подъ сказочку мою!
Крѣпче спеленаю...

Вьюга стонетъ, боръ шумить,
Лѣсовикъ хохочетъ,
Мужичка въ лѣсу кружить,
Выпустить не хочетъ.

Сбился вовсе мужичокъ:
Не найти дороги...
Притомился старичокъ,
Подкосились ноги...

По дорогѣ вихрь свистить,
Снѣжные наносы
Разметаешь и крутить...
Страшные раскосы!...

Бдетъ съ возомъ паренекъ,
Дрогнетъ, весь въ ознобѣ...
Раскатился сивка въ бокъ
И увязъ въ сугробѣ...

Вонъ отъ свата изъ гостей
Тащится пьянчуга:
Пробираетъ до костей
Бѣшенная вьюга...

Ужъ не въ силахъ онъ идти.
Не сдержали ноги,
Растянулся на пути
Поперекъ дороги...

На краю села стоитъ
Ветхая лачужка...

На полатяхъ въ ней лежитъ
И дрожитъ старушка..
Пригорюнясь, дочь сидитъ,
Не кормя младенца,
Въ печь холодную глядитъ:
Нѣту ни полѣнца..
Тамъ же, въ городѣ большомъ,
Сидя въ козлахъ санокъ,
Ванька, съ бѣднымъ воронкомъ,
Мерзнетъ спозаранокъ..
Соскочилъ онъ съ облучка,
На морозѣ пляшетъ,
Поджидая сѣдока,
Да руками машетъ..
Много чудныхъ сказокъ есть
У мороза-дѣда:
Всѣхъ то ихъ не перечестъ
Съ зорьки до обѣда..
Спи подъ сказочку мою!
Крѣпче спеленаю..
Баю-баюшки-баю-
Баю-баю-баю“..
Задремало все кругомъ..
Томно звѣздъ сіянье..
Спитъ природа крѣпкимъ сномъ
Въ бѣломъ одѣяньи..

1902 г.

296. **З а г р а н и ц е й.**

За границей побывавши,
Я поопытнѣе сталъ
И, въ столицахъ погулявши,
Много новаго узналъ.
Видѣлъ Эйфелеву башню,
Но взобратся не посмѣлъ:

Несмотря на прыть всегдашню,
Я отъ страха обомлѣлъ.

Высока она чрезмѣрно,
Рвется къ небу, какъ орелъ,
И Исакій бы навѣрно
Подъ пролетъ ея вошелъ...

Тамъ желѣзная дорога
По-надъ городомъ виситъ,
И быстрѣ носорога
Поѣздъ съ грохотомъ летитъ.

До земли съ десятокъ сажень,
Гдѣ ѣзда и пѣшеходъ,
Посреди-жъ бульваръ насаженъ,
И на лавочкахъ народъ...

Тамъ народное гулянье
Съ величайшимъ колесомъ,
Производится катанье
Изумительно на немъ:

Цѣлыхъ тридцать штукъ вагонцевъ,
На громадномъ колесѣ,
По двѣнадцати оконцевъ,
И полны народомъ всѣ...

Удивительныхъ, отмѣнныхъ
Много я затѣй видалъ,
Но среди иноплеменныхъ
По Руси затосковалъ.

Хоть французъ—народъ учтивый,
Обходительный народъ
И союзникъ нашъ нелживый,
Съ нами въ дружбѣ онъ живетъ,

Хоть и нѣмецъ вѣжливъ тоже,
И австріецъ ничего,
Все же русскій мнѣ дороже,
Не сравню ни съ кѣмъ его.

Хоть и воздухъ, и природа
За границей хороши,
Нѣтъ ни пьянаго народа,
Ни безграмотной души,

Хоть не надо одѣваться
Въ мѣховое тамъ зимой,
Все-жъ мнѣ началъ рисоваться
Все милѣе край родной.

Захотѣлъ я самовара,
Русской каши, русскихъ шей,
Русской бани—жару, пара
И московскихъ калачей...

Я взгрустнулъ по черномъ хлѣбѣ,
Хлѣбномъ квасѣ и блинамъ,
И по зимнемъ звѣздномъ небѣ,
И по троечнымъ санямъ,

По любезному приволью,
По полямъ и по лѣсамъ,
По широкому раздолью
И по волжскимъ берегамъ...

Мнѣ пригрезился неволью
Православный русскій храмъ,
Звонъ отрадный колокольный
По селеньямъ, городамъ...

Я взгрустнулъ по русской рѣчи—
И богатой, и живой,
Захотѣлъ съ друзьями встрѣчи,
Захотѣлъ я въ край родной.

И теперь, теперь я знаю:
Русскій сердцемъ я вполнѣ,
Ни на что не промѣняю
Край родной: онъ дорогъ мнѣ.

297. **М о л и т в а.**

Внемли Творецъ, моей молитвѣ,
Мой духъ смятенный успокой!
Я изнемогъ въ суровой битвѣ,
Въ борьбѣ съ житейской суетой.

Искалъ я правды и закона,
Любви и мира жаждалъ я,
Но за препоной лишь препона
Встрѣчали въ поискахъ меня.

Нашелъ я правду угнетенной,
Законъ поруганнымъ нашелъ,
Любовь святую оскверненной
И мира сердцу не обрѣлъ.

Вездѣ неправда торжествуетъ,
Царить повсюду произволъ,
Вражда межъ ближними ликуетъ,
И въ мірѣ бездна всякихъ золъ.

Какъ сохранить мнѣ сердце чистымъ,
Какъ устоять въ борьбѣ со зломъ
И какъ пройти путемъ тернистымъ
И полнымъ пагубы путемъ?

Невольно страхъ меня объемлетъ,
И сердце ужаса полно,
А зло не спитъ, а зло не дремлетъ,
Со всѣхъ сторонъ тѣснить оно.

Соблазны міра такъ прелестны,
Такъ сладокъ, тонокъ ядъ грѣха,
Хотя дѣла его безчестны
И участь въ будущемъ плоха.

Внемли, Творецъ, моей молитвѣ,
Мой духъ смятенный успокой
И дай мнѣ силъ въ суровой битвѣ,
Въ борьбѣ съ житейской суетой!

1902 г.

298. В ъ д е р е в н ѣ.

То ли дѣло жить въ деревнѣ,
Въ благодатной тишинѣ,
По укладу жизни древней,
При здоровомъ, бодромъ снѣ!

Утромъ встанешь вмѣстѣ съ солнцемъ:
Для очей, ушей просторъ!...
Сядешь къ чаю предъ оконцемъ:
Слушай птичекъ разговоръ!...

Вышелъ въ поле—на раздолье:
Средь цвѣтовъ и нивъ гуляй!...
Въ лѣсъ пришелъ—и тамъ приволье:
Грибъ и ягоду собирай!...

Вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ
И румяною зарей,
Подышавши ароматомъ,
Ляжешь мирно на покой...

Сѣнокосною порою
Межъ душистыхъ травъ сидишь
Иль съ веселою толпою
Дружно сѣно ворошишь.

Время жатвы... рожь густую
Ставишь въ пышные кресты...
Слышишь пѣсню удалую
Послѣ страдной маеты...

Видишь много лѣтомъ въ полѣ
И заботы, и труда,
Но всѣ веселы на волѣ:
Не гнететь людей вражда...

Осень радуется собою
Сердце мирныхъ поселянъ,
За труды дая кошмою
Свѣжихъ овощей, сѣмянъ.

Жить и жить—не умирать бы....
Веселится сельскій людъ:
Тамъ и здѣсь играютъ свадьбы,
Пѣсни звонкія поютъ....

А зимою снѣгъ пушистый
Бѣлой скатертью лежитъ:
Блескъ снѣжинокъ серебристый
Глазъ и сердце веселить.

Хорошо на санкахъ въ полѣ
Прокатиться яснымъ днемъ:
Сердце радо поневолѣ,
Для тоски нѣтъ мѣста въ немъ.

Также ночью лунной, звѣздной
Хорошо въ саняхъ летѣть
По горѣ надъ снѣжной бездной,
Въ даль прозрачную глядѣть!...

О веснѣ и рѣчи нѣту,
Такъ мила она въ тиши:
Бездна красокъ, бездна свѣту,
Бездна жизни для души....

Такъ отрадно жить въ деревнѣ,
Въ благодатной тишинѣ,
По укладу жизни древней,
При здоровомъ, бодромъ снѣ!...

Спору нѣтъ, и въ ней порою
Бѣды лютыя гнетутъ,
И нерѣдко тамъ зимою
Люди впроголодь живутъ.

Но, вѣдь, гдѣ же не бываетъ
Бѣдъ различныхъ и заботъ?
Это все не умаляетъ
Быта сельскаго красотъ....

О, когда бы могъ въ деревнѣ
Я провести остатокъ дней,
По укладу жизни древней,
Въ тишинѣ ея полей!..

1902 г.

299. Сновидѣніе.

Въ эту ночь снился мнѣ знаменательный сонъ.

Я во храмѣ святомъ находился,
Тамъ служилъ престарѣлый владыка и онъ
Съ поученьемъ ко мнѣ обратился.

Назидаль онъ меня въ христіанскомъ житьѣ,
Въ добродѣтельныхъ ближнимъ дѣяньяхъ,
Въ отчужденіи заботъ о самомъ лишь себѣ
И въ спасительныхъ часто страданьяхъ.

И пророчилъ онъ мнѣ тяжкій въ жизни удѣлъ,
Полный скорби, тревогъ и мученья,
И, примѣтивъ, что я состраданья хотѣлъ,
Онъ вѣщаль мнѣ слова утѣшенья.

„Если все ты исполнишь, какъ я указаль,
Выпьешь герькую чашу смиренно,
То тебя ожидаетъ, чего и не ждалъ:
Ты увидишь Творца всей вселенной“.

И мгновенно исполнился радости я,
Предъ святителемъ павъ на колѣни:
„Пусть отнынѣ жизнь снова начнется моя!
Пусть отъ прошлой не будетъ и тѣни!“

И затѣмъ, передъ ракой съ мощами склонясь,
Я святыню молилъ съ упованьемъ,
Чтобъ невидимо свыше мнѣ помощь далась
Для успѣшной борьбы съ испытаньемъ.

Вдругъ простерлася длань изъ гробницы святой
Со крестомъ и меня осѣнила.

Вмигъ почувствовалъ я благодатный покой:
Сила свѣше меня посѣтила.

И откуда-то громкій послышался гласъ:
„Встань, избранникъ! пора на работу!“
И легко я отъ сна пробудился тотчасъ,
Взоръ невольно упалъ на кіоту.

1902 г.

300. Писецъ.

Иду на службу. Долгъ присяги
Меня зоветъ. Но тяжело мнѣ.
Давно несносныя бумаги
Мнѣ опротивѣли вполнѣ.

Готовъ отечеству престолу
Я вѣрой-правдой послужить,
Но крѣпостному произволу
Мнѣ тяжело слугою быть.

Я ежедневно убѣждаюсь,
Что мало пользы приношу,
Хотя усиленно стараюсь
И все пишу, пишу, пишу.

Но что пишу я, самъ не знаю:
То—дѣло высшаго лица:
Его я мысли облакаю
Въ рядъ буквъ любого образца.

Я лишь орудіемъ являюсь,
Я лишь пишу, пишу, пишу,
Со смысломъ дѣла не справляюсь
И смысла въ дѣла не вношу.

И за несносныя бумаги
Я получаю лишь гроши....
Но долгъ служебный, долгъ присяги:
Пиши, пиши, пиши, пиши!

1902 г.

301. Л О Ж Ъ.

„Все въ мірѣ тлѣнь“, сказалъ мудрецъ,
„Все въ мірѣ призракъ лишь ничтожный“...
О, ты сто кратъ не правѣ, гордецъ,
Изрекшіи приговоръ сей ложный!

Возможно-ль здраво утверждать,
Что нѣтъ всего, что существуетъ,
И можно-ль тлѣномъ называть,
Что вѣчно души въ насъ врачуеть?

О, ты, подумалъ ли, гордецъ,
О силѣ пламенной молитвы
Для всѣхъ восторженныхъ сердець
Среди невзгодъ житейской битвы?

И ты подумалъ ли о томъ,
Что умъ твой даже и не знаетъ
Всего, что въ мірѣ семъ земномъ
Порой творится и бываетъ?

А то, что—тайна для людей,
Чего ни зрѣть, ни знать не можно,
Какъ смѣлъ ты въ гордости своей
Сказать, что тлѣнь то и ничтожно?

Вѣрниѣ самъ ты—тлѣнь, гордецъ,
Твой приговоръ не мудръ, но ложенъ,
Безуменъ онъ, какъ ты, слѣпецъ,
И также, какъ и ты, ничтоженъ.

1902 г.

302. Памяти Г. Р. Державина.

Пѣвецъ Фелицы незабвенной,
Своею лирой вдохновенной
Сердца ты мощно потрясалъ:
И царскій слухъ, и слухъ народный

Порою одѣ благородной
Твоей восторженно внималъ.

Ты славиль Бога всенародно
И правду говорилъ свободно
Въ стихахъ монархамъ иногда:
Тебя Россія не забудетъ
И съ благодарностію будетъ
Твои заслуги чтить всегда.

Какъ бы чеканенъ изъ металла
Твой стихъ, и пѣснь твоя звучала
Порою громко въ облакахъ,
Порой на землю опускалась,
Въ сердцахъ согражданъ отзывалась
Какъ вихрь въ трепещущихъ листахъ.

Ты первый опытъ съ русскимъ словомъ
Намъ показалъ въ искусствѣ новомъ,
И опытъ столь удаченъ былъ,
Что, постепенно развиваясь,
Съ теченьемъ лѣтъ усовершеншаясь,
Баяновъ чудныхъ намъ родилъ.

Хвала тебѣ, пѣвецъ Фелицы,
Киргизъ-Кайсацкія царицы,
Хвала въ отечествѣ святомъ:
Себя ты гимнами прославилъ,
Въ нихъ вѣчный памятникъ поставилъ
Себѣ въ потомствѣ дорогомъ!

1902 г.

303. Памяти А. С. Грибоѣдова.

Какъ мало жилъ ты на землѣ,
Пѣвецъ россійскаго застоя!
Блеснулъ, какъ слабый лучъ во мглѣ,
Намъ обликъ твоего героя.

За то московской жизни строй
Временъ, умчавшихся въ преданье,
Ты кистью яркой и живой
Обрисовалъ намъ въ назиданье.

Хоть наши прадѣды тобой,
Навѣрно, не были довольны,
Что ты нарушилъ ихъ покой,
Ихъ миръ души, ихъ быть привольный.

Но ихъ дѣтей ты озарилъ,
Какъ чародѣй, сознанья свѣтомъ,
Отъ сна сердца ихъ пробудилъ,
Бывъ правды истиннымъ поэтомъ.

Ты остроумно осмѣялъ
Своихъ собратій недостатки,
Сатирой мѣткой бичевалъ
Ихъ пошлость, глупость, лесть и взятки.

Стихи изящные твои.
Вошли въ пословицы народа
И нашъ родной языкъ они
Обогащаютъ годъ отъ года.

Какъ мало жилъ ты на землѣ,
Пѣвецъ російскаго застоя!
Блеснулъ, какъ слабый лучъ во мглѣ,
Намъ обликъ твоего героя.

1902 г.

304. У памятника И. А. Крылова.

Простой, но мудрый въ то же время,
Сидитъ онъ съ думою глубокой:
Годовъ не шуточное бремя
Онъ вынесъ въ жизни одинокой...

Вокругъ него рѣзвятся дѣти;
Знакомы всѣ они съ Крыловымъ;

Хотя минуетъ рядъ столѣтій,
Но старый дѣдъ все будетъ новымъ.

Его затѣливые мышки,
Ослы, вороны, зайки, мишки,
Орлы, лисицы, львы, мартышки
Плѣняютъ дѣтскіе умишки.

Онъ дѣтямъ баснею правдивой
Стремленья добрая внушаетъ
И къ жизни честной, справедливой
Сердца ихъ вѣрно направляетъ.

Вотъ отчего такъ жадно дѣти
Вникаютъ въ суть его сказанья:
Промчится длинный рядъ столѣтій,
Но не умрутъ о немъ преданья.

1902 г.

305. А. В. Кольцову.

Пѣвецъ изъ народа,
Ты пѣсней простой,
Живой, какъ природа,
Плѣнялъ насъ порой.

Въ той пѣснѣ съ тобою,
Пѣвецъ дорогой,
Мы жили одною
Мечтой золотой.

Вольна, какъ свобода,
Легка, какъ струя,
Лилась для народа
Та пѣсня твоя.

И радость, и горе
Въ ней слышались намъ,
Глубоки, какъ море,
Подобны волнамъ.

То думой широкой
О сельскихъ трудахъ,
То вѣрой глубокой
Въ страданьяхъ, бѣдахъ,

То гимнамъ хвалебнымъ
Въ удачахъ, пѣвецъ,
Елеемъ цѣлебнымъ
Ты былъ для сердець.

Ты лирой свободной,
Живой и простой
Являлъ намъ природный
Даръ пѣсенъ святой.

Твой даръ пѣснопѣнья
Для чуткихъ сердець
Плодомъ вдохновенья
Былъ свѣше, пѣвецъ.

Пѣвецъ благородный,
Прими нашъ привѣтъ
И въ пѣснѣ народной
Живи много лѣтъ!

1902 г.

306. **И. И. Козлову.**

Ты на одрѣ лежалъ больной,
Безъ ногъ, разслабленный, слѣпой
И больше многихъ совершилъ:
Святой поэзіей ты жилъ.

Ты въ ней лишь видѣлъ утѣшенье,
Въ кругу семьи, на попеченьи
Жены и дочери родной.
Ея дѣвической рукой

Твои прекрасныя сказанья
Писались людямъ въ назиданье.

Для дѣвъ родимой стороны,
Въ лѣта любезной старины,
Созданье музы вдохновенной
Подругой было неизмѣнной,
Твердилось наизусть прилежно,
Подъ изголовья клалось нѣжно.

И на болѣзненномъ одрѣ
Ты пѣлъ собратьямъ о добрѣ
И, самъ достойный состраданья,
Внушалъ имъ къ ближнему вниманье.

Да, твой прискорбень былъ удѣлъ,
Но въ сердцѣ пламенно горѣлъ
Свѣтильникъ чистой вѣры въ Бога,
И ты любилъ и сдѣлалъ много.

Да, ты недаромъ жилъ, пѣвецъ!
Тебѣ „Наталья“ и „Чернецъ“
Во глубинѣ людскихъ сердецъ
Стяжали лавровый вѣнецъ.

1902 г.

307. Экспромтъ.

Служить отечеству, престолу,
Не подчиняясь произволу,
Въ дѣлахъ душою не кривить,
Но вѣрой-правдою служить.

И, не терпя похвалъ и лести
И не страшась обидъ и мести,
На службѣ челоуѣкомъ быть—
О, такъ желалъ бы я служить!

1902 г.

308. А. Г. Ф—ву.

(Экспромтъ).

Благодарю васъ отъ души,
 Что вы меня не позабыли
 И книгъ посылкой поспѣшили...
 А я блаженствую въ тиши,

Во градѣ Петергофѣ снѣжномъ,
 И Рождество встрѣчаю здѣсь,
 Друзьями окруженный весь
 И съ музою въ союзѣ нѣжномъ.

1902 г.

309. Памяти М. Ю. Лермонтова.

Ты былъ и воинъ, и поэтъ
 И жилъ хотя немного лѣтъ,
 Но пѣсенъ подарилъ немало:
 Тебя подруга вдохновляла;

То муза пылкая была
 И къ лаврамъ воина влекла;

Двѣ черноокія Тамары,
 Черкесы, буйные татары,

Печоринъ—времени герой
 Ей путь указывали твой...

И поражаемся замѣтной
 Въ твоей поэзіи завѣтной

Какой-то двойственностью мы:
 То потрясаются умы

Безумной, буйною отвагой,
 Съ ножомъ, кинжаломъ или шпагой,

То миръ и нѣжная любовь
 Въ насъ успокаиваютъ кровь;

Разочарованность порою
Слышна, съ отчаяньемъ, тоскою,
Иль тихая, святая грусть,
Молитвы шопоть наизусть...
Навѣрно, если-бъ жилъ ты дольше,
Послѣднихъ слышалось бы больше
Съ развитіемъ духовныхъ силъ
Ты міръ навѣрно-бъ озарилъ
Лучами славы безконечной
Отъ перловъ музыки сердечной...
О! какъ ты мало жилъ, пѣвецъ,
И жаль, что лавровый вѣнецъ,
Который ты стяжалъ такъ рано,
Обвѣянь сумракомъ тумана.

1902 г.

310. **НОВЫЙ ГОДЪ.**

Москва во мракѣ полунощномъ...
Подъ снѣгомъ кровли и земля...
Ударомъ колокола мощнымъ,
Съ высотъ священнаго кремля,
Иванъ Великій возвѣщаетъ,
Что наступаетъ новый годъ,
Въ соборъ Успенскій призываетъ
Молитвы жаждущій народъ...
И звонъ отраднй колокольный,
Нарушивъ ночи тишину,
Идетъ по всей первопрестольной,
Всѣмъ навѣвая мысль одну...
И православные толпами,
И старъ, и младъ, какъ въ крестный ходъ,
Спѣшать къ церквамъ предъ алтарями
Мольбой встрѣчать грядущій годъ...

Невольнo зрѣлище такое
Упавшій духъ подъемлетъ въ насъ:
Благоговѣнiе святое
Нисходитъ въ сердце въ этотъ часъ...

Издавна чашею заздравной
Встрѣчать привыкли новый годъ,
А нынѣ въ храмахъ православный
Смиренно молится народъ.

Обычай добрый годъ отъ году
Распространяется, и намъ,
Какъ христіанскому народу,
Спѣшить приличнѣе во храмъ.

Что звонъ стакановъ бесполезный,
Струя тлетворнаго вина—
Передъ мольбой народной, слезной
Тому, Кѣмъ наша жизнь дана?!

И переходъ на новоселье
Святятъ молениемъ каждый разъ:
Пристойно-ль шумное веселье
При новолѣтiи для насъ?..

Съ молитвой искренней, смиренной
Во храмѣ встрѣтимъ новый годъ,
Чтобы для всѣхъ Творецъ вселенной
Благословилъ его восходъ!

О, Боже правый, милосердный,
Возри на насъ, Твоихъ рабовъ,
Услышь молебный гласъ, усердный
Твоихъ, Отецъ, земныхъ сыновъ:

Благослови начало лѣта
Твоихъ щедротъ для всей земли,
Пошли намъ счастья, мира, свѣта,
Хваленью нашему внимли!

1903 г.

311. Храмъ ¹⁾.

(15 Января 1903 г.).

Миновало четверть вѣка,
Какъ по мысли одного,
Одного лишь человѣка
Созданъ храмъ изъ ничего.

Этотъ храмъ объединяетъ
Сотни, тысячи людей,
Ихъ сознанье озаряетъ
Милліонами идей.

По лицу Руси обширной
Разошлись во всѣ концы
Для работы скромной, мирной
Храма этого жрецы.

Все, что родинѣ священо,
Быль минувшую вѣковъ
Воскрешаютъ постепенно
Изысканья тѣхъ жрецовъ.

Тамъ остатки древнихъ зданій,
Храмовъ, башенъ и дворцовъ,
Тамъ слѣды сѣдыхъ преданій
Нашихъ предковъ и отцовъ,

Тутъ могилы и курганы,
Древнихъ насыпей пласты,
Тутъ старинные чеканы,
Здѣсь архивные листы,—

Все является духовной
Пищей пламеннымъ жрецамъ
И пригодно для безкровной
Жертвы въ тотъ великій храмъ.

¹⁾ Это стихотвореніе произнесено на актѣ института.

Изысканье, охраненье,
Описанье старины,
Собиранье, изученье
Обаянія полны.

Археологи порою
Восторгаются душой,
Какъ художники святою
Вдохновенною мечтой.

Это дѣло—столь живое,
Сердцу близко такъ оно:
Въ немъ наслѣдіе родное,
Схороненное давно...

Грани знанія, науки
Быстро движутся, растутъ:
Наши дѣти, наши внуки
Дальше насъ еще пойдутъ.

Проторенною дорогой
Легче будетъ имъ идти
И съ разборчивостью строгой
Строить новые пути...

Въ четверть вѣка храмъ науки
Чудеса могъ совершить.
Что же будетъ, если внуки
Нашихъ внуковъ будутъ жить?

Въ дѣлѣ трудно лишь начало,
Лишь начало тяжело;
Вѣкъ пройдетъ,—и покрывало
Сброситъ знанія чело.

Достовѣрныя сказанья
Озарятъ сѣдую быль;
Русь воскреснетъ для сознанья,
Отряхнувъ и тлѣнь, и пыль.

Жизнь вѣковъ, тысячелѣтій
Станетъ ясною, какъ день,

И людскихъ ошибокъ сѣти
Не затмитъ могилы сѣнь.

Полночь, сумракъ и потемки
Для исторіи пройдутъ:
Отдаленные потомки
Все свершенное поймутъ.

Опытъ знанья мірового
Путь ихъ будетъ направлять
И для счастья земного
Всѣ преграды устранять...

Цѣль оправдываетъ средства,
Исключая дѣлъ дурныхъ:
Мы стяжаемъ для наслѣдства
Внукамъ правнуковъ своихъ...

Четверть вѣка миновало,
И нашъ трудъ успѣшно шелъ:
Намъ отечество сказало
Ободряющій глаголь.

Пусть же четверть вѣка эта
Представляетъ намъ залогъ,
Что часъ полного разсвѣта
Для науки недалекъ,

Что тотъ храмъ великій, славный,
Гдѣ приносимъ жертвы мы,
Будетъ свѣточъ полноправный
Для разсѣянiя тьмы,

Что жрецамъ его свободный
Будетъ всюду доступъ данъ
И по отрасли, имъ сродной,
Учредится новый планъ,

По которому-бъ не въ горѣ,
Не въ лишенiяхъ могли
Мы служить, а на просторѣ
Для родной своей земли...

Время славы наступаетъ...
Да поможетъ небо намъ,
И потомкамъ возсіяетъ
Вѣщимъ свѣтомъ дивный храмъ!

312. Моей музѣ.

(Е. В. П—ой).

Ты мила мнѣ всегда неизмѣнно;
Я люблю тебя больше души;
Дорога для меня ты безцѣнно;
Всѣ поступки твои хороши.

Словно чудомъ какимъ приковала
Ты къ себѣ мое сердце навѣкъ:
Безъ тебя жизнь безцѣльной бы стала,
И я лишній бы былъ человѣкъ.

1903 г.

313. Воскресная пѣснь.

Ангель вѣщаль велегласно
Дѣвѣ святой, благодатной:
Радуйся, чистая Дѣва,
Радости всѣхъ необъятной!

Сынъ Твой воскресъ, изъ гробницы
Въ третій день чудно возставши,
Къ жизни воззавши усопшихъ,
Людямъ безсмертіе давши.

Смерти безсмѣнной не стало;
Вѣчная жизнь только будетъ,
Міръ, отъ грѣховъ искупленный,
Вѣчную муку забудетъ.

Врагъ человѣка безсиленъ:
Всякому можно спастися...
Радуйтесь, люди, всѣмъ сердцемъ!
Каждый душой веселися!

Ярко свѣтися, свѣтися,
Ерусалимъ новозданный,
Славы Господней лучами
Дивно навѣкъ осіянный!

Славься, ликуй, веселися
Нынѣ, Сіонъ благодатный,
Радости полный всемірной,
Радости всѣхъ необъятной!

Ты же, родившая Бога,
Чистая Дѣва, красуйся
И на возставшаго Сына,
Вѣчно взирая, любуйся!

1903 г.

314.

* *
*

Уврачуй раны сердца скорѣй
Благодатною силой, природа!
Истомила меня такъ невзгода,
Истомлень я такъ жизнью моей!

Я напрасно такъ много желалъ,
Ожидая отъ жизни такъ много,
И житейская вскорѣ дорога
Оказалось исполнена скалъ.

Но немало нетронутыхъ силъ
Я въ себѣ ощущаю донынѣ,
И тебѣ, какъ чистѣйшей святынѣ,
Навсегда бы я ихъ посвятилъ.

Уврачуй же меня поскорѣй
Благодатною силой, природа!
Не опасна мнѣ будетъ невзгода,
И счастливъ буду долей своей.

1903 г.

315. *Alma mater.*

(30 Августа 1903 г.).

Да, сто лѣтъ ужъ миновало,
Какъ положено начало
Almae matris дорогой
Здѣсь, надъ Волгою великой,
Гдѣ съ медвѣдицею дикою
Мудрый вель смертельный бой...

Здѣсь, гдѣ лѣсъ шумѣлъ дремучій,
Гдѣ хрустѣлъ песокъ сыпучій
Встарь на островѣ глухомъ,
Цѣлый вѣкъ уже сіяетъ
Храмъ наукъ и разсвѣваетъ
Сѣмя знанія кругомъ....

Многочисленныя рати,
Сотни, тысячи собратій
Поучались въ храмъ семь
Безупречному служенью
И царю, и населенью
Въ ихъ отечествѣ святомъ.

Посвященные въ семь храмъ
Высоко держали знамя,
Расходясь по всей странѣ,
И преданья дорогія,
Какъ сокровище благія,
Чтили свято и вполнѣ.

И немало Русь родная,
Постепенно процвѣтая,
Тѣмъ обязана жрецамъ,
Потрудились повсемѣстно,
Прилагая къ дѣлу честно,
Что внушалъ имъ чудный храмъ.

Вѣрнымъ русскимъ патриотомъ,
Государству доброхотомъ,

Этотъ храмъ основанъ былъ,
Воздадимъ ему по праву
Честь великую и славу:
Дивный подвигъ онъ свершилъ!..

И достойнымъ храма слугамъ
Воздадимъ всѣмъ по заслугамъ
Чувствомъ искреннимъ своимъ,—
Какъ былымъ, такъ и живущимъ,
Свѣтъ познанія несущимъ
Поколѣньямъ молодымъ!...

И да будетъ многи лѣта,
До конца земного свѣта,
Alma mater процвѣтаетъ—
Къ безупречному служенью
И царю, и населенью
Силы новыя рождать!

316. Свѣточъ.

(Экспромтъ).

На берегу рѣки великой,
На мѣстѣ дѣвственныхъ дубравъ,
Гдѣ встарь съ медвѣдицею дикой
Боролся Мудрый Ярославъ,

По мысли истиннаго сына
Руси могучей и святой,
По мысли мужа-гражданина,
Сіяетъ свѣточъ вѣковой.

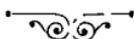
То—свѣтлый храмъ святой науки,
Гдѣ поучалися отцы,
Гдѣ поучались дѣды, внуки
И посвящалися въ жрецы.

И тѣ жрецы по всей Россіи,
Ея медвѣжьимъ уголкамъ,
Храня преданья дорогія,
Что завѣщалъ имъ чудный храмъ,
Вносили всюду свѣтъ познанья
И разгоняли давній мракъ,
Чтобъ храма дивнаго преданья
На пользу края принялъ всякъ.

Такъ постепенно Русь родная
Изъ темной зиждется свѣтла,
Сто лѣтъ познанья почерпая
Изъ встарь медвѣжьего угла....

Да будетъ вѣчно храмъ священный
На благо родины служить!
Его преданья неизмѣнно
Да будутъ многи лѣта жить!

1903 г.

317. С о ю з ъ ¹⁾.

На праздникъ мирномъ семейнымъ кружкомъ
Во славу и честь almae matris мы пьемъ,
Съ желаніемъ ей процвѣтать безконечно,
Служа дѣлу родины вновь безупречно.

Впервые случилось всѣмъ вмѣстѣ намъ быть,
Въ различныхъ краяхъ намъ приходится жить,
Но всѣ мы хранимъ дорогія преданья
Родного Лицея съ его основанья.

И какъ бы въ немъ строй ни мѣнялся, но намъ
Всегда будетъ дорогъ Демидовскій храмъ,
Тотъ храмъ, что намъ предалъ завѣты благіе
Работать на пользу великой Россіи...

¹⁾ Произнесено на товарищескомъ обѣдѣ бывшихъ воспитанниковъ и профессоровъ Демидовскаго Лицея.

Отраднo намъ видѣть средь нашей семьи
Служителей храма, что силы свои
На пользу питомцевъ его посвящали
И слугъ государству изъ нихъ создавали.

Имъ также, какъ намъ, незабвененъ Лицей:
Онъ много доставилъ имъ радостныхъ дней,
Для многихъ изъ нихъ въ наилучшее время
Пришлось нести въ немъ служебное бремя...

Пусть нынѣшнй праздникъ послужитъ для насъ
Началомъ общенья! пусть нынѣшнй часъ
Сплотитъ насъ всѣхъ вмѣстѣ въ тѣснѣйшй кру-
жокъ,

Явивъ единенія вѣрный залогъ!

Давно ужъ пора намъ сплотиться тѣснѣй
Во имя задачъ almae matris своей
Во имя взаимной любви и заботы,
Для болѣе дружной, успешной работы.

Да будетъ же крѣпокъ нашъ мирный союзъ!
Не выйдемъ отнынѣ изъ дружескихъ узъ,
Взаимно другъ другу въ нуждѣ помогая,
Завѣты Лицея всегда сохраняя!

1903 г.

318. С т а н с ы.

(Экспромтъ).

На долгомъ жизненномъ пути
Немало тернй всякъ встрѣчаетъ,
И встрѣча ихъ порой мѣшаетъ
Прямой дорогою идти.

Но человекъ всегда свободенъ
Съ пути прямого не сходить,
Тернистый путь же лишь пригоденъ
Въ немъ силу воли укрѣпить,

А въ томъ, кто въ жизни избѣгаетъ
Прямыхъ путей и привыкаетъ
Ходить извилистымъ путемъ,
Въ томъ воля такъ ослабѣваетъ,
Что въ немъ рѣшимость пропадаетъ
Бороться съ кривдой и со зломъ.

1903 г.

319. В д в о е м ъ .

(Е. В. П.).

Мы живемъ въ любви и мирѣ,
Мы въ согласіи живемъ
И на чудномъ жизни пирѣ
Все, что нужно намъ, беремъ.

Нѣтъ ни шумнаго веселья,
Ни баловъ и вечеровъ,
Ни безпечнаго бездѣлья,
Ни лукулловскихъ пировъ.

Жизнью скромною, простою
Тихо, мирно мы живемъ
И, довольные судьбою,
Въ жизни лучшаго не ждемъ.

Дружба намъ взамѣнъ веселья,
Вмѣсто бала самоваръ,
Трудъ спасаетъ отъ бездѣлья,
Пиръ—объятіи нѣжныхъ жаръ.

Такъ почти что четверть вѣка
Мы съ тобой, мой другъ, живемъ:
Такъ для счастья человѣка
Мало надобно вдвоемъ!

1903 г.

320. Г И М Н Ъ.

(Экспромтъ).

Къ Тебѣ, къ Тебѣ, Творецъ вселенной,
Мой гимнъ стремится въ небеса!
Моей молитвой вдохновенной
Твои я славлю чудеса.

Прими мое благодаренье
За данный мнѣ житейскій крестъ,
За все Твое благоволенье,
За блескъ дневной, сіянье звѣздъ,
За все испытанное мною—
За радость, горе и любовь,
За мысли, данныя Тобою,
За чувства, сердце, умъ и кровь!..
За все грядущее въ туманѣ,
За всѣ надежды и мечты,
Благодарю Тебя заранѣ
За всѣ тревоги суеты!..

Ты все для насъ, Ты нашъ цѣлитель
Души и тѣла, всѣхъ скорбей
И всѣхъ отрадъ земныхъ зиждатель
И умиритель всѣхъ страстей.

Прими, прими благодаренье
Отъ сотвореннаго Тобой
И ниспошли благословенье,
Отраду сердца и покой!

1903 г.

321. Б Л И Ж Н И М Ъ.

Братья-ближніе, повѣрьте:
Хорошо добро творить!
Нѣтъ нужды бояться смерти,
Въ жизни не о чемъ тужить.

Всѣ соблазны и тревоги,
Что приходится встрѣчать
На пути земной дороги,
Надо волей побѣждать.

Лишь одно отрадно въ мірѣ,
Въ жизни дорого одно:
Жить въ любви, согласи, мирѣ,
Помогая всѣмъ равно.

Ни корысть, ни ложь, ни злоба
Счастья въ мірѣ не дадутъ:
Все земное лишь до гроба,
Блага міра всѣ прейдутъ.

Вѣчно лишь одно благое,
Вѣчно лишь одно добро:
Вотъ нетлѣнное, святое
Наше злато и серебро.

Кто всѣмъ ближнимъ благодѣтель,
Благъ тому міровъ Творецъ:
Лишь любовь и добродѣтель
Жиздуть благости вѣнецъ.

Братья-ближніе, повѣрьте:
Хорошо добро творить!
Нѣтъ нужды бояться смерти,
Въ жизни не о чемъ тужить.

1903 г.

322. Праздникъ жизни.

На праздникъ жизни и я пировалъ,
И яства, и брашны отъ жизни вкушалъ,
Одни были сладки, другія горьки,
Какъ пѣсни порой то грустны, то легки!
Но все миновало, какъ слава, какъ дымъ,
Лишь въ памяти стало завѣтнымъ, святымъ,

И вновь бы хотѣлось мнѣ такъ пировать
И прежнія сладость и горечь вкушать.

И то, что творится со мною теперь,
Вся бездна отрады, вся бездна потерь,
Все будетъ въ послѣдствіи дорого мнѣ,
Какъ сладкія грезы въ пронесшемся снѣ.

Я въ данное время порою грущу,
Порою отъ страха потерь трепещу,
Порою бываю отчаянья полнъ
Отъ вихря житейскаго, жизненныхъ волнъ.

Когда же умчится бушующій валъ,
Когда пронесется безжалостный шквалъ,
Все розовымъ станетъ и прошлаго тѣнь
Отрадною будетъ, какъ солнечный день.

Готовъ я и въ будущемъ такъ пировать,
Всю радость, всю горечь земную вкушать,
И снова я буду, какъ былъ, молодымъ,
И все мнѣ да будетъ завѣтнымъ, святымъ!

1903 г.

323. ВЪ АЛБОМЪ.

Нюрѣ.

1.

На порогъ жизни цѣлой.
На зарѣ весны златой,
Ты, подобно розѣ бѣлой,
Взоръ невольно нѣжишь мой.

И невольно возникаютъ
Въ головѣ моей мечты:
Бури-ль путь твой поджидаютъ,
Безмятежные-ль цвѣты?

И боюсь я, какъ за грезу,
За тебя, мой милый другъ,

Чтобъ, какъ вихрь сминаетъ розу,
Жизнь тебя не смяла вдругъ.

И, съ надеждою несмѣлой,
Горячо молю Творца,
Чтобъ моей Онъ розѣ бѣлой
Миръ души далъ безъ конца.

2.

Твоя весна ужъ наступила
И незамѣтно промелькнетъ;
Въ тебѣ проснется страсти сила,
И лѣто знойное придетъ.

Когда бъ я дубомъ былъ вѣтвистымъ,
Отъ жгучихъ скрылъ тебя-бъ лучей,
Когда-бъ я былъ ручьемъ струистымъ,
То охладилъ бы пылъ страстей,

Чтобы съ любовью мирной, нѣжной
Въ сѣни отрадной ты жила
И страсти бурной и мятежной
Рабой покорной не была.

Прошу тебя во дни сомнѣній
Поглубже въ этотъ стихъ вникать,
Во дни сердечныхъ увлеченій
Совѣты дяди вспоминать.

Стезей прямою и спокойной
Свершай ты свой житейскій путь:
Подругой мужу будь достойной,
Примѣрной матерью ты будь!

1903 г.

324. Э к с п р о м т ь .

Луна, красавица небесъ,
Ужъ озарила ближній лѣсъ

И отразилася въ волнахъ
Въ своихъ раздробленныхъ лучахъ...

Свѣтло и тихо на рѣкѣ;
Все видно даже вдалькѣ...
Легко, свободно дышитъ грудь:
Такъ веселье и отраденъ путь!

1903 г.

Э к с п р о м т ь .

Младенецъ, что воскъ: лѣпи изъ него
Что хочешь на добрую волю,
Но знай: предъ судомъ Творца своего
Отвѣтишь за всю его долю!

1903 г.

325. И з р е ч е н і я .

Вѣра, надежда, любовь—
Три благодатныя силы:
Ими живетъ цѣлый міръ;
Ими весь міръ и спасется.

* *
*

Младенецъ очищенный воскъ:
Что хочешь, то съ нимъ и твори;
Но знай, что въ дѣяньяхъ своихъ
Ты долженъ дать строгій отчетъ.

1903 г.

326. Х р и с т і а н и н у .

Что-бъ съ тобою ни случилось,
Хоть бы все ты потерялъ—
Достоянье и здоровье,
Какъ бы низко ты ни палъ,

Никогда не унывая,
Вѣрь, надѣйся и люби,
Искры Божіей, нетлѣнной
Въ сердцѣ кроткомъ не губи!

Вѣрь: настанетъ день веселья,
День веселія придетъ:
Время бѣдъ, невзгодъ, злосчастья
Безвозвратно пропадетъ!

День веселья безконечный
Въ сердцѣ радость воскресить
И блаженствомъ вѣчной жизни
Духъ безсмертный озарить.

Ради этого святого
Дня блаженнаго терпи
И благое чувство вѣры
Въ сердцѣ чистомъ укрѣпи!

Не теряй надежды бодрой
На святую благодать
И любви ко всѣмъ собратьямъ
Не пытайся заглушать!

Вѣрь: настанетъ день веселья,
День веселія придетъ
И блаженство вѣчной жизни
Всѣмъ смиреннымъ принесетъ!

1903 г.

327. На смерть Вс. С. Соловьева.

(20 Октября 1903 г.).

Еще угасъ одинъ художникъ!...
Еще умолкъ одинъ баянь!...
Осиротѣлъ его треножникъ...
Россійскихъ бардовъ рѣже стань...

Въ его твореніяхъ прекрасныхъ
Вставала Руси старина,
Въ чертахъ и образахъ столь ясныхъ,
Такъ жизни, цѣльности полна!...

Любилъ онъ Русь, ея преданья,
Ея исторію любилъ,
Свои труды и дарованья
Ей беззавѣтно посвятилъ.

Вникая въ смыслъ его сказаній
И въ жизнь Руси минувшихъ лѣтъ,
Бываешь полонъ упованій
На пышный силъ ея расцвѣтъ...

Онъ былъ еще въ порѣ и силѣ
Перомъ отечеству служить,
И вдругъ безвременной могилѣ
Его должны мы уступить!...

Съ тяжелымъ, горестнымъ сознаньемъ
Стоимъ надъ прахомъ дорогимъ,
Что меньше стало дарованьемъ,
Талантомъ яркимъ и большимъ,

Что годъ отъ года все рѣдѣетъ
Въ Россіи вѣщихъ бардовъ строй,
Что быстро падаетъ, слабѣетъ
Искусство родины святой...

Прости, поэтъ, художникъ слова,
Пѣвецъ родимой старины,
И вѣрь: прискорбія живого
Сердца согражданъ всѣ полны!...

1903 г.

328. Д у м а.

Непривѣтливъ, неприглядень
Хмурый Петроградъ,
Словно осени печальной
Онъ и самъ не радъ.

Грязно, сумрачно, тоскливо,
Словно ночь, не день.—
И работать въ полусвѣтѣ
Неохота, лѣнь.

Не зажечь ли лучше лампу,
Штору опустивъ,
Словно дня и не бывало,
Вечеръ съ утромъ сливъ?

Хоть и будетъ на день меньше
Пережитыхъ дней,
Все же лучше полумрака
Полный мракъ ночей...

Въ жизни все стремится къ свѣту—
И червякъъ, и злакъъ.
Отчего же мы мѣняемъ
Часто свѣтъ на мракъ?

То ли дѣло небо, солнце,
Воздухъ, ароматъ,
Чѣмъ на задній дворъ оконце,
Темнота и смрадъ.

Отчего же люди строятъ,
Словно муравьи
Муравейники такъ тѣсно
Города свои?

Свѣту Божьяго не видно,
Душно, тѣснота,
Нездорово, неприглядно,
Шумъ и суета.

Словно клиномъ свѣтъ сошелся,
Мало въ немъ земли
И свободныхъ мѣстъ въ немъ люди
Больше не нашли.

Гдѣ же разумъ человѣка?
Въ чемъ его успѣхъ?
Гдѣ же польза всѣхъ открытій
И познаній всѣхъ?...

Жизни мирное теченье,
Мирный ходъ впередъ
Даль бы больше людямъ счастья,
Даль бы лучший плодъ.

1903 г.

329. Г р ѣ ш н и ц а.

На мѣстѣ преступленья взята,
Стыдомъ и ужасомъ объята,
Она стояла предъ Христомъ.
Ея враговъ толпа густая
Злорадно взорами сверкая,
Стѣной тѣснилася кругомъ.
Лишь Онъ со взоромъ благодушнымъ
Въ молчаніи перстомъ послушнымъ
Чертилъ ей приговоръ въ песокъ.
Она же, сердцемъ содрогаясь,
Въ грѣхѣ раскаяньемъ терзаясь,
Рыдала въ скорби и тоскѣ.
И, обратясь къ толпѣ злорадной,
Въ рѣшеніи грозномъ беспощадной,
Вѣщаль Онъ: „зрю ея вину.
Но кто безгрѣшенъ отъ рожденья,
Чтобъ первый камень осужденья
Могъ бросить въ грѣшную жену?“
Враги невольно устыдились,

Изъ храма молча удалились...
Она съ Христомъ наединѣ.
О, что она переживала!
Вся жизнь порочная предстала,
И тяжело стало ей вдвойнѣ...
Но кроткій голосъ всепрощенья,
Взамѣнъ жестокаго рѣшенья,
Потрясъ до глубины души:
„Кто осудилъ твое паденье?
Прими мое благословенье:
Иди въ свой домъ и не грѣши!“

1903 г.

330. Д е м и д о в ц а м ъ ¹⁾.

Наконецъ осуществилась
Наша давняя мечта,
И возможность намъ явилась
Для товарищей мѣста

Нашей общеою заботой
Доставлять безъ тяготы
Или временной работой
Ихъ спасать отъ нищеты,

Помогать среди несчастій
Ихъ семействамъ, имъ самимъ,
Избавлять ихъ отъ напастей
Попеченіемъ своимъ.

Сотоварищи, собратья,
Будемъ дружно, сообща
Помогать всѣмъ безъ изъяття,
Справедливости ища!

¹⁾ Произнесено на товарищескомъ обѣдѣ 23 Ноября 1903 г., въ день перваго годового общаго собранія Общества попеченія о бывшихъ студентахъ Демидовскаго Лицея.

И никто не отдѣляйся!
Счастью всѣ подвластны мы.
Говорятъ: не зарекайся
Отъ тюрьмы да отъ сумы!

Вспомнимъ басню прописную:
Хрупокъ всякій пруть одинъ.
Пукъ же, связанный вплотную,
Не сломаетъ исполинъ.

По пословицѣ народной,
Взявъ по ниткѣ съ бѣдняка,
Надѣлать легко, свободно
Вновь рубашкой голяка.

А какое въ жизни счастье
Помогать другимъ въ нуждѣ
Иль оказывать участие
Имъ въ напасти и бѣдѣ!

Братя, истина святая:
Подающаго рука
Не бѣднѣетъ, помогая,
Снисходя до бѣдняка.

Будемъ дружно, будемъ твердо
Дѣло доброе вести
И въ отвѣтъ насмѣшкамъ гордо,
Съ вѣрой въ лучшее, идти!

Въ дѣлѣ трудно лишь начало...
Искра дѣлаетъ пожаръ...
Намъ сомнѣнье не пристало:
Не зароемъ въ землю даръ!

Будемъ твердо, неустанно
Дѣло доброе вести
И съ любовью, постоянно
Помощь ближнему нести!

1923 г.

Каждый новый годъ весельемъ,
 Съ искрометнымъ виннымъ зельемъ,
 Въ мірѣ принято встрѣчать
 И съ привѣтливымъ участиемъ:
 „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“
 Всѣхъ знакомыхъ поздравлять.

Со стаканомъ ли заздравнымъ
 Намъ должно, какъ православнымъ,
 Въ новолѣтіе вступать,
 Да и счастья какого,
 Вмѣсто прежняго, былого
 Отъ него намъ ожидать?

Каждый день мольбой смиренной
 Предъ Создателемъ вселенной
 Надлежитъ намъ начинать.
 Какъ же можемъ безъ моленья
 И душевнаго смиренья
 Мы грядущій годъ встрѣчать?

Человѣкъ счастливъ бываетъ
 Лишь тогда, какъ исполняетъ
 Волю вышнюю Творца:
 Лишь въ любви, живомъ участіи
 Къ братьямъ ближнимъ наше счастье
 И блаженство безъ конца.

Это счастье не подкупно
 И всегда для насъ доступно
 Но его-ль ждемъ въ новый годъ?
 Нѣтъ, о тлѣнныхъ благахъ міра,
 Сотворя изъ нихъ кумира,
 Мы тогда полны заботъ.

Такъ въ священныя мгновенья,
 Вмѣсто мудраго смиренья,
 Суевѣрій мы полны

И среди житейской битвы
Вмѣсто пламенной молитвы,
Такъ соблазнамъ преданы.

Нѣтъ, оставивъ суевѣрья,
Далеки отъ лицемѣрья
Укрѣпимъ свои сердца
Для житейской новой битвы
Силой пламенной молитвы
И надеждой на Творца!

1904 г.

332. В о з д в и ж е н ц а м ъ .

Цѣлью доброю, благою
Полонъ вашъ союзъ.
Стойте дружною семьею
Средь взаимныхъ узъ!

Будь счастливы иль несчастны,
Дѣйствуйте дружныи!
Всѣ мы счастьяю подвластны
Въ участи своей.

Бѣдный можетъ быть богатымъ,
Бѣднякомъ—богачъ:
Вѣдь знакомы и со златомъ
Скорби, горе, плачъ.

Пруть одинъ и слабъ, и гибокъ,
Пукъ же не сломать:
Сообща средь бѣдъ, ошибокъ
Легче помогать.

Взявъ по ниткѣ лишь ничтожной
Съ брата-бѣдняка,
Говорять, рубашку можно
Сшить для голяка.

А какое въ жизни счастье
Помогать въ нуждѣ
Иль оказывать участие
Въ горѣ и бѣдѣ!

Не бѣднѣетъ подаяньемъ
Добраго рука,
Осушая состраданьемъ
Слезы бѣдняка.

Стойте дружною семьею,
Дѣйствуйте дружною,
Проникаясь благою
Цѣлю своей!

Помогайте неустанно,
Дружно, сообща,
Неизмѣнно, постоянно,
Правды лишь ища.

Вашъ союзъ счастливымъ будетъ:
Каждый членъ семьи
Горе личное забудетъ
Въ подвигахъ любви.

1904 г.

333. **Мирный голосъ.**

За долами, за горами,
Средь проливовъ и морей,
Бьются недруги съ друзьями,
Льется кровь, течетъ ручьями
И конца не видно ей.

Кто уступить въ бранномъ спорѣ?
Кто побѣду отстоятъ?
Кто найдетъ погибель въ морѣ
И семью оставить въ горѣ?
Кто ей радость возвратитъ?...

Дни бѣгутъ во слѣдъ за днями...
Страждутъ скорбныя сердца...
Бьются недруги съ друзьями,
Льется кровь, течетъ ручьями,
И не видно ей конца...

Въ чемъ же спорять люди-братья
И воюють межъ собой,
Промѣнявъ на мѣсть объята,
Шля взаимныя проклятья
И сгорая злой враждой?

Тѣсно-ль имъ на свѣтѣ стало,
Иль наскучилъ долгій миръ,
Или зависть воспылала
И соперниковъ подъяла
На кровавый смерти пиръ?...

Бросьте, братья, поскорѣе
Ненавистную войну,
Обнимитесь теплѣе!
Будетъ легче, веселѣе
Жить въ святую тишину.

Строить счастье на несчастьи
Ближнихъ стыдно и грѣшно.
Лишь въ живомъ ко всѣмъ участьи
Наше истинное счастье,
И такъ близко къ намъ оно!

1904 г.

334. Въ Брызгалово.

Я опять въ кругу родныхъ
Сердцемъ отдыхаю
И средь знаковъ полевыхъ
Ароматъ впиваю.

Воздухъ чистъ... кругомъ просторъ..
Никакой заботы...

Все ласкаетъ слухъ и взоръ...
Тамъ и здѣсь красоты...

Миромъ дышать небеса,
Миръ земля вѣщаетъ...
То и дѣло чудеса
Божій миръ являетъ...

Духомъ снова ожилъ я,
Снова упованьемъ
Вся полна душа моя,
Сердце—ликованьемъ...

Нѣтъ ни шумной суеты,
Ни бумагъ докучныхъ,
Ни тревогъ, ни тяготы,
Съ ними неразлучныхъ.

Я свободенъ и здоровъ
Тѣломъ и душою
Посреди полей, луговъ
Лѣтнею порою...

Я блаженствую въ тиши
Средь родной природы
И не знаю для души
Никакой невзгоды...

Будь же ты благословленъ,
Уголокъ укромный
Гдѣ нашель отраднѣйшій плѣнъ
Я, пришлецъ бездомный!

1904 г.

335. В ъ п у т и.

Уголокъ, намъ незабвенный,
Покидали съ грустью мы...
Пароходъ Благословенный
Насъ тащиль до Костромы.

Онъ тащиль насъ бодро, рьяно
По струямъ и по пескамъ,
Но невзгуду очень рано
Испытать пришлось намъ.

Верстъ пятокъ едва отъѣхавъ,
Наскочили мы на мель...
Много было аховъ, эховъ,
Долго длилась канитель...

Но, кормиломъ и шестами
Проработавъ два часа,
Вновь тащились мы парами,
Восхваляя небеса.

И въ назначенное время,
Безъ помѣхъ дальнѣйшихъ, мы,
Сбросивъ тягостное время,
Добрались до Костромы.

А теперь на Михаилѣ
Внизъ по Волгѣ мы плывемъ:
Приближаясь къ чудной силѣ,
Упованіемъ живемъ.

Такъ, покинувъ намъ пріятный
Уголокъ среди полей,
Ѣдемъ въ Саровъ благодатный
Мы спастись отъ скорбей.

1904 г.

336. В ъ С а р о в ѣ.

Вступаю съ трепетомъ священнымъ
Въ сосновый вѣковѣчный лѣсъ,
Гдѣ подвигомъ неизреченнымъ
Блаженный мужъ достигъ небесъ.

Вдоль по дорогѣ вереницы
Убогихъ странниковъ бредутъ,
Худы, босы и смуглолицы,
Котомки на спинахъ несутъ.

Немало ѣдетъ богомольцевъ
И въ экипажахъ дорогихъ
И побѣднѣе добровольцевъ
Въ повозкахъ скромныхъ и простыхъ.

Душой и сердцемъ всѣ стремятся
Впередъ къ обители святой,
Гдѣ мощи чудныя хранятся,
Сіяя славой неземной.

Среди паломниковъ немало
И престарѣлыхъ, и больныхъ,
Которыхъ горе истерзало—
Хромыхъ, безрукихъ и слѣпыхъ.

Влечетъ ихъ вѣра въ исцѣленье
Чудесной силою мощей,
Живая вѣра въ избавленье
Отъ всѣхъ недуговъ и скорбей.

Влекумы многіе надеждой
На милость, щедрость христіанъ,
Чтобъ наготу укрыть одеждой,
Чтобъ хлѣбъ насущный былъ имъ данъ.

И получаютъ всѣ по вѣрѣ:
Кто исцѣленіе, кто даръ,
Кто миръ душевный въ должной мѣрѣ,
Кто животворный сердца жаръ...

Вотъ и обитель передъ нами
Съ оградой каменной своей
И съ величавыми церквами,
И рядъ гостиницъ передъ ней.

Народа множество стеклося
И за оградой и внутри:
Въ соборъ, навѣрное, сошлося
Людей двѣ тысячи иль три,

Во храмъ пробраться невозможно,
Вблизи приходится стоять,
Да и за то душой тревожной
Творца міровъ благославлять...

Обѣдня кончена. Молебны
Передъ мощами начались.
Далеко слышенъ гимнъ хвалебный;
Невольно слезы полились...

Народъ изъ храма понемногу
Выходитъ, приложась къ мощамъ
И прочимъ жаждущимъ дорогу
Свободной дѣлая во храмъ.

Стоитъ величественно рака,
Державной волей создана.
Какъ солнце свѣтлое средь мрака
Для сердца вѣрныхъ всѣхъ она.

И, преклонивъ предъ ней колѣни,
Къ мощамъ цѣлебнымъ приложась,
Забывъ объ усталости и лѣни,
Душой и сердцемъ веселясь,

Паломникъ набожно стремится
Къ тому святому изъ ключей,
Гдѣ слава Божія творится
Черезъ исцѣленіе людей,

Стремится къ рощѣ ароматной,
Лелѣя сладкую мечту
Струями влаги благодатной
Омыть грѣховъ нечистоту.

Дѣла чудесныя, святыя
Тамъ совершаются порой:
Тамъ исцѣляются больные—
Хромой, разслабленный, слѣпой...

Еще при жизни чудотворца
Источникъ тотъ цѣлебнымъ слылъ:
И пастуха, и царедворца
Подвижникъ съ вѣрою поилъ

И раздавалъ имъ благодушно
Въ убогой кельѣ сухарьки,
Вблизи которой столь послушно
Медвѣдь ѣлъ хлѣбъ съ его руки...

Высокъ и дивенъ образъ мужа,
При жизни кроткаго душой.
Ни даль, ни трудъ, ни зной, ни стужа
Помѣхи сильной и большой

Не представляютъ для народа:
Толпой спѣшитъ въ обитель онъ.
Что значить время и погода
Тому, кто вѣрой окрыленъ?

О, вѣра, пламенная вѣра!
И горы движутся тобой.
Лишь для глупца и лицемеръ
Въ тебѣ нѣтъ истины святой.

Ты счастье жизни составляешь
На землюводишь небеса
И славу Божію являешь:
Тобой творятся чудеса.

Да освящается тобою
Народъ въ отечествѣ моемъ!
Водой не мертвой, но живую
Да утолится жажда въ немъ!

1904 г.

337. Н а В о л г ѣ.

Любуюсь я красой природы,
Любуюсь небомъ и землей,
Свободенъ сердцемъ отъ невзгоды
И чуждъ заботы головой.

Радушно Волга раскрываетъ
Мнѣ, какъ объятья, берега,
И виды чудные являетъ.
Она мнѣ съ дѣтства дорога.

Свои младенческіе годы
Я проводилъ вблизи нея:
Далеки были мнѣ невзгоды,
И былъ вполнѣ счастливымъ я.

Теперь ужъ время наложило
И на меня свою печать;
Теперь ужъ многое мнѣ мило,
Чего не могъ я прежде знать.

Но ни промчавшіеся годы,
Ни измѣнившійся мой вкусъ,
Ни пережитыя невзгоды,
Ни побѣлѣвшій снѣжно усь

Мнѣ не мѣшаютъ наслаждаться
Красотами рѣки родной,
Ея природой вдохновляться
И пѣть подъ ладъ съ ея волной.

1904 г.

338. Экспромты.

Оль.

1.

Ахъ ты, Оля, ахъ ты, Оля!
Золотая твоя доля:
Все играешь да гуляешь,
Никакихъ заботъ не знаешь.

2.

Дѣда Олю полюбилъ:
Не взирая на морозъ
Онъ къ обѣденкѣ сходилъ
И просвирку ей принесъ.

1904 г.

339. Совѣтъ розѣ.

(Въ альбомѣ Нюры).

Роза бѣлая,
Роза смѣлая,
Будь умнѣй, скромнѣй,
Берегись очей!
Очи черныя,
Непокорныя
Обожгутъ огнемъ,
Что пронзятъ мечомъ:
Роза бѣдная,
Роза блѣдная
Сердцемъ будетъ млѣть
Да душой болѣть.
Очи жъ черныя
И злоторныя
Не поймутъ любви,
Что зажгли въ крови,
Будутъ жечь другихъ,
Мучить сердце ихъ.

Роза нѣжная
Бѣлоснѣжная,
Будь умнѣй, скромнѣй,
Берегись очей!
Лучше ты сама
Ихъ сведи съ ума,
Чтобъ заставить ихъ
Быть у ногъ твоихъ,
Чтобъ въ тебѣ одной
Зрѣли жребій свой,
Чтобъ тобой одной
Жили всей душой!

1904 г.

340. В а л а а м ъ .

Священный островъ Валаамъ!
Среди пучины непокорной
Ты весь какъ бы великій храмъ
И якорь вѣры животворной.

Твои граниты и лѣса,
Твои проливы и утесы,
Твоя суровая краса,
Твои поля, твои покосы

Невольно взоры веселятъ,
Съ земли на небо духъ подъемля;
Твои монахи бодро бдятъ
И славятъ Господа, не дремля;

Въ твоихъ скитахъ они живутъ
Вдали отъ суетнаго міра,
Законы святости блюдутъ
Среди молитвъ, поста и мира.

Ты, какъ маякъ средь бурныхъ волнъ,
Съ твоей незаблемой святыней!...

Сюда я прибылъ, утлый чолнъ,
Съ моей житейскою гордыней,

Найти хоть временный покой
Душѣ, измученной борьбою,
И примирить ее съ землей,
Съ ея невольной суетою.

Но, увидавши въ первый разъ
Твои могучія красоты,
Я духомъ ожилъ въ тотъ же часъ
Для новой жизненной работы.

И здѣсь увидѣлъ я труды,
Борьбу, лишенія, невзгоды,
Среди соблазновъ и нужды,
Во всѣ промчавшіеся годы.

И я тогда благословилъ
Мой жребій, данный небесами:
Онъ сталъ особенно мнѣ милъ
Съ его заботой и трудами.

И ты, священный Валаамъ,
Да будь всегда благословеннымъ!
Сіяй вовѣки, чудный храмъ,
Съ твоимъ сокровищемъ нетлѣннымъ!

1904 г.

341. Въ Павловскѣ.

По парку чуднымъ днемъ
Я въ Павловскѣ гуляю,
И сердцемъ, и умомъ
Безпечно отдыхаю.

Деревья и трава
Играютъ изумрудомъ,

И неба синева
Господствуетъ надъ прудомъ.

Славянка чуть струить
Безмолвною водою,
И вѣтеръ не шумить
Спокойною листвою.

То здѣсь, то тамъ стоятъ
Статуи, изваянья,
О прошломъ говорятъ
Забытыя сказанья...

О, Павловскъ! ты воспѣтъ
Ужъ лирой вдохновенной:
Съ тобой знакомилъ свѣтъ
Пѣвецъ нашъ незабвенный.

И я, предъ нимъ пигмей,
Не смѣю увлекаться
И въ скромности своей
Тобою вдохновляться.

1904 г.

342. На раскопкахъ.

(Экспромтъ).

Небо въ тучкахъ и не ясно,
Хоть и солнышко горитъ,
Но сошлись мы не напрасно:
Такъ наука намъ велитъ.

Чтобъ науку двигать, должно
Все минувшее понять:
Лишь тогда впередъ возможно
Безошибочно шагать.

Но большая часть былого
Въ нѣдрахъ матушки-земли:

Надо, чтобъ наружу снова
Мы извлечь его могли.

Для того сюда семьею
Мы сегодня собрались
И съ отвагою большою
Рыть кладбище принялись.

Такъ легко и такъ отраднo
Жизнь изъ тлѣна вызывать,
По останкамъ предковъ жадно
Быль прошедшую читать.

Будемъ чаще собираться
И раскопки совершать,
И природой наслаждаться,
И союзъ нашъ укрѣплять!

1904 г.

343. Надежды Россіи.

Ура!... Наслѣдника имѣемъ
И благодарно пламенѣемъ
Любовью къ Вышнему Отцу,
Судебъ Зиждителю, Творцу.

Мы долго, долго ожидали
И нынѣ вмигъ возликовали:
Нашъ добрый Царь, со всей Семей,
Исполненъ радости большой.

Творецъ міровъ и Вседержитель!
Устрой, чтобъ Царь нашъ Просвѣтитель,
Его Семья, весь Царскій Домъ
Скорбей не вѣдали ни въ чемъ,

Чтобъ наши славныя дружины
Могли въ дни тягостной години
Разбить на сушѣ и въ моряхъ
Всѣ козни вражескія въ прахъ,

Чтобъ Русь великая, святая
Подъ мирнымъ скиптромъ Николая
Была сильна, полна добра
И благоденствія!... Ура!

Мы вѣримъ, что съ рожденьемъ Сына
У Просвѣтителя-Царя
Минуетъ скорбная година
И вспыхнетъ счастья заря.

Рожденье Первенца Россіи
Подниметъ въ ней народный духъ:
Побѣды славныя, лихія
Займутъ Европы жадный слухъ.

Во славу мощнаго героя
Россія будетъ отдыхать
И лавры мира и покоя
Въ саморазвитіи пожинать...

Царь-Миролюбець, Просвѣтитель,
Воздай хваленіе Творцу!
Каковъ Ты Самъ, каковъ Родитель,
И сынъ подобится Отцу...

О, Мать Наслѣдника Престола!
Ты вся полна любви, добра
И далека отъ произвола:
Таковъ и Первенець... Ура!

1904 г.

344. На смерть А. П. Лопухина.

И ты отъ міра отошелъ,
Поборникъ правды и науки!...
Умолкъ возвышенный глаголь...
Недвижны труженика руки...

Ты не напрасно въ мірѣ жилъ:
Для вѣры, свѣта и познанья

Ты силъ немало положилъ—
Труда, любви и дарованья...

Неутомимаго борца
Болѣзнь жестокая сразила,
И вдохновеннаго жреца
Сокрыла мирная могила...

Усни спокойно, нашъ собратъ
По мысли творческой и вѣчной,
Въ чертогѣ славы и отрадъ
Отъ жизни скорбной, быстротечной!

Ты путь свой честно совершилъ,
Служа отечеству и вѣрѣ,
Таланта въ землю не зарылъ,
Исполнилъ долгъ въ законной мѣрѣ,

На стражѣ бдительно стоялъ,
Храня народъ отъ лжепророковъ,
И вѣру въ ближнихъ утверждалъ,
Остерегая отъ пороковъ.

И не заглухнуть сѣмена,
Въ сердцахъ внѣдренныя тобою.
Ты патриотовъ имена
Умножилъ на Руси собою.

Усни же мирно, другъ и братъ
По мысли творческой и вѣчной,
Въ чертогѣ славы и отрадъ
Отъ жизни скорбной, быстротечной!

1904 г.

345. Пророчество.

Не вѣрю я пророкамъ ложнымъ,
Провидцамъ смѣлымъ, но слѣпымъ,
Ихъ предсказаніямъ тревожнымъ,
Подчасъ нелѣпымъ и смѣшнымъ.

Россія съ честію, со славой,
Достойно выйдетъ изъ борьбы,
Побѣдоносною державой,
Чертя сосѣднихъ странъ судьбы.

Она несетъ лишь наказанье
За обагреніе въ крови,
Переживаетъ испытанье
Для возрожденія въ любви.

Россія много согрѣшила,
Невинной крови пролила
И дѣлъ неправыхъ совершила—
Не по-евангельски жила.

Былъ Царь великій, Царь свободы,
Любовью къ родинѣ горя,
Избавилъ Русь отъ злой невзгоды,—
И Русь замучила Царя...

Былъ Миротворецъ, Царь-хранитель,
Русь отъ войны оберегалъ;
За нимъ Россіей Просвѣтитель,
Ревнитель знаній править сталъ...

Такихъ вождей благословляя,
Она должна счастливой быть,
Благоговѣйно почитая,
Монарха всей душой любить.

Межъ тѣмъ, къ прискорбію, творятся
Крамолы внутреннія въ ней:
Враги подпольные гнѣздятся,
Царю приносятъ рядъ скорбей.

Его сподвижниковъ сметають,
Какъ бы ненужный, лишній соръ,
И соль отчизны вовлекають
Въ преступный, вѣковой позоръ,
Устои вѣры православной
Стремятся дерзко колебать

И ради мысли своенравной
Всю Русь безумно изломать...

Въ то время, какъ рѣкою льется
За родину героевъ кровь,
Подпольный врагъ ея смѣется,
Забывши правду и любовь,

А легковѣрные собратья,
Слабѣя сердцемъ и умомъ,
Бросають злобныя проклятья
Во все священное кругомъ...

Открытый врагъ не такъ опасенъ,
Какъ тайный врагъ изъ-за угла:
Послѣднй гнусенъ и ужасенъ
И можетъ больше сдѣлать зла...

Но нѣтъ, не будетъ, какъ мечтають
Враги отчизны дорогой!
Ее издревле охраняють
Христось и весь исконный строй.

Война лишь способъ испытанья,
И съ нею справится страна.
Сильнѣе были наказанья,
Труднѣй бывали времена.

Довольно вспомнить лихолѣтье,
Наполеоновскій походъ:
Съ терпѣньемъ вынесетъ и третье
Несчастье мощный нашъ народъ.

Казалось, не было исхода,
Какъ царство Тушинецъ зорилъ
Иль Кремль, священный для народа,
Иноплеменникъ полонилъ...

Соединенныя усилья,
Съ горячей вѣрой и мольбой,
Являли мужество и крылья
Въ борьбѣ съ народною бѣдой.

Геройство иноковъ смиренныхъ
И всеожженіе Москвы...
Среди невзгодъ неизреченныхъ
Русь не клонила головы.

И нынѣ-ль будемъ падать духомъ?
И нынѣ-ль трусить намъ враговъ,
Тревожась всякимъ вздорнымъ слухомъ
И предсказаньями слѣпцовъ?...

О, нѣтъ! хотя бы мы полцарства
Лишились временно въ войнѣ,
И то мы въ мощи государства
Душой увѣрены вполнѣ.

Когда полнѣе будетъ чаша
И горе выйдетъ изъ краевъ,
Тогда и мощь воскреснетъ наша,
И будемъ грозны для враговъ.

Сыны отечества воспрянуть
Всѣ, какъ одинъ, за край родной
И на враговъ побѣдно грянуть,
Съ горячей вѣрой и мольбой.

И, вѣримъ, чудо совершится:
Невольню дрогнетъ внѣшній врагъ,
Трусливо тайный врагъ смирится...
О, вѣримъ, вѣримъ, будетъ такъ!

1904 г.

346. Съ музой къ розѣ.

(Въ альбомъ Нюры).

Бду въ Павловскѣ благодатный
Съ музой вѣчно-нѣжной,
Въ паркѣ душистый, ароматный,
Къ розѣ бѣлоснѣжной.

Музу я люблю сердечно,
Съ ней люблю кататься
Въ Павловскъ съ розою безопасно
Паркомъ наслаждаться.

Съ музой счастливъ я безмѣрно,
Съ ней не расстаюся,
Съ музой вмѣстѣ дружбой вѣрной
Къ розѣ все стремлюся.

Съ музой мы желаемъ счастья
Розѣ бѣлоснѣжной,
Чтобъ не видѣла ненастья
Въ жизни безмятежной,

Чтобъ лазурною волною
Озера любуюся,
Восхищала всѣхъ собою,
Въ лонѣ водъ рисуясь.

1904 г.

347. Иоанна д'Аркъ.

Чудеса повсюду въ мѣрѣ,
Надо ихъ лишь постигать
И душою, какъ на лирѣ,
Неумолчно воспѣвать.

Былъ для Франціи счастливой
Непомѣрно тяжкій годъ:
Врагъ жестокій и кичливый
Изъ за бурныхъ мрачныхъ водъ

Наложилъ ярмо неволи
На цвѣтущую страну.
Но среди ничтожной доли
Дѣву юную одну

Самъ Господь избралъ опорой
Для защиты отъ бѣды,

Дѣву юную, которой
Были знанія чужды,

Дѣву слабую, простую,
Не знакомую съ мечомъ,
Далъ ей силу неземную,
Вдохновилъ ее огнемъ

Жажды быть полезной въ горѣ
Королю и всей странѣ.
Средь враговъ, какъ на просторѣ,
Средь войны, какъ въ тишинѣ,

Чудо-дѣва, съ ликованьемъ,
Проведя сквозь бездну золь,
Короля коронованьемъ
Посадила на престолъ.

И кичливый врагъ смирился,
И смущенный отошелъ:
Край цвѣтушій оживился,
Краше прежняго расцвѣлъ.

Чудеса повсюду въ мѣрѣ,
Надо ихъ лишь постигать
И душою, какъ на лирѣ,
Неумолчно воспѣвать!

1904 г.

348. П о э т у.

Поэтъ, не вѣрь измѣнчивой толпѣ,
Не обольщайся льстивыми хвалами,
Не возмущайся дерзкими хулами,
Иди по разъ намѣченной тропѣ!

Тебя ль судить другимъ? ты самъ судья
Другихъ, цѣнитель вѣрный и каратель
Пороковъ ихъ, неправаго житья
И вмѣстѣ ихъ духовный воспитатель.

Ихъ брань, ихъ смѣхъ, ихъ лесть и похвала,
Что вспышки малодушнаго ребенка,
Когда кормилица рожокъ дала
Или когда неловко жметъ пеленка.

Будь къ ближнимъ снисходителенъ, поэтъ,
Бичуя ихъ неправду и пороки,
Воспламеняй въ нихъ искры Божьей свѣтъ,
Внушай любви евангельской уроки!

Ты призванъ въ этотъ міръ смягчать сердца,
И въ этомъ лишь твое земное счастье—
Заблудшихъ вразумлять, являть участие
Въ скорбяхъ и міру воспѣвать Творца.

Иди своимъ путемъ неутомимо,
Бросая всюду сѣмена добра,
Для лжи и клеветы неуязвимо,
Будь добръ сегодня, завтра, какъ вчера!

Что значать для тебя почетъ и слава,
Богатство, роскошь, сила, санъ и власть?
Все это лишь ничтожная забава
Для тѣхъ, кто духомъ низко можетъ пасть.

Ты-жъ, презирая всѣ соблазны міра,
Не подчиняя воли ничему
И сѣя сѣмена любви и мира,
Служи всю жизнь призванью своему!

1904 г.

349. 21 октября 1904 года.

Десять несчастныхъ тяжелыхъ годинъ
Минуло нынѣ надъ Русью смятенной...
Сколько тревогъ и сомнѣній одинъ
Онъ испыталъ, Самодержецъ смиренный!...

Странно судьба такъ играетъ людьми:
Участи лучшей достойныхъ терзаетъ,

Тѣхъ же, кто низкими полонъ страстьми,
Лаврами славы порою вѣнчаетъ.

Полонъ евангельской, братской любви,
Знаній народныхъ сердечный ревнитель,
Долженъ багрить Онъ народъ свой въ крови,
Долженъ воителемъ стать Просвѣтитель.

Внутреннихъ крамолъ и смуты полна,
Родина бьется съ врагомъ кровожаднымъ.
Скоро ль окончится миромъ война,
Битвамъ настанетъ конецъ беспощаднымъ?

Боже, услышь наши вопль и мольбу,
Дай отдохнуть нашей родинѣ милой
И прекрати поскорѣе борьбу
Вѣчно благою, чудесною силой!

1904 г.

350. Въ Портъ-Артурѣ.

За вѣру, за царя,
За родину святую,
Любовью къ нимъ горя,
Мы терпимъ долю злую.

Со всѣхъ сторонъ тѣснить
Насъ врагъ непримиримый
И въ ярости грозить
Бѣдой неотвратимой.

Хоть много полегло
Борцовъ изъ вражьей рати,
Но вновь ихъ притекло
Несмѣтно средь проклятій.

Ужъ мало стало насъ,
А врагъ все наступаетъ
И каждый день и часъ
Тѣснѣй насъ окружаетъ.

За вѣру, за царя,
За родину молитву
Горячую твоя,
Вновь ринемся мы въ битву

И съ помощью Христа,
Въ урокъ врагу-сосѣду,
Подъ знаменемъ креста,
Одержимъ вновь побѣду!...

Быть можетъ, поспѣшатъ
На выручку собратья
И мощно прекратятъ
Всѣ громы и проклятья...

Но если Богъ судилъ
Не вѣдать намъ отрады
И, выбившись изъ силъ,
Погибнуть средь осады,

За вѣру, за царя,
За родину сражаясь,
Любовью къ нимъ горя,
Умремъ, не содрагаясь.

1904 г.

351. Двѣ рати.

Стоять двѣ рати наготовѣ,
Вполнѣ на бой снаряжены,
Стоять и смотрятъ другъ на друга,
Кровавыхъ замысловъ полны.

Ихъ двѣ имперіи послали:
Одна, гдѣ солнечный восходъ,
Но души мракомъ заблужденій
Ярмо язычества гнететь;

Другая въ царствѣ полуночи,
Но просвѣщенная Христомъ,

Гдѣ умъ и сердце жаждутъ мира
И видятъ ближняго въ другомъ...

Стоять двѣ рати наготовѣ
И въ бой намѣрены вступить,
Какъ зло съ добромъ стремятся въ мирѣ
Навѣкъ другъ друга истребить.

Страна востока ищетъ мѣста
Для расселенья своего,
Въ давнишнихъ поискахъ простора
Не чтитъ святого ничего

И святотатственной рукою
Добро чужое хочетъ взять:
Она готова безсердечно
Рѣкой кровь ближнихъ проливать.

Страна же сѣверной равнины,
Преизобилуя землей,
Просторъ свой мирно расширяя,
Идетъ естественной стезей.

Свои обширныя владѣнья
Она желаетъ охранить
И вѣроломнаго сосѣда
Злодѣйскій натискъ отразить...

Стоять двѣ рати наготовѣ,
Согласно правиламъ войны
И грозно смотрятъ другъ на друга,
Коварныхъ замысловъ полны.

Ихъ двѣ имперіи послали
На смертный, беспощадный бой.
Покинувъ, женъ, дѣтей и дома,
Свой мирный трудъ, ночной покой,

Отцы, мужья одной мечтою
Взаимной распри жить должны,
Взаимной распри двухъ имперій
За время долгое войны.

И кто-жъ уступить въ бранномъ полѣ,
Кто въ бранномъ полѣ побѣдитъ?...
Да совершится Божья правда
И въ мірѣ зло да не царить.

1904 г.

352. **Золотой молодежи.**

(Отповѣдь Россіи).

Златая молодежь взываетъ
О прекращеніи войны.
Но какъ достигнуть этой цѣли?
Что сдѣлать русскіе должны?

Не у японской ли державы
Просить пощады и молить,
Чтобы скорѣй, изъ состраданья,
Войну рѣшила прекратить?

Не уступить ли ей владѣнья,
Что русской кровью политы,
Иль подарить все Приамурье
До Хабаровска и Читы?

Не у Европы ли защиты
Искать отъ хищнаго врага?
Но что чужимъ то до Россіи,
Когда своимъ не дорога?!...

Вѣдь не Россія виновата
Въ безумной, пагубной войнѣ,
И не ея судить предъ міромъ
Въ кровавой бойнѣ и рѣзнѣ...

Ужъ если молодежь златая
Желаетъ мира для страны,
То пусть хлопочетъ у микадо
О прекращеніи войны!

Вѣдь собирала же когда то
Ему пособіе она,
Желая, чтобъ для чужеземцевъ
Была счастливою война.

И не она-ль намѣревалась
Ему привѣтствіе послать,
Когда успѣли Петропавловскъ
Враги предательски взорвать?

Микадо, вѣрно, чтить заслуги
Сей молодежи золотой,
Ея предстательствомъ смягчится,
Дастъ міру отдыхъ и покой.

Такъ пусть не тратитъ попустому
Ни словъ, ни времени она,
Пусть на поклонъ къ микадо ѣдетъ!
Авось и кончится война.

1904 г.

353. Во имя almae matris.

(23 ноября 1904 г.)

Друзья-товарищи, успѣшно
Нашъ мирный дѣйствуетъ кружокъ,
И я увѣренъ всей душою,
Что день счастливый недалекъ.

Когда мы всѣ объединимся
Въ большой, значительный союзъ,
Когда никто не уклонится
Отъ сотоварищескихъ узъ.

Чѣмъ больше будетъ насъ, тѣмъ лучше,
Тѣмъ плодотворнѣе пойдутъ
Дѣла любви и попеченья,
Тѣмъ больше блага принесутъ.

Одной мы дѣти almae matris,
Ей всѣ обязаны равно,
И потому нашъ долгъ священный
Стоять другъ съ другомъ за одно.

Мы только этимъ almae matris
Долгъ чести можемъ уплатить—
Дѣла любви и попеченья
Для сотоварищей творить.

И я увѣренъ всей душою,
Что не найдется никого
Среди питомцевъ almae matris,
Не чтущимъ долга своего,

И если кто либо случайно
Или житейскою нуждой
Донынѣ къ нашему союзу
Не приобщенъ еще душой,

То несомнѣнно, что, узнавши
О нашихъ дружбѣ и трудахъ,
Самъ поспѣшитъ къ намъ приобщиться
И за любовь, а не за страхъ.

О, пусть скорѣй настанетъ время,
Когда мы въ дружескій союзъ
Соединимся безъ изъятя
Всѣ неразрывностію узъ.

И пусть кружокъ нашъ разростется,
Какъ изъ горчичнаго зерна
Густое древо вырастаетъ!
Пусть будетъ жизнь его полна!

Впередъ, впередъ, друзья-собратья,
И не положимъ нашихъ рукъ
Въ дѣлахъ любви и попеченья,
Въ дѣлахъ евангельскихъ заслугъ!

354. Д у м а.

На политическія темы
Ужъ я немало написалъ
И даже будущаго схемы
Въ летучихъ виршахъ набросалъ.

Пора подумать о житейскихъ,
О повседневныхъ мелочахъ,
О нуждахъ будничныхъ, плебейскихъ,
О скромныхъ, но большихъ дѣлахъ.

Картины жизни обыденной
Порой не менѣ цѣнны,
Чѣмъ жизни внѣшней и военной,
Для благоденствія страны.

Война и внѣшнія явленья
Для насъ лишь временно важны,
А жизни внутренней теченья
Всегда значенія полны.

Чтобъ мирный стягъ и стягъ военный
Равно вздымались высоко,
Должно и въ жизни обыденной
Всѣмъ проникаться глубоко.

Когда внутри здорово тѣло,
И внѣ красуется оно;
Когда само прекрасно дѣло,
Оно плодовъ благихъ полно.

Не только подвиги героевъ
Тревожить могутъ умъ и кровь:
Безъ громкихъ дѣлъ, безъ ратныхъ боевъ
Могучи думы и любовь.

Семейный бытъ и воспитанье,
Хозяйство общинъ, сельскій трудъ,
Успѣхъ наукъ, самосознанье,
Искусства счастье даютъ.

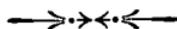
Когда страна всѣмъ изобильна,
Во всемъ развитія полна,
Тогда и внѣ она всесильна,
И не страшить ея война.

Державы всѣ согласнымъ хоромъ
Стремятся въ мирѣ съ нею жить,
Боясь покрыть себя позоромъ
Съ державой мощной въ распрѣ быть,

Такъ жизни внутренней явленья
Великой важности полны,
Полны глубокаго значенья
Для благоденствія страны.

Отнынѣ будемъ со вниманьемъ
Въ сіи явленія вникать,
Съ надеждой, полнымъ упованьемъ
Сердца людскія возвышать.

1904 г.

355. На распутьи.

Россія стоитъ на распутьи,
Предъ ней двѣ дороги лежатъ:
Одна, по которой шла прежде,
Другой же идти ей велятъ.

Ужъ цѣлое тысячелѣтье
Она шла дорогой прямой,
И въ мирѣ и въ браняхъ съ врагами
Храня самобытный свой строй.

И строй тотъ помогъ ей развиться
Въ большой и могучій народъ,
Среди необъятной равнины,
Межъ теплыхъ и сѣверныхъ водъ.

Межъ тѣмъ, какъ другія державы
Мѣняли нерѣдко свой строй,

Какъ модница часто мѣняетъ
Своихъ одѣяній покрой.

Русь крѣпко держалась исконныхъ
Своихъ самобытныхъ началъ,
Измѣны которымъ донинѣ
Народъ святорусскій не зналъ.

Онъ чтить православную вѣру,
Онъ чтить самодержца-царя,
За нихъ онъ боролся съ врагами,
Молитвы усердно творя.

И нынѣ хотятъ надъ Россіей
Насиліе вдругъ совершить—
Ослабить исконную вѣру
И правъ самодержца лишить,
Хотятъ, чтобъ Россія надѣла
Обноски мишурныхъ одеждъ,
Которыя треплетъ Европа
По волѣ лжецовъ и невѣждъ,
Хотятъ, вмѣсто истинной вѣры,
Безвѣріе россамъ привить,
Хотятъ безначалія сѣмя
Въ странѣ подзаконной вѣдрить,
На смѣну законности строгой
Хотятъ водворить произволь,
Случайный, подкупный, крамольный,
Исполненный множества золъ.

Радѣтели громко вѣщаютъ,
Что Русь опоздала въ пути,
Въ развитіи скачковъ не бываетъ,
Ей надо скорѣе идти,

Отбросивъ, какъ бредни, преданья
Вступить на излюбленный путь,
Которымъ давно ужъ Европа,
Успѣла далеко шагнуть.

Радѣтели громко вѣщаютъ,
Что если на этомъ пути
Немало ошибокъ замѣтно,
То все же имъ надо итти,

Что онъ приведетъ несомнѣнно
Къ желанному благу для всѣхъ...
Россіи спросить не мѣшало-бъ
Сначала радѣтелей тѣхъ:

Зачѣмъ же Россіи съ Европы
Примѣры невѣрные брать,
И долго ли будетъ Европа
До общаго блага шагать?

Не лучше-ль Россіи помедлить
Съ прямой то дороги сходить,
Дождавшись тѣхъ поръ, какъ Европа
Успѣетъ до счастья дожить?

Тогда и Россія сумѣетъ
Укладъ европейскій принять,
Зачѣмъ же теперь то напрасно
Окольной дорогой шагать?

Едва ли законъ существуетъ,
Что каждая въ мѣрѣ страна
Чужія ошибки извѣдать
Въ развитіи строя должна.

Теперь зажигать поселянинъ
Въ избѣ ужъ не станетъ лучинъ,
Узнавши, что дешево стоитъ
И лучше горитъ керосинъ,

И черной избы не поставитъ
Съ простою для дыма дырой,
А выстроить чистую хату
Уже съ настоящей трубой.

И Русь прежній строй ужъ не станетъ
Въ ущербъ для себя сохранять,

Коль сможетъ Европа до счастья
Окольнымъ путемъ дошагать.

Пока-жъ въ европейскихъ порядкахъ
Господствуютъ ложь, произволь,
Подкупность, крамолы, злодѣйства
И рядъ неисчислимыхъ золъ,

Пока не докажетъ Европа,
Что путь ея—истинный путь,
До тѣхъ поръ Россіи нелѣпо
На путь чужеземный свернуть.

И нынѣ въ Россіи нѣтъ рабства,
Есть земство и выборный судъ,
Свобода для дѣйствій законныхъ,
И граждане честно живутъ.

Такъ пусть же оставятъ въ покоѣ
Россію по своему жить!
Она не мѣшаетъ Европѣ,
Какъ знаетъ, счастливою быть...

1904 г.

356. **Н а к а з а н і е.**

Господня кара совершилась:
Сдался злосчастный Портъ-Артуръ.
Державѣ, какъ и человѣку,
Грѣшно быть жадной черезчуръ.

Ей надо быть вполне довольной
Лишь тѣмъ, чѣмъ Богъ благословилъ,
И улучшать дары всемирно,
Насколько есть ума и силъ.

Забывъ народъ многострадальный,
Что голодаетъ, обнищавъ,
И о землѣ не позаботясь,
Что не родить ужъ, истощавъ,

Своимъ добромъ пренебрегая,
Держа во мракѣ свой народъ,
Свои владѣнія расширить
Стремилась Русь до теплыхъ водъ.

Ея стремленіямъ тщеславнымъ,
Въ ущербъ семьѣ своей родной,
Отнынѣ Господомъ положенъ
Предѣлъ конечный, вѣковой.

Творца за крестъ благословляя,
Она должна теперь понять,
Что, вмѣсто пагубныхъ стремленій,
Ей надо гражданъ просвѣщать:

Развить ихъ умъ, смягчить ихъ сердце,
Ихъ земледѣлю научить,
Ремесламъ, промысламъ, искусствамъ,
Чтобы могли счастливо жить,

Изгнать властей самоуправство,
Ярмо налоговъ облегчить,
Свободу совѣсти и мысли,
Свободу слова водворить.

И дать участіе народу
Во всѣхъ дѣлахъ своей страны,
Издавъ законъ, что предъ верховнымъ
Вождемъ всѣ граждане равны.

Тогда лишь будетъ Русь покойна,
Сильна, счастлива и славна,
И ни съ одной державой въ мірѣ
Война не будетъ ей страшна.

Дай Богъ, чтобы Господня кара
Пошла странѣ родимой впрокъ,
Чтобы она вполнѣ окрѣпла
И процвѣла въ недолгій срокъ!

357. Зимнимъ днемъ.

Равнина снѣжная на солнцѣ
Блеститъ, сіяетъ серебромъ...
Хотя морозъ изрядно шиплетъ,
Но я укрытъ воротникомъ...

Невольно сердце веселится
И благодарности полно...
Зимою дней такихъ немного
И не бывало ихъ давно...

Свободно дышишь всею грудью,
Вкушая сладостный покой,
И взоръ отрадно отдыхаетъ,
И на душѣ восторгъ святой.

1904 г.

358. 1 января 1905 года.

Ужъ теперь я не каковскій,
Но особой важной сталъ:
Не поддѣльный, не московскій,
Настоящій генералъ.

Отворотами цвѣтными
Не пришлось мнѣ щеголять
И созвѣздыми двойными
На плечахъ мнѣ не сіять,

Все-жъ по блеску двухъ петличекъ
Для жандармовъ, для возницъ
И для пѣвчихъ даже птичекъ
Сталъ я знатною изъ птицъ.

Каждый нынѣ, несомнѣнно,
Кто-бъ меня ни увидалъ,
Обо мнѣ смекнетъ мгновенно:
„Настоящій генералъ“.

Лишь одно меня смущаетъ,
Какъ бы я не прогадалъ
У красотокъ... Повстрѣчаетъ,
Взглянетъ: „фи, ужъ генераль!“

А, вѣдь, я еще во цвѣтѣ
И ни разу не бывалъ
Въ креслахъ—первый рядъ въ балетѣ:
Боевой, вѣдь, генераль.

1905 г.

359. В ъ п а р к ѣ.

(Экспромтъ).

Съ музой, розой по морозу
Я гуляю паркомъ,
И веду я съ музой розу
Въ разговорѣ жаркомъ...

Нѣтъ гуляющаго люду...
Все въ снѣгу бѣлѣтъ...
Тишина царитъ повсюду...
Сердце пламенѣтъ...

Хорошо гулять мнѣ паркомъ
Съ музою да розой,
Въ разговорѣ съ ними жаркомъ
Увлекаясь грезой.

1905 г.

360. Д у м а.

Душа моя томится въ тѣлѣ—
Изнемогающей плоти,
Но духъ мой бодръ и къ высшей цѣли
Повелѣваетъ мнѣ итти.

Онъ мнѣ велитъ презрѣть всѣ страсти
И всѣ волненія въ крови,
Освободиться изъ-подъ власти
Всѣхъ чувствъ и радостей любви.

Влечетъ меня онъ къ совершенству,
Къ началу жизни, бытія,
Къ святому вѣчному блаженству:
Тамъ доля есть и для меня.

1905 г.

361. Экспромтъ.

(Е. В. П...).

Поцѣлуй меня,
Дорогая моя!
Я люблю тебя
Больше всѣхъ и себя.

1905 г.

362. Внучкамъ.

(Экспромтъ).

Хорошо денечкомъ яснымъ
Милымъ дѣточкамъ гулять
И подъ солнышкомъ прекраснымъ
Порѣзвиться, поиграть!
Оля съ Леночкой гуляютъ,
Съ дѣдой, бабой вчетверомъ,
И на солнышкѣ играютъ,
Не заботятся ни о чемъ.

1905 г.

363. Призывъ.

Стремится женщина сравняться
Вполнѣ съ мужчиной по правамъ,

Себя способной сознавая
Ко всѣмъ дѣламъ, ко всѣмъ трудамъ.

Въ дѣлахъ домашняго хозяйства
И воспитанія дѣтей
Давно ужъ важное значенье
Принадлежитъ всецѣло ей.

И канцелярскій трудъ не чуждъ ей,
И счетоводство ей съ руки,
Въ искусствахъ, знаніяхъ научныхъ
Ея заслуги велики.

Себя сестрою милосердыя
Она являютъ прирождена,
И въ дѣлѣ помощи врачебной
Она способна и нужна.

Почти во всемъ она успѣшно
Съ мужчиной въ уровень идетъ,
Въ одномъ лишь дѣлѣ, очень важномъ,
Она безмѣрно отстаеъ.

То дѣло доблести военной,
Защиты родины святой,
Отваги, храбрости и рвенья
Отчизнѣ жертвовать собой.

До бурскихъ женъ и до сабинокъ,
Увы, ей нынѣ далеко,
И потому она не въ правѣ
Превозноситься высоко.

О, если бъ женщина съ мужчиной
Во всемъ быть равною могла,
То наша родина давно бы
Вполнѣ счастливою была,

Тогда бы съ воинскою силой,
Въ два раза большей, чѣмъ теперь,

Мы на востокъ міровую
Давно бы прорубили дверь.

Да и теперь враги лихіе
Для насъ бы не были страшны,
Когда бы были героизма
Всѣ наши женщины полны.

Къ вамъ, къ вамъ, о женщины-гражданки,
Взываетъ бѣдный край родной:
Исполнясь доблестной отваги,
Скорѣй вступайте въ бранный строй

И вмѣстѣ съ братьями, мужьями
Старайтесь родину спасти,
Безъ содроганья умирайте,
Стремясь ей счастье принести!

Тогда вы будете предъ міромъ
Вполнѣ съ мужчинами равны,
И преклониться передъ вами
Всѣ будутъ граждане должны.

1905 г.

364. На смерть Люси.

Тиха, скромна, неприхотлива,
Къ отцу и матери нѣжна,
Мила, добра, трудолюбива,
Со всѣми ласкова, умна—

И вдругъ ея ужъ нѣтъ съ живыми,
И свѣтлый образъ вдругъ угасъ!..
Зачѣмъ же свойствами своими
Она такъ радовала насъ?..

Ей міръ грѣховный и тревожный
Такъ суетою надоѣлъ,

И къ вышней правдѣ, непреложной
Отъ насъ духъ добрый отлетѣлъ...

Такъ тяжело, горестно сознанье,
Что мы утратили ее—
Любвеобильное созданье,
Въ немъ утѣшеніе свое.

Но горевать намъ не пристойно
При вспоминаніи о ней:
Она теперь вполне спокойна
И далека отъ всѣхъ скорбей.

Она, какъ чистый духъ, нетлѣнный,
Теперь въ обителяхъ святыхъ
Передъ лицомъ Творца вселенной
Стоитъ за кровныхъ и родныхъ,

Стоитъ и молить Всеблагого
О ниспосланіи имъ благъ
Во дни скитанія земного
И вѣчной жизни въ небесахъ.

1905 г.

365. Свѣтильникамъ и поборникамъ науки.

Всѣ храмы знаній опустѣли
И всѣ забвенью преданы.
Ихъ алтари осиротѣли,
Стоять безмолвны и темны.

Жрецы науки разбрелися,
Не жаждутъ жертвы приносить,
Мірскою ложью увлеклися
И правдѣ немощны служить.

Питомцамъ знаній надоѣло
Себя духовно развивать:

Уже общественное дѣло
Взялись насиліемъ рѣшать.

Родной страны переустройство
Тревожитъ ихъ незрѣлый умъ,
Въ немъ возбуждаетъ безпокойство,
Рождая бездну праздныхъ думъ.

И вотъ, покинувъ храмы знаній,
Свершивъ предъ ними тяжкій грѣхъ,
Въ годину бѣдствій и страданій,
Въ годину, тяжкую для всѣхъ,

Они спѣшаютъ ковать крамолы
На гибель родины святой,
Заводы, фабрики и школы
Волнуя дерзкою мечтой,

Зовутъ отцовъ, сестеръ и братій,
И престарѣлыхъ, и дѣтей,
Среди кошунственныхъ проклятій,
На праздникъ смуты и страстей.

Когда-жъ имъ то не удастся,
То, на посмѣшище для всѣхъ,
Имъ въ кутежахъ лишь остается
Искать забвенья и утѣхъ,

Тогда, отвыкнувъ отъ работы,
Отъ плодотворнаго труда,
Въ мѣстахъ разгула, внѣ заботы,
Проводятъ время безъ стыда.

Такъ, промѣнявши храмы знаній
На смуту, праздность и кутежъ,
Позоромъ въ области преданій
Себя пятнають молодежь...

А тѣ жрецы святой науки,
Что устранились труда?...
Ужель раскаянія муки
Ихъ не коснутся никогда?...

Пора одуматься! Спѣшите!
Святое дѣло всѣхъ васъ ждетъ:
Посильно родинѣ служите,
Науку двигая впередъ!

1905 г.

366. **З а р я.**
(18 февраля 1905 г.).

По мановенію Царя,
Надъ Русью новая заря
Зажглась и ярко запылала,
И Русь, любовію горя,
Мольбы Всевышнему творя,
Лучомъ надежды засіяла.

Открытый врагъ не страшень сталь,
Подпольный въ козняхъ задремаль,
Воскресли духомъ россияне:
Гнетъ крѣпостничества съ нихъ спаль,
Себя свободнымъ всякъ созналъ,
Всѣ—равноправные граждане.

Такъ благовѣстія заря,
По мановенію Царя,
Надъ русскимъ царствомъ занялася...
О, если бѣ, ярче все горя,
Она, всѣмъ счастье даря,
Въ день безконечный разрослася!..

Создатель неба и земли,
Молитвѣ пламенной внемли
Сердцеъ Россіи благодарной,
Отъ нихъ невзгоды удали,
Ея Вождю, Творецъ, пошли
И силу, и славы лучезарной!

367. 10 марта 1905 г.

(Е. В. П....й).

Вмѣстѣ четверть вѣка ровно
Мы съ тобою провели;
Мирно, дружно и любовно
Мы путемъ житейскимъ шли.

Хоть размолвки и бывали
Между насъ изъ пустяковъ,
Но онѣ лишь укрѣпляли
Силу дружескихъ оковъ.

Съ каждымъ годомъ дружба наша
Становилася нѣжнѣй,
И супружеская чаша
Намъ являлася полнѣй.

Въ этой чашѣ животворной
Почерпали силы мы
Для борьбы, подчасъ упорной,
Съ бездной холода и тьмы.

И промчавшіеся годы
Провели мы не ропща,
Всѣ отрады, всѣ невзгоды
Испытуя сообща.

Четверть вѣка незамѣтно
Такъ мы прожили съ тобой,
Въ дружбѣ искренней, завѣтной
И съ любовію живой.

О, хотя-бъ еще немного
Намъ попрежнему пожить
И житейскую дорогу
Неразлучно завершить!

1905 г.

368. **Благовѣстіе.**

(6 августа 1905 г.).

Великій день Преображенья,
Христовой славою горя,
Сталь днемъ Россіи возрожденья
Въ союзѣ гражданъ и Царя.

Отнынѣ Царь со всей страной
На благо родины святой
Жить будетъ жизнью одною
Среди свободы золотой.

Не будетъ больше средостѣній
Между народомъ и Царемъ,
И Царскій другъ—народный геній
Да проявляется во всемъ!

Благословенъ же будь стократно
Великій обновленья день
И да минуетъ безвозвратно
Прискорбныхъ дней густая тѣнь.

369. **19 августа 1905 года.**

Конецъ войнѣ, и кровь не льется:
Свободнѣй, легче сердце бьется...
Но все тоска его томить,
Оно за родину болитъ,

За славу, честь страны родимой,
Давно испытанной въ бояхъ,
Руси святой, несокрушимой,
Какъ сталь, на сушѣ и въ моряхъ,

Когда ее въ былые годы
Хранили дѣды и отцы,

Когда Суворова походы
Свершали чудо-молодцы.

Увы, не славой лучезарной,
Какъ то бывало встарину,
Но сдѣлкой низменной, базарной
Она закончила войну.

Терпя повсюду пораженье
Отъ беспощаднаго врага,
Среди позора, униженья,
Когда такъ дружба дорога,

Она боролась неустанно
Одна, безъ помощи друзей,
Внутри страдая несказанно
Отъ смуты собственныхъ дѣтей.

Но вотъ настало отрезвленье
И опозоренный народъ
Созналъ глубокое паденье,
Глубокій тотъ водоворотъ,

Въ который самъ себя безумно,
Какъ шаловливое дитя,
Играя весело и шумно,
Низвергнулъ съ берега шутя...

Пойдетъ ли впрокъ урокъ нежданный
И возродится ли народъ
Ко славѣ мощной и желанной,
Что такъ давно его ужъ ждеть?

1905 г.

370. С О В Ъ Т Ъ .

Не говори, что жить усталъ,
Когда придетъ холодное раздумье:
Ты совершишь великое безумье,
Не говори, что жить усталъ!

Жизнь хороша, свѣтла, легка;
Всѣ проявленья жизненныя чудны,
Бываютъ лишь помѣхи жизни трудны.
Жизнь хороша, свѣтла, легка.

Умѣй лишь пользоваться ею,
И никогда ты въ жизни не устанешь,
И никогда ты жизни не проклянешь,
Умѣй лишь пользоваться ею!

1905 г.

371.

*
* *

Лѣто пролетѣло,
Наступила осень
Хмурая, сырая,
И зима сѣдая
Вслѣдъ за ней придетъ.

Сколько было красокъ.
Сколько было нѣги,
Сколько было ласки
Для очей и сердца
Лѣтомъ золотымъ!

Краски отблестѣли
Нѣга миновала,
Ласка не чаруетъ
Ни очей, ни сердца
Осенью глухой.

А зимой холодной
Вновь заблещутъ краски,
Только ужъ инья,
Нѣга же и ласка
Вовсе не придутъ.

Вмѣсто нѣги бодрость,
Вмѣсто ласки холодъ
Для души и тѣла
Вьюги и морозы
Дружно принесуть.

Истомившись нѣгой,
Тѣло укрѣпится,
Усыпленный лаской
Для труда святого
Духъ воспрянетъ вновь.

Такъ до чаръ весеннихъ,
Такъ до пробужденья
Вновь природы вѣчной:
Новыхъ нѣжныхъ красокъ,
Ласки міровой.

1905 г.

372. Пѣсня о трудѣ.

Живя безъ дѣла, на свободѣ,
Возможно измѣниться.
Но такъ устроено въ природѣ,
Что всѣ должны трудиться.

Какъ муравьи, какъ пчелы, люди
Въ трудѣ находятъ счастье,
Еще у материнской груди
Имѣя въ немъ участие.

И трудъ спасаетъ ихъ отъ скуки,
Отъ праздныхъ думъ и горя,
Онъ избавляетъ ихъ отъ муки
Средь бурь земного моря.

При немъ не страшны всѣ невзгоды,
Не страшны всѣ лишенья,

И трудовые мчатся годы,
Какъ свѣтлыя мгновенья.

Трудъ научаетъ насъ терпѣнью
И нуженъ для здоровья,
Располагаетъ къ пѣснопѣнью
И гимномъ славословья.

Труду, какъ нашему спасенью,
Мы шлемъ благословенье,
Твердя святому Провидѣнью
За трудъ благодаренье.

1905 г.

373. П о э т у .

Не тужи, поэтъ, что муза
Исчезаетъ иногда!
Съ ней священнаго союза
Не порвешь ты никогда.

Вѣрь, минуты вдохновенья
Прилетятъ еще не разъ,
Вознесутся пѣснопѣнья
На заоблачный Парнасъ.

И росою животворной
Окропятъ сердца людей!
Вѣрь, пегасъ твой непокорный
Станетъ легче и рѣзвѣй!

Если-бъ съ музой вдохновенной
Ты въ общенїи былъ всегда,
То не зналъ бы жизни бренной
Ни соблазновъ, ни труда.

Разлучаяся съ надзвѣздной
Чудной гостію своей,
Проникаешься ты бездной
Человѣческихъ страстей,

Познаешь ты радость, горе,
Познаешь добро и зло:
Для тебя земное море
Все прозрачно, какъ стекло.

Прозой жизни умудренный,
Ты, съ подругой неземной,
Вдохновеньемъ окрыленный,
Даръ поэзіи святой

Расточать не будешь тщетно,
Но творенія свои
Преисполнишь непримѣтно
Силой правды и любви.

Тѣ-жъ, какъ нектаръ животворный,
Напоятъ сердца людей,
Отстранивъ ихъ отъ позорной
Жажды пагубныхъ страстей.

Не тужи-жъ, поэтъ, что муза
Исчезаетъ иногда!
Съ ней священнаго союза
Не порвешь ты никогда.

Но, въ разлукѣ съ неземною
Самъ соблазновъ сторонись
И житейской суетою
Увлеченья берегись!

1905 г.

374. Демонстрація.

Оравой шумною бредутъ,
Снявъ картузы, фуражки, шапки,
И красныя вздымая тряпки,
Врозь марсельезу всѣ дерутъ.

Тутъ и курсистка, и студентъ,
Мастеровой тутъ и наборщикъ,
Рабочій съ фабрики, конторщикъ...
Еврейскій слышится акцентъ.

Кто съ револьверомъ, кто съ ножомъ,
Кто просто съ камнемъ или палкой,
Иной съ чумазымъ помеломъ
Иль со двора метлою жалкой.

Идутъ по улицѣ, кричатъ:
„Долой законъ—узду народа!
Во всемъ да царствуетъ свобода,
Самоуправство и развратъ!“

Работа честная стоитъ,
Наука чистая въ забросѣ,
Лишь смута пагубная въ спросѣ—
Одна, злорадствуя, не спитъ.

И кто же въ этомъ виноватъ?
Живемъ по мысли мы еврейской,
По дудкѣ пляшемъ фарисейской,
Внося въ жизнь родины разладъ.

1905 г.

375. С м у т а.

О, ты, страна моя родная!
Когда-жъ ты будешь отдыхать
И, жребій свой благословляя,
Благополучно процвѣтать?

Когда же гнусные злодѣи
Устанутъ родину губить?
Когда-жъ ихъ адскія затѣи
Тебѣ удастся прекратить?

Твои враги неугомонно
О равноправіи кричатъ
И въ то же время незаконно
Вездѣ насилія творять.

Свобода—лозунгъ ихъ: народу
Они ее стремятся дать
И ту же самую свободу
Спѣшатъ всемѣрно подавлять.

Во храмахъ истиннаго знанья
Нѣтъ ни искусства, ни наукъ:
Тамъ безобразныя собранья
Общественной крамолы слугъ.

Работа честная забыта,
Забытъ благой, священный трудъ,
И честь народная убита,
Разгулъ, безнравственность растутъ,
Растетъ позоръ страны родимой,
Растетъ насиліе, грабежъ,
И гибнетъ сплошь неотразимо
Въ слѣпомъ развратѣ молодежь.

Что будетъ съ ней, страны надеждой,
Безъ воспитанья, безъ любви,
Растущей умственно невѣждой
Въ чужой запятнанной крови?

Что будетъ съ новымъ поколѣньемъ?
Что дастъ ему въ залогъ она,
Когда сама уже растлѣньемъ
Въ мозгу, въ костяхъ заражена?

И сердце кровью обольется,
Когда подумаешь о томъ...
Ужели зло не пронесется?
Ужель не грянетъ Божій громъ,
Не поразитъ онъ ихъ, тирановъ,
Злодѣевъ родины моей,

Бездушныхъ, сердцемъ истукановъ,
Злорадныхъ, подколодныхъ змѣй?...

Внемли, Творецъ, внемли моленью
Всѣхъ вѣрныхъ родины сыновъ!
Предай позору, посрамленью
Ея злодѣевъ и враговъ!

Разбей кощунственныя козни
Клятвопреступниковъ скорѣй!
Объедини, сплоти изъ розни
Всѣхъ вѣрныхъ родины дѣтей!

И духомъ вновь она воспрянетъ,
Возвеселится сердцемъ вновь,
И вновь среди нея настанетъ
И миръ, и правда, и любовь!

1905 г.

376. М И Т И Н Г Ъ.

Вотъ храмъ науки, гдѣ когда-то
Курился дивный өиміамъ
И чинъ служенья чтился свято...
Теперь толпа безумцевъ тамъ.

Тамъ посвященные наукѣ,
Но недостойные сыны,
Предавшись праздности и скукѣ,
Мечтой несбыточной полны.

Тамъ трудового много люда:
Работу честную презрѣвъ,
Онъ отъ мечты той жаждетъ чуда,
Въ безчинствахъ дикихъ опьянѣвъ.

Тамъ и подростки собралися,
Оставивъ школу и семью,
Игрой опасной увлеклися
И губять нравственность свою.

Все это сорище безумныхъ
Въ стѣнахъ, священныхъ для жрецовъ,
Исполнясь мыслей вольнодумныхъ,
Глумясь надъ вѣрою отцовъ,

Стремясь низвергнуть все святое,
Устой нравственныхъ началъ,
Разрушить зданье вѣковое,
Что опытъ предковъ созидаль,

Крикливо, шумно обсуждаетъ,
Какъ жить по новому должно,
И суматохѣ помогаетъ
Тутъ много пиво и вино...

И храмъ науки сталъ вертепомъ
Преступныхъ сходовъ и пировъ.
Гдѣ въ самомнѣннн нелѣпомъ
Сыны учить хотятъ отцовъ.

1905 г.

377. 17 Октября 1905 года.

(Экспромтъ).

Свобода полная гражданства
Съ Престола нынѣ намъ дана,
И въ долгѣ вѣрнаго подданства
Лишь укрѣпляетъ насъ она.

Мы—дѣти вѣрныя отчизны,
Мы—слуги вѣрные Царя
И будемъ впредь безъ укоризны
Служить имъ, вѣрностью горя.

Благословенъ будь Просвѣтитель,
Пролившій намъ свободы свѣтъ!
Да ниспошлетъ ему Зиждитель
Всѣхъ благъ и силъ на много лѣтъ!

1905 г.

378. Возрожденіе.

О, вѣрю я: настанетъ время,
Когда Россія отдохнетъ,
Когда мы сбросимъ смуты бремя
И благоденствіе придетъ.

Россія такъ еще богата
Людьми и съ сердцемъ, и съ умомъ...
Въ ней проносилися когда-то
Страшнѣй гроза и Божій громъ:

Казалось, не было сомнѣнья
Въ ея погибели навѣкъ;
Ея конечнаго паденья
Ждалъ даже русскій человѣкъ.

Средь разоренья, средь пожаровъ
Стояла вѣрною она
И послѣ вражескихъ ударовъ
Являлась крѣпости полна.

И нынѣ смута и крамола
Куютъ лишь въ ней народный духъ:
Ужъ близость смерти произвола
Провидитъ око, чуетъ слухъ...

Народъ, свободой озаренный
По волѣ мирнаго Вождя,
Его довѣріемъ почтенный,
Всѣ испытанія пройдя,

Самъ, несомнѣнно, ополчится
На жалкихъ сѣятелей зла,—
И вновь Россія возродится
Могучей, славной, какъ была.

И вѣрю я: народный геній
Въ союзѣ съ Церковью, съ Царемъ
Достигнетъ высшихъ откровеній
На благо Родины во всемъ.

1905 г.

Край мой милый, край мой бѣдный!
 Что село, то и кабакъ.
 Онъ сосеть послѣдній мѣдный
 У крестьянина пятакъ.

Хоть казенной винной лавкой
 Тѣ зовутся кабаки,
 Но за то еще съ надбавкой
 Собирають пятаки.

Какъ ни трудятся крестьяне,
 Какъ ни льютъ на землю потъ
 Эти вольные граждане,
 Все казенка съ нихъ сдереть.

Да и больно ужъ приятно
 Заглянуть въ нее порой:
 Тамъ посудинокъ опрятно
 Расположень цѣлый строй...

И мерзавчики, и сотки
 Такъ заманчиво глядятъ,
 Соблазняя выпить водки;
 Пятаки такъ и летятъ...

Со смазливою бабенкой
 Такъ занятно поболтать,
 А потомъ ладонью звонко
 Пробку къ небу вышибать...

На заваленкѣ привольно
 Выпить добраго винца.
 Для закуски же довольно
 И гнилого огурца...

Веселится людъ крещеный,
 Упиваясь тѣмъ виномъ,
 И растетъ доходъ казенный
 Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ.

А скотинка убываетъ,
И земля все не родитьъ;
Весельчакъ не унываетъ:
Близъ казенки пьетъ и спить.

Въ недоимкѣ ужъ дѣтинка,
А въ карманѣ лишь дыра,—
И послѣдняя скотинка
Продается со двора.

Ужъ не съ радости, но съ горя
Гражданинъ веселый пьетъ:
Сборщикъ, больше съ нимъ не споря,
Со двора пустымъ бредетъ...

Обнищальный, изнуренный
Гражданинъ свободный пьетъ,
Захудалый, развращенный,—
Такъ и въ землю онъ сойдетъ...

Хоть крестьяне голодаютъ,
Но и впроголодь все пьютъ:
Недоимки нарастаютъ
И въ казну уже нейдутъ.

А доходовъ не хватаетъ,
Чтобъ расходы покрывать.
Государство начинаетъ
У евреевъ занимать.

Возвышаются налоги
Въ погашеніе займовъ:
Умножаются итоги
Недоимокъ и долговъ.

Земледѣліе въ упадкѣ,
Гражданинъ весь разоренъ:
Все хозяйство въ безпорядкѣ,—
Хоть безъ грамоты уменъ...

Государство же страдаетъ
Отъ неслыханныхъ долговъ...

А кабакъ все процвѣтаетъ
Отъ крестьянскихъ пятаковъ.

Ни для армій, ни для флота
Денегъ неоткуда взять,
Нѣтъ надежнаго оплота,
Чтобъ съ врагами воевать.

Въ то же время смута сильно
Разгорается въ странѣ,
Льется всюду кровь обильно,
А кабакъ царить вдвойнѣ.

Развращаются граждане,
Молодежь не отстаётъ,
А кабакъ у нихъ все рьянѣй
Пятаки сосетъ, сосетъ.

Но доходовъ не хватаетъ
Для спасенія страны,
Государство изнываетъ:
Мѣры крайнія нужны.

Долгъ несмѣтно возрастаетъ,
Въ долгъ никто ужъ не даетъ:
Государство все нищаетъ,
А народъ все пьетъ и пьетъ...

Поумнѣть намъ не пора ли?
Не закрыть ли кабаки,
Чтобъ граждане сберегали
Со здоровьемъ пятаки?

Если граждане здоровы,
Обезпечены вполнѣ,
Если общія основы
Будутъ крѣпкими вдвойнѣ,

То тогда и государство
Займы станеть погашать,
А современемъ все царство
Будеть пышно процвѣтать.

Такъ-то такъ, да, вѣдь, опасно
Всѣ казенки-то прикрыть:
Къ нимъ народъ привыкъ ужасно,
Онъ безъ нихъ не можетъ жить.

Да и то сказать: доходовъ
Третью часть вино даетъ
Для покрытія расходовъ,
Гдѣ-жъ казна ее возьметъ?

Но у при-смерти больного
Кровь пускаютъ для того,
Чтобъ отъ горя рокового
Охранить семью его.

Вновь больной приходитъ въ силу
И работаетъ опять.
Такъ и винной копи жилу
Для казны должно порвать.

Не посѣявъ злака въ полѣ,
Нивы намъ не пожинать,
И отъ гражданъ въ трудной долѣ
Грѣхъ послѣднее-то брать.

Ихъ не спаивать намъ надо,
А помочь скорѣй во всемъ,
Чтобъ отъ озими до сада
Благоденствовалъ весь домъ.

И тогда они охотно
Часть десятую дадутъ,
И къ добру безповоротно
Всѣ дѣла страны пойдутъ.

И со славой лучезарной
Къ счастью родина придетъ:
Ни одинъ сосѣдъ коварный
На нее не нападетъ.

Да и гнусная крамола
Невозможна будетъ вновь,

И на смѣну произвола
Вспыхнутъ правда и любовь.

Надо, надо поскорѣе
Земледѣліе развить
И всѣхъ гражданъ почестнѣе
Всѣмъ, что нужно вразумить,

Всѣ-жъ по пьянству учрежденья,
Всѣ казенки упряднить,
Ихъ дворцы, дома, строенья
Разнымъ школамъ уступить.

И безъ водки жить возможно—
И добрѣть, и богатѣть,
Отъ избытка-жъ всякъ не ложно
Будетъ родинѣ радѣть.

1905 г.

380. Темная сила.

Пѣшки темныхъ легионовъ
Ариѳметики не знаютъ,
Коль десятки миллионовъ
Просто сотней называютъ.

И по физикѣ хромаютъ
Проходимцы темной силы,
Коль три цвѣта почитаютъ
Цвѣтомъ ночи и могилы.

Видно, плохо въ средней школѣ
Тѣмъ наукамъ обучались,
А потомъ по доброй волѣ
Недоучками остались.

Не мѣшало-бъ имъ скорѣе
Хоть немножко подучиться:

Людь простой, вѣдь, ихъ умнѣ,
Имъ не слѣдъ надъ нимъ глумиться.

Людь простой хоть не учился,
Но имѣть умъ природный,
Недоучка же лишился
И того, хоть благородный.

Чтобъ глашатаемъ свободы
Выступать передъ народомъ,
Развиваться надо годы,
Знать бывшее годъ за годомъ.

Рядовые-жъ темной силы
Лишь верхушекъ нахватались
И до самой ужъ могилы
Такъ невѣждами остались.

Словно кошки, всѣ блудливы
На недобрый дѣлишки
И, какъ зайцы, всѣ трусливы
Недозрѣлые умишки.

Бросьте, жалкіе людишки,
Проходимцы темной силы,
Ваши гнусныя дѣлишки,
Если дни земные милы!

Васъ, какъ зайцевъ, похватаютъ
Въ ваши собственныя сѣти,
Словно кошекъ растерзаютъ
Всѣхъ страны родимой дѣти.

1905 г.

381. **З а б а с т о в к а.**

Заводы, фабрики бастуютъ,
Вокзалы наглухо забиты,
Аптеки, лавки всѣ прикрыты,
Студенты, школьники бушуютъ.

Давно газеты не выходятъ:
Всѣ типографщики гуляютъ;
Казенокъ лишь не закрываютъ:
Близъ нихъ толпы народа бродятъ.

Сердца еврейскія ликують,
Что русскіе со взглядомъ узкимъ,
Пренебрегая благомъ русскимъ,
Въ угоду бунту лишь танцуютъ.

Свободна нынѣ вся Россія:
Всѣ равноправные граждане.
Чего-жъ хотите вы, смутьяне?
Зачѣмъ вамъ бѣдствія лихія?

Взамѣнъ дарованной свободы,
Взамѣнъ законныхъ обсужденій,
Обмѣна мыслей, убѣжденій,
Хотите-ль вы опять невзгоды?

Сплотитесь въ тѣсные союзы,
Не для насилій, не для смуты,
Порвавши дьявольскія путы,
Расторгнувъ демонскія узы!

Лишь въ единеніи вся сила,
Но въ единеніи разумномъ,
Въ самоуправствѣ-жъ вольнодумномъ
Свободѣ, счастію могила.

Въ союзѣ дружномъ и сердечномъ,
Скрѣпленномъ братскою любовью,
Не надо жертвовать намъ кровью
И быть въ разладѣ безконечномъ.

Довольно смуты и крамолы,
Довольно крови, слезъ и звѣрства
И напускного лицемѣрства!

Откройте фабрики и школы!

Да процвѣтаютъ всѣ науки!

Да процвѣтаютъ всѣ искусства!

Да успокоятся всѣ чувства,
Страданья, ужасы и муки!

Простимъ же, братья-россіяне,
Другъ другу всѣ обиды, козни,
Объединимся всѣ изъ розни,
На дѣлѣ будемъ христіане!

Мы—равноправные граждане:
Да смолкнутъ нынѣ всѣ проклятья!
Другъ другу братскія объятья
Раскроемъ, братья-россіяне!

1905 г.

382. Свобода слова.

Намъ полная дана свобода
Писать, печатать, говорить,
Но это благо для народа
Уже успѣли извратить.

Тамъ студіозусъ недозрѣлый
Кричитъ: „долой скорѣй Царя!“...
Тамъ юдофилъ закоренѣлый,
Къ Россіи злобою горя,

Позоритъ честныхъ патріотовъ
И клеветой пятнаетъ ихъ,
Чтобъ съ толку сбить всѣхъ идіотовъ
И отстранить ихъ отъ своихъ...

Тамъ закорузлые евреи,
Для коихъ боги—Ротшильдъ, Гиршъ,
Восторгомъ гнуснымъ пламенѣя
Къ владыкамъ симъ жидовскихъ биржъ,

Нося портреты ихъ, злорадно
Кричатъ: „вотъ русскіе цари!“...
Тамъ хулиганы безпощадно
Скверняютъ святыя алтари...

Тамъ площадная пресса дерзко
Срамить достойнѣйшихъ людей,
Распространяя пошло, мерзко
Сумбуръ безнравственныхъ идей...

И это все свободой слова
Зовутъ превратные умы!...
Русь гибнетъ отъ недуга злого,
Какъ отъ проказы иль чумы.

А власть имѣющіе дремлютъ
И равнодушно зрятъ все то,
Страданьямъ родины не внемлютъ,
Свой долгъ не ставя ни во что...

Страдаетъ честь страны родимой,
Страдаетъ честь и частныхъ лицъ,
И никнетъ все неотразимо
Передъ крамольниками ницъ.

Престоль, законы, вѣра, храмы
Вездѣ поруганы кругомъ,
И ужасающія драмы
Творятся родины врагомъ.

Зеленымъ зельемъ опьяняютъ
Народъ разслабленный давно
И ядомъ смуты отравляютъ
Покой и жизнь страны родной...

Когда-жъ настанетъ судъ народный
Для всѣхъ измѣнниковъ страны?
Когда-жъ утихнетъ сумасбродный
Погромъ священной старины?

Когда взамѣнъ свободы слова
Царить не будетъ произволь
И вмѣсто жребія благого
Не будемъ жить средь бездны золь?

1905 г.

383. **Три истины.**

(Экспромтъ).

Хорошо, коль вѣришь въ Бога
И въ загробный міръ:
Вся житейская дорога
Для тебя, какъ пиръ.

Хорошо, когда надеждой
На Творца живешь:
Не безцѣльно, не невѣждой
Путь земной пройдешь.

Хорошо, коль Бога любишь,
Любишь всѣхъ людей:
Бренной жизни не погубишь,
Ни души своей.

1905 г.

384. **О л ѣ.**

(Экспромтъ).

Встанешь утромъ—помолись:
„Помоги мнѣ, Боже!“
И обѣдать не садись,
Не моляся тоже!

Пообѣдавши, всегда
Боженькѣ молися!
Безъ молитвы никогда
На ночь не ложися!

1905 г.

385. **Долгъ пѣвца.**

Я не могу, не въ состояньи
Вопросы жизни миновать

Въ непозволительномъ молчаньи
На нихъ отвѣтовъ не давать.

Святая родина страдаетъ,
Слабѣтъ вѣра, шатокъ тронъ,
Народъ отъ смуты изнываетъ,
И весь колеблется законъ.

Возможно-ль зрителемъ покойнымъ
Остаться чуткому пѣвцу
И гимномъ слабымъ, недостойнымъ
Пѣть славу Вышнему Творцу?

Нѣтъ, онъ обязанъ вдохновенно
Громить, карать и обличать
Всѣхъ палачей, что дерзновенно
Спѣшатъ отечество терзать.

Нѣтъ, онъ пророческимъ глаголомъ
Сердца людскія долженъ жечь,
Бороться долженъ съ произволомъ,
Костями за правду долженъ лечь.

Не до свободныхъ пѣснопѣній,
Не до восторговъ красотой,
Когда въ хаосѣ преступлений
Зримъ гибель родины святой.

Воспрянь, пѣвецъ, художникъ слова,
Въ защиту истинъ вѣковыхъ,
Основъ отечества святого
И всѣхъ преданій дорогихъ,

Свой даръ чудесныхъ откровений,
Какъ рабъ, какъ тать, не зарывай
И лишь къ добру народный геній
Въ борьбѣ со зломъ воспламеняй!

1905 г.

386. Зимній день.

Роскошный день, морозный, ясный,
День восхитительно прекрасный!
Блѣдетъ снѣгъ, что полотно:
Лежить, какъ скатертью, оно...

Съ небесъ природы царь сіяетъ,
Въ поляхъ снѣжинками играетъ,
Играетъ гроздьями вѣтвей
Въ снѣгу запутанныхъ елей...

И дачекъ рядъ веселый, длинный
Средь серебрящейся равнины
Намъ улыбается въ пути:
Отраднo ѣхать и игти...

1905 г.

387. Лжеучители.

Словно геній злой смѣется
Надъ отчизною моею:
Все такъ плохо въ ней ведется,
Мало искреннихъ людей.

Педагоги уклонились
Отъ задачъ своихъ прямыхъ,
Ядомъ смуты заразились.
Портятъ школьниковъ своихъ.

Политическія бредни
Имъ внушать они хотятъ,
О хожденіи-жъ къ обѣднѣ
Ничего не говорятъ,

Ни о вѣрности престолу,
Уваженіи къ семьѣ,
Отвращеніи къ произволу
И любви къ родной странѣ,

Развивая духъ сомнѣнья,
Непокорности властямъ,
Своеволю, презрѣнья
И къ закону, и къ правамъ.

Такъ, взамѣнъ благихъ вліяній
На незрѣлые умы,
Къ безднѣ въ будущемъ страданій,
Къ пополненію тюрьмы

Педагоги ихъ готовятъ
Въ ослѣпленіи своемъ,
Имъ все русское злословятъ,
Лишь дурное видя въ немъ.

О, наставники плохіе,
Соблазнитель дѣтей,
Бросьте замыслы лихіе,
Образумьтесь поскорѣй!

Самъ Христосъ вамъ заповѣдалъ
Малыхъ сихъ не соблазнять:
Какъ Пророкъ и Богъ, Онъ вѣдалъ,
Что начнете ихъ смущать.

Если вамъ святое дѣло
Обученія дѣтей
Не легко вести умѣло,
Развивать изъ нихъ людей,

Если вы не въ силахъ вѣрно
Долгъ присяги выполнять,
Всей душой, нелицемѣрно
Честныхъ гражданъ возрождать,

То имѣйте благородство,
Предоставьте то другимъ!
Иль за ваше сумасбродство
Будетъ горько вамъ самимъ:

Изъ дѣтей васъ не помянетъ
Добрымъ словомъ ни одно;
Васъ исторія проклянетъ,
Какъ позорное пятно.

1905 г.

388. П р и з ы в ъ ¹⁾.

Цѣлью доброю, святою
Мы объединились
И любовію живою
Всѣ одушевились.

Помогать собрату въ горѣ,
Быть въ нуждѣ опорой,
Въ безпредѣльномъ жизни морѣ
Быть ладьею скорой,

Выносящей изъ пучины
Тѣхъ, что утопаютъ,
Утѣшать среди кручины
Тѣхъ, что изнываютъ,

Иль на путь прямой, степенный
Снаряжать въ дорогу—
Это-ль жребій не отчужденный,
Не служенье Богу?...

Мало насъ, но Богъ не въ силѣ,
Онъ лишь въ правдѣ вѣчной:
Хоть немного проявили
Мы любви сердечной,

Въ дѣлѣ важно лишь начало,
Въ зданьи— основанье,

¹⁾ Произнесено на товарищескомъ обѣдѣ, 27 ноября 1905 г. въ день годового общаго собранія Общества попеченія о бывшихъ студентахъ Демидовскаго Лицея.

Хоть свершили мы и мало,
Дорого сознанье.

Не умрутъ благія цѣли,
Ни дѣла благія:
Что свершить мы не успѣли,
То свершатъ другіе...

Разъ могло живое сѣмя
Въ древо обратиться,
То ему поможетъ время
Въ рощу разродиться...

Будемъ впредь, не уставая,
Помогать всѣмъ, братья,
Широко имъ раскрывая
Братскія объятія!

Это такъ порой нетрудно,
Такъ порой отрадно!..
Жить въ себя лишь — безразсудно,
Стыдно, неприглядно.

Помощь во время собрату—
Многимъ во спасенье:
И чрезъ малую утрату
Страждетъ поколѣнье.

Лишь дѣла любви и дружбы
Цѣнны въ этой жизни:
Нѣтъ возвышеннѣе службы
Дорогой отчизнѣ.

Будемъ впредь, не уставая,
Помогать всѣмъ, братья,
Широко имъ раскрывая
Братскія объятія!

1905 г.

389. Русскимъ гражданамъ.

Братья! льется кровь рѣкою,
Проливается та кровь
Братски-родственной рукою:
Гдѣ же братская любовь?

Не пора ли, братья, честно
Споры наши разсудить,
Мирно, дружески, совмѣстно,
Всѣ дѣла страны рѣшить?

Въ распрѣ, въ ссорѣ безразсудной
Толку, братья, не бывать,
И враждою обоюдной
Будемъ лишь себя терзать.

Наша родина, мы знаемъ,
Истерзалась ужъ и такъ:
Смугой нашей вспомогаемъ,
Побѣдилъ насъ внѣшній врагъ.

Наши предки, живши въ ссорѣ,
Чуждыхъ приняли вождей:
Не накликать бы въ раздорѣ
Вновь непрошенныхъ гостей?

Если съ малою державой
Мы бороться не могли,
То едва-ли-бъ съ большей славой
Брань съ другими повели.

Братья, братья! мѣръ едва ли
Былъ свидѣтелемъ того,
Чтобъ другъ друга такъ терзали
Члены тѣла одного.

Прекратимъ же наши споры,
Наши распри поскорѣй!
Козни, смуты и раздоры
Лишь достойны дикарей...

Если плохъ у насъ порядокъ,
То обсудимъ сообща
Безъ обиды, безъ нападокъ
И за жизнь не трепеща.

Но, пока законовъ новыхъ
Мы еще не создадимъ,
Силѣ нынѣшнихъ, готовыхъ
Наши воли подчинимъ!

Какъ ни ветхъ порядокъ старый,
Беззаконья лучше онъ,
А насилія и свары
Хуже, чѣмъ плохой законъ.

Прекратимъ же, братья, козни,
Смуту, распри и раздоръ,
Сообща рѣшивъ, безъ розни,
Мирно, дружно братскій споръ!

1905 г.

390. Губернаторъ.

(Быль).

Быль въ провинціи восточной
Губернаторомъ старикъ:
Сана знатнаго достигъ
Службой долгой, безпорочной
Отрасль шляхты родовитой
Бывшей Рѣчи Посполитой.
Онъ имѣлъ свободный умъ,
Быль исполненъ гордыхъ думъ.
Въ безграничной царской власти
Видѣлъ онъ народный крестъ:
Взволновалъ въ немъ духъ и страсти
О свободѣ манифестъ.

Жили въ томъ краю издавна
И татаринъ, и башкиръ,
И, задать имъ вздумавъ пиръ,
Чтобъ свободу достославно
Встрѣтить могъ народъ туземный,
Панъ-пришелецъ чужеземный
Призываетъ тотъ народъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Вы башкиры и татаре,
Въ этомъ краѣ большинство.
Вамъ по волѣ государя
Подчинится меньшинство.

Автономію устройте,
Съ мусульманскимъ алтаремъ
Да съ татарскимъ языкомъ
Край мечетями покройте
Въ честь всесильнаго аллаха
И султана или шаха
Изберите поскорѣй,
Чтобъ отъ русскихъ вамъ людей
Гнета не было ужъ болѣ,
Чтобъ гяуръ поганый былъ
Въ подчиненіи вашей волѣ
И взаимнѣнъ скота служилъ!...

Если къ вамъ примкнуть татаре
И башкиры областей,
Смежныхъ съ вашей, то, ей-ей
Вы, какъ древніе хозаре,
Создадите вмѣстѣ царство
Въ государствѣ государство,
Отъ Россіи отдѣлясь,
Заживете веселясь,—
И тогда, какъ финны, ляхи,
Всѣ свободны были-бъ вы
Предъ Россією во страхъ
Не склоняя головы“.

За такую рѣчь начальства
Восхвалилъ его народъ.
И на площадь всякій сбродъ,
На глазахъ у генеральства,
Собираться сталъ толпами,
Хулиганами, жидами
Пополняясь безъ труда,
Подъ командою жида,
Перекреста Николая—
Николая Ильича,
Марсельезу распѣвая,
Тряпки красныя влача.

Вышелъ съ нимъ и губернаторъ,
Самъ подъ краснымъ флагомъ всталъ,
Марсельезу подпѣвалъ,
Какъ свободы агитаторъ,
Заявляя всѣмъ гражданамъ—
Анархистамъ, хулиганамъ,
Что слуга народу онъ
И отнынѣ, какъ законъ,
Исполнять лишь его волю
Будеть въ точности, какъ рабъ,
Чтя счастливой эту долю:
Онъ—гяуръ, а не сатрапъ.

И восторгъ все выше, выше
У народа возрасталъ:
Наконецъ, онъ закричалъ:
„Губернатора на крышѣ
Посадить, чтобы виднѣе
Былъ онъ всѣмъ, чтобы слышнѣе
Были всѣмъ его слова:
Онъ—отецъ нашъ и глава!“...
Мигомъ лѣстницу схватили,
Мигомъ къ дому принесли
И ко крышѣ укрѣпили,
И главу вмигъ подвели.

Губернаторъ тутъ взмолился
Ко гражданамъ, говоря,
Что служить, какъ для царя,
Для народа онъ рѣшился,
Но прогулка нынѣ эта
Для него ужъ не подъ лѣта,
Чтобъ народъ освободилъ
Отъ нея его, молилъ.
За главу тогда вступился
Выкрестъ Николай Ильичъ:
„На балконъ!“ вдругъ разразился
Изъ народа громкій кличъ.

На балконъ главу возведши,
Николай Ильичъ сказалъ:
„Губернаторъ ужъ усталъ,
На возвышенность взошедши.
Какъ извѣстно вамъ, гражданамъ,
Анархистамъ, хулиганамъ,
Онъ годами вельми старъ.
И его словесный даръ
Отъ природы незавиденъ,
Но за то хорошъ онъ самъ,
Къ вамъ и добръ, и безобиденъ,
Всей душою преданъ вамъ.

Что велить мѣръ хулиганной,
Безъ окольныхъ, лишнихъ словъ
Все исполнить онъ готовъ,
Всякъ приказъ, отъ міра данный
Всѣ мѣрскія приказанья,
Заявленья, пожеланья
Стану я передавать
И затѣмъ вамъ сообщать
Всѣ главы распоряженья,
И приказы отдавать
По чинамъ для исполненья,
И за ними наблюдать“.

Хулиганнѣй людь согласно
Съ перекрещенцемъ рѣшилъ,
Николай Ильичъ спросилъ:
„Вѣдь, не правда ли: опасно
Оставлятъ намъ на свободѣ
Черносотенцевъ въ народѣ?
Не прикажете-ль солдатъ
Всѣхъ запрятать въ казематъ,
Разоруживъ, чтобъ не стали
Въ безоружныхъ всѣхъ стрѣлять,
Чтобъ они не помѣшали
Намъ свободу пировать?“.

„Да, желаемъ!“ отвѣчаютъ
Хулиганы всѣ заразъ,
Николай Ильичъ тотчасъ
Губернатору: „желаютъ
Всѣ граждәне, чтобъ народу
Пировать свою свободу
Безпрепятственно, солдатъ
Всѣхъ запрятать въ казематъ,
Чтобъ народъ былъ безопасенъ.
Согласитесь ли вы съ тѣмъ?“
Тотъ въ отвѣтъ: „вполнѣ согласенъ“,
Низко кланяся всѣмъ.

Николай Ильичъ дословно
Хулиганамъ передалъ
И, не медля, приказалъ,
Чтобъ тотчасъ непрекословно
Полицейскіе, жандармы
Крѣпко заперли казармы,
Скрывъ, солдатамъ невдомекъ,
Всѣ ихъ ружья подъ замокъ.
И затѣмъ еврей крещеный
Хулиганамъ говорилъ:
„Чтобъ доходъ убить казенный
И лишитъ Россію силъ,

Не закрыть ли всѣ казенки,
Чтобъ, отъ водки опьянѣвъ
И войдя въ безумный гнѣвъ,
Черносотенцевъ одонки,
По жестокости природы,
Не нарушили свободы
И въ веселый пира часъ
Не напали бы на насъ?
Пьяный русскій людъ ужасенъ“...
„Да, закрыть!“ народъ кричалъ.
И съ поклономъ вновь „согласенъ“
Губернаторъ отвѣчалъ.

Обратясь опять къ народу,
Жидъ крещеный говорилъ:
„Вамъ извѣстно, что спѣшилъ
Подавить вездѣ свободу,
Возражалъ сужденьямъ здравымъ,
Съ непокорнымъ, дерзкимъ нравомъ,
Сумасбродъ Пасхаловъ—попъ,
Настоящій мѣдный лобъ.
Чтобъ напредки своеволить
И чинить не могъ вреда,
Хорошо-бъ его уволить
Отъ прихода навсегда.

Не желаете-ль, собратья,
Губернатора просить,
Чтобъ велѣлъ его смѣнить?“
„Да, желаемъ безъ изъятя,—
Хулиганы отвѣчаютъ,—
Пусть отставить!“—„Всѣ желаютъ,
Губернатору еврей
Говорить, чтобы скорѣй
Былъ отставленъ отъ прихода
Попъ зловредный навсегда“.
И, съ поклономъ, „для народа
Радъ служить я, господа,

Заявляетъ губернаторъ,
И пона смѣститъ сейчасъ
Я готовъ отдать приказъ:
Онъ—извѣстный агитаторъ,
И многіе онъ годы
Быль противникомъ свободы.
Я слуга покорный вамъ,
Но служить не въ силахъ самъ
И прошу о снисхожденьи:
Николаю Ильичу
Поручаю управленье,
Самъ же спать давно хочу,

И даю ему я право
Замѣнять меня во всемъ,
Не стѣсняся ни въ чемъ.
Поведеть онъ дѣло здраво,
Все, что съ нимъ вы порѣшите,
Все, что только повершите,
Онъ исполнить повелить,
Какъ разумный, честный жидъ“.
И, раскланявшись съ народомъ,
Онъ по лѣстницѣ крутой
Утомленнымъ, тихимъ ходомъ
Скрылся въ спальню на покой...

Тутъ башкиры и татаре,
И жидовскій разный сбродъ,
Хулиганы, весь народъ,
Какъ бы въ нѣкоемъ угарѣ,
Снова стали на просторѣ
Изощрять себя въ подборѣ,
Что придумать, какъ рѣшить
Черносотенцевъ смирить,
Всѣхъ находчивѣй являлся
Выкрестъ Николай Ильичъ,
Хоть порою завирался,
Городя большую дичь.

Долго длились разговоры.
Николай Ильичъ умно
Велъ бесѣду. Но давно
Начались раздоры, споры,
Да и многимъ надоѣло
Обсуждать серьезно дѣло,
Да устали и стоять:
Захотѣлось погулять...
Отдѣлившись, часть большая
Шла по стогнамъ городскимъ,
Марсельезу напѣвая,
Съ краснымъ флагомъ пребольшимъ.

Анархисты, хулиганы,
И татаринъ, и башкиръ,
Гимназистъ, и дезертиръ,
И евреи, и цыганы
Вдоль по улицамъ гуляютъ,
Марсельезу распѣваютъ,
Осѣняя шестомъ
Съ краснымъ знаменемъ — тряпьемъ.
Вдругъ въ одной изъ улицъ града
Имъ встрѣчается толпа,
Какъ неожиданная преграда,
Предъ толпою зрятъ попа,
Что лишить хотѣлъ прихода
Выкрестъ Николай Ильичъ...
Изъ толпы несется кличъ,
Кличъ россійскаго народа...
Впереди пона икона,
Позади его знамена
И трехцвѣтный съ ними флагъ:
Значить, шествуетъ злой врагъ...
Вотъ несутъ въ толпѣ громадной
Бюсть россійскаго царя...
Вотъ народный гимнъ отрядный
Слышень... Злобою горя,

Хулиганскій людъ стрѣляетъ
Въ царскій бюсть и разъ, и два,
Три, четыре... голова
Быстро къ груди упадаетъ
У несущаго бюсть царскій...
И жидовской иль татарской
Пулей бюсть насквозь пробить...
Злоба въ партіяхъ кипить,
И смертельный, беспощадный
Завязался общій бой:
Пожираетъ кровожадно
Смерть людей своей косою...

Губернаторъ почиваетъ
Въ аппаратахъ своихъ
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
Ничего о томъ не знаетъ,
Что жестокою враждою,
Распрей дикою, слѣпою
По его же лишь винѣ
Страждетъ весь народъ въ войнѣ...
Черносотенцы помяли
Красносотенцевъ, и вотъ
Въ сильной скорби и печали
Николай Ильичъ зоветъ

Губернатора къ защитѣ:
„Откройте казематъ,
Присылайте къ намъ солдатъ,
Ради неба, помогите!“
Губернаторъ разоспался
И спросонокъ растерялся,
Ничего понять не могъ,
Но потомъ всѣхъ сбиль онъ съ ногъ.
Полицейскимъ и жандармамъ
Онъ велитъ скорѣй летѣть
Къ запертымъ уже казармамъ,
Ихъ скорѣе отпереть...

Въ три ряда кругомъ солдаты
Домъ правителя хранятъ,
Зорко, бдительно слѣдятъ,
Чтобъ въ вельможныя палаты
Бунтари не ворвались,
И стрѣлять ужъ собрались,
Чуть кто близко подойдетъ
И на окрикъ не уйдетъ...
Губернаторъ, позабывши
О приспѣшникахъ своихъ,
Домъ конвоемъ окруживши,
Присмирѣлъ вдругъ и затихъ...

А по улицамъ dospѣхи
Красносотенцевъ лежатъ,
Взоръ прохожаго страшатъ
И дубины, и застрѣхи...
Тутъ и шесть съ тряпицей красной
И отъ грязи безобразной...
Полумертвыхъ много тѣлъ:
Людь отъ злобы озвѣрѣлъ...
Такъ жестоко отомстили
Слуги вѣрныя царя
И мятежъ угомонили,
Чувствомъ доблести горя...

Лицемѣрный же правитель
Долгу службы измѣнивъ,
Край мятежно возмутьивъ,
Какъ разбойникъ иль грабитель,
Потерявъ разумъ здравый,
Какъ презрѣнный трусь, лукавый,
Измѣнилъ своимъ друзьямъ...
Увидавъ, что плохо дѣло,
Николай Ильичъ сбѣжалъ,
Прижимая къ сердцу смѣло
Общій братскій капиталъ.

1905 г.

391. С т а н с ы.

Лишь при свободѣ мы счастливы
И можемъ пѣсней жизнью жить,
Въ своихъ дѣяньяхъ быть правдивы
И ближнихъ искренно любить.

При гнетѣ же и произволѣ
Счастливымъ быть нельзя вовѣкъ;
Насилью ближнихъ, чуждой волѣ
Всегда врагомъ былъ человѣкъ.

Ни произвола, ни насилья
Свободы благородной крылья
Не могутъ въ мѣръ выносить,

И произволъ мертвящей силы
При ней, какъ мракъ сырой могилы
При свѣтѣ дня, не долженъ жить.

1905 г.

392. П о э т у.

Не внимай, поэтъ, угрозамъ
Обезумѣвшихъ рабовъ,
Но, въ отпоръ грядущимъ грозамъ,
Ополчайся на враговъ!

Дивной силы пѣснопѣнья
Не щади и не скрывай:
Для гражданскаго служенья
Ей сердца воспламеняй!

Всѣ завѣтныя преданья
Вѣщимъ словомъ утверди!
Всѣ злотворныя дѣянья
Обличи и осуди!

Отъ глагола правды вѣчной
Содрогнутся всѣ сердца

И любовью безконечной
Вознесутся до Творца.

Тѣ-жъ, въ которыхъ сѣмя злобы,
Какъ въ гробахъ, навѣкъ легло,
Будутъ нѣмы, какъ и гробы,—
И безвредно будетъ зло.

Воспѣвай же неотступно
Правду вѣщую, поэтъ,
И служи ей неподкупно
Средь превратныхъ бурь и бѣдъ!

1905 г.

393. Ц а р ю.

Великій Государь,
Ты далъ свободу намъ.
Но впредь, какъ предки встарь,
Цари на страхъ врагамъ!

Почти ужъ триста лѣтъ
Романовъ Домъ царитъ,
Ко счастью средь бѣдъ
Отечество хранить.

Его избралъ самъ Богъ—
Народный вѣщій гласъ;
На благо всѣмъ, какъ могъ,
Его Сусанинъ спасъ.

И, родича сего
Заслугою горды,
Ни жизни, ничего,
Въ прискорбный часъ бѣды

Для нашего Вождя,
Отца и Земляка

Ни мало не щадя
Съ дѣтей до старика,
Всѣ, какъ одинъ, стѣной
Мы встанемъ за Тебя,
Костью и головой
Падемъ, Царя любя!...

Ты далъ свободу намъ,
Великій Государь,
Но впредь, на страхъ врагамъ,
Правъ Русью, какъ и встарь!

Какъ вѣрные сыны,
Служить готовы мы
Средь смуты и войны:
Вѣдь, мы изъ Костромы!

За счастье всѣ почтемъ
Исполнить Твой приказъ
И съ радостью умремъ
Въ любой, во всякій часъ!

Цари же, Государь,
И правъ Россіей самъ
На благо ей, какъ встарь,
На страхъ ея врагамъ!

1906 г.

394. КТО ОНЪ?

Изъ ничтожности безвѣстной
Изворотливымъ умомъ,
Къ славѣ громкой, хоть безчестной,
Шель онъ дерзко, напроломъ.

Въ гнусныхъ средствахъ не стѣсняясь,
Презирая честь и долгъ,

Чадомъ власти увлекаясь,
Онъ, какъ жадный, хищный волкъ,

Дѣлалъ все своей добычей,
Что встрѣчалось на пути...
Всѣ спѣшили за обычай
Похвалы ему нести...

Христіанскую державу
Предалъ онъ вполнѣ жидамъ,
Всю страну спойвѣ на славу
По казеннымъ кабакамъ.

И кредитныя бумажки
Всѣ на золото смѣнивъ,
Чтобъ въ еврейскіе кармашки
Былъ сильнѣй его приливъ.

Въ земледѣльческомъ народѣ,
При испаханной землѣ,
Пекся онъ лишь о заводѣ
Да о фабрикѣ—о злѣ,

Черезъ которое-бъ крестьяне,
Отстранившись отъ земли,
Развратились и въ смутьяне
Поступить скорѣй могли.

О народномъ просвѣщеніи
Онъ и думать позабылъ,
Но чрезъ чуждыя владѣнья
Путь желѣзный проложилъ
Верстъ на тысячи длиною,
Чѣмъ въ войну народъ вовлекъ
Съ отдаленною страню—
Разорить его помочь.

И пришлось странѣ, богатой
Хлѣбомъ, лѣсомъ и землей,
Въ когти націи пейсатой
Въ кабалу лѣзть съ головой.

Ужъ въ еврейскіе кармашки
Матильдоры перешли,
На процентныя-жъ бумажки
Въ дивидендѣ—лишь нули.

И пришлось странѣ богатой,
Обездоленной войной,
Въ когти къ наци пейсатой
Въ плѣнъ отдаться долговой...

И внутри страны злосчастной
Смуту онъ легко зажегъ,
Какъ совѣтникъ трона властный,
Поддержавъ ее, какъ могъ,

Чѣмъ способствовалъ немало
Неудачамъ той войны,
А когда извѣстно стало,
Что враги ужъ не сильны,

Поспѣшилъ онъ міръ позорный
Со врагами заключить
И побѣды благотворной
Свой народъ успѣлъ лишить.

Разрѣшилъ тогда онъ кстати
Все печатать, издавать,
А закономъ о печати
Вздумалъ малость запоздать.

И разнузданная пресса
Стала смутѣ помогать—
Слугъ законнаго прогресса
Клеветать и оскорблять.

Забастовкамъ всѣхъ рабочихъ,
Почтъ, вокзаловъ и дорогъ,
Всѣхъ, до праздности охочихъ,
Также много онъ помогъ.

Онъ хотѣлъ войска подольше
Въ отдаленіи задержать;

Чтобы легче и побольше
Смуты слугъ наwerbовать.

Безпорядками по школамъ,
Забастовками работъ,
Мятежами, произволомъ
Онъ хотѣлъ смутить народъ,

Чтобъ, взамѣнъ царя, поставилъ
Онъ партійный произволъ,
Во главѣ-жъ его оставилъ,
Какъ спасителя отъ золъ.

Былъ расчетъ, что побѣжденнымъ,
Опозореннымъ войскамъ,
Позабытымъ, изнуреннымъ,
Произволу, мятежамъ

Такъ естественно предаться.
Но напрасенъ былъ расчетъ:
Рать рѣшила оставаться
Вѣрной долгу, какъ народъ.

А народъ простой, но честный
Возмутился всей душой
Противъ смуты, повсемѣстно
Давъ отпоръ крамолѣ злой.

Несмотря на всѣ старанья
Юдофиловъ и жидовъ,
На крамольныя воззванья
Дерзкихъ родины враговъ,

На бойкотъ и забастовки,
На убійства и грабежъ,
На всемѣрныя уловки
Совратить всю молодежь,

Людь простой, хоть не ученый,
Здравымъ смысломъ все постигъ,
И въ защиту потрясенной
Бѣдной родины возникъ

Крѣпко сплоченный, народный,
Благодѣтельный союзъ
Съ цѣлью родину свободной
Вырвать изъ крамольныхъ узъ.

Но тиранъ не унываетъ
И готовить новый ковъ:
Говорятъ, онъ подстрекаетъ
Вновь на родину враговъ

Изъ сосѣдей безпокойныхъ
Въ отдаленной сторонѣ,
Чтобы воиновъ достойныхъ
Не пустить къ родной странѣ,

На столицу же ближайшихъ
Иноземцевъ навести
И въ страданьяхъ величайшихъ
Всю отчизну извести.

Врядъ ли планъ такой злодѣйскій
Могъ создать и анархистъ...
Кто-жь тиранъ? ужель библейскій
Народился антихристъ?

1906 г.

395. Жрецу науки.

(А. Г. Филонову).

Служитель истинной науки,
Бодришь, крѣпись, не унывай,
Не опускай безсильно руки,
Но свой недугъ перемогай!

Кто силенъ духомъ, немощь тѣла
Тому не трудно превозмочь;
Кто живъ душой, тому безъ дѣла
И день является, какъ ночь.

Всю жизнь при свѣточѣ науки
Ходилъ ты бодрою стезей,
Невзгоды, горести и муки
Встрѣчая смѣхомъ, не слезой.

Не измѣняй, поборникъ свѣта,
И нынѣ правиламъ своимъ!
Любимецъ музы и поэта,
И впредь примѣромъ будь благимъ!

Живи, какъ прежде, силой духа,
Сіяй духовной красотой,
Не поражая ближнихъ слуха
Ни стономъ, воплемъ, ни слезой!

И вѣрь: всѣ скорби и невзгоды
Тебѣ покажутся смѣшны
И снова, какъ въ былые годы,
Труды отрадою полны!

1906 г.

396. П о э т у.

Твори, твори, художникъ слова,
Пера вовѣкъ не покидай.
И для отечества святого
Даровъ любви не зарывай!

Пускай невѣжество и злоба
Бранять, клеветуютъ, какъ хотятъ—
Служи отечеству до гроба,
Не зарывай духовный кладъ!

Но не гордись, не возносься!
Твой даръ, твой кладъ не отъ тебя.
Ты за него Творцу молися,
Твори добро, людей любя!

1906 г.

397. Въ началѣ поста.

Вотъ насталь и постъ великій...
Заунывный слышенъ звонъ...
Прекратились шумъ и клики,
Прекратился пьяный стонъ...

Послѣ громкихъ ликованій,
Послѣ блеска и пировъ
Наступили дни стенаній,
Дни сознанія грѣховъ...

Миновали дни безумья,
Плоти временныхъ утѣхъ;
Наступили дни раздумья,
Покаянія для всѣхъ...

И невольно вспоминаешь
Бѣды всѣ за цѣлый годъ,
И съ отрадой отдыхаешь
Отъ промчавшихся невзгодъ.

Смуты, крамолы несчастной
Не изгладились слѣды,
И борьбы партійной, страстной
Горьки могутъ быть плоды.

Но довольно ужъ примѣтны
Всходы озими живой,
И едва-ль не пустоцвѣтны
Будутъ плевелы весной...

Постъ великій несомнѣнно
Умирить сердца людей
И смягчитъ въ нихъ постепенно
Бурю грозную страстей.

Покаяніемъ, смиреніемъ
Уврачуются сердца
И молитвеннымъ хваленіемъ
Вознесутся до Творца.

И, быть можетъ, вновь крамола
Не коснется больше ихъ,
И, намѣсто произвола,
Мы дождемся дней благихъ.

1906 г.

398. **Въ Ильинскомъ.**

Я посѣтилъ края родные,
Могилы кровныхъ посѣтилъ,
Я вспомнилъ дни мои бывые
И сердцемъ ихъ благословилъ.

Все пронеслось, какъ сонъ волшебный,
Какъ сонъ, исполненный чудесъ,
То безотрадный, то цѣлебный...
Увы, давно тотъ сонъ исчезъ!

Исчезъ тотъ сонъ и безвозвратно.
Другіе сны меня томятъ
И, говорить мнѣ сердце внятно,
Былого сна не воскресятъ.

Зачѣмъ же помнить о минувшемъ,
Зачѣмъ тревожить сердце вновь,
Зачѣмъ грустить мнѣ по уснувшимъ
И чтить погибшую любовь?

Не лучше-ль жить, забывъ бывое,
Жить настоящимъ лишь однимъ
И чувство новое, живое
Не омрачать уже бывлымъ?

Но какъ забыть, что пережито,
Что перечувствовано встарь,
Что въ тайникахъ души сокрыто
И ей владѣть, словно царь?

Нельзя душой переродиться,
Нельзя завѣтное забыть,
Навѣки сердцемъ устранился
Всего, что такъ привыкъ любить.

Несчастенъ тотъ, кто порываетъ
Съ прошедшимъ связи навсегда,
Кто въ жизни лучшаго не знаетъ,
Какъ наслажденье безъ слѣда.

Порой бывое такъ отраднo,
Такъ благотворно для души,
И сердце въ немъ такъ ищетъ жадно
Успокоенія въ тиши.

Бывое опытомъ богато
И можетъ впредь примѣромъ быть:
Вотъ почему его намъ свято
Должно въ сознаниіи хранить.

И каждый разъ, какъ вспоминаю
Давно промчавшіеся дни,
Я лучше нравственно бываю,
Творя дѣла любви одни.

1906 г.

399. Въ несчастіи.

Когда несчастіе случится,
Вѣрь въ милосердіе Творца!
Дается то, что лишь вмѣстится,
И нѣтъ напасти безъ конца.

Отчаяньемъ же только горя
Ты прибавляешь самъ себѣ,
Какъ утлый челнъ, средь хлябей моря
Въ напрасной маяся борьбѣ.

Нѣтъ, не бороться безтолково
Съ житейскимъ моремъ надлежитъ,
Но избѣгать всего дурного
Или терпѣть намъ долгъ велитъ.

1906 г.

400. Среди природы.

Среди лѣсовъ, луговъ и злаковъ,
Среди листвы, среди цвѣтовъ,
Средь красоты и дивныхъ знаковъ
Живой любви Творца міровъ

О какъ легко и какъ отрадно!...
Нѣтъ ни тревогъ, ни суеты...
Пьешь ароматный воздухъ жадно,
Лелѣешь грезы и мечты

И, все корыстное забывши,
Душою къ небу устремясь,
Весь міръ земной благословивши,
Блаженъ, сердечно веселясь.

1906 г.

401. Умирание.

Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ,
Приближаюсь къ смерти я,
Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ
Все короче жизнь моя.

Но ни года, дня, ни часа
Знать нельзя, когда умрешь,
Но ни года, дня, ни часа
Смертныхъ мукъ не назовешь.

Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ
Все слабѣю больше я,
Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ
Сила меньше все моя.

Но ни года, дня, ни часа
Полной немощи не знать,
Но ни года, дня, ни часа
Мукъ безсилья не назвать.

Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ
Равнодушнѣй къ жизни я,
Съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ
Безотраднѣй жизнь моя.

Но ни года, дня, ни часа
Сердца гибели не знать,
Но ни года, дня, ни часа
Хлада сердца не назвать.

1906 г.

402. Крамольники.

Бывъ призваны державной волей
Великодушнаго царя,
Надѣлены высокой долей,
Но вольнодуміемъ горя,

Они не поняли той цѣли,
Съ которой были собраны,
И править царствомъ захотѣли,
Какъ представители страны...

Ихъ царь созвалъ, чтобъ вѣдать нужды
Всего народа, всей земли,
Въ надеждѣ, что, крамолы чужды,
Они ему бы помогли

Составить новые законы
Для благоденствія страны,

Для лучшей внѣшней обороны,
Для достиженья тишины.

Они-жъ исполнились гордыней
И, какъ избранники земли,
Непогрѣшимую святыней
Себя возмнили и сочли

И, всѣ дѣла самоуправно
Мечтая взять въ свои бразды,
Для всей страны своей безславно
Явились яблокомъ вражды.

Но, силъ своихъ не рассчитавши
Въ борьбѣ безумной и слѣпой,
Права, законъ и честь поправши
Мятежно-дерзостной рукой,

Они, измѣнники престола,
Враги народа и страны,
Рабы крамолы, произвола,
Теперь навѣкъ посрамлены.

1906 г.

403. **Н а с в о б о д ѣ.**

(Экспромтъ).

Среди свободы необъятной,
Среди природы благодатной,
Листвы душистой, ароматной,
Среди луговъ, среди полей
Свободной мыслю моей
Ношусь какъ вихрь подъ облаками
Иль какъ орелъ подъ небесами;
За тридевятьми землями,
По неизвѣданнымъ странамъ,
И по морямъ, и по горамъ.

1906 г.

404. Д у м а.

Время быстро идетъ,
Время быстро катится,
Все стремится впередъ,
Въ безпредѣльность стремится.

Много прожилъ я лѣтъ,
Много пережилъ счастья,
Много пережилъ бѣдъ,
И вражды, и участья.

Долго-ль буду я жить—
Это мнѣ неизвѣстно,
Но хоть сталъ бы тужить,
А жить буду я честно.

Безъ несчастій, безъ бѣдъ
Вѣкъ прожить невозможно:
Такъ устроенъ ужъ свѣтъ,
И въ немъ все непреложно,

И напрасно хотятъ,
И напрасно мечтаютъ,
Жизнь на собственный ладъ
Передѣлать желаютъ.

Есть для жизни законъ,
Человѣкъ въ немъ не воленъ,
Хоть и гордостью онъ,
Хоть разумностью боленъ.

Надо съ вѣрою жить
И со всѣми быть въ мирѣ,
Надо ближнихъ любить,
Чтобъ счастливымъ быть въ мирѣ.

Всѣ невзгоды тогда
Мы снесемъ терпѣливо:
Никакая бѣда
Намъ не будетъ ужъ въ диво.

405. **Н е п о г о д а.**

Непогода миновала,
Прекратилась гроза,
Снова солнце засіяла,
Снова въ небѣ бирюза.

Было тяжко, было грустно,
Вновь я сердцемъ веселюсь,
Богу мысленно и устно
Благодарственно молюсь.

Такъ и въ жизни человѣка:
Много горя, много слезъ,
Предназначенныхъ отъ вѣка,
Испыталъ и перенесъ.

Но тревоги и невзгоды
Не безсмѣнно онъ терпѣлъ:
Были радостные годы,
Былъ счастливъ его удѣлъ.

Такъ и нынѣшняя смута—
Для страны моей родной—
Лишь прискорбная минута
Въ сложной жизни міровой.

Непогода пронесется,
Успокоится гроза—
Снова солнца свѣтъ прольется,
Вновь заблещетъ бирюза.

1906 г.

406. **М о л и т в а.**

Прости меня, Творецъ вселенной,
Что я нерѣдко унываю
И, недовольный жизнью бренной,
Твои щедроты забываю,

Что я кощунственно порою
Виню Тебя въ моемъ рожденьи
И святотатственной мечтою
Готовъ погрязнуть въ преступленьи,

Что иногда, взявъ прощенья,
Я злобу къ ближнему питаю
И, вмѣсто кроткаго терпѣнья,
Къ нему я завистью сгораю,

Что къ празднымъ думамъ я привыченъ,
Легко соблазнамъ поддаюсь,
Что мнѣ духъ правды не обыченъ,
Что я надъ ближними глумлюсь,

Что зарываю часто въ землю
Таланты, данные Тобою,
Завѣтамъ истины не внимлю
Порой строптивою душою!

Прости, прости мнѣ, Милосердный,
Всѣ брэнной жизни прегрѣшенья,
Услышь мой плачь, мой вопль усердный,
Мои стенанья и моленья!

Я, какъ разбойникъ, пригвожденный
Къ своимъ грѣхамъ безъ оправданья,
Но благодатью просвѣтленный,
Молю смягчить мои страданья.

И въ жизни будущей, нетлѣнной
Отвѣсть и мнѣ удѣлъ блаженный,
Гдѣ-бъ духъ мой, суетой смятенный,
Могъ зрѣть Тебя, Творецъ вселенной!

1906 г.

407. Ч то б у д е т ь ?

Братья, братья! что же будетъ,
Коль устои расшатаятъ
Нашей родины святой?
Что же будетъ, коль разрушатъ
Ничего не созидая,
Вѣковѣчный жизни строй?

Безграничная свобода
Для насильниковъ, злодѣевъ
Уничтожить всѣ права,
И труды великихъ предковъ
Пропадутъ въ борьбѣ нелѣпой,
Какъ спаленная трава.

Равноправіемъ достигнуть
Произвола грубой силы
Или хитраго ума,
И для мирныхъ, честныхъ гражданъ
Въ нашей матушкѣ Россіи
Будутъ рабство и тюрьма.

Вѣру въ истиннаго Бога
Подъ влияньемъ изувѣровъ
Будутъ всюду колебать,
Чувства добрыя, святыя
Лжеучители народа
Будутъ въ немъ искоренять.

И, взамѣнъ Руси великой,
Самобытной и могучей,
Православной и святой,
Будетъ множество союзовъ,
Разновѣрныхъ, слабосильныхъ
И безъ связи межъ собой.

Чужеземные народы,
Видя рознь союзовъ этихъ,
Грянутъ противъ нихъ войной

И подблѣять межъ собою
Какъ ничтожныя лоскутья
Прежней славы міровой.

Это-ль, братья, соблазняетъ,
Поднимая насъ на смуту,
Разжигая страсти въ насъ?
Неужели голось чести
И любви къ святой отчизнѣ
Совершенно въ насъ угасъ?

Такъ возстанемъ, братья, дружно
Противъ недруговъ подпольныхъ
И крамольниковъ скорбѣи
На защиту правой вѣры,
Самодержца всей Россіи
И народности своей!

1906 г.

408. **Современныя картины.**

И убійства, и грабежъ
Съ каждымъ днемъ все повторяются,
Старцы, дѣти, молодежь
Съ каждымъ днемъ все развращаются.

Бунтъ, мятежъ въ странѣ родной,
Какъ пожаръ, все разгораются,
Власти-жъ въ трусости слѣпой
Въ полумѣрахъ изощряются.

Преступленья съ каждымъ днемъ
Повсемѣстно учащаются,
И крамольники кругомъ
Непомѣрно умножаются.

Тюрьмы всюду и всегда
Черезъ край переполняются,

Арестанты-жъ безъ труда
То и дѣло разбѣгаются.

Слуги вѣрные царя
Беззащитно оскорбляются,
Революціи-жъ друзья
Слабой властью поощряются.

Дѣти вѣрныя страны
Безпощадно избиваются,
Революціи-жъ сыны
Властью строго охраняются.

Всѣ доходныя статьи
Въ государствѣ умяляются,
Недоимки-жъ и долги
Безгранично разрастаются.

Надъ испаханной землей
Земледѣльцы надрываются,
А евреи всей семьей
На Руси все наживаются.

Мѣщанинъ и селянинъ
Кое-какъ перебиваются
И до образа скотинъ
По казенкамъ упиваются.

Всѣ газеты и листки
На свободѣ завираются,
Въ нихъ рассказы и стишки
Очень гнусныя встрѣчаются.

Люди честныя порой
Въ нихъ нерѣдко очерняются,
А съ безсовѣстной душой
Безпримѣрно восхваляются.

Всѣ событія порой
Въ нихъ нелѣпо извращаются,
И къ анархіи слѣпой
Ими люди возбуждаются.

И одна другой грязнѣй
Вновь газеты нарождаются,
Власти-жъ все же поскорѣй
Прекратить ихъ не рѣшаются.

Педагоги же порой
Мало дѣломъ занимаются,
Политической игрой,
Вмѣсто дѣла, увлекаются,

И воспитанники ихъ
Тѣмъ примѣромъ заражаются,
Въ демонстраціяхъ смѣшныхъ
Безтолково упражняются.

И священники порой
Непристойно забываются
И партійною борьбой
Безразсудно соблазняются.

Иерархи—даже тѣ
Въ сумасбродство ударяются
И въ духовной слѣпотѣ
Надъ преданьями ругаются.

А чиновники—на нихъ
Даже куры удивляются:
Въ канцеляріяхъ своихъ
Предъ начальствомъ преклоняются,

Втихомолку-жъ межъ собой
О свободахъ препираются
Да газетной чепухой
Безъ разбора начиняются.

Словомъ, всюду кавардакъ,
Всѣ отъ правды удаляются,
И разумникъ, и дуракъ
Надъ закономъ издѣваются.

409. Экспромтъ.

О, когда бы можно было
Жить на полной волѣ,
Независимо, свободно,
Въ беззаботной долѣ,
Изъ-за хлѣба трудового
Не сгибать бы шеи,
Поневолю выполняя
Чуждыя затѣи,
Говорить бы правду смѣло
Каждому на свѣтѣ
И не быть за эту правду
Ни предъ кѣмъ въ отвѣтѣ,
Помогать бы неимущимъ,
Сирымъ и недужнымъ,
Оскорбленнымъ, угнетеннымъ
Всѣмъ, для счастья нужнымъ!
О, тогда бы можно было
Жить, не унывая,
Проходить путемъ житейскимъ,
Тяжко не вздыхая!

1906 г.

410. Вѣрованіе.

Нѣтъ, я сердцемъ не страшусь
За судьбу страны родной,
Какъ державы міровой:
Не погибнетъ Русь.

Революціи волна
Благотворною грозой
Пролетитъ въ Руси святой:
Оживетъ она.

Чуютъ сердце, око, слухъ,
Что крамола воскреситъ
На Руси, что нынѣ спитъ,
Вновь народный духъ.

Вспыхнетъ полымемъ заря
Для сознанія страны,
И всѣ вѣрные сыны
Встанутъ за царя.

И дружины ихъ сметутъ
Всю крамолу безъ слѣда
И Россію навсегда
Отъ враговъ спасутъ.

Православная страна,
Святорусскій мощный царь
Будутъ грозны, какъ и встарь,
Будетъ Русь грозна.

Всѣ державы передъ ней
Будутъ снова трепетать,
Будетъ снова процвѣтать
Русь еще пышнѣй.

Нѣтъ, я сердцемъ не страшусь
За судьбу страны родной,
Какъ державы міровой:
Вновь окрѣпнетъ Русь.

1906 г.

411. Передъ гробницей Г. А. Мина.

(Экспромтъ).

Здѣсь погребенъ герой народный,
Слуга престола благородный,
Честнѣйшій русскій гражданинъ,
Смиритель бунта, славный Минъ.

1906 г.

412. Изреченіе.

Желая быть вполнѣ счастливымъ,
Будь простъ и прямъ всегда во всемъ,
Остерегайся быть строптивымъ,
Плати другимъ за все добромъ!

1906 г.

413. Дума.

„Не въ деньгахъ счастье“, говорятъ.
Я въ этомъ искренно увѣренъ:
И съ деньгами быть можетъ адъ,
Счастливъ же, кто во всемъ умѣренъ.

Немного надо для того,
Кто мѣру строго соблюдаетъ
Во всемъ, что нужно для него:
Всегда доволенъ онъ бываетъ.

А кто къ излишеству привыкъ,
Кто мѣры въ чемъ-либо не знаетъ,
Тому и золотой рудникъ
Довольство врядъ-ли доставляетъ.

Счастливъ же можетъ быть лишь тотъ,
Кто чувствуетъ себя довольнымъ,
Кто правильно всегда живетъ,
Кто не идетъ путемъ окольнымъ,

Открыто правду говоритъ,
Одну лишь правду почитаетъ,
Спокойно бодрствуетъ и спитъ
И зла другому не желаетъ.

Что деньги? часто черезъ нихъ
Изъ глазъ ручьями слезы льются:
Изъ-за кумировъ золотыхъ
И громы пушекъ раздаются

Презрѣннаго металла звонъ.
Людей нерѣдко соблазняетъ,
Тревожить ихъ спокойный сонъ
И въ суету ихъ погружаетъ.

Ночей не спать порой скупецъ
И цѣлый вѣкъ свой голодаеть,
Съ уродомъ въ бракъ иной глупецъ
Въ надеждѣ золота вступаетъ.

Иные грабятъ и крадутъ,
Иные взятки вымогаютъ,
Мѣста иные продаютъ,
Иные ближнихъ убиваютъ;

И всѣми движеть лишь одно—
Одно желаніе наживы.
Но, наживаяся, равно
Всѣ эти люди несчастливы.

Не можетъ быть счастливымъ тотъ,
Въ комъ совѣсть вѣчно неспокойна,
Кто не по правиламъ живетъ,
Кто поступаетъ недостойно.

Да и нажитое трудомъ
Богатство счастья дать не можетъ:
Болѣзнь иного и при немъ
Порою мучаетъ и гложетъ.

Нельзя за золото купить
Любви живой, нелицемѣрной,
Ни уваженья заслужить,
Ни дружбы искренней и вѣрной.

И безъ богатства счастье есть:
Когда живетъ иной достойно,
Вокругъ него любовь и честь,
Друзья, отрадно и спокойно.

1906 г.

414. На злобу времени.

Ужасные нравы! ужасное время!
Какое-то темное, злобное племя
Взросло и окрѣпло въ отчизнѣ моей.
Оно кровожаднѣе хищныхъ звѣрей,
Ни вѣры, ни совѣсти, ни идеаловъ,
Ни сердца у этихъ бездушныхъ шакаловъ!
Кричатъ о свободѣ, о равенствѣ всѣхъ,
Священное-жъ все поднимають на смѣхъ.
Кричатъ о любви, милосердіи, братствѣ,
Безъ твердой, незыблемой, истинной вѣры,
А сами въ какомъ-то безумномъ злорадствѣ—
Льютъ кровь благородныхъ и честныхъ людей—
И старцевъ, и женъ, и невинныхъ дѣтей.
И эти-то люди—не люди, а звѣри
Хотятъ указать намъ ко счастью двери,
Создавши иной государственный строй
Своею преступной, злодѣйской рукой!
Ужасное время! ужасные нравы!
Когда-жъ мы дождемся законной расправы
Со всею безумною, звѣрской ордой,
Бунтующей нынѣ въ отчизнѣ святой?
Ни слабость, ни робость, ни всѣ полумѣры
Безъ твердой, незыблемой, истинной вѣры
Не могутъ очистить страну отъ людей
Со свойствами дикихъ, бездушныхъ звѣрей;
И всѣ тѣ правители, что послабляютъ,
Шатаніе въ мѣрахъ своихъ допускають,
Такіе-жъ предатели злые страны,
Измѣнники родины, а не сыны.

1906 г.

415. Откровеніе.

(Экспромтъ).

Я сердцемъ чую, что займется
Вновь благоденствія заря,

Что совѣсть въ гражданахъ проснется,
И дружно встануть за царя,

Что Русь могучая воспрянетъ,
Враговъ подпольныхъ усмирить.
А на открытыхъ грозно грянетъ
Войной и мощно побѣдить,

Что свѣточъ вѣры православной
Зажжетъ она во всѣхъ сердцахъ,
Что будетъ вождь ея державный
Царить во всѣхъ земли концахъ!

1906 г.

416. **М о л и т в а.**

Пречистая, къ Тебѣ взываю!
Прости мою нечистоту,
Которой въ жизни покрываю
Души святую красоту!

Прости, прости, что удаляюсь
Я отъ Начала своего
И суетою соблазняюсь
Среди житейскаго всего!

Прости, что грѣшными очами
Я на Тебя смотрю въ мольбѣ,
Что оскверненными устами
Соприкасаюсь Тебя!

Даны мнѣ разумъ и свобода
Добро творить иль дѣлать зло,
Грѣховно-глѣнная природа,
Священно-вѣчное чело.

И я легко пренебрегаю
Моей духовной красотой
И часто въ жизни оскверняю
Ее плотской нечистотой.

Я о добрѣ позабываю
Среди житейской суеты
И зло нерѣдко совершаю
Въ ущербъ духовной красоты,

Но временами тайный голосъ
Меня отъ зла къ добру влечетъ,
И отъ стыда и горя волосъ
На головѣ моей встаетъ.

Тогда грѣхи я проклинаяю,
Зло ненавижу всей душой,
Соблазны міра презираю,
Тогда я каюсь предъ Тобой.

Мое паденіе безмѣрно,
И нѣтъ числа моимъ грѣхамъ,
За то и скорбь нелицемѣрна:
Ее несу къ Твоимъ стопамъ.

Какъ ни велики прегрѣшенья
Мои на жизненномъ пути,
Ты благодатью всепрощенья
Ихъ обѣли и освяти!

Своей безмѣрной чистотою
Весь міръ Ты можешь обѣлить,
Своей небесной красотой
Всю скверну міра освятить.

Молю Тебя, о Пресвятая,
О Дѣва-Мать Творца міровъ,
Прими меня, не отвергая,
Подъ Свой спасительный покровъ!

1906 г.

417. Народная воля.

Народъ одинъ—одна и воля,
Одинъ возможенъ представитель,
Народной воли выразитель,
И въ немъ всего народа доля.

У многихъ выборныхъ народа
Не можетъ быть единой воли
И для народа лучшей доли:
Ужъ такова вещей природа.

Въ собраньи выборныхъ всѣ члены
Суть представители извѣстныхъ
Союзовъ, классовъ или мѣстныхъ
Группъ населенья впредь до смѣны.

И сколько членовъ, столько мнѣній,
И столько воль, но воль частичныхъ
И межъ собой весьма различныхъ,
И столько-жъ можетъ быть рѣшеній.

Когда по стачкѣ иль случайно
Сойдутся многихъ членовъ мнѣнье,
То иногда отъ ихъ рѣшенья
Народъ страдаетъ чрезвычайно.

Народъ одинъ—одна и воля,
Его единый представитель—
Народной воли выразитель:
Лишь въ немъ счастливѣйшая доля.

1906 г.

418, С О В ъ Т Ъ.

Когда сомнѣнiе тревожитъ
Твой умъ, смятенный суетой,
Когда душа твоя не можетъ
Ужъ восторгаться красотой,

Когда тебѣ и другъ, и близкій
Становятся вполнѣ чужды
И видишь ты поступокъ низкій
Въ дѣяньи каждомъ изъ нужды,
Когда на все, что ни творится
Вокругъ тебя, съ тобой, въ тебѣ,
Ты смотришь мрачно, словно снится,
Кошмаръ, съ которымъ ты въ борьбѣ,
Тогда скорѣе съ упованьемъ
Ты предъ иконой становись
И со слезами и рыданьемъ
До исцѣленія молись!

1906 г.

419. **М о е й м у з ѣ.**

(Е. В. П.).

Милый другъ мой, не сердися
На меня, что я не сплю,
Поскорѣе улыбнися,
Знай, что я тебя люблю!

Вѣдь, не сплю я поневолѣ:
Сонъ бѣжить моихъ очей,
И лежать въ постели долѣ
Нѣту моченьки моей.

Вставши утречкомъ пораньше,
Много дѣлъ я порѣшу.
Такъ сердиться перестань же,
Убѣдительно прошу!

Успокойся, другъ мой милый!
Сонъ отрадный вновь придетъ
И невидимою силой
Снова вѣжды мнѣ сомкнетъ.

Поработавъ, утомленный
Я спокойнѣе засну
И, проснувшись, ободренный,
Днемъ работать вновь начну.

Ты-жъ пока усни, другъ милый,
Не заботясь обо мнѣ,
И твой ангелъ свѣтлокрылый
Да хранить тебя во снѣ!

1906 г.

420. Мирный уголокъ.

Хорошо порой отвлечься
Отъ столичной суеты
И хоть временно отречься
Отъ обычной маеты.

Въ мирной дачѣ съ тихимъ садомъ
Хорошо и сентябремъ...
Чистый прудъ сияетъ рядомъ
Переливнымъ серебромъ...

Средь родныхъ по сердцу, духомъ,
Средь малютокъ дорогихъ
Отдыхаешь взоромъ, слухомъ,
Сердцемъ радуясь на нихъ.

Сколько свѣта и простора!...
Тишины хоть убавляй!...
Все живительно для взора,
И для сердца цѣлый рай!...

Такъ и тянетъ изъ столицы
Въ этотъ мирный уголокъ —

Дней тревожныхъ вереницы
Позабыть хоть на денекъ,
Отдохнуть среди природы
И набраться новыхъ силъ!...
Счастьемъ дружбы и свободы
Уголокъ мнѣ этотъ милъ.

1906 г.

421. Счастье.

(Экспромтъ).

Я жизнию вполнѣ доволенъ,
Я счастливъ жизнию вполнѣ...
Да, я судьбой не обездоленъ,
И жить легко, отрадно мнѣ...

Не надо мнѣ богатства, славы,
Не надо власти надъ людьми...
Благодаренье, Боже правый,
За все, что далъ Ты мнѣ, прими!...

Вокругъ меня покой и радость,
Довольство, дружба и любовь,
И расцвѣтающая младость
Мнѣ грѣетъ старческую кровь...

Трудиться я привыкъ издавна,
Я безъ труда жить не могу:
Лѣнливой роскоши, безславной
Не пожелалъ бы и врагу.

Гордиться чѣмъ-либо постыдно:
Добро творить обязанъ я,
А властвовать людьми обидно,
Какъ человѣку, для меня.

Лишь исполняя долгъ свой честно,
Гнушаясь зла, добро твора,
И въ долѣ скромной и безвѣстной
Нашелъ я счастье для себя.

1906 г.

422. **К а д е т а м ъ.**

Ахъ, вы, свѣтики,
Вы кадетики,
Прихвостни еврейскіе,
Бросьте вздорныя
И тлетворныя
Рѣчи фарисейскія!

Хоть вы умники,
Хоть разумники,
Боги олимпійскіе,
Все-жъ вы, свѣтики,
Вы, кадетики,
Граждане россійскіе.

За евреями,
Иудеями
Вамъ хвостить не слѣдуетъ:
Вѣдь въ послѣдствіи
За всѣ бѣдствія
Русь на васъ посѣтуетъ.

Вы потужите,
Коль сослужите
Бунду службу вѣрную,
Всѣ поплатитесь
И спохватитесь,
Роль сыгравши скверную:

Ужъ гражданами,
Россіянами
Слыть вовѣкъ забудете,

У евреевъ же,
Фарисеевъ же
Въ поношеньи будете.

Бросьте-жъ, свѣтики,
Вы, кадетики,
Глупость безпримѣрную!
Все проклянете,
Коль дотянете
Бунду службу скверную.

1906 г.

423. Безуміе.

(Экспромтъ).

Мысль — мое очарованье,
И, пока она горитъ,
Въ сердцѣ вѣру, упованье
И любовь собой живитъ.

Но когда болѣзни ядомъ
Наша мысль заражена
И сомнѣній ложныхъ рядомъ
Въ скорбь душа погружена;

То — безвѣріе слѣпое,
Безнадежности тоска,
Злобы червь на все святое
Губятъ насъ навѣрняка.

И тогда въ больномъ сознаньи
Происходитъ переломъ:
Лишь во вѣшнемъ прозябаньи
Мы цѣль жизни признаемъ.

1906 г.

424. Трудъ и борьба.

Въ трудѣ развивается сила,
Борьбой достигается мощь.
Трудись! дальше будетъ могила.
Борись! дальше смертная ночь.

При силѣ же тверже терпѣнье,
При мощи болѣзнь — пустяки:
И смерти не страшно явленье,
И смертныя муки легки.

Трудись! перейдешь незамѣтно
Изъ скорбнаго въ радостный міръ.
Борись! ожидаетъ привѣтно
Борца уготованный пиръ.

1906 г.

425. Экспромтъ.

Далекъ я скорбей и кручины,
Когда съ усердіемъ тружусь;
Разгладились мои морщины,
И вновь я сердцемъ веселюсь...

О, трудъ живой и благотворный!
Ты мнѣ спасителенъ всегда.
На путь бездѣйствія позорный
Да не сверну я никогда!

1906 г.

Поле мысли необъятно,
 Безконечно, безъ границъ,
 Плодотворно, благодатно
 Для живущихъ духомъ лицъ.

Кто живетъ духовной пищей,
 Ужъ тѣмъ самымъ тотъ богатъ
 И, хотъ былъ бы духомъ нищій,
 Всѣхъ счастливей въ бездну кратъ.

Ужъ не червь земной, ничтожный,
 Но Творцу подобенъ онъ,
 Ужъ не въ тяжкій сонъ, тревожный,
 Сонъ житейскій погруженъ,

И не рабъ, согбенный долу
 Предъ сильнѣйшими его:
 По чужому произволу
 Не свершить онъ ничего.

Нѣтъ, онъ царь земли свободный,
 Онъ земли разумный царь,
 Прирожденный, благородный:
 Вся подъ нимъ земная тварь.

Мощной мыслью обнимаетъ
 Онъ весь міръ въ одинъ лишь мигъ,
 Мысли все онъ подчиняетъ,
 Ей могучъ онъ и великъ.

И творить онъ мыслью вѣчной
 Вѣчной памяти дѣла:
 Въ жизни бренной, быстротечной
 Чудеса мысль создала.

Тотъ, кто цѣнитъ въ мышцахъ силу,
 Въ пуляхъ, бомбахъ разрывныхъ,
 Роетъ самъ себѣ могилу
 Въ прахѣ тлѣнныхъ дѣлъ земныхъ.

Кто же мыслью безконечной
Постоянно окрыленъ,
У потомства славой вѣчной
Тотъ въ сердцахъ запечатлѣнъ.

1906 г.

427. Экспромтъ.

Когда почувствуешь усталость
Въ трудѣ духовномъ, то скорѣй
Работой мышечною малость
Кровь оживи и разогрѣй:

Къ работѣ умственной, духовной
Вновь будешь годенъ и готовъ,
Душой и тѣломъ безусловно
И бодръ, и веселъ, и здоровъ!

1906 г.

428. Экспромтъ.

Что сонъ? простой, невольный отдыхъ
Отъ непосильныхъ упражненій
Душевныхъ силъ иль силъ тѣлесныхъ.
О, если бы возможно было
Устроить смѣну упражненій
Души и тѣла человѣка,
Которая-бъ сама имѣла
Значенье, равное покою,
Уравновѣшивая силы
Души и тѣла въ должной мѣрѣ!
Тогда бы сонъ, теперь полезный,
Являлся лишнимъ и напраснымъ,
Душа и тѣло человѣка
Всегда бы дѣятельны были
И никогда бы не нуждались

Въ отдохновеніи безплодномъ,
И время то, что тратимъ нынѣ
На сонъ бездѣйственный такъ часто,
Употребляли бы мы съ пользой,
Бывъ бодрими душой и тѣломъ.

1906 г.

429. **Экспромтъ.**

Осень хмурая настала,
Зелень яркая пропала
Въ тучахъ небеса,
Солнце въ небѣ не играетъ,
Буря плачетъ и рыдаетъ,
Но и тутъ краса:
Вмѣсто блеска, красокъ, ласки,
Вмѣсто лѣтней, томной сказки
Новая идетъ,
Вся полна заботъ, раздумья,
Безъ соблазна и безумья,
Насъ къ труду зоветъ.

1906 г.

430. **17 октября 1906 года.**

День отъ смерти избавленья
Царской въ поѣздѣ семьи,
День свободъ и обновленья
Строя русской всей земли,
Что ты нынѣ, въ годовщину,
Намъ съ собою принесешь:
Какъ въ минувшую годину
Кровью-ль сердце обольешь,
Иль дѣйствительной свободой
Озаришь народный духъ,

Не пугая вновь невзгодой
Наши сердце, взоръ и слухъ?...

О, когда-бъ ты вновь крушенья
Всѣхъ надеждъ намъ не принесть,
Насъ избавивъ отъ смятенья,
Страха, ужаса и слезъ!...

О, когда бы путеводной
Намъ явился ты звѣздой,
Вновь направивъ духъ народный
Къ цѣли мирной и святой!...

1906 г.

431. В ъ у н ы н і и.

Безысходной тоской
Удрученъ я порою,
Недоволенъ судьбой,
Недоволенъ собою,

И все въ жизни земной
Лишь насмѣшкою злою
Иль нещадной бѣдой
Мнится мнѣ той порою.

Но въ молитвѣ живой
Предъ иконой святою
Я, склонясь головой,
Отдыхаю душою.

1907 г.

432. Н а п у т и.

(Экспромтъ).

Иду я на доброе дѣло,
И радъ я всѣмъ сердцемъ своимъ,
Иду я увѣренно, смѣло,
Съ намѣреньемъ чистымъ, благимъ...

Родимая Русь мнѣ дороже
Всего въ этой жизни земной,
И Ты, о всеправедный Боже,
Мой путь благодатью покрой!

1906 г.

433. Изреченія.

1.

Каждое доброе дѣло успѣшно,
Если молитвой его начинаемъ,
Если притомъ его мысляю грѣшной
Пагубной мысляю не оскверняемъ.

Цѣли хорошей достигнуть возможно
Рядомъ дѣяній и честныхъ, и здравыхъ,
И оправданіе гнусно и ложно
Цѣлью благою поступковъ неправыхъ.

* * *

2.

Жизнь хороша, когда разумно,
Свободно, честно мы живемъ,
Не тратимъ силъ и благъ безумно,
Творцу отчетъ во всемъ даемъ.

И долготѣіе, и счастье
Тогда въ сей жизни мы найдемъ
И въ горнихъ радостяхъ участие
Въ загробной жизни обрѣтемъ.

1906 г.

434. Стансы.

Въ лѣнливой праздности, бездѣльной
Легко слабѣеть человѣкъ
И жизнью тщетной и безцѣльной
Лишь уменьшаетъ краткій вѣкъ.

Трудомъ осмысленнымъ, полезнымъ
Мы можемъ силы сохранить
И съ нимъ, отраднымъ и любезнымъ,
До поздней старости дожить.

Въ трудѣ излишествъ не бываетъ,
При немъ соблазны не опасны,
Онъ избавляетъ отъ бѣды,

Въ немъ горе каждый забываетъ,
Всѣ дни при немъ равно прекрасны,
Трудъ всѣхъ спасаетъ отъ нужды.

1906 г.

435. Трудъ.

Когда мы трудимся разумно,
Намъ жить отрадно и легко:
Несуетливо и безшумно
Идемъ впередъ мы далеко.

Лишь при трудѣ возможно счастье,
При немъ нѣтъ скуки и тоски,
При немъ нетягостно ненастье,
При немъ соблазны далеки.

Я не могу себѣ представить,
Какъ стали-бъ жить мы безъ труда,
Какъ стали бы Творца мы славить,
Скитаясь праздными всегда.

Безъ цѣли въ мирѣ прозябая,
Мы въ тягость были бы себѣ
И, хлѣбъ у ближнихъ отнимая,
Мы въ вѣчной были бы борьбѣ.

Я вижу это на примѣрѣ
Освободителей лихихъ,

На каждомъ гнусномъ изувѣрѣ,
На каждомъ ворѣ правъ чужихъ.

О, развѣ это—образъ Божій
Или подобіе Творца?
На звѣря хищнаго похожій,
Онъ пошлѣ, и низокъ безъ конца.

Подъ маской жажды равноправья,
Подъ маской братства и любви
Мы видимъ плевелы злонравья
И злодѣянїя въ крови.

И гдѣ же этому причина,
Гдѣ жизни пагубной зерно?
То гнусной праздности личина,
То лишь бездѣліе одно.

Да, праздность—мать несчастій въ мірѣ,
А трудъ спасителенъ для насъ.
Вотъ почему его на лирѣ
Я воспѣваю ужъ не разъ.

1906 г.

436. Дума.

Хорошо, когда доволенъ
Жизнью и собой:
Сердцемъ ты тогда не боленъ
И здоровъ душой.

Если духомъ бодръ, спокоенъ,
То и тѣломъ здоровъ:
Счастья ты тогда достоинъ,
Стоишь высшихъ правъ.

Посмотри на тварь земную!
Та, что безъ труда

Кровожадную и злую
Жизнь ведетъ всегда.

Вѣчно жизнью недовольна,
Вѣчно крови ждетъ,
Безпріютна и бездольна,
Втуне и умретъ.

Та же тварь, что возлюбила
Мирный, тихій трудъ
И ему лишь посвятила
Все, что въ жизни чтутъ,

Та счастлива, несомнѣнно,
Не вотще живетъ.
Такъ и людямъ неизмѣнно
Счастье трудъ даетъ.

Лишь при немъ всегда довольнымъ
Можно въ мирѣ быть,
Не бесплоднымъ, не бездольнымъ
И счастливо жить.

Человѣкъ, трудись упорно
Въ мирѣ и тиши,
Духъ же праздности покорно
Въ сердцѣ заглуши!

1906 г.

437. Экспромты.

(Внучкамъ).

Дѣда съ бабой видѣтъ внучекъ
Захотѣли дорогихъ,
Привезли имъ пару штучекъ
Сладкихъ яблокъ наливныхъ.

* *
*

Дѣда съ бабой, тѣтя съ дядей—
Всѣ явились вчетверомъ

Къ папѣ съ мамой, къ милымъ дѣтямъ
Въ ихъ укромный, мирный домъ.

* * *

Вмѣстѣ съ Леночкой и съ Олечкой
Будемъ праздничекъ встрѣчать:
Предъ веселой свѣтлой елочкой
Съ ними любо танцовать.

1906 г.

438. Самодержавіе.

Самодержавіе любезно
И сродно русскому народу:
Оно создало мощь Россіи,
Оно спасло ея свободу.

Русь необъятная не можетъ
Жить безъ единой высшей власти:
Ей безъ нея грозятъ волненья,
Тревоги, смуты и напасти.

Ей покоренные народы
Стремятся вновь къ обособленью
И всѣ, злорадствуя, готовы
Способствовать ея паденью.

Лишь власть единая могуча
И въ силахъ дать успокоенье
Странѣ обширной отъ крамолы,
Творя племеньъ объединенье.

Въ объединеніи же благо,
Въ объединеніи лишь сила,
Въ объединеніи все счастье,
А безъ него странѣ могила.

Объединеніе-жъ возможно
Лишь при единой твердой волѣ,

Неограниченной, свободной,
Въ счастливой, наивысшей долѣ.

Залогъ спасенія Россіи
Въ самодержавіи хранится:
Злодѣй, измѣнникъ иль безумецъ,
Кто пошатнуть его стремится.

1906 г.

439. Е д и н е н і е.

Въ годину бѣдствій и страданій,
Въ годину тяжкихъ испытаній
Отчизны нашей дорогой
Ни дружбѣ мы не измѣняли,
Ни дѣлъ любви не оставляли,
Союзъ поддерживая свой.

И впредь, въ то вѣримъ несомнѣнно,
Мы будемъ также неизмѣнно
Союзъ нашъ мирный охранять,
И несмотря на всѣ невзгоды
Для насъ и въ будущіе годы
Святое дѣло продолжать.

Мы можемъ быть несходныхъ мнѣній,
Несродныхъ взглядовъ, убѣжденій,
Различно родинѣ служить,
Но въ то же время, это вѣрно,
Мы можемъ всѣ нелицемерно
Свое отечество любить.

И ради счастья отчизны
Мы безъ малѣйшей укоризны
Союзу можемъ быть вѣрны,
Во имя-жъ almae matris милой
Мы съ одинаковою силой
Дѣла любви творить должны.

Дай Богъ, чтобъ родина святая,
Равно для всѣхъ насъ дорогая,
Скорѣй спокойною была,
Чтобы тревоги и печали
Ея впередъ не посѣщали,
Чтобъ впредь счастливѣе жила.

Для достиженья-жъ этой цѣли
Намъ надо, чтобъ мы всѣ имѣли
Возможность родинѣ служить,
Намъ нужны средства, случай, силы
Работать честно до могилы
И больше пользы приносить.

А это все вполне возможно,
Когда мы будемъ осторожно
Союзъ нашъ мирный охранять,
Беречь его отъ нареканій,
Отъ политическихъ вліяній,
Дѣла любви лишь совершать.

Вся наша сила въ единеніи
И въ братски-дружескомъ общеніи,
Въ совмѣстномъ, ревностномъ трудѣ.
Такъ будемъ же въ согласіи мирномъ
И впредь на поприщѣ обширномъ
Трудиться въ счастья и въ бѣдѣ!

1906 г.

440. Народное благо.

Отнюдь не отъ верховной власти
Страдаетъ бѣдная Россія:
Творятъ великія напасти
Въ ней управители лихіе.

Самодержавіе расхитивъ,
Они свершаютъ преступленія

И, своенравіе насытивъ,
Идутъ подъ флагомъ возмущенья.

При безотвѣтственности явной
Они сопутствуются лестью
Толпы чиновниковъ безправной
И незаслуженною честью.

Когда-жъ кружокъ самоуправцевъ
Стакнется дѣйствовать согласно,
То отъ вреда христопродавцевъ
И всей Руси небезопасно.

И не вина верховной власти,
Что управители лихіе
Готовятъ ковы и напасти
Для изстрадавшейся Россіи.

Причина—граждане плохіе,
Что терпятъ ковы и напасти
И, видя гибель всей Россіи,
Не встанутъ на защиту власти.

Ихъ власть давно ужъ призываетъ
Для своего освобожденья,
Ихъ представителямъ ввѣряетъ
Законовъ лучшихъ составленье.

Но, вмѣсто слугъ безъ укоризны,
Въ дни для Россіи тяжелой доли
Спѣшать враги святой отчизны
На зовъ самодержавной воли.

Гдѣ-жъ граждане, что обвиняютъ
Во всемъ одно самодержавье
И въ то же время осуждаютъ
Грабителей самоуправья?

Что-жъ не спѣшать они къ престолу,
Чтобъ охранить законъ и право,
И попускаютъ произволу
Самоуправствовать лукаво?

Когда-бъ народъ и царь согласно
Работали для общей цѣли,
Тогда бы шли дѣла прекрасно
И козни силы не имѣли.

Все наше благо въ православьи—
Въ немъ братство, равенство, свобода—
И въ истинномъ самодержавьи,
При единеньи съ нимъ народа.

1906 г.

441. Святые Виленскіе мученики.

(Память 14 Апрѣля).

1.

Антоній съ братомъ Іоанномъ
Лишь православіе пріяли,
Во тьмѣ язычества, что звѣзды
Средь мрака ночи, возсіяли.
Презрѣвъ и почести, и славу,
И всѣ сокровища земныя,
Лишь ко Христу они усердно
Стремили помыслы святые.
Ни князя гнѣвъ, ни мечь согражданъ,
Перкуну ревностно служившихъ,
Ихъ устрашить не въ силахъ были,
Себя Христу лишь посвятившихъ.
Позоръ и муки истязаній
Съ весельемъ сердца принимая,
Они Христа лишь прославляли,
За жребій свой благословляя.
И, вмѣсто временной, грѣховной,
Въ жизнь вѣчную душой вступили,
Тѣла-жъ, въ отраду православнымъ,
Свои въ нетлѣнны сохранили.
Они примѣромъ твердой вѣры,

Средь мукъ жестокихъ и суровыхъ,
Межъ соплеменниковъ немало
Нашли поборниковъ Христовыхъ.
И вслѣдъ имъ родственникъ по крови
Евстафій, все презрѣвъ земное,
Открыто началъ славословить
Христово имя всесвятое.
Жестокость пытокъ, истязаній
Лишь укрѣпляли въ немъ стремленье
Принять вѣнецъ святыхъ мученій,
Врагамъ Христовымъ въ посрамленье.
На томъ же дубѣ, на которомъ
Скончались святые братья,
Онъ, весь истерзанный, замученъ,
Въ знакъ незабвеннаго распятыя.
Принявъ съ веселіемъ страданья,
Онъ духомъ въ райскія селенья
Переселился къ дивнымъ братьямъ
И тѣломъ избѣжалъ онъ тлѣнья.
И три святые страсготерпца
Всѣ въ общей рацѣ почиваютъ
И притекающихъ къ нимъ съ вѣрой
Отъ всѣхъ недуговъ исцѣляютъ.
Вы, мужи дивные, святые,
Антоній, Иоаннъ, Евстафій,
Превыше всякихъ прославленій
Хвалебныхъ гимновъ, эпитафій!
Сіяйте-жъ славой лучезарной
Въ защиту православной вѣры,
Дабы ея не омрачали
Еретики и лицемѣры!

2.

Память вѣчная со славою
Вамъ, подвижники великіе,
Что прониклись вѣрой правою
Въ дни языческіе, дикіе.

Мужи дивные Антоніе,
Іоанне и Евстафіе,
Оиміама благовоніе
Вамъ возносимъ въ эпитафіи.
Помолитесь, богомольники,
Вы за Русь многострадальную,
Чтобъ злодѣи и крамольники
Прекратили брань печальную,
Чтобъ Царя Самодержавнаго
Русь попрежнему держалася,
Отъ закона православнаго
Никогда не уклонялася,
Чтобъ въ ней люди православніи
Жили, склонны къ единенію,
Какъ въ години стародавнія,
По Христову лишь ученію!

3.

Ревностью къ Богу Антоніе славный,
Гласу любви Іоанне покорный,
Святостью съ ними Евстафіе равный—
Въ троицѣ дивной союзъ чудотворный!
Вы, какъ созвѣздіе, чуждое тлѣнія,
Міръ озаряете свѣтомъ спасенія.
Радуйтесь, мужіе многострадальніи,
Радуйтесь, купно отъ всѣхъ достохвальніи,
Радуйтесь, радостью неизреченной,
Мощи бо ваши почіють нетлѣнно!
Крѣпкіе вѣрой, надеждой, любовію,
Запечатлѣвши ихъ вашею кровію,
Радуйтесь, мужіе, Богу пріятніи,
Радуйтесь, чада Его благодатніи,
Радуйтесь радостью неизреченной,
Слава бо ваша растеть во вселенной!
Всѣмъ пренебрегшии—жизнью и славою,
Одушевленніи вѣрою правою
Радуйтесь, муку пріявь непримѣрную,

Радуйтесь, тьму разогнавъ суевѣрную.
Радуйтесь радостью неизреченной,
Купно съ Распятымъ въ странѣ всеблаженной!

1906 г.

442. **Кавалерственная дама.**

(1863 г.).

Полицмейстеръ института
Въ сильномъ горѣ пребывалъ:
Онъ единственнаго сына
Офицера потерялъ.

Въ тяжелой скорби и печали
Онъ къ начальницѣ идетъ
И рѣшенья строгой дамы
Съ замираньемъ сердца ждетъ:

Какъ бы сына офицера
На казенный счетъ зарыть
Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ институтокъ
Былъ обычай хоронить?

Кавалерственная дама
Въ ужасъ трепетный пришла,
Отъ кошунственной той просьбы
Чуть совсѣмъ не умерла.

Какъ же можно, чтобъ дѣвицы
Съ офицеромъ молодымъ
Спали рядомъ хоть и вѣчнымъ
Сномъ, невиннымъ и святымъ,
Коль та дама наблюдала
Въ дни великаго поста,
Чтобъ и курицъ съ пѣтухами
Не сгонять въ одни мѣста!

1907 г.

443. ЛѢТНИМЪ ДНЕМЪ.

Сижу на балконѣ
Средь зелени сада,
И въ душу мнѣ льется
Невольнo отрада.

При солнечномъ блескѣ
Лазурь голубая
Наводитъ на мысли
О радостяхъ рая.

И чуется сердцу:
Оно предвкушаетъ
Блаженство, что въ небѣ
Его ожидаетъ...

1907 г.

444. Д в а д о м а .

Два дома историческихъ,
Одинъ вблизи другого:
Одинъ—для политическихъ,
Другой—для трудового.

Въ послѣднемъ, вновь основанномъ,
Безпечно веселятся,
А въ первомъ замурованномъ
Невольники томятся.

Предъ домомъ веселящихся
Раскинуть садъ привольный,
Но видъ на домъ томящихся
Внушаетъ страхъ невольный...

Смотрю,—и, къ удивленію,
Довольныя все лица:
Не вводитъ ихъ въ смущеніе
Зловѣщая темница.

И музыка, и пѣніе,
И пляска, и кривлянье,
Питье, и объяденіе,
И шумъ рукоплесканья.

Забыты всѣ страданія,
Что въ жизни пережиты,
Всѣ скорби, испытанія,
Всѣ слезы, что пролиты.

Забытъ и дѣмъ томящихся
Вблизи, передъ глазами:
Безпечно веселящихся
Не устрашить тюрьмами.

Такъ сходятся сосѣдственно
И горе, и отрада:
Неволя жизни бѣдственной
И гульбище среди сада...

Я съ думой безотрадною
Покинулъ садъ веселый:
Мозгъ болью беспощадною
Давилъ кошмаръ тяжелый.

1907 г.

445. **М о л и т в а.**

Бѣдная Россія!
Бѣдный нашъ народъ!
Бѣдствія лихія
Вамъ судьбина шлетъ.

Отъ семейной ссоры
Страждетъ вся семья:
Распря и раздоры—
Счастію змѣя.

Такъ и государство
Страждетъ отъ вражды:

Смута и коварство—
Злѣе нѣтъ бѣды.

Братъ встаетъ на брата,
Дѣти—на отца,
И ничто не свято:
Злобѣ нѣтъ конца...

Боже милосердный,
Сжался надъ страной:
Вопль ея усердный
Слухомъ удостой!

Отврати напасти,
Успокой сердца,
Умири всѣ страсти,
Распри безъ конца!

Боже! извелася
Русь родная вся,
Кровью облилася,
Козни вынося.

Укрѣпи въ ней вѣру,
Утверди престолъ,
Укроти не въ мѣру
Сильный произволъ!

Мощною державой
Вновь ее яви,
Озари вновь славой
Въ мирѣ и любви!

1907 г.

446. Дары природы.

Природа—мать, цѣлительнымъ бальзамомъ
Мой духъ тревожный успокой!...
Тобою, какъ нерукотворнымъ храмомъ,
Невольно взоръ восторженъ мой...

Гармонія красотъ земли и неба,
Гармонія живыхъ чудесъ
Насущнаго порой дороже хлѣба,
Духъ възвышая до небесъ.

Заботы жизни суетнаго міра
Отходятъ въ сторону тогда,
И вдохновенная, святая лира
Слагаетъ гимны безъ труда.

Пѣвецъ, не унывай, когда невзгоды,
Когда враги тебя тѣснятъ:
На лонѣ вдохновляющей природы
Спѣши скорѣй, ища отрады!

Всѣ скорби, всѣ лишенья, всѣ невзгоды
Забудешь, ты невольню восхищёнъ
Красотами чарующей природы
И вдохновеньемъ окрыленъ.

1907 г.

447. Предъ храмомъ на крови.

(19 августа 1907 г.).

Великолѣпиемъ сіяя,
Храмъ Воскресенія стоитъ,
Къ молитвѣ вѣрныхъ призывая,
О страшномъ горѣ говоритъ.

Онъ говоритъ о тѣхъ страданьяхъ,
Что вынесъ незабвенный царь,
Неописуемыхъ терзаньяхъ,
Какихъ въ Руси не знали встарь.

Онъ говоритъ о злодѣяньи,
Потрясшемъ русскія сердца,
Укорѣ тягостномъ въ сознаньи
Россіи, скорбной безъ конца;

И въ немъ, подъ сѣнью драгоцѣнной,
Нашли себѣ святой пріютъ
Тѣ камни, что къ Творцу вселенной
О грозной мести вопіють...

Кто знаетъ? можетъ быть, Россія
Несетъ отвѣтъ за кровь царя,
Что даль ей блага дорогія,
Любовью отчей къ ней горя,

Скорби-жъ, несчастная Россія,
Смирись и пламенно молись,
Чтобъ смуты бѣдствія лихія
Скорѣй безслѣдно пронесли!

1907 г.

448. Къ юбилею К. Р.

Твой стихъ изящной красотою
Чаруетъ русскія сердца,
Какой то прелестью живою
Ихъ восторгаетъ безъ конца.

Тебѣ понятны откровенья
Природы, сердца и ума,
И дышитъ въ перлахъ вдохновенья
Твоихъ поэзія сама.

Ты русскій сердцемъ, русскій духомъ,
Ты святорусскій соловей,
И Русь родная жаднымъ слухомъ
Внимаетъ музыкѣ твоей.

Превыше царственнаго рода
Поставивъ званіе пѣвца,
Въ сердцахъ російскаго народа
Стяжалъ ты лавры для вѣнца.

О, пой же, пой, пѣвецъ свободный,
Облагораживай сердца
Своею пѣснью благородной
Во славу вышняго Творца!

1907 г

449. О с е н ь ю.

Увяданіе природы
Грустью вѣетъ на меня,
Но средь мира и свободы
Отдыхаю сердцемъ я.

Дни блистающаго лѣта
Утомительны подчасъ:
Яркость красокъ, яркость свѣта
Ослѣпляютъ часто глазъ...

Хоры птичекъ перелетныхъ
Убаюкиваютъ слухъ...
Рядъ прогулокъ беззаботныхъ
Усыпляетъ бодрый духъ...

Съ увяданіемъ природы
Развлеченій меньше кругъ,
А труды средь непогоды
Избавляютъ насъ отъ мукъ.

Въ непогоду крѣпче тѣло,
За трудомъ бодрѣе духъ,
А кто любить въ жизни дѣло,
Тотъ къ живой любви не глухъ.

Встрѣтимъ осень пожеланьемъ
Отрезвиться намъ скорѣй
Средь работы, съ упованьемъ
Вновь дождаться красныхъ дней!

1907 г.

450. Крамола.

Событія смѣняются чредою.
Давно ли Русь покойною была,
 Давно-ль державой міровою,
 Страной могучею слыла?

И что-жъ теперь? какой то злобный геній
Простеръ надъ ней губительную длань
 И для возвышенныхъ стремленій
 Ей на пути поставилъ грань,

Зажегъ въ сердцахъ ея пожаръ тлетворный,
Довольства мирнаго ея лишилъ,
 На путь крамолы, путь позорный
 Ея согражданъ совратилъ.

Нарушены законъ, права, свобода,
Расшатаны и церковь, и престолъ,
 Среди властей, среди народа
 Царить зловѣщій произволъ.

И долго-ль будетъ Русь терпѣть невзгону?
Когда-жъ придетъ безвременью конецъ?
 Когда же миръ, любовь, свободу
 Пошлетъ ей благостный Творецъ?

Въ былыя времена весь людъ крещеный
Въ дни лихолѣтій къ Богу прибѣгалъ,
 И Царь небесъ, мольбой смягченный,
 Ему спасенье посылалъ.

Въ былыя времена весь людъ крещеный
За царскія права стѣной вставалъ
 И, вѣрностью одушевленный,
 Царя въ напастяхъ охранялъ.

Въ былыя времена весь людъ крещеный
Отечество святое защищалъ
 И, доблестью объединенный,
 Всѣхъ супостатовъ поборалъ.

А нынѣ? нынѣ нѣтъ ни вѣры въ Бога,
Ни вѣрности Царю, любви къ странѣ:
Одна крамольная дорога
Теперь въ почетѣ и цѣнѣ.

Но, вѣдь, не можетъ же крамола вѣчно
Царить въ странѣ великой и святой,
А власть позорно и безпечно
Играть отечества судьбой.

Найдутся доблестные патриоты,
Возстанутъ за отечество горой
И сломятъ, сломятъ всѣ оплоты
Крамолы злобной и слѣпой.

О, не разумнѣе ли было-бъ власти
Самой скорѣй за родину возстать,
Спасти ее отъ горя и напасти,
Крамолу дерзкую унять?!

1907 г.

451. В ѣ туманѣ.

Бду въ туманѣ: ни зги не видать...
Сѣтка виситъ предъ глазами...
Какъ бы пролетки о столбъ не сломать,
Иль не столкнуться съ возами,

Иль не наѣхать на добрыхъ людей...
Бду совсѣмъ наудачу...

Какъ бы добраться домой поскорѣй
„Ну, подгоняй свою клячу!...

Что-жъ ты, извозчикъ, такъ плохо везешь?“

— Да ничего, вѣдь, не видно...

Долго-ль до горя? какъ разъ попадешь
Въ судьбище: будетъ обидно. .

Вотъ мой сосѣдъ по деревнѣ Кузьма
Тоже въ туманѣ пробирался,

Смялъ челоуѣка... въ окружный... тюрьма...
Навѣкъ несчастнымъ остался...

Ужъ не взыщите, честной господинъ,
Тутъ не лошадка виною,
Лучше часокъ потерпѣть лишь одинъ,
Чѣмъ побрататься съ тюрьмою.—

Правъ мой возница. Я долженъ терпѣть,
Доводъ его неоспоримъ.
Лучше въ пролеткѣ спокойно сидѣть,
Чѣмъ познакомиться съ горемъ.

Бду въ туманѣ: ни зги не видать.
Сѣтка виситъ предъ глазами,
Буду-жъ дорогой безопасно дремать,
Мирно обвѣянный снами!

1907 г.

452. **Новый храмъ.**

(23 Сентября 1907 г.)

Создался новый храмъ науки
Для изученья старины,
Чтобы потомки—дѣти, внуки—
Познали жизнь своей страны.

Незнаніе родныхъ преданій,
Незнаніе родной судьбы,
Родныхъ стремлений и дѣяній,
Отрадъ, лишеній и борьбы

Живое чувство притупляетъ
И расхолаживаетъ кровь,
Съ завѣтнымъ связи порываетъ
И гаситъ къ родинѣ любовь.

Лишь тотъ способенъ чтить отчизну,
Лишь тотъ—надежный патріотъ,

Не будетъ ей готовить тризну,
Въ ряды враговъ не перейдетъ,

Кто изучилъ ея преданья;
Ея основы уяснилъ,
Перестрадалъ ея страданья,
Ее всѣмъ сердцемъ полюбилъ,

Лишь онъ отечеству полезенъ,
Лишь онъ—отечеству слуга,
Ему лишь край родной любезенъ,
Родная слава дорога.

Столь важно знаніе былого,
Преданья древности сѣдой,
Судебъ отечества святого,
Шаговъ исторіи родной.

Сокровищъ множество зарыто,
Невѣдомо лежитъ въ землѣ,
Немало ихъ въ архивахъ скрыто,
Небрежно предаваясь тлѣ.

Извлечъ священныя скрижали
Народной мудрости на свѣтъ,
Что предки внукамъ завѣщали
Въ предотвращенье золь и бѣдъ,
Задача сложная; надъ нею
Немало трудится умовъ,
Со всей энергіей своею
Вникая зорко въ глубь вѣковъ.

Ужъ четверть вѣка миновало,
Когда въ новѣйшей изъ столицъ
Благое дѣло возникало
По замыслу немногихъ лицъ,
Тамъ храмъ явился драгоцѣнный,
Въ которомъ сотнями жрецы
Воспламеняютъ огонь священный,
Неся его во всѣ концы.

Но несмотря на всѣ усилья,
На безкорыстные труды
Въ виду сокровищъ изобилья,
Ихъ недостаточны ряды.

И вотъ въ Москвѣ первопрестольной
Создался нынѣ новый храмъ,
Гдѣ средь работы добровольной
Куриться будетъ ѳиміамъ.

Уже для жертвоприношенья
Стеклися многіе жрецы,
Полны высокаго стремленья
Душой отважные борцы.

Ихъ безкорыстными трудами
Изъ сердца родины святой
Обогатимся мы плодами
Науки строгой и живой.

Одинъ другому помогая,
Два храма будутъ процвѣтать
И, Русь познаньемъ озаряя,
Въ ней патріотовъ умножать.

Благословимъ же патріота,
Кто мысль благую возбудилъ
Созданьемъ новаго оплота
Придать намъ бодрости и силъ!

Благословимъ и лицъ, кто дружно
Помогъ ему воздвигнуть храмъ,
Снабдивши всѣмъ, что было нужно,
Чтобъ воскурить въ немъ ѳиміамъ!

Благословимъ святое дѣло
И новый храмъ благословимъ,
Въ работѣ честной и умѣлой
Жрецовъ его воспламенимъ!

Да будетъ онъ въ первопрестольной
Сіять, какъ яркая звѣзда,
Среди работы добровольной,
Средь безкорыстнаго труда!

1907 г.

453. Чаша испытаній.

Странникъ случайный подлуннаго міра,
Что прилѣпляешься къ жизни земной?
Что создаешь непрерывно кумира?
Что забываешь о жизни иной?

Все здѣсь лишь временно, тлѣнно, непрочно,
Все—суета, суета, суета,
Въ жизни же вѣчной, пока лишь заочной,
Насъ ожидаетъ лишь красота.

Временнымъ гостемъ, скитальцемъ случайнымъ
Ты осужденъ этотъ міръ проходить:
Стоитъ ли съ рвеніемъ столь чрезвычайнымъ
Непостоянныя блага любить?

Это лишь чаша, сосудъ испытаній,
Искусъ, который должны мы принять
Передъ вступленіемъ въ міръ ликованій,
Гдѣ суждено намъ всегда пребывать.

Къ тлѣннымъ сокровищамъ здѣсь прилѣ-
пляясь,
Мы устраняемся вѣчныхъ отрадъ,
Въ міръ ликованій со страхомъ являясь,
Рай превращаемъ сознаниемъ въ адъ.

Не прилѣпляйся же, гость мимолетный,
Къ браннымъ соблазнамъ юдоли земной,
Будущій ангелъ небесный, безплотный,
Будущій житель отчизны святой!

1907 г.

454. Народное самосознаніе.

Растеть, растеть святое дѣло
Самосознанія народа,
Безостановочно и смѣло
Идя впередъ все годъ отъ года.

Оно растеть сильнѣй средь бѣдствій,
Въ години войнъ и смуть народныхъ,
Въ години тягостныхъ послѣдствій
Волненій, бунтовъ сумасбродныхъ.

Враги отечества злорадно,
Соблазномъ лживыхъ обѣщаній
И лжесвободъ, гнетуть нещадно
Народъ въ горнилѣ испытаній.

Они, подъ видомъ равноправья,
Для коренного населенья
Готовятъ ужасы безславья
И бездну золь порабощенья,

Друзей же истинной свободы
Стереть съ лица земли стремятся,
Въ разрѣзъ съ законами природы
Они идти безумно тщатся.

Но все растеть святое дѣло
Самосознанія народа,
Безостановочно и смѣло
Растеть сильнѣе годъ отъ года.

И умъ, свободный отъ обмана
Освободителей тлетворныхъ,
Уже провидитъ сквозь тумана
Крушенье плановъ ихъ позорныхъ.

Все меньше, меньше съ каждымъ годомъ
Людей нелѣпо легковѣрныхъ,
Идущихъ вмѣстѣ не съ народомъ,
А съ кучкой гадовъ лицемѣрныхъ.

Растетъ, растетъ святое дѣло
Самосознанія народа,
И воцарится въ немъ всецѣло
Вновь правды истинной свобода!

1907 г.

455. С О В ъ Т Ъ .

Налетятъ всѣ бѣды разомъ,
Отворишь лишь ворота:
Омрачится ясный разумъ,
Сгинетъ жизни красота.

Но терпи, не поддавайся:
И невгодамъ есть конецъ!
Бодро, доблестно сражайся:
Побѣдителямъ вѣнецъ!

День веселья, вѣрь, настанетъ,
Всѣ невгоды пропадутъ,
Солнце яркое проглянетъ,
И отрады вновь придутъ!

И тогда не увлекайся,
Будь всегда готовъ къ борьбѣ,
И съ отрадами сражайся,
Покоряя ихъ себѣ!

Какъ невгоды исчезаютъ
И смѣняетъ счастье ихъ,
Такъ отрады измѣняютъ:
Горе горше послѣ нихъ.

Будь лишь крѣпокъ мощнымъ духомъ,
И счастливымъ будешь ты,
Сердцемъ, чувствомъ, взоромъ, слухомъ
Не чуждаясь красоты!

1907 г.

456. Въ минуту упоенія.

(Экспромтъ).

Радостью сердце исполнилось вновь,
Снова веселія сердце полно,
Къ жизни сильнѣй загорѣлась любовь,
Я въ упоеньи, какъ не былъ давно.

Скорби, невзгоды, какъ не было ихъ,
Такъ далеки, далеки отъ меня,
Вновь я исполненъ стремленій благихъ,
Братской любви и живого огня.

Вновь я хотѣлъ бы душою обнять
Землю и небо, природу, весь міръ,
Вновь начинаю я зло побѣждать,
Вновь я не немощенъ, вновь я не сирь.

Это-ль не счастье въ жизни земной
И не прообразъ блаженства въ раю?
Это-ль не жребій благой и святой,
Съ дѣтства о коемъ я Бога молю?

Благословлю-жъ я сердцемъ Творца,
Что посылаетъ мнѣ столько отрадъ:
Нѣтъ имъ ни счета, ни числа, ни конца,
Благословлю-жъ Творца я стократно!

1907 г.

457. Откровеніе.

(Экспромтъ).

Хоть гласъ народа есть гласъ Божій,
Онъ свыше не былъ возвѣщенъ.
Теперь на трубный звукъ похожій,
Какъ звонъ металла, внятенъ онъ.

Нашъ Вождь благой, самодержавный
Изрекъ, что правъ его народъ,

И только пасынокъ злонравный
Вождя такимъ не назоветъ.

Ликуйте сердцемъ, россияне,
Что спасена Россіи честь,
Ликуйте, вѣрные граждане:
Царь Самодержецъ былъ и есть!

Да будетъ ввѣкъ Онъ Самодержцемъ
На благо родины святой:
Измѣнѣ гнусной—громовержцемъ,
Всѣмъ—путеводною звѣздой!

1907 г.

458. ВЪ УПОЕНІИ.

(Экспромтъ).

Какъ я счастливъ, о Боже мой!..
Я получилъ привѣтъ неожиданный,
Начертанный рукою той,
Что гимнъ любви благоуханный
Чертить съ любовью неземной,
Что сострадательно и вѣрно
Рисуетъ быть и нравы тѣхъ,
Кто всей душой, нелицемѣрно
Пастъ жертвою готовъ за всѣхъ,
Служа отечеству примѣрно,
Что даръ пѣвца, отъ Бога данный
На благо родины святой,
Надъ пышной царственной чредой
Превознесла, какъ перлъ желанный,
Какъ жребій высшій и благой!..

1907 г.

459. **Свѣтильнику вѣры.**

Маститый пастырь православный,
Забрызганъ скверною лжецовъ,
Толпы завистниковъ злонравной,
Слѣпыхъ, безумныхъ гордецовъ.

Столпъ вѣры истинной и правой,
Какъ адамантъ, сіяешь ты,
Средь мрака лжи, вражды лукавой,
Лучами чистой красоты!

Враги добра, всего святого,
Враги Любви—Царя царей
Тебя, подвижника Христова,
Злословятъ въ ярости своей.

Но ты, какъ твердый камень вѣры,
Несокрушимъ, неуязвимъ,
И козни безъ числа, безъ мѣры
Всѣ разлетаются, какъ дымъ.

Сіяй, сіяй, свѣтильникъ вѣры!
Крестомъ сердца всѣ просвѣтишь,
И посрамятся лицомъ вѣры:
Враговъ добра „симъ побѣдишь“.

1907 г.

460. **В. К. Дьякову.**

(1882—1907).

Просвѣщенію народа
Четверть вѣка вы служили,
Постепенно годъ отъ года
Больше пользы приносили.

Многосложную работу
Вы отлично изучили
И нелегкую заботу
Каждый день переносили.

И, цѣня заслуги ваши,
Васъ начальники любили,
И сердца невольно наши
Вы къ себѣ расположили.

Чистымъ сердцемъ, добрымъ нравомъ
Вы ихъ мирно покорили.
Такъ себѣ вы съ полнымъ правомъ
Честь и славу заслужили

Двадцать пять годинъ служенья
Безупречно вы свершили,
Но и нынѣ силу рвенья,
Какъ и прежде, сохранили.

И желаемъ отъ души мы,
Чтобъ и дольше вы служили
И, попрежнему любимы,
Пользу дѣла приносили.

Съ юбилеемъ поздравляемъ,
Что вы честно отслужили,
И сердечно вамъ желаемъ,
Чтобъ и впредь счастливо жили!

1907 г.

461. Россійская пѣснь.

За вѣру православную,
Царя самодержавнаго
И русскій весь народъ
На смерть, на гибель явную
Безъ трепета безславнаго
Всякъ вѣрный россъ идетъ.

1908 г.

462. **Жажда жизни.**

Сердце стало давно ужъ спокойно,
Тосковать перестало оно,
Умирать или жить — все равно,
И вчера и сегодня — одно...
Прозябать безъ пути недостойно...

Нѣтъ, я жизнью такой недоволенъ...
Я хочу тревоженій и грозъ,
Я хочу испытаній и слезъ,
Я хочу наслажденій и грезъ:
Я не буду тогда обездоленъ...

Не хочу я мѣщанскаго счастья:
Я желалъ бы борьбы и любви,
Я желалъ бы пожара въ крови,
Чтобъ всѣ нервы молились мои!...
Я желалъ бы вражды и участья!...

1908 г.

463. **15 января 1908 года.**

Скоро треть ужъ будетъ вѣка,
Какъ живетъ нашъ институтъ
И на пользу человѣка
Изысканія растутъ...

Какъ отъ искры, чуть примѣтной,
Разгорается костеръ,
Такъ по мысли, намъ завѣтной,
Шире знанію просторъ.

И преданья дорогія
Возстаютъ во всей красѣ:
Стародавняя Россія
Тайны намъ являетъ всѣ...

Мракъ пещеръ и подземелій,
Прахъ побоищъ и могилъ,

Миръ отшельническихъ келій,
Бывшихъ ровъ и рѣчекъ иль,
Пыль столбцовъ полуистлѣвшихъ,
Утварь храмовъ и дворцовъ,
Тлѣнь погibшихъ, погорѣвшихъ
Деревень и городовъ —

Все намъ служить къ уясненью
Прежнихъ нравовъ и трудовъ,
Помогая воскрешенью
Быта предковъ и отцовъ...

И немало изъ былого
Нашей милой старины
Намъ пригодно въ жизни снова
Какъ основа для страны.

Въ немъ находимъ твердость вѣры
Въ битвахъ, пыткахъ и крови
И высокіе примѣры
Братской, истинной любви.

Въ немъ общинное начало,
Строя земскаго зерно
Намъ давно знакомо стало
И давно воплощено.

Средь озёрной, многоводной
Части сѣверной страны
Въ немъ свободы всенародной
Были образы даны.

А въ столицѣ православной,
На семи ея холмахъ,
Образецъ самодержавной
Власти создалъ Мономахъ.

Въ прошломъ родины любезной
Зримъ немало мы людей,
Жизнью честною, полезной
Послужившихъ вѣрно ей.

Весь укладъ страны родимой
Самобытенъ былъ всегда:
Жизни, къ ней непримѣнимой,
Русь не чтила никогда.

Продолжая изысканья
Въ прошломъ родины святой,
Облегчимъ ея старанья
Завершить исконный строй,

Уяснивъ, что чужестраннымъ
Не счастливится она,
Что своимъ, отъ Бога даннымъ,
И богата, и сильна.

Съ вѣрой въ лучшее, въ надеждѣ
На успѣшный дѣла ходъ,
Поработаемъ, какъ прежде,
Принося посильный плодъ,

И, въ сознаниі значенья
Столь великаго труда,
Мы достигнемъ прославленья
Института навсегда!

464. ЦѢЛЬ ЖИЗНИ.

Я не даромъ живу въ этомъ мірѣ:
То мнѣ внутренній голосъ твердитъ...
Я Творца воспѣваю на лирѣ,
Какъ мнѣ разумъ, какъ сердце велитъ.

И во всѣхъ проявленіяхъ міра
Вижу я лишь велѣнья Творца:
Никогда не создамъ я кумира
Изъ несчетныхъ твореній Отца.

Самый міръ дорогъ мнѣ, какъ созданіе
Безконечной, предвѣчной Любви,

Проявившей къ нему состраданье
Искупленьемъ въ Пречистой Крови.

И за то мы обязаны вѣчно
Славословить Творца на землѣ
И въ дѣлахъ прославлять безконечно
Въ этомъ мірѣ, лежащемъ во злѣ.

Намъ свободно - разумная воля
Для того и дана, чтобъ творить,
Намъ дана многотрудная доля,
Чтобъ на дѣлѣ Христа возлюбить.

Какъ Спаситель Пречистою Кровью
Искупилъ насъ отъ адовыхъ узъ,
Такъ и мы беззавѣтной любовью
Сохранимъ съ Нимъ на-вѣки союзъ!

Такъ и я самъ — ничтожнѣйшій въ мірѣ —
Долженъ всюду добро лишь творить
И безтрепетнымъ гимномъ на лирѣ
Имя Божіе въ людяхъ святить!

1908 г.

465. С е б ѣ.

(Экспромтъ).

Не гордись, что пѣснопѣньемъ
Покоряешь ты сердца!
Животворнымъ вдохновеньемъ
Надѣленъ ты отъ Творца.

По Его лишь благодати
Можешь гимны ты творить
И сердца своихъ собратій
Къ свѣту истины будить.

Самъ ты немощенъ тѣлесно
И духовно часто спишь:

Лишь при помощи небесной
Духомъ къ небу ты паришь.

Не гордись же дивнымъ даромъ,
Посылаемымъ тебѣ,
Но съ любовію и жаромъ
Развивай его въ себѣ!

1908 г.

466. Экспромтъ.

Не скорби, поэтъ! мгновенно
Прилетитъ надзвѣздный другъ,
И, какъ прежде, вдохновенно
Грянуть струны лиры вдругъ.

Весь ты снова вострепнешься,
Духомъ къ небу воспаришь,
Надъ землею вознесешься,
Міру гимны подаришь.

Пѣснью вѣщею, покорной
Восхвалишь ты вновь Творца
И молитвой животворной
Воскресишь къ добру сердца.

1908 г.

467. Подвижникъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, въ землѣ Новгородской,
Въ селеніи близъ града Торжка,
Жилъ пастырь съ семьею при церкви приходской,
Лелѣя любимца сына.

И отрокъ любимый своимъ поведеньемъ
Родителей взоръ утѣшалъ —

Съ отрадой великой, сознательнымъ рвеньемъ
Храмъ Божій всегда посѣщалъ.

И Божіе Слово всегда съ умиленьемъ

Онъ слушалъ, молитвы творя,
 Всѣ службы выстаивалъ въ храмѣ съ терпѣньемъ,
 Любовью къ Богу горя.
 За утренней службой стоялъ онъ однажды,
 Къ Творцу всей душою стремясь,
 Исполненный Слова Господняго жажды,
 Всѣмъ сердцемъ усердно молясь.
 На клиросѣ явственно, плавно и чинно
 Причетникъ читалъ антифонъ
 О святости иноковъ жизни пустынной:
 Запалъ въ душу отрока онъ.
 Съ тѣхъ поръ Митрофанъ изъ родного селенья
 Нерѣдко въ лѣса уходилъ
 И тамъ, вдалекѣ отъ мірскаго волненья,
 Покой для души находилъ.
 Все больше и больше къ Творцу прилѣпляясь
 И мыслью, и сердцемъ своимъ,
 Природы могучей красой вдохновляясь,
 Духовною жаждой томимъ,
 Молитвѣ онъ всѣмъ существомъ предавался,
 Творца славословилъ дѣла
 И духомъ незримо Христу приобщался, —
 И въ сердцѣ отрада жила.
 Однажды въ пустынныхъ мѣстахъ обрѣтался
 Въ молитвенномъ рвеніи онъ...
 Вдругъ слышитъ: невѣдомый голосъ раздался,
 Которымъ онъ былъ пораженъ:
 „Иди въ непроходно-пустынную землю,
 Что жаждетъ глагола давно!
 Сердечному зову давно ужъ я внемлю:
 Да будетъ спасенье дано!“
 И понялъ тогда Митрофанъ, что къ пустынѣ
 Недаромъ былъ часто влекома,
 Что избранъ онъ свыше трудиться отнынѣ
 Въ краю отдаленномъ, глухомъ.
 Оставилъ тогда онъ родное селенье,
 На сѣверъ направилъ стопы,

Туда, гдѣ лопарь пасеть стадо оленье,
Гдѣ не было конной тропы,
Гдѣ солнца подолгу въ году не бываетъ,
Гдѣ гага привольно живетъ,
Гдѣ снѣжная вьюга зловѣще гуляетъ
И розъ никогда не цвѣтетъ.
Въ суровой Лапландіи, въ мѣстности дикой,
Гдѣ хмуро Печенга течетъ,
Скитаясь въ пещерахъ, подвижникъ великій
Жилъ долго средь скалъ и болотъ.
Въ кочевья лопарскія часто являясь,
Язычниковъ онъ просвѣщаль
И, свыше на подвигъ святой вдохновляясь,
Ученье Христа возвѣщаль.
Кебуны, жрецы ихъ, народъ возмущали,
Къ подвижнику злобой горя,
И темные люди его оскорбляли,
Обиды большія творя,
Побой нерѣдко ему наносили,
Ругали, старались убить,
Въ медвѣжьихъ засады его отводили,
Спѣшили его отравить.
И что-жъ? невзирая на всѣ злоключенья,
Подвижникъ былъ свыше хранимъ,
Все съ новою силой Христова ученье
Врагамъ возвѣщаль онъ своимъ.
И сила евангельскихъ словъ постепенно
Смягчала сердца дикарей,
Вселяя въ нихъ вѣру въ Творца всей вселенной,
Въ Спасителя грѣшныхъ людей.
И рѣчь проповѣдника часто дышала
Любовью такой неземной,
Что многихъ неволью къ нему привлекала
Съ раскрытой для дружбы душой.
Такъ двадцать ужъ лѣтъ проводилъ онъ въ пу-
стынѣ,
Толпы ко Христу обратилъ,

Но не было тамъ православной святыни,
 Ни пастыря, чтобъ окрестилъ.
И вотъ къ Новограду онъ путь свой направилъ
 Молить, чтобъ владыка святой
Для вновь обращенныхъ іерея поставилъ,
 Храмъ выстроя въ тундрѣ глухой.
И сталося все по мольбѣ Митрофана:
 Во храмѣ народъ окрещень...
И самъ, въ облаченіи духовнаго сана,
 Сталъ инокомъ Трифономъ онъ...
И вскорѣ вблизи новозданнаго храма
 Возникъ монастырь средь болотъ:
На звонъ колокольный, на дымъ ейміама,
 Молиться стекался народъ.
Въ строеніи обители Трифонъ смиренный
 Немало трудовъ положилъ,
Всю жизнь до кончины, хотъ вельми согбенный,
 Слугою всей братіи былъ.
Въ преклонномъ ужъ возрастѣ былъ преподобный,
 Когда день кончины насталъ,
Отъ жизни земной перехода къ загробной,
 И братій къ себѣ онъ созвалъ.
И, давъ послѣднимъ имъ всѣмъ наставленье,
 Какъ жизнь до конца совершать,
Повѣдалъ онъ, съ горемъ, въ слезахъ, откровенье,
 Что всѣмъ надлежитъ пострадать.
И вскорѣ прѣрочество старца сбылося:
 Семь лѣтъ протекло лишь, когда
Надъ мирной обителью горе стряслося,
 Случилася злая бѣда.
Съ чужбины разбойники въ храмъ ворвались,
 Замучили братію всю,
И грабить, и жечь монастырь принялися,
 Изливъ на немъ злобу свою...
Случилося то въ самый праздникъ великій,
 Явленья Спасителя въ міръ:
Злодѣи со звѣрской жестокостью, дикой

Убили священство и клиръ 1).
 И мѣсто обители той въ запустѣнны
 Лежало три вѣка съ тѣхъ поръ.
 Но Царь-Миротворецъ, въ духовномъ прозрѣннѣ,
 Къ нему обратилъ свѣтлый взоръ.
 И снова обитель святая явилась,
 Гдѣ старецъ блаженный почилъ,
 И звономъ пустыня опять огласилась,
 Наполнилась дымомъ кадилъ.
 На сѣверѣ дикомъ обитель святая
 Сіяетъ, какъ яркій маякъ:
 Къ ней съ вѣрою въ сердцѣ живой прибѣгая,
 Находитъ спасеніе всякъ.
 Труды беззавѣтные братіи честной
 Творятъ на яву чудеса:
 Въ пустынь безплодной, въ пустынь безвѣстной
 На землю сошли небеса.
 Церквей благолѣпіе, стройность служенья,
 Примѣрный порядокъ во всемъ,
 Слѣды трудолюбія, знаній, умѣнья,
 Какъ въ сказкѣ, въ томъ раѣ земномъ.

1) Это прискорбное событіе произошло въ первый день праздника Рождества Христова, 25 декабря 1590 года. Шведскіе разбойники ворвались въ главный храмъ Трифоно-Печенгскаго монастыря во время совершенія литургіи и звѣрски, съ истязаніями и пытками, умертвили всѣхъ находившихся въ немъ — 51 инока во главѣ съ игуменомъ Гуріемъ (кромѣ немногихъ отсутствовавшихъ, выполнявшихъ разныя послушанія) и 65 послушниковъ и рабочихъ, всего 116 человекъ. Затѣмъ злодѣи разграбили обитель и сожгли всѣ церкви и постройки. Уцѣлѣли только баня и двѣ землянки. Послѣ того Трифоно-Печенгская обитель была переведена въ Кольскій острогъ (городъ Кола, Архангельской губерніи) и въ 1764 году упразднена, а въ 1887 году начата возобновленіемъ на первоначальномъ мѣстѣ трудами иноковъ Соловецкаго монастыря и затѣмъ вполне благоустроена и приведена въ замѣчательно цвѣтущее состояніе нынѣшнимъ ея настоятелемъ, архимандритомъ Ионафаномъ.

Да служить святая обитель отраднымъ
Пріютомъ для скорбныхъ людей
И вмѣстѣ примѣромъ живымъ и нагляднымъ
Спасенья отъ бурь и страстей.

1908 г.

468. Царь свѣта, мира и любви.

Онъ жаждалъ свѣта для Россіи,
Подъема всѣхъ духовныхъ силъ,
Свои стремленія благія
Въ жизнь съ воцаренья проводилъ.

Желалъ онъ мира, чтобъ свободно
Свѣтъ разливался по странѣ,
Чтобъ каждый русскій благородно
И жить, и мыслить могъ вполне.

Война и смута помѣшали
Всѣмъ начинаніямъ благимъ,
Въ жизнь воплотиться не давали
Его завѣтамъ дорогимъ.

Онъ далъ гражданскую свободу
Всѣмъ вѣрноподданнымъ своимъ,
Онъ право далъ всему народу
Для родины работать съ нимъ.

Но лиходѣи обратили
Свободу въ дикій произволъ
И, властью пользуясь, возмнили
Поколебать его престолъ.

А онъ, съ душой любвеобильной,
Все благостью своей покрылъ,
Измѣнѣ дерзкой, хоть безсильной,
Всѣ преступленія простилъ.

Для блага родины священной
О личном счастьѣ онъ забылъ,
И славы лаврами нетлѣнной
Себя навѣки окружилъ.

И свѣтъ, при мирѣ и свободѣ,
Зажженный имъ въ странѣ своей,
Въ его возлюбленномъ народѣ
Горить все ярче и сильнѣй.

О, да живетъ онъ многи лѣта
(Господь его благослови!)
Царь мира, истины и свѣта,
Царь всепрощающей любви!

1908 г.

469. **На смерть А. Г. Филонова.**

(29 Мая 1908 г.).

Не стало тебя, незабвенный учитель!
Ты долю свою отстрадалъ,
И чистую душу твой ангелъ-хранитель
Въ селенія горнія взялъ.

Ты много страдалъ въ этой жизни тревожной,
Съ терпѣніемъ скорби сносилъ,
Ища постоянно лишь правды возможной,
Въ трудахъ не щадя своихъ силъ.

Любимому знанію безъ укоризны
Всю жизнь ты себя отдавалъ,
И рядъ поколѣній на благо отчизны
Наукой родной воспиталъ.

И доброе сѣмя, въ сердцахъ укрѣпившись,
Родить благовременный плодъ,
Въ которомъ Россія, слезами омывшись,
Найдетъ для спасенья оплотъ.

Прости-жь, дорогой, незабвенный учитель!
Я вѣрю: средь сонма святыхъ
Тебя успокоить навѣки Спаситель
Въ чертогахъ небесныхъ своихъ.

1908 г.

470. Въ Брызгаловѣ.

Прости, укромный уголокъ!
Едва ли не въ послѣдній разъ
Ты пріютилъ скитальцевъ - насъ
На краткій, мимолетный срокъ.

Ты все такой же, какъ и былъ,
А я ужъ далеко не тотъ:
Отъ бурь житейскихъ и невзгодъ
Я сталъ печалень и унылъ.

И гдѣ-бъ ни появился я
Въ мѣстахъ, для сердца дорогихъ,
Я полнъ печальныхъ думъ своихъ,
Со мной вездѣ тоска моя.

Осталось мало ужъ въ живыхъ
Родныхъ и искреннихъ друзей,
Могилъ прибавилось родныхъ,
Все больше грусти и скорбей.

Невольно мнится мнѣ порой,
Что этотъ міръ не для меня,
Что скоро очередь моя,
Что скоро часъ настанетъ мой.

Прости-жь, укромный уголокъ!
Едва ли не въ послѣдній разъ
Ты пріютилъ скитальцевъ - насъ
На краткій мимолетный срокъ.

1908 г.

471. Т о с к а .

Безысходной тоской
Удрученъ я порою.
Тяжкій жребій земной
Мнѣ ниспосланъ судьбою.

Грусть и скорби сродни
Мнѣ такъ часто бываютъ,
И страданья одни
Сердце мнѣ надрываютъ.

Жизнь моя не красна,
Такъ бѣдна утѣшеньемъ,
Безконечно бѣдна
Красоты проявленьемъ.

Оттого такъ порой
Удрученъ я тоскою:
Тяжкій жребій земной
Мнѣ назначенъ судьбою.

Я былъ молодъ, здоровъ,
Веселился безопасно,
Не боялся трудовъ,
Всѣхъ любилъ безконечно,

Но людская вражда
Подколотной змѣею,
Какъ лихая бѣда,
Злобно тѣшилась мною.

Отравила она
Всѣ отрады собою,
И темна, и мрачна
Жизнь текла предо мною.

Оттого я порой
Удрученъ такъ тоскою.
Тяжкій жребій земной
Мнѣ начертанъ судьбою.

И теперь, средь могилъ
Кровныхъ, братскихъ и близкихъ,
Я борюся сверхъ силъ
Противъ происковъ низкихъ.

Но отрады нигдѣ
Не встрѣчаю себѣ я:
Грусть и скорби вездѣ,
И слабѣю въ борьбѣ я.

Оттого такъ тоской
Удрученъ я порою.
Тяжкій жребій земной
Мнѣ указанъ судьбою.

Отъ родныхъ и друзей
Состраданья не видно
И средь мукъ и скорбей
Жить подъ старость обидно.

Но не властенъ мѣнять
Я судьбы начертанья.
Буду-жъ вѣкъ коротать
Я безъ слезъ и роптанья.

Я привыкъ, что порой
Удрученъ я тоскою.
Тяжкій жребій земной
Мнѣ предписанъ судьбою.

1908 г.

472. С в о б о д а.

Хорошо быть на свободѣ,
Независимымъ вполнѣ:
Это свойственно природѣ,
Отъ рожденья данной мнѣ.

Нѣтъ несчастія сильнѣе,
Какъ зависимость и гнетъ.

Кто свободенъ, тотъ полнѣ,
Тотъ счастливѣ живетъ.

Быть въ зависимости вѣчно
Отъ подобныхъ же себѣ,
Изнывая безконечно
Въ тяжкой съ ближними борьбѣ,

Замѣчая недостатки
Властелиновъ надъ собой
И терпя отъ нихъ нападки
Незаслуженно порой,

Тяжелѣ испытанья
И тернистѣ пути
Для разумнаго созданья
Въ этой жизни не найти.

Лучше бѣдность, лучше голодъ
И безъ крова лучше жить,
Вынося и зной, и холодъ,
Чѣмъ зависимость сносить.

Хорошо быть на свободѣ,
Независимымъ вполнѣ:
Это свойственно природѣ,
Отъ рожденья данной мнѣ.

1908 г.

473. Надеждѣ Россіи.

Расти, Надежда всей Россіи,
На радость Царственной Четы,
Храня завѣты дорогіе,
Во цвѣтѣ силъ и красоты!

Въ свои младенческіе годы
Спѣши таланты развивать,

Дабы въ трудахъ, среди невзгоды,
Царю-Отцу воспособлять!

Господь младенцевъ умудряетъ,
Чрезъ нихъ вѣщая правду намъ,
Отъ золь и бѣдъ предохраняетъ
И зиждетъ въ ихъ сердцахъ свой храмъ.

И Ты, о Первенецъ Россіи,
Да будь залогомъ лучшихъ дней,
Чтобъ смуты бѣдствія лихія,
Какъ дымъ, разсѣялися въ ней!

Живи, расти и развивайся
На благо родинѣ и намъ,
Руси во славу украшайся,
Цвѣти на страхъ ея врагамъ!

1908 г.

474. На смерть П. Θ. Горошкова.

(26 Іюня 1908 г.).

Какъ ты безвременно угасъ
Среди враждебной намъ чужбины,
Сердца друзей своихъ потрясъ
Ударомъ тягостной кручины!

Оставивъ скорбную семью,
Для счастья коей ты трудился,
Заботы полнъ, всю жизнь свою,
Въ безвѣстный край ты удалился.

Зачѣмъ такъ рано ты ушелъ
Отъ тревоженій жизни брэнной
И гдѣ спокойствіе нашель
И въ чемъ душѣ своей нетлѣнной?

Еще такъ нуженъ былъ ты здѣсь,
Среди семьи своей родимой,

Оплаканный столь горько весь
Твоей супругою любимой.

Увы! прости уже навѣкъ!
Ужъ намъ не свидѣться съ тобою.
Ты былъ сердечный человѣкъ:
Живи-жь отрадой неземною!

1908 г.

475. Э к с п р о м т ь.

Вся жизнь, что сонъ; какъ сновидѣнья,
Въ ней чередуются явленья
То чудный, свѣтлый, ясный день,
То сумракъ и ночная тѣнь,
То радость младости безпечной,
То горе старости увѣчной,
То до истомы жгучей зной,
То снѣжной вьюги злобный вой,
То часъ любви и наслажденья,
То смерти часъ и разрушенья,
И нѣтъ числа всѣхъ перемѣнъ,
И все на свѣтѣ тлѣнъ и тлѣнъ.

1908 г.

476. Э к с п р о м т ь.

Вижу, слушаю, вкушаю,
Обоняю, осязаю,
Ощущаю, всѣхъ люблю,
Нагулявшись, крѣпко сплю.

Отдыхаю отъ заботы,
На свободѣ, безъ работы,
Паркомъ весело брожу
И на музыку хожу.

Небомъ часто восторгаюсь,
Ароматомъ упиваюсь.
Воздухъ, свѣтъ и тишина
Жизнь отрадою полна.

1908 г.

477. Пробужденіе.

Рано утромъ раскрыла окно ты,
И я сладостно, крѣпко заснулъ,
Позабывши земныя заботы,
Я душой въ міръ иной заглянулъ.

О, какъ тамъ, дорогая, прекрасно!
Лучше этого міра въ стократъ.
Какъ проснуться мнѣ было ужасно,
Отрѣшившись отъ свѣтлыхъ отрадъ!

Я не помню всего, что тамъ было,
Но блаженствовалъ я всей душой,
Только сердце болѣло и ныло,
Что въ разлукѣ была ты со мной.

И теперь, увидавъ тебя снова,
Я восторга исполнился вновь.
Мнѣ не надо блаженства иного,
Какъ твоя, милый другъ мой, любовь.

Я желалъ бы, другъ милый, съ тобою
Унести въ тотъ міръ неземной,
Чтобъ тамъ вѣчно отрадой святою
Наслаждаться намъ вмѣстѣ съ тобой.

1908 г.

478. Идиллія.

Выдался славный сегодня денечекъ,
Солнышко радостно въ небѣ сіяло,

Пѣснями птички будили лѣсочекъ,
Въ воздухѣ нѣгой какой-то дышало.

Шумно жилили уютный садочекъ,
Милыя дѣтки рѣзвась и играя,
Пересыпая совками песочекъ,
Куколокъ быстро въ коляскахъ катая.

Вечеромъ чуднымъ нашъ тѣсный кружочекъ
Вышелъ на горку дышать ароматомъ;
Вѣялъ прохладный ужъ тамъ вѣтерочекъ,
Мы любовались румянымъ закатомъ.

Дивно заря золотила прудочекъ,
Въ струйкахъ воды переливно сверкая,
И въ изумрудъ одѣвала лѣсочекъ,
Нѣжно листвою бархатистой играя.

Свѣжій довольно подулъ вѣтерочекъ,
Гасла заря, мракомъ ночи смѣняясь,
Мы покидали семьей бугорочекъ,
Къ дому на сонъ безмятежный собираясь.

1908 г.

479. Э к с п р о м т ь .

Только вѣруй, но вѣруй вполнѣ,
И получишь по вѣрѣ своей:
Хоть невзгоды и скорби однѣ
Будутъ въ жизненной чашѣ твоей,

Несомнѣнная вѣра твоя
Обратитъ ихъ въ спасительный путь
И дастъ силы съ надеждой, любя,
На него, какъ на долгъ твой, взглянуть.

И безропотно жизненный крестъ
Донесешь ты до цѣли своей
И въ раю, средь немеркнувшихъ звѣздъ,
Отдохнешь отъ невзгодъ и скорбей.

1908 г.

480. Г о в о р и л ь н я .

Говорильня наша снова
На-смѣхъ міру соберется
И среди дворца большого
Въ пышныхъ фразахъ развернется.

Надъ бюджетомъ потрудились
Представители и рады,
Что себѣ взять ухитрились
Генеральскіе оклады.

Быстро такъ они рѣшили,
Побесѣдовавъ съ недѣлю,
И лазейку смастерили
Къ министерскому портфелю.

Отдыхаютъ на свободѣ
Послѣ доблестной работы,
О россійскомъ же народѣ
Вовсе нѣтъ у нихъ заботы.

Слово Царское всемѣрно
Выполнять они старались,
О землѣ лишь лицемѣрно
Обсудить не догадались.

Да и что имъ до народа,
До его нужды—невзгоды,
До пожаровъ, недорода,
Что онъ терпитъ многи годы?

Вотъ по Мовшамъ, да по Шмерцамъ
Такъ ихъ сердце заболѣло:
Равноправье иновѣрцамъ—
Это первое ихъ дѣло...

Смѣхотворный нашъ парламентъ
Соберется снова вскорѣ:

Заболтаеть вновь Пергаментъ,
Вновь заврется Гегечкори,

Вновь Гучковъ объ умаленьи
Царской власти будетъ спорить,
И въ холопскомъ умиленьи
Недоумки будутъ вторить,

Милюковъ же вновь забредить
По коварнѣйшей стихіи
И въ Америку поѣдетъ
Для спасенія Россіи...

Словомъ, будутъ всѣ, какъ были,
Разговоры снова будутъ;
О народѣ-жъ позабыли
И опять о немъ забудутъ.

Да и что имъ о народѣ?
Пусть онъ впроголодь гуляетъ
И при новомъ недородѣ
Остальное пропиваетъ!

А казенокъ не прикроютъ,
Представители имъ рады:
Монополіей покроютъ
Генеральскіе оклады.

Есть еще у нихъ забота:
Министерскіе портфели:
Въ руки власть имъ взять охота:
Разговоры надоѣли.

Есть забота и другая:
При окладѣ-то солидномъ
Какъ бы пенсія большая,
По бездѣльи безобидномъ!

И еще у нихъ желанье:
Даромъ ѣздить по Россіи.
То-то было-бъ ликованье:
Разъѣзжали бы витіи,

На казенный счетъ катаясь,
Всѣ концы бы посятили,
Надъ народомъ издѣваясь,
Всю Россію-бъ возмутили

И устроили-бъ лихую
Революцію въ Россіи,
Пошатнули-бъ Русь родную
Пустозвонные витіи!

Вотъ о чемъ они мечтають,
Генералы отъ болтанья,
И, какъ видно, не зѣваютъ
Выполнять свои мечтанья.

А народъ многострадальный
Все землицы ожидаетъ,
Съ говорильней завиральной
Всякихъ благъ себѣ мечтаетъ.

Не мечтай, народъ несчастный,
И не жди себѣ синицы:
Съ говорильней разномастной
Не видать тебѣ землицы!

Лучше ты, какъ православный,
Обратись къ Царю земному,
Чтобы Онъ, Самодержавный,
Внялъ завѣту вѣковому:

Не давалъ бы Русь родную
Въ управленье иновѣрцамъ—
Православную, Святую—
Разнымъ Штейнамъ, Бергамъ, Шмерцамъ,

А избралъ бы для совѣта
Кровныхъ Русскихъ, православныхъ,
Слугъ достойныхъ, безъ завѣта,
И по жизни добронравныхъ!

Вотъ тогда бы мать-Россія
Отдохнула отъ ненастья,
Времена забывъ лихія
И дождавшись снова счастья.

1908 г.

481. **Н е в о з м о ж н о .**

Неужели будетъ вскорѣ
Учрежденъ у насъ парламентъ
И Россіей Гегечкори
Станетъ править иль Пергаментъ?

Неужели намъ по модѣ
Чужеземной жить придется
И въ своемъ родномъ народѣ
Силь и смысла не найдется?

Неужель самодержавье
Конституціей замѣнятъ
И святое православье
На массонство перемѣнятъ?

Но, тогда, вѣдь, ужъ Россія
Перестанетъ быть собою
И враги ея лихіе
Съ ней поступятъ, какъ съ рабою.

Каждый властвовать захочетъ
И вводитъ свои порядки:
Вотъ о чемъ нашъ врагъ хлопочетъ;
Въ этомъ сущность всей загадки.

И финляндцы, и армяне,
И поляки, и евреи,
Шаманисты, мусульмане,
Ламаисты, іудеи,

Всѣ права свои предъявятъ
На свободу въ управленьи

И Россію обезславятъ
Въ безконечномъ расчлененнѣ.

И не будетъ ужъ Россіи,
Будутъ русскіе въ загонѣ,
Времена придутъ лихія:
Будемъ жить въ крови и стонѣ...

Нѣтъ, не вѣрю, невозможно,
Чтобъ Россіи стать безправной,
Чтобъ анархіи безбожной
Сдался Царь Самодержавный!

Пусть идутъ враги лихіе
Хоть со всею адскою силою—
Не допустимъ, чтобъ Россія
Стала вѣчною могилою,

Но, какъ Мининъ, какъ Сусанинъ,
За отчизну встанемъ твердо!
Каждый вѣрный россиянинъ
На врага взираетъ гордо.

Не допуститъ Вседержитель,
Чтобы Русь Его святая,
Какъ вселенская обитель,
Пала, въ скорби изнывая.

Не такія испытанья
На святой Руси бывали:
Горше нынѣшнихъ страданья
Нашимъ предкамъ выпадали.

Не погнулась Русь родная
Въ лихолѣтье Самозванца,
Не сдалася, изнывая
Подъ пятою Корсиканца.

И теперь она, святая,
Устоитъ среди напастей
И воспрянетъ, процвѣтая,
На могилахъ всѣхъ несчастій.

Только твердо, непрестанно
Надо вѣрить въ милость Божью
И бороться неустанно
Со врагомъ и вражьей ложью.

1908 г.

481. Л ю б о в ь .

Міръ нашъ полнъ красотъ несчетныхъ,
Въ немъ дана намъ бездна благъ.
Какъ въ сознаньи силъ безплотныхъ,
Огнь любви у насъ въ сердцахъ.

Онъ горитъ, не померкая,
И весь міръ животворитъ.
Никакая сила злая
Огнь святой не истребитъ.

Въ мірѣ зло давно ужъ хочетъ
Этотъ огнь въ насъ потушить,
Но вотще оно хлопочетъ:
Мы не можемъ не любить.

Этой силы необъятной
Никому насъ не лишитъ,
И любовью благодатной
Мы вовѣки будемъ жить.

Если-бъ огнь любви священной
Вдругъ погасъ на всей землѣ,
То и цѣлой бы вселенной
Было тяжело жить во мглѣ.

Вѣдь и солнце-бъ не сіяло,
Если-бъ не было любви,
И сердце не согрѣвало
Безъ волненія въ крови.

Въ мірѣ холодомъ тлетворнымъ
Все прониклось бы. тогда,

Равнодушіемъ позорнымъ
Были-бъ мы полны всегда.

И въ безжизненно-суровомъ
Снѣ весь міръ бы изнывалъ,
И подъ мрачнымъ сна покровомъ
Человѣкъ бы прозябалъ,

Пламенѣй же, огонь священный,
И все въ мірѣ согрѣвай,
Ты—царь жизни всей вселенной,
Пламенѣй, не угасай!

1908 г.

482. На молитвѣ.

Ты просишь Господа вселенной,
Чтобъ Онъ грѣхи тебѣ простилъ,
Что дѣломъ, словомъ, помышленьемъ
Ты въ этой жизни совершилъ.

Ты говоришь Ему въ молитвѣ
Прости мнѣ, Отче мой, долги,
Какъ я долги прощаю ближнимъ...
Остановися и не лги!

Припомни прежде всѣ обиды,
Что ты собратьямъ причинилъ.
Раскайся въ нихъ и обѣщайся
Загладить ихъ, что будетъ силъ!

Затѣмъ обиды, что отъ ближнихъ
Тебѣ пришлось перенести,
Ты всей душой, чистосердечно
И навсегда имъ всѣ прости!

И лишь тогда, съ душою чистой,
Освобожденной отъ оковъ,
Ты предъ лицомъ Творца вселенной
Къ молитвѣ можешь быть готовъ,

Тогда дерзай, но со смиреньемъ,
О всепрощеніи молить,
Въ надеждѣ твердой, несомнѣнной
Его отъ Бога получить!

1908 г.

483. **На смерть Н. Д. Сергѣевскаго**
(произнесено при погребеніи 27 сентября).

Еще великая утрата
Для нашей родины святой!...
Какъ ни обильна, ни богата
Людьми съ душевной чистотой

Святая Русь, но постоянно
Ея гнетущая судьба
И злой крамолы, неустанной,
Съ добромъ жестокая борьба

Невольно сердце удручаютъ
Всѣхъ честныхъ родины сыновъ,
Ихъ взоръ столь часто омрачаютъ
Могилы доблестныхъ борцовъ...

И вотъ еще одна могила
Для жизни, всѣмъ намъ дорогой!...
Такъ смерти гибельная сила
Витаеть грозно надъ страной!...

Когда-жъ настанетъ миръ священный
И благоденствіе страны?...
Когда-жъ любовью вождельфнной
Скрѣпятся всѣ ея сыны?...

Господь сказалъ: Азъ есмь отмщенье...
Миръ праху твоему, собратъ,
Душѣ-жъ—въ раю успокоенье,
Да позабудешь здѣшній адъ!

Но мы тебя не позабудемъ
И стягъ, воздвигнутый тобой,
Въ борьбѣ за Русь святую будемъ
Нести безтрепетной рукой!

1908 г.

484. **На смерть Алексѣя Антиповича
Потѣхина**

(произнесено при погребеніи 19 октября).

Еще угасъ художникъ слова!.,
Онъ все, что могъ, уже свершилъ
И для отечества святого
Трудовъ немало положилъ.

Такъ исчезаетъ рядъ завѣтный
Искусства чистаго жрецовъ
И ощущается примѣтный
Пробѣлъ среди его творцовъ.

На смѣну чистаго искусства
Мы зримъ нерѣдко ремесло,
Въ которомъ нравственное чувство
Корысти жаждой заросло.

Вотъ почему съ твоей могилой,
О! незабвенный нашъ собратъ,
Скорбимъ о родинѣ мы милой,
Несчастной родинѣ стократъ.

Но, твердо вѣря въ возрожденье
Добра и чувства красоты,
Хранить мы будемъ откровенья,
Что влилъ въ свои творенья ты.

Миръ праху твоему въ могилѣ,
Нашъ дорогой, любимый братъ,
А духу въ красотѣ и силѣ—
Источникъ благостныхъ отрадъ!

1908 г.

485. **Въ столѣтіе.**

Сегодня въ праздникъ вождельный
Сошлись мы дружною семьей,
Чтобъ институтъ нашъ незабвенный
Почтить достойною хвалою.

Имъ истины Христовой вѣры
Намъ въ сердце съ дѣтства внѣдрены,
Любви къ отечеству примѣры
Неизгладимо внушены.

Имъ разумъ нашъ полезнымъ знаньемъ
Обогащенъ, усовершенъ,
И съ нашимъ истиннымъ призваньемъ
Насъ ознакомилъ онъ.

Мы твердо помнимъ всѣ завѣты,
Что заповѣдалъ институтъ,
И нами данные обѣты
Въ сердцахъ до гроба не умрутъ.

Среди невзгодъ и бурь житейскихъ
Спасали насъ они не разъ,
Отъ лжеученій фарисейскихъ
Хранили умъ и сердце въ насъ.

И съ благодарными слезами
За все дарованное намъ
Стеклись мы тѣсными рядами
Въ завѣтный всѣмъ намъ съ дѣтства храмъ.

Уже столѣтіе онъ прожилъ
На благо родинѣ святой:
Когда-бъ Господь ему умножилъ
Сторицей вѣкъ сей золотой!...

О, пусть онъ вѣчно процвѣтаетъ,
Какъ въ наши дни онъ процвѣталъ,
И свѣтомъ истины сіяетъ,
Которымъ въ наши дни сіялъ!

1908 г.

486. **Завѣтная обитель.**

Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ
 Среди озеръ, песковъ сыпучихъ,
 Среди природы хмурой, дикой,
 На берегу рѣки великой
 Явился городъ Кострома—
 Когда, никто о томъ не знаетъ,
 И Несторъ намъ не сообщаетъ,
 Не помнить и она сама.

И вотъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ
 Преданье есть о человѣкѣ,
 Что прибылъ изъ страны восточной
 По Волгѣ на ладьѣ непрочной.
 Склонивши гордую главу,
 Татаринъ княжескаго рода
 Къ владыкѣ русскаго народа
 Спѣшилъ въ служенье на Москву.

Мурзою Четомъ прозываясь,
 Своимъ богатствомъ величаясь,
 Потомокъ древней крови ханской,
 Поборникъ вѣры мусульманской,
 Надъ устьемъ Костромы—рѣки,
 Со свитой на ладьяхъ приставши,
 Въ глухомъ бору ночлегъ избравши,
 Дремалъ средь скуки и тоски.

Изъ Золотой Орды родимой,
 Всѣмъ сердцемъ съ дѣтства имъ любимой,
 Бѣжавъ отъ внутреннихъ волненій,
 Междоусобицъ и смятеній,
 Въ далекомъ, тягостномъ пути
 Душой и тѣломъ утомившись
 И здѣшнихъ мѣстъ красой плѣнившись,
 Онъ отдыхъ мнилъ себѣ найти.

И на возвышенности чудной,
 Среди чаши лѣса непробудной,
 Шатры походные раскинувъ,

Заботы тяжкія отринувъ,
Веселью свита отдалась.
Лишь самъ мурза лежалъ недужный,
Средь пира никому ненужный,
Съ мольбой къ аллаху обратясь.

Вдругъ въ сновидѣніи глубокомъ
Онъ зреть своимъ духовнымъ окомъ,
Какъ бы во пламени пожарномъ,
Жену въ сіяньи лучезарномъ,
По сторонамъ же двухъ мужей,
Благообразныхъ и смиренныхъ,
Ея сіяньемъ озаренныхъ,
Какъ бы сопутствующихъ ей.

И на рукахъ жены чудесной,
Младенецъ красоты небесной
Лежить, съ улыбкою блаженной
И полнъ любви неизреченной.
И взоръ на Чета устремивъ,
Всю душу имъ она пронзила,
Десницею вдругъ благословила
Его, сіяніемъ покрывъ.

И понялъ тутъ мурза болящій,
Къ ней обративъ свой взоръ молящій,
Что зреть онъ Дѣву Пресвятую,
Царицу міра всеблагую,
Съ Предвѣчнымъ Богомъ и Христомъ,
И двухъ подвижниковъ Христовыхъ,
На помощь ближнему готовыхъ
(Ихъ имена узналъ потомъ).

И онъ въ прозрѣніи духовномъ,
Раскаясь въ житіи грѣховномъ,
Даетъ обѣтъ нелицемѣрный,
Оставивъ страхъ свой суевѣрный,
Святую вѣру воспріять
И храмъ построить православный,
Коль недугъ, смертной мукъ равный,
Не будетъ впредь его терзать.

Видѣнье чудное сокрылось,
И вновь во мракъ все погрузилось.
Лишь въ сердцѣ Чета обновленномъ,
Небеснымъ свѣтомъ озаренномъ,
Горѣли правда и любовь,
И онъ встаетъ съ одра здоровый,
На все лишь доброе готовый,
И путь свершать способенъ вновь.

И ждетъ ватага удалая,
Пиршествъ веселья покидая,
Приказа снова въ путь собираться,
Къ Москвѣ престольной направляться.
Но тихъ, спокоенъ и одинъ
Съ какой-то думой необычной,
Для шумной свиты непривычной,
Сидитъ ихъ гордый властелинъ.

Онъ вдругъ въ ладью свою садится,
Ко граду мирному стремится,
Вступаетъ въ храмъ его соборный,
Бросаетъ взглядъ свой кругозорный.
На всѣ святые образа,
Спѣша найти изображенья
Мужей, что зрѣлъ средь сновидѣнья...
Вмигъ оросилися глаза.

Священномученикъ Ипатій,
Подъ кровомъ вышней благодати,
Глядитъ на Чета изъ кіота,
Какъ якорь твердаго оплота...
Вблизи него Филиппъ святой,
Апостоль, вѣстникъ правой вѣры...
И Четь обрадованъ безъ мѣры,
Имъ овладѣлъ восторгъ благой.

Да, это тѣ, что съ Пресвятою,
Пречистой Дѣвой всеблагою,
Къ нему являлись въ полуночи
И озарили свѣтомъ очи,
И первый праведникъ молилъ

Ее, Владычицу вселенной,
О милости неизреченной,
Что Чету самъ Господь явилъ...

И въ благодарномъ умиленьи,
Непоколебимъ въ своемъ рѣшеньи,
Татарскій князь въ Москвѣ престольной
Митрополита добровольно
Съ сердечной ревностью молилъ,
Чтобы свершилъ надъ нимъ крещенье
И въ правой вѣрѣ наставленье
Ему благое учинилъ.

Владыка Петръ свершилъ крещенье
И далъ благое вразумленье
Въ познаньи истинъ правой вѣры
Мурзѣ, счастливому безъ мѣры:
Захаріей бывъ наречень,
Къ святому мѣсту возвратился,
Гдѣ ликъ Пречистыя явился
И церковь тамъ воздвигнулъ онъ.

Былъ созданъ храмъ первоначальный
Въ честь Троицы Живоначальной,
Съ Ипатьевскимъ при немъ придѣломъ,
И былъ отраднымъ онъ удѣломъ
Для всѣхъ, стремящихся уйти
Отъ жизни суетнаго міра
И, не творя себѣ кумира,
Спасенье вѣчное найти.

Близъ церкви скромной, деревянной,
Средь чащи лѣса безымянной,
Обитель новая явилась,
Молитвословьемъ огласилась.
Всю жизнь Захарія о ней
Заботился съ примѣрнымъ рвеньемъ.
Весь родъ его благоговѣньемъ
Проникнуть былъ къ святынѣ сей.

Потомки Чета—Годуновы,
Храмъ каменный устроивъ новый,

Обитель ту фамильной чтили,
Ее богато одарили.
И въ той обители святой
Отець и мать царя Бориса
На высотѣ гористой мыса
Навѣки обрѣли покой.

И въ той обители священной,
Отъ суеты уединенной,
Среди молитвъ, поста и мира,
Вдали отъ тревоженій міра,
Жила та инокиня—мать,
Что въ страхѣ Божіемъ растила
До воцаренья Михаила,
Спѣша въ немъ сердце развивать.

Пока родитель знаменитый
Въ спѣсивой Рѣчи Посполитой,
Простершей длань къ Москвѣ престольной,
Чтобъ ею править своевольно,
Сносилъ неволи тяготу,
Права отчизны защищая,
Обитель мирная, святая
Хранила сына чистоту.

Когда-жъ раздался гласъ народный,
Съ трубой архангельскою сходный,
Что избранъ юноша прекрасный
Въ цари Руси единогласно,
Когда раздался вѣщій гласъ
И врагъ Руси безчеловѣчный
Сгубить царя мнилъ безсердечно,
Его герой Сусанинъ спасъ.

Онъ сохранилъ царя младого,
Для всей отчизны дорогого,
Своею смертью искупивши,
Свою семью осиротивши,
И съ честью похороненъ былъ,
Въ святой обители, завѣтной,

Гдѣ Михаилъ росъ непримѣтно:
Могилу мракъ времянь сокрылъ.
И въ той обители священной
Остатки кельи драгоценной,
Возобновленные недавно,
Всѣмъ намъ свидѣтельствуя явно,
Какъ жилъ, какъ росъ тотъ Михаилъ,
Тотъ Рюриковичъ благородный,
Въ цари избранный всенародно
Во цвѣтѣ юношескихъ силъ.

И эта чудная обитель
Священной старины хранитель,
Сокровище былыхъ преданій,
Былыхъ отрадъ, былыхъ страданій,
Стоить, какъ памятникъ живой,
На гордость русскаго народа,
На славу царственнаго рода,
Какъ якорь прочный и святой.

Къ ней мысль и взоры обращая
И все бывшее вспоминая,
Невольно вѣрой нерушимой,
Надеждою неколебимой
Всей проникаешься душой,
Что наша Русь благословенна
И будетъ крѣпнута неизмѣнно—
Ей обреченъ удѣлъ святой,
Что, претерпѣвши всѣ невзгоды,
Смягчитъ любовію народы,
И тѣ, какъ Четъ, путемъ прозрѣнья,
Съ ней будутъ жаждать единенья,
Что будутъ миръ и тишина
На всей землѣ, во всей вселенной,
Что будетъ въ радости нетлѣнной
Все благоденствовать она!

1908 г.

487. **На кончину о. Иоанна Кронштадтскаго.**

Ужъ нѣтъ тебя, подвижника Христова,
Къ кому стремилися сердца,
Средь поруганія всего святаго,
Тебя, за истину борца!

О, сколько злобы, зависти, извѣтовъ
Ты въ этой жизни перенесъ
Отъ сатаны и всѣхъ его клеветовъ!
То вѣдаетъ одинъ Христосъ.

И нѣтъ сомнѣнiя, что не оставятъ
Тебя и впредь они хулой,
Но тѣмъ сторицею тебя прославятъ,
Увѣковѣчатъ образъ твой.

Ты, какъ свѣтильникъ яркiй, путеводный,
Сіялъ для искреннихъ людей,
Былъ якорь твердый вѣры всенародной
Среди кощунственныхъ идей.

Твой образъ видимый уже не съ нами,
Твой вѣщiй гласъ не прозвучитъ,
Молитвой пламенной предъ алтарями
Сердца людей не воскрылитъ.

Но твой духовный ликъ, твои завѣты,
Вся жизнь твоя—намъ образцомъ,
И не затмятъ ихъ сатаны клеветы
Передъ исторiи лицомъ.

Въ нашъ грѣшный вѣкъ вражды и лжеученiй
Ты былъ спасительнымъ ключомъ
Для благодатныхъ, чистыхъ откровенiй
И для сближенiя съ Творцомъ.

Твои завѣтные останки съ миромъ
И честью предадутъ землѣ,

Заслуги-жъ вѣчныя твои предъ міромъ
Какъ солнце, возсіяютъ въ мглѣ.

И міръ пойметъ тебя, свѣтильникъ вѣры,
Все сокровенное пойметъ,
И посрамятся злые лицемѣры,
И верхъ надъ зломъ добро возьметъ.

Прости же, кроткій пастырь православный,
Возвеселися со Христомъ
И въ день суда за этотъ міръ злонравный
Явись защитой предъ Творцомъ!

1908 г.

488. **Е л к а.**

Отецъ и мать для милыхъ дѣтокъ,
Своихъ родимыхъ малолѣтокъ,
На праздникъ елку украшали
И такъ роскошно разубрали,
Что вышла елочка на диво:
На ней такъ пышно и красиво
Висѣли разныя вещички,
Звѣрьки, и рыбочки, и птички,
Тамъ слонъ, тутъ левъ, а здѣсь лошадка,
Пѣтухъ, собачка, куропатка,
Тамъ китъ, медвѣдь, а тутъ синичка,
Тутъ кошечка, а здѣсь лисичка,
Тамъ ракъ, тамъ щука, здѣсь индюшка,
Здѣсь барабанъ, ружье и пушка,
Часы, гитара, черепаха,
Волкъ, стрекоза, свинья, кукушка,
Тутъ мельница, а здѣсь подушка,
Орелъ, мартышка и фуражка,
Тамъ крокодилъ, здѣсь два барашка...
А сколько яблочковъ, ранетокъ,
Орѣшковъ, пряничковъ, конфетокъ!...

А сколько звѣздъ, шаровъ блестящихъ
И свѣчекъ, словно жаръ горящихъ!...
Внизу-жъ подъ елочкой той славной
Гостинецъ дѣткамъ виденъ главный:
Коляски, краски, пистолеты
И куклы, пышно разодѣты.

1908 г.

489. В п е р е д ь .

Зачѣмъ забылъ ты свой удѣлъ счастливый?
Зачѣмъ погрязъ ты въ жизни мелочной?
Иди, иди, свободный, горделивый,
Иди своей дорогою прямой!

Не обращай вниманья на невзгоды:
Ихъ не минуетъ смертный ни одинъ,
Ихъ терпятъ всѣ—и люди, и народы,
Лишь будь страстямъ своимъ ты властелинъ.

Такъ много разныхъ терній, затрудненій
Встрѣчаютъ всѣ на жизненномъ пути!...
Достоинъ тотъ лишь высихъ откровений,
Кто продолжаетъ все впередъ итти.

Всѣ тернія, невзгоды, затрудненья
Предъ нимъ разсѣются, какъ легкій дымъ,
И онъ пойметъ всѣ тайны вдохновенья,
И станетъ небо для него своимъ.

Иди-жъ своей дорогою прямою,
Не останавливайся на пути,
И будешь жить отрадой неземною,
Лишь продолжай впередъ, впередъ итти!

1909 г.

490. Христось воскресь.

Христось воскресь!... о, мигъ священный,
Мигъ торжества для всей вселенной!
Дана возможность всѣмъ спастись
И приобщиться жизни вѣчной,
Среди отрады безконечной...
Ликуй же, смертный, веселись!
Смерть не страшна: вослѣдъ за нею
Душой нетлѣнною своею
Ты вознесешь до небесъ...
Христось воскресь!... Христось воскресь!...

1909 г.

491. На открытіе памятника Царю-Миротворцу.

Вновь зримъ тебя, Россіи славу,
Россіи гордость, честь и миръ!
Свою обширную державу
Прославилъ ты на цѣлый міръ.
Взгляни-жь, теперь, о вождь великій,
Что сталося съ твоей страной,
Какой хаосъ, безмѣрно дикій,
Царить кругомъ въ Руси святой!
Такъ мало вѣрныхъ слугъ престола,
Такъ мало родины сыновъ!...
Повсюду дерзкая крамола,
Повсюду сонмища враговъ...
Заполонили чужеродцы
Святую Русь вездѣ, во всемъ;
Они, всей смуты верховодцы,
Вертятъ Таврическимъ дворцомъ.
И спѣшно выродки лихіе
Великой родины своей

Идеи вредныя, чужія,
Распространять стремятся въ ней,

Явились ложные пророки
И поносители креста,
Что превозносятъ лишь порокъ,
Хуля ученія Христа.

Во храмахъ истиннаго знанья
Порою служатъ не жрецы,
А лишь по найму, безъ призванья,
Слѣпорожденные лжецы.

Среди правителей немало
Клятвопреступниковъ прямыхъ
Самоуправнаго закала
И беззаконниковъ лихихъ.

Среди незрѣлой молодежи—
Развратъ и сердца, и ума,
Развратъ плотской царить въ ней тоже
Порой, какъ черная чума.

Сознанье доблести народной,
Народный духъ заглушены,
Крамолой злобной, безысходной
Завѣты всѣ искажены.

Среди избранниковъ народа,
Законодателей страны
Немало всяческаго сброда
Мы зрѣть порой принуждены.

О, сжался, сжался, вождь любимый,
Надъ бѣдной родиной твоей,
Вдохни въ нее, вдохни незримо
Хоть часть энергіи своей!

Вдохни въ совѣтниковъ престола
Сознанье долга предъ страной,
Спаси ее отъ произвола,
Отъ смуты дерзкой, роковой!

Твой образъ чудный, величавый,
Да озаритъ весь край родной,
И да укажетъ путь намъ правый
Ко славѣ вѣчной, міровой!

1909 г.

492. Д у м а.

Кто знаетъ, что тамъ за эфиромъ,
Какія радости сулитъ
Намъ Тотъ, кто царствуетъ надъ міромъ,
Существовать ему велитъ?

Мы на землѣ творимъ земное
И мнимъ, что въ мірѣ нѣтъ чудесъ;
Намъ чуждо стало все святое:
Духъ благочестія исчезъ.

Какъ муравьи, мы копошимся
И строимъ счастье свое,
Своимъ познаніемъ кичимся,
Отринувъ духа бытіе.

Кругъ нашихъ знаній съ каждымъ годомъ
Все шире, больше и полнѣй,
Впередъ идетъ онъ быстрымъ ходомъ:
Мы все становимся умнѣй.

Но для чего намъ эти знанья
И что изъ нихъ мы создадимъ,
Коль нѣтъ въ насъ высшаго призванья,
Коль всѣ землѣ мы возвратимъ?

Нѣтъ, не въ умѣ одномъ лишь счастье
И не въ познаньи весь успѣхъ:
Намъ дать ихъ можетъ лишь участие
Въ блаженствѣ будущемъ для всѣхъ.

Его умомъ почитать не можемъ,
Земнымъ познаньемъ не понять,

Хотя сторицею умножимъ,
А надо съ вѣрой ожидать.

Ничто нашъ разумъ передъ міромъ,
Весь міръ ничтоженъ передъ Тѣмъ,
Кто намъ готовитъ за эиромъ
Блаженство будущее всѣмъ.

1909 г.

493. **Къ двухсотлѣтію Полтавской битвы.**

(27 іюня 1909 г.).

Двѣсти лѣтъ, какъ подъ Полтавой
Знаменитый бой кипѣлъ,
И неслыханною славой
Геній россовъ прогремѣлъ,
Какъ творецъ російской славы,
Нашъ великій, дивный Петръ,
Совершая пиръ кровавый,
Оставался духомъ бодръ.
Ни измѣна, ни коварство,
Ни воинственность враговъ
Не смутили наше царство,
Нашихъ доблестныхъ орловъ.
Русскій въ сердцѣ православномъ
Чистой вѣрою пылалъ
И въ царѣ самодержавномъ
Видѣлъ высшій идеалъ.
Беззавѣтною любовью
Въ сердцѣ преданномъ горя,
Защищалъ своей онъ кровью
Вѣру предковъ и царя.
Пламенѣя вѣрой въ Бога
И любовію къ царямъ,
Исполнялъ онъ долгъ свой строго
Въ память будущимъ вѣкамъ...
Вотъ въ чемъ кроется причина
Величайшихъ тѣхъ побѣдъ,

Что мы празднуемъ донинѣ
Отъ минувшихъ, давнихъ лѣтъ!
Дай же Богъ, чтобы въ Россіи
Не угасъ огонь живой,
Чтобъ всѣ бѣдствія лихія
Пронеслися стороной,
Чтобъ, какъ прежде, вѣра въ Бога
И любовь къ ея царямъ
Проявлялись столь же строго
Въ память будущимъ вѣкамъ!

1909 г.

494. **Юъ двухсотлѣтію Петергофа.**

(29 іюня 1909 г.).

Двѣсти лѣтъ протекло,
Какъ возникъ Петергофъ,
Гдѣ такъ пышно, свѣтло
Царь устроилъ свой кровъ,
Гдѣ фонтаны семей
И залива просторъ
Ясной лѣтней порой
Утѣшаютъ нашъ взоръ,
Гдѣ всѣмъ сердцемъ благимъ
Возлюбя вѣрныхъ слугъ,
Царь оркестромъ своимъ
Услаждаетъ ихъ слухъ,
Гдѣ въ тѣнистыхъ садахъ
Отдыхаешь душой,
Пьешь въ цвѣтистыхъ лугахъ
Ароматъ дорогой...
Здѣсь великій нашъ царь
Заложилъ городокъ,
Гдѣ съ дружиною встарь
Отдыхалъ отъ тревогъ.
Здѣсь все память хранить
О Великомъ Петрѣ,

Все душѣ говорить
О счастливой порѣ,
Той порѣ золотой,
Какъ Россія весь міръ
Удивляла собой,
Какъ въ войну, такъ и въ мирѣ.
О, когда-бъ та пора
Возвратилася къ намъ,
И насталь вѣкъ Петра
Вновь на страхъ всѣмъ врагамъ!
Сердцемъ я не страшусь,
Сердцемъ вѣрю въ то я:
Вновь прославится Русь
Дорогая моя!

1909 г.

495. Экспромтъ.

О, какъ доволенъ я бываю,
Когда стихи я сочиняю!
Какъ я легко тогда дышу,
Когда стихи свои пишу!
Невольно чувствую тогда я,
Что я живу, не прозябая,
Что пользу міру приношу,
Когда стихи свои пишу.
Не надо мнѣ иной награды,
Не надо мнѣ иной отрады:
Ихъ въ сердцѣ я своемъ ношу,
Когда стихи свои пишу.

1909 г.

496. Дума.

Скоро въ воздухѣ полеты
Люди будутъ совершать.
Неисчислимы щедроты,
Безгранична благодать!

Путь великій, лучезарный
Человѣку Богъ судилъ,
Но пигмей неблагодарный
О Творцѣ своемъ забылъ.

Разумъ свой несовершенный
Онъ постыдно обожилъ
И объ участи нетлѣнной
Всѣ заботы отложилъ.

Такъ дитя порой играетъ,
Забывая свой урокъ,
Но со страхомъ вспоминаетъ:
Часъ возмездья недалекъ.

Не младенцу ли подобенъ
Суемудрый человѣкъ,
Что забыть свой долгъ способенъ,
Проводя въ соблазнахъ вѣкъ?

Не младенца ли глупѣе,
Кто отвергъ свой долгъ совсѣмъ,
Къ вѣчной правдѣ все сильнѣе
Оставаясь глухъ и нѣмъ?

Какъ ничтожная пылинка
Въ мірѣ солнечно-земномъ,
Онъ—безсильная былинка
По сравненію съ Творцомъ.

Лишь при помощи всесильной
Милосердаго Творца
Знаній пищею обильной
Надѣленъ онъ безъ конца.

Но при всѣхъ своихъ познаньяхъ
Онъ беспомощенъ порой,
И въ болѣзняхъ и страданьяхъ
Вѣкъ заканчивая свой.

Какъ же можетъ онъ гордиться
Бѣднымъ разумомъ своимъ
И не долженъ ли смириться
Предъ Создателемъ благимъ?

Лишь въ безумномъ ослѣпленьи
Онъ кичится самъ собой
И не видитъ въ Откровеньи
Правды вѣчной и святой.

О, когда-бъ всѣ люди-братья
Твердо вѣрили въ Творца,
То давно бы безъ изъятя
Все познали до конца,
Всѣ законы міровые
Изучили бы давно
И отрады бы земныя
Всѣ извѣдали полно!

1909 г.

497. Преступленіе.

„Мнѣ жизнь моя не дорога,
Была бы счастлива Россія“,
Вооружаясь на врага,
Сказаль онъ, грозный, какъ стихія.

И всѣ соратники его
Отвагой доблестной пылали
И за владыку своего
Жизнь беззавѣтно отдавали.

Такихъ людей нельзя забыть,
Имъ надо памятники ставить,
Слѣды по нимъ вездѣ хранить,
Ихъ имена любить и славить.

Стыдомъ и ужасомъ горя,
Въ газетахъ мы прочли недавно,
Что домикъ чуднаго царя
Забить преступно и безславно.

Онъ близъ Архангельска стоялъ
Почти два вѣка безъ призора,

И пьяный людъ въ немъ распивалъ
Свою сивуху безъ зазора.

Лишь нынѣ вспомнили о немъ,
Въ виду ликующей Полтавы,
Возстановить рѣшивши домъ—
Живой свидѣтель русской славы.

Какой позоръ странѣ родной—
Забуть великаго героя,
Что для отчизны дорогой
Всю жизнь свою не зналъ покоя!

1909 г.

498. Борцу за правду.

(Посвящается П. Ф. Булацелю).

Мужайся, доблестный герой,
Въ борьбѣ за правду съ вѣроломствомъ!
Великъ и славенъ подвигъ твой
И не забудется потомствомъ.

Среди кощунственныхъ идей,
Среди измѣны и коварства,
Среди разставленныхъ сѣтей
Къ ниспроверженью государства

Твой голосъ мощно призывалъ
Къ защитѣ вѣры и престола
И власть имущихъ обличалъ
Въ поддержкѣ зла и произвола.

И голосъ тотъ будилъ сердца
Дѣтей отечества святого:
На зовъ за истину борца
Итти все честное готово.

Твоимъ заслугамъ счета нѣтъ:
Въ судахъ защитой безкорыстной

Невиннымъ проливался свѣтъ
Въ досадѣ злобы ненавистной.

Твоимъ рѣчамъ, твоимъ статьямъ
Съ восторгомъ внемлютъ милліоны.
Онѣ несносны лишь врагамъ,
Что попираютъ всѣ законы.

Но, несмотря на гнетъ враговъ,
На козни, штрафы и гоненья,
Со лжи ты смѣло рвешь покровъ,
Разоблачая преступленья.

Мужайся-жъ, доблестный герой,
Борясь подъ знаменемъ завѣтнымъ,
И вѣрь: великій подвигъ твой
Въ Руси не будетъ безотвѣтнымъ—

Найдутся новые борцы,
Съ тобой пойдутъ къ священной цѣли,
Такіе-жъ духомъ храбрецы,
Душой вторые Булацели,

И правда верхъ въ странѣ возьметъ,
Исчезнутъ козни и коварства,
И вѣрнопопданный народъ
Спасетъ устои государства!

1909 г.

499. Вездолье.

Отдохнувъ немного,
Снова за работу,
Снова въ путь—дорогу
На печаль—заботу.

Словно за ученье
Дѣтямъ приниматься,
Снова на мученье
Каждый день являться

Снова тѣ же лица,
Та же обстановка,
Хмурая столица,
Чувствамъ голодовка.

Тѣ же предложенья,
Тѣ-жъ опредѣленья,
Отзывы, рѣшенья,
Справки, отношенья.

О, какая скука!
Просто наказанье —
Тягота, и мука,
И души терзанье!

Скоро ли-жъ я буду
Жить на полной волѣ
И совсѣмъ забуду
О гнетущей долѣ?

1909 г.

500. Завѣтный даръ.

На склонѣ жизни я грѣшу,
Порой забавамъ предаваясь—
Какъ встарь, стихи мои пишу,
Мечтами часто увлекаюсь.

Духовныхъ силъ тогда подъемъ
Въ себѣ невольно ощущаю,
Когда строчу карандашомъ
То, что въ умѣ я сочиняю.

Нѣтъ, не была бы жизнь полна,
Когда-бъ стиховъ не могъ писать я:
Однообразна и скучна
Она была бы до проклятья.

Какъ ни полна она красотъ,
Творцомъ разсѣянныхъ повсюду,

Какъ ни исполнена заботъ,
Къ добру влекущихъ или къ худу,
Но все-жъ была-бъ она блѣдна,
Безцвѣтна въ ней была бы радость,
Коль не была бы мнѣ дана
Стиховъ плѣнительная сладость.

Въ минуту грусти иль тоски
Я скорбь мою въ стихи вливаю,—
И муки скорби мнѣ легки:
Въ стихахъ я сердцемъ отдыхаю.

Когда-жъ восторгъ иль красота
Мнѣ душу радостно волнуетъ,
Тогда безбрежная мечта
Въ стихахъ полнѣй мнѣ ихъ рисуетъ.

И я счастливъ тогда вдвойнѣ:
Не надо сдерживать мнѣ чувства,
Что выражаются вполнѣ
Путемъ словеснаго искусства.

Такъ пусть завѣтный даръ стиховъ
Меня вовѣкъ не покидаетъ:
Онъ мнѣ дороже всѣхъ даровъ,
Какими мѣръ благоухаетъ!

1909 г.

501. Успокоеніе.

Не смущайся, пѣвецъ, что такъ часто порой
Пѣснь твоя не звучитъ и не льется рѣкой!

Часъ придетъ,—и она
Вновь могуча, стройна,
Зазвенитъ, зашумитъ водопадомъ
И зальется надъ мѣромъ, какъ садомъ.

Не горюй же, пѣвецъ, что такъ часто молчишь,
Что такъ рѣдко, такъ мало порою творишь!

Нуженъ отдыхъ всему
И перу твоему,
Нуженъ онъ и душевнымъ порывамъ,
Какъ морскимъ благотворнымъ приливамъ.

Будь увѣренъ, пѣвецъ, что то время, когда
Не творишь ты, отнюдь не пройдетъ безъ слѣда!

Часъ придетъ,—и оно
Все воскреснетъ полно
Въ звукахъ пѣсни живой, благородной
И, какъ волны морскія, свободной.

Успокойся-жъ, пѣвецъ, и съ терпѣніемъ жди!
Много радостныхъ дней встрѣтишь ты впереди,

Много пѣсенъ твоихъ,
Вдохновенныхъ, живыхъ,
Слышать міру еще доведется,
Смолкнуть долго тебѣ не придется.

1909 г.

502. Г о в о р и л ь н я .

Говорильня два ужъ года
Говоритъ, все говоритъ,
А лиха бѣда-невзгода
Русь попрежнему томить.

„Генералы отъ болтанья“
Вотъ ужъ съѣхались опять,
Но едва-ль отъ ихъ собранья
Можно проку ожидать.

Министерскіе портфели
Спать имъ, бѣднымъ, не даютъ
Но ужъ сколько-бъ ни вертѣли,
А „портфелей“ не дождутъ.

Побывавъ за океаномъ,
„Думалины“ наши вновь

Съ прежнимъ прибыли изъяномъ,
Чтобы вновь намъ портить кровь.

Вновь заноетъ Милюковеръ
О правахъ своихъ жидовъ,
Заболтаеъ Маклаковеръ
Вновь на тысячу ладовъ.

Конституціей займется
Вѣрноподданный Гучковъ,
Въ каламбурахъ развернется
Нашъ почтенный Хомяковъ.

Вновь заврется Гегечкори...
Словомъ, будетъ вновь содомъ...
Лишь одно у нихъ есть горе:
„Президентъ“ спитъ крѣпкимъ сномъ...

Говорильня будетъ снова
Говорить, все говорить,
До пришествія второго
Пустословіе творить,

И бюджетъ нашъ запоздаеъ
На полгода въ третій разъ:
Все сильнѣе вздорожаеъ—
И работа, и припасъ.

Вновь проекты всѣхъ законовъ
Будутъ свалены въ архивъ!
Благо сотни милліоновъ
Обратятся снова въ миѳъ...

Такъ зачѣмъ намъ эта мода—
Краснобаевъ разводить,
Отъ голоднаго народа
Милліоны имъ платить,

Сверхъ довольствія большого,
Чуть не даромъ ихъ возить,
Даромъ стричь и брить ихъ снова,
Даромъ чаемъ ихъ поить?

Говорильня годъ отъ года
Станетъ больше говорить,
Для россійскаго-жъ народа
Все труднѣе будетъ жить.

Такъ не будетъ ли пристойнѣй
Краснобаевъ распустить,
Чтобъ дешевле и спокойнѣй
На Руси намъ было жить?

Вмѣсто праздныхъ говорилокъ
Лучше тратиться казнѣ
На покупку молотилокъ
И на трудъ по старинѣ.

1909 г.

503. В ъ П е т е р г о ф ѣ .

Солнце ярко засіяло,
Въ Петергофѣ вновь свѣтло:
Сердце радостно зыграло,
Позабыто горе-зло.

Хорошо въ такое время
Мирнымъ паркомъ погулять:
Далеко лихое бремя.
На душѣ легко опять.

Мало радуется природа
Петербуржцевъ по лѣтамъ,
Здѣсь же полная свобода:
Знай—гуляй по всѣмъ садамъ!

Горько вѣхать мнѣ отсюда
Въ полумрачный Петроградъ;
Что ни шагъ здѣсь, то причуда,
Здѣсь фонтановъ цѣлый рядъ...

Такъ привольно, беззаботно,
Такъ здѣсь дышится легко,

Здѣсь такъ вѣрится охотно,
Такъ сомнѣнье далеко...

Птички громко распѣвають,
Дѣти рѣзвятся гурьбой,
И цвѣты благоухаютъ,
Море плещется волной...

Какъ ни грустно разлучаться,
А придется уѣзжать,
Шумомъ, стукомъ раздражаться,
Пыльнымъ воздухомъ дышать,

Вновь по улицамъ скитаться
Межъ громадами домовъ...
Да, придется намъ разстаться
Благодатный Петергофъ!

1909 г.

504. Д у м а.

Среди житейскихъ тревоженій,
Среди тревогъ, заботъ, невзгодъ,
Среди отрадъ и наслажденій
Мой утлый челнъ плыветъ впередъ.

Куда плыветъ, зачѣмъ—не знаю,
Когда и какъ окончить путь—
О томъ нерѣдко я мечтаю
И не могу тогда заснуть.

Вопросы праздные безспорно:
Мнѣ никогда ихъ не рѣшить,
Но какъ-то грустно и зазорно
Намъ безотчетно въ мѣрѣ жить.

И только вѣра въ провидѣнье
И въ промыслъ благостный о насъ
Душѣ даетъ успокоенье
Въ прискорбный думы тяжелой часъ.

Блаженъ, кто вѣруеть, кто любитъ
И кто надѣется вполнѣ:
Тотъ счастья въ жизни не загубитъ
Ни здѣсь, ни въ горней сторонѣ,
Есть высшій Разумъ. Онъ лишь знаетъ,
Куда, зачѣмъ стремится мѣръ,
Всей жизнью міра управляетъ,
Намъ посылаетъ скорбь и миръ,
И мы должны всѣмъ сердцемъ вѣрить,
Что Онъ желаетъ намъ добра:
Намъ не должно съ Нимъ лицомъ брѣть
И примириться съ Нимъ пора.
Мы такъ ничтожны и безсильны
Предъ всемогуществомъ Творца,
Дары-жъ Его настоль обильны,
Что нѣтъ имъ счету и конца.
И мы должны съ благодареньемъ
Его душою величать .
И нашу жизнь съ благословеньемъ
И терпѣливо продолжать.

1909 г.

505. Въ восторгѣ.

(Экспромтъ).

Что лучше можетъ быть природы,
Ея роскошныхъ проявленій,
Ея красы, ея свободы,
Ея высокихъ откровеній?

Я благодаренъ ей безмѣрно
За всѣ минуты вдохновенья,
Что расточалъ неимовѣрно,
Творя живыя пѣснопѣнья.

Ея красоты безконечны,
Ея дары неисчислимы,
Законы правильны и вѣчны,
И силы ихъ неизмѣримы.

И я невольно преклоняюсь
Предъ всемогущей Красотою
И благодатью восторгаюсь
Вокругъ меня и надо мною.

Поются гимны вдохновенно
Творцу природы благодатной,
И льются слезы умиленно
Среди отрады необъятной...

1909 г.

506. На прощанье.

Прости, отраднѣй Петергофъ,
Источникъ свѣтлыхъ вдохновеній,
Завѣтныхъ думъ, завѣтныхъ сновъ
Виновникъ сладкихъ пѣснопѣній!

Я отдохнулъ въ тебѣ душой
И вновь способенъ для работы
Глухой осеннею порой,
Для мелкой, будничной заботы.

Хоть лѣто было въ этотъ годъ
Неярко, холодно, дождливо,
Хотя нерѣдко небосводъ
Мрачился тучами тоскливо,

Но все-жъ красотами порой
Здѣсь вся природа ликовала
И въ ласкахъ нѣги огневой
Очарованіемъ дышала.

И я доволенъ былъ вполне
Дарами сѣверной природы:

Они цѣлили душу мнѣ
Отъ ранъ испытанной невзгоды.

И снова я теперь здоровъ,
Вновь ожилъ тѣломъ и душою
И для борьбы опять готовъ
Съ житейскимъ зломъ и суетою.

Прости-жъ, отрадный Петергофъ!
Я шлю тебѣ привѣтъ прощальный
За рядъ завѣтныхъ думъ и сновъ,
Строча тебѣ сей стихъ похвальный.

1909 г.

507. Ш е м я к и н ъ с у д ъ .

Что-то странное творится
На Руси святой:
Православный людъ томится
Злой-лихой бѣдой.

То и дѣло гражданъ русскихъ
Безъ причинъ влекутъ
Изъ партійныхъ взглядовъ узкихъ,
На чухонскій судъ.

Тамъ невинныхъ безъ разбора
Въ кандалы куютъ,
Для защиты же простора
Правымъ не даютъ.

Тамъ жестоко ихъ пытаются
На чухонскій ладъ
И сознание вымогаютъ —
Голодомъ морятъ.

Показаньямъ хулигановъ
Вѣрятъ тамъ легко,

Адвокатовъ-интригановъ

Цѣнять высоко.

Тамъ по проискамъ жидовскимъ,

Съ Веберовскихъ словъ,

По доносамъ Пруссаковскимъ

Судьи изъ враговъ

Кривосудію не знаютъ

Никакихъ границъ

И по тюрьмамъ заключаютъ

Неповинныхъ лицъ...

Какъ же можетъ соглашаться

Православный людъ,

Чтобъ надъ нимъ такъ издѣваться

Могъ Шемякинъ судъ?

Для чего же терпятъ власти

На Руси святой

Русскимъ горькія напасти

И позоръ такой?

Вѣдь на то онѣ и власти,

Чтобъ всю Русь беречь,

Отъ лихой бѣды-напасти

Русскій людъ стеречь.

Если-жъ имъ дороже русскихъ

Чухны да жида

Изъ партійныхъ взглядовъ узкихъ

Или ради мзды,

То, вѣдь, Русь имъ не забудеть:

Пусть они поймутъ!

Не Шемякинъ ихъ разсудить,

А народный судъ!

1909 г.

508. Въ Павловскомъ вокзалѣ.

Музыка смолкла. Толпа рукоплещеть.
„Браво“ и „бисъ“ неумолчно гремятъ.
Воздухъ колеблется въ залѣ, трепещеть.
Взоры у многихъ восторгомъ горять...

Что привлекло эти волны народа—
Шляпки, наряды, уборы, цвѣты,
Все, что дала современная мода,
Все, что создалъ бранный духъ суеты—

Жажда-ль искусства, иль жажда тщеславья?
Кто съ достовѣрностью можетъ сказать?
Больше-ль добра, или больше злонравья
Въ этой толпѣ—не легко разгадать.

Есть тутъ, конечно, и люди съ душою,
Музъ почитатели, слуги, жрецы,
Одушевленные лишь красотою,
Сами живого искусства творцы.

Но большинство этой пестрой громады
Врядъ ли для музыки только пришло,
Всѣ эти шляпы, уборы, наряды
Врядъ ли искусство сюда привело.

Вотъ, на примѣръ, молодая особа
Въ шляпкѣ роскошной, скроенной горшкомъ:
Такъ на лицѣ и написана злоба
Къ шляпѣ сосѣдней громаднымъ котломъ.

Вотъ нѣчто въ родѣ боченка пивнаго
Въ модномъ нарядѣ, въ сквозныхъ кружевахъ:
При созерцаніи франта любого
Похоть видна въ плотоядныхъ глазахъ.

Зрѣлыя дѣвы въ богатыхъ уборахъ
Чинно, степенно, жеманно сидятъ:
Такъ и читаешь въ ихъ пламенныхъ взорахъ—
Обѣ замужества страстно хотятъ.

Съ гордымъ сознаниемъ цѣнныхъ костюмовъ
И брилліантовъ огромныхъ въ ушахъ
Двѣ половины купцовъ-толстосумовъ
Важно покоятся въ первыхъ мѣстахъ.

Милая барышня въ скромномъ нарядѣ
Робко въ толпу устремляетъ свой взоръ:
Каждый невольно прочтетъ въ этомъ взглядѣ
Другу желанному нѣжный укоръ.

Двѣ набѣленныхъ и густо румяныхъ,
Въ розовыхъ шляпкахъ по модѣ—горшкомъ,
Очень вертлявыхъ и словно какъ пьяныхъ,
Бойкихъ дѣвицы гуляютъ рядкомъ,

Строятъ улыбки и дѣлаютъ глазки
Всѣмъ кавалерамъ, идущимъ безъ дамъ,
Всѣмъ обѣщая веселье и ласки,
Какъ бы зовя ихъ: „пожалуйте къ намъ!“

Да и въ мужской половинѣ немало
Разныхъ особъ, кои музамъ чужды.
И не для музыки втерлися въ зало,
А для совсѣмъ посторонней нужды.

Многихъ съѣдаетъ лихое бездѣлье:
Некуда голову имъ преклонить.
Многимъ приманкой зеленое зелье:
Имъ въ ресторанѣ охота кутить.

Ищутъ иные невѣсть съ состояньемъ,
Ищутъ иные свободной любви,
Тотъ озабоченъ сердечнымъ свиданьемъ,
Этотъ разсѣять радъ мысли свои...

Такъ для чего же оркестру стараться,
Если такъ мало достойныхъ судей,
Если привыкла толпа восторгаться
Всякою пьесой, предложенной ей?

Въ залѣ и тѣсно, и душно, и жарко:
Ломить и руки, и ноги, и грудь...

Только въ аллеяхъ обширнаго парка
Можно свободно, всей грудью вздохнуть.

Но уже поздно. Тамъ холодно, сыро,
Паркъ темнотой непроглядной покрытъ.
Средь тишины, и покоя, и мира
Все безмятежно въ немъ дремлетъ и спить.

Скучно и грустно! Я больше не въ силахъ
Здѣсь оставаться минуты одной:

Мысли мутятся, томительно въ жилахъ
Кровь застываетъ... Скорѣе домой!

1909 г.

509. **М о е й м у з ѣ.**

(Е. В. П.).

Тобою, другъ мой, вдохновленный,
Немало создалъ я стиховъ:
Тебѣ сей сборникъ посвященный
На половину ужъ готовъ.

Надеждой льщу себя благою
Еще на свѣтѣ мнѣ пожить
И половиною второю
Тебя, какъ первой, подарить.

1909 г.

510. **Моему другу.**

(Е. В. П й).

Мы живемъ съ тобою дружно
Скоро тридцать лѣтъ,
Все имѣя, что намъ нужно,
И не зная бѣдъ.

Мы идемъ прямой дорогой,
Не кривя душой,

Намъ для счастья немного
Надобно съ тобой.

Нуженъ только миръ душевный,
Дружба и любовь
Миръ согласный, повседневный,
Да хранить насъ вновь!

Въ узахъ дружбы обоюдной
И любви пойдемъ
Мы дорогой многотрудной
До конца вдвоемъ!

Нѣтъ отрады больше въ мирѣ,
Какъ душа съ душой
Жить вдвоемъ въ любви и мирѣ
Жизнiю одной.

Хоть безъ горя и невзгоды
Въ мирѣ не прожить,
Но и въ тягостные годы
Хорошо любить.

При любви нестрашно горе,
При любви легко
Переплыть все жизни море,
Хоть и глубоко.

Пожелаемъ же, другъ милый,
Въ мирѣ вѣкъ дожить,
Чтобъ до самой до могилы
Другъ друга любить,

Чтобъ въ сочувствii взаимномъ
Пребывать и впредь,
Чтобъ тебя хвалебнымъ гимномъ
Мнѣ не разъ воспѣть!

1909 г.

511. **М о л и т в а.**

Владычица міра! къ Тебѣ прибѣгаю
 Съ усердной, горячей мольбой,
 Къ Тебѣ, Матерь Бога живого, зываю:
 Пошли мнѣ душевный покой!
 Ты помощь Свою многократно являла,
 Отъ бѣдъ избавляла меня,
 Отъ многихъ великихъ несчастій спасала
 Чудесно десница Твоя.
 Мнѣ нѣкогда чашу безмѣрныхъ страданій
 И слезъ предстояло испить,
 Но Ты, Пресвятая, отъ горькихъ терзаній
 Рѣшила меня сохранить.
 Ты вняла, Заступница міра предъ Богомъ,
 Моленіямъ присныхъ моихъ,
 Увѣрять въ ихъ рвеніи сильномъ и строгомъ
 И въ вѣрѣ безхитростной ихъ.
 И вотъ совершила Ты чудо благое:
 Темница отверзлась,—и я
 Увидѣлъ вновь Лико Твое Пресвятое,
 Вновь радость познавъ бытія.
 Съ тѣхъ поръ уже много годинъ миновало,
 До старости дожилъ ужъ я,
 И Ты благодатью меня осѣняла,
 Покровомъ была для меня.
 Щедроты Твои для меня безконечны.
 Я такъ многогрѣшенъ во всемъ,
 Такъ мало въ мой вѣкъ на землѣ быстротечный
 Пекусь о спасеніи своемъ.
 Но чту я Тебя, Матерь Бога живого,
 Благая Царица царей,
 Покровъ и Заступница рода людского,
 Всей грѣшной душою моею.
 Взирая на Ликъ Твой святой, лучезарный,
 Я весь въ умиленіи стою

И, всѣмъ существомъ безъ границъ благодарный,
Тебѣ токи слезные лью.
Владычица міра, прости и помилуй,
Очисти меня отъ грѣховъ
Присущей Тебѣ благодатною силой
И будь мнѣ, какъ прежде, покровъ!
Остатокъ сей жизни грѣховной и брэнной
Дай въ мирѣ душевномъ скончать,
И въ будущей жизни, Царица вселенной,
Дай чашу благую вкушать!

1909 г.

512. Привѣтствіе.

Заочно въ праздникъ вождельнный
Археологіи священной
Закабаленный въ Петроградъ
Друзей привѣтствовать я радъ.

На сторонѣ моей родимой,
Всѣмъ сердцемъ съ дѣтства мной любимой,
Родной науки торжество
И новой славы рождество.

Тамъ предъ святыней всенародной,
Надъ ширью Волги многоводной,
Собранье ревностныхъ жрецовъ
Со всѣхъ отечества концовъ.

Ужъ трехсотлѣтье истекаетъ,
Какъ та святыня охраняетъ
Благословенный ею Родъ
Для царственныхъ въ Руси заботъ.

Вблизи, въ обители священной,
Остатки кельи драгоцѣнной,
Гдѣ юный, кроткій Михаилъ
До воцаренья мирно жилъ,

Душой и тѣломъ развиваясь
И благодатью укрѣпляясь,
Вдали тревогъ, вдали отъ битвъ,
Подъ звуки сладостныхъ молитвъ.

Невдалекѣ село большое,
Богатырю тому родное,
Чье имя чтится всей страной,
Гдѣ святорусскій жилъ герой.

Онъ спасъ Вождя для всей Россіи
Во времена ея лихія,
Жизнь за него отдавъ свою,
Осиротивъ свою семью.

Тамъ древнихъ много храмовъ, зданій,
Завѣтныхъ для Руси преданій,
И вся родная сторона
Сокровищъ древности полна.

Для васъ, друзья, тамъ жатвы много,
Блюсти служенье можно строго,
Работы много для жнецовъ
И жертвъ довольно для жрецовъ.

И, нѣтъ сомнѣнія, прольете
Вы новый свѣтъ и проведете
Для знаній новые пути,
Которыми должно итти

И васъ въ сей праздникъ незабвенный
Археологіи священной
Закабаленный въ Петроградъ
Душой привѣтствовать я радъ!

1909 г.

513. Современныя власти.

Что скажетъ потомство
Про то вѣроломство,
Что власти въ отчизнѣ творять?
„А что намъ за дѣло
До правнуковъ?“ смѣло
Онѣ въ ослѣпленіи твердятъ?

„Пусть будетъ, что будетъ!
Навѣрно забудетъ
Потомство про многихъ изъ насъ,
А если иного
За генія злого
Признаетъ исторіи гласъ,

То мы не услышимъ.
Мы всѣ только дышимъ
Минутной улыбкой судьбы,
И нѣтъ въ насъ охоты
Для честной работы,
Для стойкой съ крамолой борьбы.

Вѣдь жребій нашъ бранный,
А судъ современный
Позоромъ и такъ насъ клеймить.
Мы къ сраму привыкли,
Къ позору обыкли:
Исторіи судъ не страшить.

Лишь нынѣ бы было,
Изъ рукъ не уплыло
Значенье, богатство у насъ,
А тамъ пусть все тонетъ
Въ потопѣ и стонетъ,
Хоть міръ бы въ трясинѣ увязъ!

Значенье-жъ, богатство
И власти пріятство
Теперь удержать нелегко:

Должны мы и нашимъ,
Должны мы и вашимъ
Поблажки давать широко.

Лишь съ нашимъ терпѣньемъ,
Лишь съ нашимъ умѣньемъ
Возможно съ успѣхомъ служить,
И всѣ укоризны
Для блага отчизны
Съ достойной отвагой сносить“.

Съ такими властями
Съ такими столпами
Страна далеко не уйдетъ:
О доблестной славы
Въ злосчастной державѣ
Преданье навѣки умретъ.

1909 г.

514. В ъ х р а м ѣ.

О, какъ отрадны тѣ мгновенья,
Когда во храмѣ я молюсь
И со слезами умиленья
Творцу всѣмъ сердцемъ предаюсь!

Какой восторгъ невыразимый
Вкушаю я всѣмъ существомъ
Въ живой связи, неизъяснимой,
Со всемогущимъ Божествомъ!

Какъ всѣ печали и невзгоды
Вмигъ исчезаютъ безъ слѣда
И чуднымъ небомъ храма своды
Преображаются тогда,

Молитвословія живыя
Чудесный нектаръ въ сердце льютъ,

Изображенія святыя,
Со мной бесѣдуя, живутъ!

И какъ благія откровенья
Тогда нисходятъ на меня,
И я въ порывахъ вдохновенья
Пылаю пламеннѣй огня!

1909 г.

515. Предъ началомъ ученія.

Дѣти, праздникъ вашъ сегодня!
Помолились мы сейчасъ,
Чтобъ великая Господня
Благодать сошла на васъ,
Чтобъ Господь вамъ далъ терпѣнья,
Прилежанія и силъ
Для успѣшнаго ученья,
Разумѣньемъ наградилъ,
Чтобъ съ любовію, безъ скуки,
Но сознательно, легко
Изучали вы науки
Въ должной мѣрѣ, глубоко,
Чтобъ явились для отчизны
Вы гражданами вполнѣ,
Безъ малѣйшей укоризны,
И полезными странѣ,
Чтобы въ сердцѣ православномъ
Каждый вѣрою пылалъ
И въ царѣ самодержавномъ
Видѣлъ высшій идеаль,
Чтобъ на Русь, на все родное
Вы смотрѣли безъ стыда

И отечество святое
Полюбили навсегда...

Отъ души васъ поздравляемъ
Съ начинаніемъ трудовъ,
Вамъ успѣха всѣмъ желаемъ,
И блистательныхъ плодовъ!

1909 г.

516. П О Э Т Ъ.

Поэтъ, что птица перелетная,
Мечтой витаетъ здѣсь и тамъ,
И льется пѣсня искрометная
То по горамъ, то по доламъ,
То въ высь небесную возносится,
То въ преисподнюю слетить,
То къ полюсу порой отбросится,
То подъ экваторомъ звенить!...

Сегодня въ ней отрада слышится,
А завтра горе зазвучитъ,
То отъ нея свободой дышится,
То вдругъ неволей затомитъ.

Любовь, и вѣра, и сомнѣніе
Въ ней чередуются порой,
То грусть, восторгъ иль вдохновеніе
Овлаждаетъ всей душой.

Поэтъ, что зеркало хрустальное,
Съ какой-то силой неземной
Отображаетъ все печальное
И все отрадное собой,

Всѣ проявленія природныя,
И всѣ дѣянія людей,
И всѣ стремленія свободныя,
И сонмъ несбыточныхъ идей

Неизъяснимымъ откровеніемъ
Онъ постигаетъ иногда
И, переживъ ихъ, вдохновеніемъ
Воспроизводитъ безъ труда.

Поэтъ, что міръ: въ его сознаниі
Запечатлѣнъ весь міръ порой,
Съ его борьбой, въ его страданіи
И съ безконечной красотой.

1909 г.

517. Предъ могилой А. Г. Филонова.

Спокойно спишь ты, безъ тревоги,
Вдали отъ тягостныхъ заботъ
И терній жизненной дороги,
Былыхъ безчисленныхъ невзгодъ.

Всю чашу горькихъ испытаній
Ты выпилъ полную до дна:
Вся жизнь твоя нужды, страданій,
Скорбей и слезъ была полна.

Свершенный въ бѣдствіяхъ и горѣ,
Твой подвигъ жизненный великъ.
Но, переплывъ сей жизни море,
Ты тихой пристани достигъ.

И, позабывши всѣ тревоги,
Здѣсь тѣло брренное сложилъ,
Душой же въ горніе чертоги
Къ отрадамъ вѣчнымъ воспарилъ.

Да будетъ мягкою постелью
Здѣсь тѣлу мать—сыра-земля!
Да предается тамъ веселью
Душа, архангеламъ внемля!

1909 г.

Чтобъ съ тобою ни случилось,
 Убѣжденій не мѣняй,
 Хоть за нихъ бы приходилось
 Умирать, ихъ защищай!

Человѣкъ безъ убѣжденій,
 Что подъ вѣтромъ гибкій листь,
 Хоть умомъ онъ былъ бы геній
 И душой хрустально чистъ.

То направо, то налѣво
 Онъ склоняется порой,
 Какъ неопытная дѣва,
 Какъ тростинка подъ грозой.

Подъ вліяніемъ лишеній,
 Подъ вліяніемъ невгодъ,
 Человѣкъ безъ убѣжденій
 Въ жизни счастья не найдетъ.

То внушенія чужія,
 То мірская суета,
 То условія лихія,
 То случайная мечта

Имъ порой овладѣвають,
 Соблазняютъ и влекутъ,
 Въ немъ отпора не встрѣчаютъ
 И къ страданіямъ ведутъ.

Убѣжденья-жъ въ человѣкѣ
 Волю крѣпкую куютъ,
 Закаляя духъ на вѣки,
 Отъ соблазновъ берегутъ.

Застрахованъ отъ сомнѣній,
 Отъ ошибокъ онъ спасенъ,
 Коль броней убѣжденій
 Навсегда вооруженъ.

Въ той бронѣ онъ можетъ смѣло
На сраженіе итти,
Добросовѣстно, умѣло
Брань съ врагами повести.

Если врагъ безъ убѣжденій,
Никогда не устоитъ,
Хоть бы былъ умою онъ геній,
Хоть бы страшень былъ на видъ.

Если-бъ даже вражьи взгляды
Были крѣпки и сильны,
И тѣснилъ врагъ безъ пощады,
Силы были бы равны,

То никто бы пораженье
Не понесъ въ лихой борьбѣ,
Въ равной силѣ убѣжденья
Бодрость черпая себѣ.

И пришлось бы имъ смириться,
Разойтися навсегда,
Иль въ союзъ объединиться
Для совмѣстнаго труда.

Сила твердыхъ убѣжденій
Благотворна для людей,
Для подъема ихъ стремленій,
Для развитія идей.

1909 г.

519. В. К. Дьякову.

(1 октября 1909 г.).

Сорокъ лѣтъ прожить не шутка,
Прослужить же сорокъ лѣтъ—
Какъ помыслишь, станетъ жутко
Послѣ многихъ въ жизни бѣдъ.

Говорятъ: кто долго служить,
На покой пора его..
Пусть же вашъ примѣръ послужить
Доказательствомъ того,

Что ущедренный годами
И умудренный трудомъ,
Долгихъ опытовъ плодами,
Предпочтительнѣй во всемъ.

По пословицѣ народной,
Не испортить старый конь
Борозды, какъ сумасбродный,
Юный, пылкій, какъ огонь.

Вы однимъ и тѣмъ же дѣломъ
Занимались много лѣтъ,
И, при знаніи умѣломъ,
Шло оно безъ всякихъ бѣдъ.

Нынѣ-жъ вамъ другое дѣло
Въ управленіе дано,
И увѣренно, и смѣло,
Какъ бы вѣдали давно,

Вы взялися, всѣмъ на диво,
Дѣло новое вести,
Съ должнымъ рвеніемъ, терпѣливо
Интересы всѣхъ блюсти.

Доказали всѣмъ вы ясно,
Что тутъ возрастъ не при чемъ
И кто опытенъ, прекрасно
Все дойдетъ своимъ умомъ.

Все у васъ въ рукахъ спорится,
Точность строгая во всемъ:
Дѣло мастера боится—
Возрастъ вовсе не при чемъ.

Честь и слава вамъ за это,
Съ благодарностью отъ насъ,

При желаньи многи лѣта
Въ дружбѣ съ нами видѣть васъ
И для давнихъ сослуживцевъ
Быть отраднѣйшимъ лицомъ,
Для случайныхъ же счастливыхъ
Благотворнымъ образцомъ!

520. **3-е октября 1909 г.**
(Посвящается А. В. Кольцову).

Сто лѣтъ прошло со дня рожденья
Въ Руси народнаго пѣвца,
Что, избѣжавъ навѣкъ забвенья,
Достигъ лавроваго вѣнца.

Родясь въ средѣ простонародной,
Онъ благороденъ духомъ былъ
И пѣснью искренней, свободной
Въ странѣ сердца къ добру будиль.

Какъ перлъ, чистѣйшей красотой
Блистала пѣснь его порой,
Водой не мертвой, но живою
Была для родины святой.

Не растлѣвалъ онъ въ людяхъ нравы,
Не развращалъ людскихъ сердецъ,
Какъ въ наши дни мишурной славы
Иной прозаикъ иль пѣвецъ.

Послѣднихъ слава быстротечна,
Она со смертью ихъ умретъ,
Его же имя будетъ вѣчно
Твердить россійскій весь народъ.

Потомки будутъ ихъ стыдиться,
Ихъ сочиненій избѣгать,

Его же именемъ гордиться,
Его созданья изучать.

И пѣсни прасола-поэта
Въ Россіи вѣчно будутъ жить
И для любви, добра и свѣта
Сердца въ согражданахъ будить!

521. 21 октября 1909 года.

(Экспромтъ).

О, день отраднѣйшій изъ дней,
Для русскихъ истинно людей!
У нихъ ужъ собственный свой домъ,
Они хозяева ужъ въ немъ!

О, если-бъ ихъ вся Русь была,
Вся русскимъ садомъ расцвѣла,
И въ вертоградѣ томъ святомъ
Лишь русскій духъ виталь во всемъ!

Да будетъ русскій домъ зерномъ
Для жатвы радостной потомъ,
Что русскій людъ себѣ пожнетъ,
И Русь въ блаженствѣ заживетъ.

522. На смерть А. Ѳ. Руднева.

Едва промчалася весна
И прилетѣли чары лѣта,
Вся жизнь его была красна,
Полна и радости и свѣта.

Какъ по невѣдомымъ судьбамъ,
По неизвѣданнымъ законамъ,
Сказалъ „прости“ онъ всѣмъ друзьямъ,
Наперекоръ слезамъ и стонамъ.

Жизнь молодая порвалась,
И вотъ лежитъ онъ бездыханенъ,
Душа изъ тѣла унеслась,
И видъ его суровъ и страненъ.

Не улыбнется онъ вовѣкъ
И словъ любви ужъ не пронить,
Ужъ онъ теперь не человѣкъ:
Лишь прахъ сыра-земля схоронить.

Но живъ его нетлѣнный духъ
И, можетъ быть, средь насъ витаетъ,
Хотя нашъ бранный взоръ, нашъ слухъ
Нашъ умъ того не постигаетъ.

Мы всѣ горюемъ здѣсь по немъ,
И слезы льются безутѣшно,
Но прахъ его спитъ крѣпкимъ сномъ,
А духъ блаженствуетъ безгрѣшно.

О, со святыми упокой
Его, Господь, въ отрадѣ вѣчной,
И въ скорби тягостной покрой
Насъ благодатью безконечной!

1909 г.

523. **Исполненіе пророчества.**

(Посвящается А. С. Хомякову).

Всѣмъ сердцемъ родину любя,
Онъ посвятилъ ей думъ немало
И безотчетно для себя
Предрекъ, что впредь отчизну ждало:

За беззаконія свои
Отвѣтъ она дастъ передъ Богомъ,
Настанутъ въ ней возмездья дни,
Дни испытанія во многомъ,—

И, лишь омывъ свой тяжкій грѣхъ
Слезамъ скорби и смиренья,
Очистясь отъ безумій всѣхъ,
Она дождется дня спасенья...

Онъ вѣщимъ духомъ прозираль
Ея грядущія судьбины
И для потомства завѣщаль
Страданій тяжкія години.

И все воочію сбылось:
Сыны дождались лихолѣтья,
Надъ Русью горе пронеслось
Съ зарей двадцатаго столѣтья.

Раздался Божій громъ святой
Надъ нераскаянной гордыней,
Дабы смирился край родной
Передъ поруганной святыней.

Коснулась дерзкая рука
Святыхъ отеческихъ законовъ
И крови родственной рѣка
Дымится средь народныхъ стоновъ.

Завѣты вѣщей старины
Повсюду преданы забвенью,
Устои счастья страны
Обречены вездѣ глумленью.

Нѣтъ вѣры истинной въ сердцахъ,
Благоговѣнія къ престолу,
Нѣтъ цѣломудрія въ умахъ,
Стремленье всюду къ произволу.

На смѣну честнаго труда
Обманъ и злостныя хищенья,
Явилась новая бѣда:
Развратъ ума и лжеученья.

Законодатели страны,
Взамѣнъ благого устроенья,

Стремленій пагубныхъ полны
Во всемъ достигнутъ разложенья.

Вотъ нынѣ что съ твоей страной,
Съ твоей завѣтною Россіей,
Какой-то бѣшеной и злой
Она охвачена стихіей.

Да, строгій, тягостный отвѣтъ
Теперь она дастъ передъ Богомъ:
Погасъ любви и правды свѣтъ,
И здравый смыслъ угасъ во многомъ.

Но ты, судьбъ ея пророкъ,
Вослѣдъ за тяжкимъ испытаньемъ
Ей всепрощеніе предрекъ
Со славой впредь и процвѣтаньемъ.

И мы увѣрены вполнѣ,
Что день веселія настанетъ
И въ успокоенной странѣ
Вновь духъ величія воспрянетъ,—

И всѣ державы передъ ней
Свои покорно склонятъ вы,
И въ полнотѣ красоты своей
Заблещетъ счастье Россіи.

1909 г.

524. Вѣнокъ Митрополиту Платону.

Простой крестьянинъ-самоучка,
Наукъ высокихъ не знатокъ,
Сплелъ въ честь святителя Платона
Неувядаемый вѣнокъ.

Въ столѣтіе его рожденья
Максимъ Васильевъ Карасевъ
Большую напечаталъ книгу
Его дѣяній и трудовъ.

Изобразивши въ этой книгѣ
Владыки дивнаго черты,
Его заслуги предъ Россіей,
Его завѣтныя мечты,

Богатый вкладъ въ литературу
Своимъ изданьемъ сдѣлалъ онъ:
Имъ воскрешенъ какъ-бы изъ мертвыхъ
Во всемъ величїи Платонъ.

Митрополитъ любвеобильный
Во весь свой ростъ явился намъ,
Въ примѣръ грядущимъ поколѣньямъ,
На память будущимъ вѣкамъ.

Благой наставникъ, пастырь добрый,
Подвижникъ строгій, но простой,
Краснорѣчивый проповѣдникъ,
Правитель мудрый, но прямой,

Для всѣхъ доступный, милосердый,
Помощникъ въ горѣ и нуждѣ,
Совѣтникъ искренній, разумный,
Защитникъ благостный въ бѣдѣ,

Онъ былъ для всѣхъ своихъ пасомыхъ
Живымъ источникомъ отрады
Во всѣхъ житейскихъ испытаньяхъ,
Среди напасти и утраты.

Своимъ живымъ и мирнымъ словомъ,
Какъ вѣщей истины пророкъ,
Немало въ лоно православыя
Овецъ заблудшихъ онъ привлекъ.

И ни одной черты порока
Въ кристально-свѣтлой чистотѣ,
Лишь добродѣтели сіяютъ
Въ его нетлѣнной красотѣ.

Да будетъ вѣчно незабвенно
Платона имя на Руси!

Да защищаетъ онъ въ молитвахъ
Святую Русь на небеси!

И да послужитъ прославленью
Владыки дивнаго „Вѣнокъ“,
Что сплелъ крестьянинъ-самоучка,
Наукъ высокихъ незнатокъ!

Онъ тамъ и самъ себя прославилъ,
И не забыть уже трехъ словъ,
Вспоминая о Платонѣ:
Максимъ Васильевъ Карасевъ.

1909 г.

525. 29 ноября 1909 года.

Первый разъ еще семейю
Мы пируемъ въ этомъ зданьи,
Въ нашихъ собственныхъ палатахъ,
Въ тѣсно-сплоченномъ собраньи.

И не только для себя мы
Прочный кровъ нашли, хоть скромный,
Но и родственнымъ союзамъ
Здѣсь даемъ приютъ укромный.

Твердо вѣримъ, что отнынѣ
Трудъ нашъ будетъ плодотворнѣй,
Поле нашихъ предпріятій
Будетъ шире и просторнѣй.

Трудъ нашъ свѣше освѣщенъ ужъ,
Щедрой милостью Монаршей,
Изъ родныхъ организаций
Мы являлися всѣхъ старшей.

Во главѣ же управленья
Мы имѣемъ патріота,
Крѣпко вѣрнаго завѣтамъ,
Старины святой оплота.

Нашъ совѣтъ всецѣло преданъ
Дѣлу русскому, святому,

Не измѣнить никогда онъ
Направленію прямому.
Мы стремимся всѣ ко благу,
Нашей родины священной
И проникнуты всѣмъ сердцемъ,
Къ ней любовью неизмѣнной.
Всѣмъ пожертвуемъ, коль надо,
Ради вѣры православной,
Для спасенья Царской власти,
Какъ и встарь, Самодержавной,
На защиту правъ исконныхъ
Святорусскаго народа,
Чтобъ его не угнетала
Ни малѣйшая невзгода!
Съ Божьей помощью достигнемъ
Цѣли нашей несомнѣнно,
Чтобъ святая Русь вѣвѣки
Прославлялась во вселенной!
За Царя, за Русь родную
И за наши всѣ стремленья
Выпьемъ здравицу всѣ дружно,
Въ знакъ духовнаго общенья.

526. Т а й н а.

Предвѣчный Младенецъ родился сегодня
Не въ роскоши пышной, не въ славѣ мірской,
Свершилась великая тайна Господня
Въ убогой пещерѣ глухой.

Открыта была она людямъ смиреннымъ,
Душою простою принявшимъ ее
Да людямъ, красою небесъ вдохновеннымъ,
Постигшимъ премудрое все.

И нынѣ та вѣчная тайна понятна
Всѣмъ людямъ смиреннымъ и мудрымъ душой,
И вѣра въ ту тайну для нихъ благодатна,
Какъ самъ тотъ Младенецъ святой.

1909 г.

527. Святитель-герой.

(† 9 января 1570 г.).

Храня святительскій обѣтъ
Нести свой крестъ, блюсти сурово
Царя небеснаго завѣтъ,
Онъ обличалъ царя земного:

Предъ всѣмъ народомъ осуждалъ
Его въ соборѣ велегласно
За то, что Русь онъ потрясалъ
Своей опричниной ужасно.

И Грозный Царь, предъ коимъ все
Въ странѣ отъ страха трепетало,
Позналъ безсиліе свое:
Добро побѣду одержало.

Но для неправедныхъ сердець
Былъ нестерпимъ герой-святитель.
Зло побѣдило подъ конецъ:
Лишень былъ сана обличитель.

И, въ подземелье заключень,
Великій праведникъ, безъ битвы,
Рукой злодѣя умерщвленъ
Въ минуту пламенной молитвы.

1909 г.

528. Б о р ь б а.

Борьба вездѣ, борьба во всемъ,
Все въ мірѣ борется, борьбою
Весь міръ въ величїи своемъ
Идетъ начертанной судьбою.

Борьба есть жизнь, жизнь и борьба
Одно и то же означаютъ,
Ни трудъ, ни совѣсть, ни мольба
Насъ отъ борьбы не избавляютъ.

Жизнь безъ борьбы лишь для раба,
Лишь онъ одинъ борьбы не знаетъ,
За то жалка его судьба:
Онъ безъ борьбы изнемогаетъ.

Борьбой куется сильный духъ,
Въ борьбѣ испытанною волей
Одинъ работаетъ за двухъ,
Располагая лучшей долей.

Борьба намъ сердце веселить,
Борьбою сердце пламенѣтъ,
Борьба и рыцарей творить,
Сильнѣй любовью сердце грѣтъ.

Борьба живить собой нашъ умъ
И мысли наши изоцряетъ,
Спасая насъ отъ праздныхъ думъ,
Познанья наши расширяетъ.

Борьба полезна намъ во всемъ:
Она воспитываетъ чувства
И совершенствуетъ притомъ
Нашъ вкусъ, изящныя искусства.

Покой хорошъ на краткій срокъ,
Въ немъ вся природа отдыхаетъ,
И онъ тогда идетъ ей въ прокъ,
Отъ утомленія спасаетъ.

Но продолжительный покой
Всѣ силы жизни ослабляетъ.
Все оживляется борьбой,
А безъ нея все прозябаетъ.

1909 г.

529. 1-е января 1910 г.

„Съ новымъ годомъ!“ люди-братья,
Раскрывая вамъ объятя,
Восклицаю сердцемъ я,
Отъ души васъ поздравляя,
Счастья новаго желая
Безкручиннаго житья.

Дни, и мѣсяцы, и годы
Какъ отрады, такъ невзгоды
Въ жизни временной полны,
Но ко благу челоуѣка
Провидѣніемъ отъ вѣка
Откровенія даны.

Каждый новый годъ собою
Новой славою мірскою
Озаряетъ край земной,
Но изъ этой славы міра
Не творите вы кумира,
Забывая жребій свой!

530. На берегу Волги ¹⁾.

На берегу рѣки широкой,
Кормилицы страны родной,
Сижу я съ думою глубокой,
Съ моей любимою мечтой.

Въ завѣтныхъ мѣстностяхъ окрестныхъ,
Давно столь сердцу дорогихъ,
Въ дни юныхъ лѣтъ моихъ безвѣстныхъ,
Я счастливъ былъ среди родныхъ.

Такъ много, много пережито
И мной, и родиной моей,
Такъ много въ жизни позабыто,
Но не забыть мнѣ свѣтлыхъ дней,

Тѣхъ дней, когда все было ново,
Когда весь міръ былъ сердцу милъ
Не вѣдалъ я судьбы суровой
И безкорыстно всѣхъ любилъ,

Когда въ младенческіе годы,
Среди полей, лѣсовъ, глуши,
Еще житейскія невзгоды
Моей не трогали души.

.
.

¹⁾ Это стихотвореніе написано въ день смерти автора 2 іюля 1910 г., въ 7 ч. утра, а въ 9^{1/2} ч. утра его уже не стало, и оно осталось неоконченнымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТР.
	Біографическій очеркъ	I—IV
	1. Посвященіе	1
1869 г.	2. Два поступка	2
1871 г.	3. Кто блаженъ	4
1872 г.	4. Дерево и соловей	5
	5. Принесеніе Исаака въ жертву	6
	6. Бесѣда съ луной	8
	7. Рѣка и ручей	11
1874 г.	8. Къ музѣ	12
1878 г.	9. Наукѣ	13
	10. Поэзія и наука	14
	11. Что лучше?	15
1879 г.	12. На 1879 годъ	16
	13. Молитва	16
	14. Дума	17
	15. Дума	19
1880 г.	16. „Жизнь хороша и такъ—безспорно“	20
	17. A ton ange	20
	18. Дума	21
	19. На прощанье	21
	20. Къ Е. В. П.	22
	21. Къ Е. В. П.	23
	22. „Внимая житейскому морю“	24
	23. Познаніе	24
	24. Счастіе	25
	25. Сила духа	25
	26. Посвящается Е. В. П.	26
1881 г.	27. „О! когда же будетъ въ мірѣ“	26
	28. Жизнь	27
	29. На пожарѣ	27
	30. Посланіе А. Н. Майкову	28
	31. Богъ	28
1882 г.	32. Сотвореніе міра	29
	33. На родинѣ	31
	34. Заповѣди	33
	35. Изъ псалма 138	34
	36. Студенчество	35
	37. Дума	35

	СТР.
	36
	38
	39
1883 г.	39
	41
	42
1884 г.	44
	44
	46
	47
	50
	50
1885 г.	52
1886 г.	53
	53
	54
	55
	56
	56
	58
	63
	64
	65
1887 г.	65
	66
	67
	68
	69
	69
	69
	70
1888 г.	70
	73
	74
	74
	75
1889 г.	76
	78
	79
1890 г.	82
	83
	84
	86
	86
	87
	88
	89
	90
	90
1891 г.	90
	91
	92
	92
	94
	95

	СТР.
	96
1892 г.	96
95. „Я увѣренъ, что ты ожидаешь“	97
96. На родинѣ	97
97. Сѣно и мопсъ	98
1893 г.	100
98. На 25-тіе Славянскаго Благотв. Общ.	101
99. Оргія Нерона	101
1894 г.	107
100. Молитва	107
101. Д. И. Прозоровскому	107
102. 20 октября 1894 г.	108
103. Царь-Миротворецъ	109
1895 г.	111
104. На Волгѣ	111
105. На Волгѣ	111
106. Къ родинѣ	112
107. Разставаніе съ родиной	113
108. Раздумье	114
109. Молитва	114
110. Раздумье	115
111. Завѣтныя желанія	116
112. Раздумье	116
113. Молитва	117
114. Сонъ	117
115. Молитва	124
116. Чудныя мгновенія	125
1896 г.	126
117. На обращеніе Болгаріи	126
118. Весна	127
119. Передъ обѣдней	128
120. Бѣлой ночью	129
121. Русь (коронаціонная кантата)	129
122. Мечты	132
123. Дядя Власъ	133
124. Попрошайкамъ	134
125. Парасковья	136
126. Похороны	137
127. 25 іюня 1896 г.	137
128. Раздумье	140
129. Благодареніе	140
130. Молитва	141
131. „Какъ утлый челнъ средь океана“	142
132. Къ родинѣ	143
133. Великій день	144
134. Слава	145
1897 г.	145
135. Въ храмѣ	145
136. Воспоминанія	146
137. А. Г. Ф—ву	148
138. Молитва	148
139. На смерть А. Н. Майкова	149
140. Псаломъ 50-й	150
141. Въ день погребенія А. Н. Майкова	153
142. Псаломъ 1-й	154
143. Послѣднее прости	154
144. Экспромтъ	155
145. Пѣвецъ	156
146. Весенняя дума	156
147. На 25-тіе Постоянной Ком. нар. чтеній	157

148.	Весеннее раздумье	160
149.	При выносѣ Плащаницы	160
150.	Въ Михайловскомъ паркѣ	162
151.	А. Г. Ф—ву	163
152.	Неправда	163
153.	Археологическому Институту	165
154.	Напоминаніе	166
155.	Прости на вѣкъ	167
156.	Добро и зло	168
157.	„Радость и горе“	169
158.	Думы	170
159.	Признаніе	171
1898 г. 160.	„Январь, а дышетъ все весною“	172
161.	На 20-тіе Археологич. Института	173
162.	„Когда усталость, утомлень“	176
163.	Проза жизни	177
164.	Народнымъ учителямъ и учительницамъ	177
165.	Въ вагонѣ	180
166.	Надъ озеромъ	181
167.	Бѣлой ночью	182
168.	Сонъ	182
169.	Вдвоемъ	184
170.	На скачкахъ	184
171.	На берегу Иматры	186
172.	Въ саду Монрепо	187
173.	Передъ Выборгской башней	187
174.	Въ лунную ночь	187
175.	Въ знойный день	188
176.	Прогулка	189
177.	На открытіе памятника Царю-Освободителю	189
178.	Мирный кличъ	191
179.	Передъ осенью	191
180.	Лунный свѣтъ	192
181.	По дорогѣ въ Токсово	193
182.	А. Г. Ф—ву	194
183.	Романсъ	194
184.	Наступленіе осени	195
185.	Шувалово	196
186.	Осенняя картинка	196
187.	Школьники	197
188.	Совѣтъ	200
189.	А. Г. Ф—ву	201
190.	Успокоеніе	202
191.	Передъ мощами	203
192.	Кіевъ	204
193.	Памяти Я. П. Полонскаго	205
194.	Заповѣдь	206
195.	Находчивый квартальный	207
196.	Зима	210
1899 г. 197.	Великопостные мотивы	211
198.	Въ минуту скорби	212
199.	Въ минуту вдохновенія	212
200.	Крестная смерть	213
201.	Христось воскрес!	217
202.	Въ 21-ю годовщ. Археолог. Инст.	219

	СТР.
203. А. С. Пушкинъ	220
204. Весна	222
205. А. С. Пушкинъ для русскихъ дѣтей	224
206. Памяти А. С. Пушкина	227
207. Братьямъ-славянамъ	230
208. Бродячіе артисты	232
209. Памятникъ	233
210. Въ ясную ночь	234
211. 28 іюня 1899 г.	235
212. Сила молитвы	236
213. Слезы	237
1900 г. 214. Вѣнцу творенія	238
215. Жажда жизни	240
216. Раздумье	240
217. Одному изъ многихъ	241
218. Горе извозчика	243
219. Догадливый Сеня	246
220. Выборъ зрителя	251
221. Экспромты	252
222. 7 мая 1900 г.	253
223. На морѣ	255
224. Дума	256
225. Приключенія московскаго генерала	257
226. Поэту	266
227. Мои пѣсни	266
228. Призваніе	268
229. Къ музѣ	269
230. Опять къ музѣ	269
231. А. Г. Ф—ву	270
232. 1 октября 1900 г.	271
233. Осенью	272
234. Мои стихи	272
235. Жизнь	274
236. Гимнъ любви	275
237. Золотникъ	276
238. Жизненный опытъ	276
239. Митрополитъ Филлиппъ	278
1901 г. 240. 15 января 1901 г.	295
241. „Замолкли звуки... пѣснь моя не льется“...	297
242. Царь и епископъ	298
243. „Не вѣрь поэтъ, что въ мірѣ счастья“...	300
244. Судъ папы	301
245. Христось воскресъ!	302
246. Лжеучитель	302
247. Надежда	303
248. В. С. Соловьеву	304
249. „Вѣрю я и вѣрить буду“	306
250. „Не можетъ быть, не можетъ быть“	306
251. „Весенній день, весенній день“	307
252. „Въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ“	308
253. Впросонкахъ	308
254. Передъ сномъ	309
255. Безсонница	310
256. Снѣжинка	311
257. 10 мая 1901 г.	312

	СТР.
258. Сонъ	314
259. Свѣтлыя мгновенія	317
260. Въ дачномъ поѣздѣ	318
261. А. Г. Ф—ву.	318
262. Въ пути	319
263. Домикъ въ Дудергофѣ	320
264. Въ альбомѣ	325
265. Дорогою	326
266. Въ новый годъ	327
267. Костромичамъ	328
1902 г. 268. Лялѣ	330
269. Володѣ	330
270. 15 января 1902 г.	331
271. Молитва	334
272. Нюрѣ	335
273. Памяти Н. В. Гоголя	335
274. Воры	337
275. „Христось воскресъ!“	337
276. Молитва	338
277. Памяти В. А. Жуковского	339
278. Взаимность	340
279. Родина	341
280. Жрецы	345
281. Нюрѣ	346
282. Отрывокъ изъ неначатой поэмы	346
283. Весной	347
284. Дума	348
285. Дума	350
286. Молитва	352
287. „Просто бѣда! хоть не ѣзди по дачамъ“	354
288. Въ глуши	355
289. Дума	356
290. Разговоръ	357
291. Союзъ	358
292. Пророкъ	359
293. Эхо и поэтъ	361
294. Сердцу	361
295. Зимняя сказка	363
296. За границей	365
297. Молитва	368
298. Въ деревнѣ	369
299. Сновидѣнiе	371
300. Писецъ	372
301. Ложь	373
302. Памяти Г. Р. Державина	373
303. Памяти А. С. Грибоѣдова	374
304. У памятника И. А. Крылова	375
305. А. В. Кольцову	376
306. И. И. Козлову	377
307. Экспромтъ	378
308. А. Г. Ф—ву	379
309. Памяти М. Ю. Лермонтова	379
1903 г. 310. Новый годъ	380
311. Храмъ	382
312. Моей музѣ	385

	СТР.
313. Воскресная пѣснь	385
314. „Уврачуй раны сердца скорѣй“	386
315. Alma mater	387
316. Свѣточь	388
317. Союзъ	389
318. Стансы	390
319. Вдвоемъ	391
320. Гимнъ	392
321. Ближнимъ	392
322. Праздникъ жизни	393
323. Въ альбомъ	394
324. Экспромтъ	395
325. Изреченія	396
326. Христіанину	396
327. На смерть Вс. С. Соловьева	397
328. Дума	399
329. Грѣшница	400
330. Демидовцамъ	401
1904 г. 331. Дума	403
332. Воздвиженцамъ	404
333. Мирный голосъ	405
334. Въ Брызгалово	406
335. Въ пути	408
336. Въ Саровѣ	409
337. На Волгѣ	412
338. Экспромты	413
339. Совѣтъ розѣ	413
340. Валаамъ	414
341. Въ Павловскѣ	415
342. На раскопкахъ	416
343. Надежды Россіи	417
344. На смерть А. П. Лопухина	418
345. Пророчество	419
346. Съ музой къ розѣ	422
347. Іоанна д'Аркъ	423
348. Поэту	424
349. 21 октября 1904 г.	425
350. Въ Портъ-Артурѣ	426
351. Двѣ рати	427
352. Золотой молодежи	429
353. Во имя almae matris	430
354. Дума	432
355. На распутьи	433
356. Наказаніе	436
357. Зимнимъ днемъ	438
1905 г. 358. 1 января 1905 г.	438
359. Въ паркѣ	439
360. Дума	439
361. Экспромтъ	440
362. Внукамъ	440
363. Призывъ	440
364. На смерть Люси	442
365. Свѣтильникамъ и поборникамъ науки	443
366. Заря	445
367. 10 марта 1905 г.	446

	СТР.
368. Благовѣстіе	447
369. 19 августа 1905 г.	447
370. Совѣтъ	448
371. „Лѣто пролетѣло“...	449
372. Пѣсня о трудѣ	450
373. Поэту	451
374. Демонстрація	452
375. Смута	453
376. Митингъ	455
377. 17 октября 1905 г.	456
378. Возрожденіе	457
379. Винополія	458
380. Темная сила	462
381. Забастовка	463
382. Свобода слова	465
383. Три истины	467
384. Олѣ	467
385. Долгъ пѣвца	467
386. Зимній день	469
387. Лжеучители	469
388. Призывъ	471
389. Русскимъ гражданамъ	473
390. Губернаторъ	474
391. Стансы	484
392. Поэту	484
1906 г. 393. Царю	485
394. Кто онъ?	486
395. Жрецу науки	490
396. Поэту	491
397. Въ началѣ поста	492
398. Въ Ильинскомъ	493
399. Въ несчастьи	494
400. Среди природы	495
401. Умираніе	495
402. Крамольники	496
403. На свободѣ	497
404. Дума	498
405. Непогода	499
406. Молитва	499
407. Что будетъ?	501
408. Современныя картины	502
409. Экспромтъ	505
410. Вѣрованіе	505
411. Передъ гробницей А. Г. Мина	506
412. Изреченіе	507
413. Дума	507
414. На злобу времени	509
415. Откровеніе	509
416. Молитва	510
417. Народная воля	512
418. Совѣтъ	512
419. Моей музѣ	513
420. Мирный уголокъ	514
421. Счастье	515
422. Кадетамъ	516

	СТР.
423. Безуміе	517
424. Трудъ и борьба	518
425. Экспромтъ	518
426. Дума	519
427. Экспромтъ	520
428. Экспромтъ	520
429. Экспромтъ	521
430. 17 октября 1906 г.	521
431. Въ уныніи	522
432. На пути	522
433. Изреченія	523
434. Стансы	523
435. Трудъ	524
436. Дума	525
437. Экспромты (внучкамъ)	526
438. Самодержавіе	527
439. Единеніе	528
440. Народное благо	529
441. Св. Виленскіе мученики	531
1907 г. 442. Кавалерственная дама	534
443. Лѣтнимъ днемъ	535
444. Два дома	535
445. Молитва	536
446. Дары природы	537
447. Предъ храмомъ на крови	538
448. Къ юбилею К. Р.	539
449. Осенью	540
450. Крамола	541
451. Въ туманѣ	542
452. Новый храмъ	543
453. Чаша испытаній	546
454. Народное самосознаніе	547
455. Совѣтъ	548
456. Въ минуту упоенія	549
457. Откровеніе	549
458. Въ упоеніи	550
459. Свѣтильнику вѣры	551
460. В. К. Дьякову	551
1908 г. 461. Россійская пѣснь	552
462. Жажда жизни	553
463. 15 января 1908 г.	553
464. Цѣль жизни	555
465. Себѣ	556
466. Экспромтъ	557
467. Подвижникъ	557
468. Царь свѣта, мира и любви	562
469. На смерть А. Г. Филонова	563
470. Въ Брызгаловѣ	564
471. Тоска	565
472. Свобода	566
473. Надеждѣ Россіи	567
474. На смерть П. Θ. Горошкова	568
475. Экспромтъ	569
476. Экспромтъ	569
477. Пробужденіе	570

	СТР.
478. Идиллія	570
479. Экспромтъ	571
480. Говорильня	572
481. Невозможно	575
481. Любовь	577
482. На молитвѣ	578
483. На смерть Н. Д. Сергѣевскаго	579
484. На смерть А. А. Потѣхина	580
485. Въ столѣтіе	581
486. Завѣтная обитель	582
487. На кончину о. Іоанна Кронштадтскаго	588
1909 г. 488. Елка	589
489. Впередъ	590
490. Христось воскресъ	591
491. На открытіе памятника Царю-Миротворцу	591
492. Дума	593
493. Къ 200-тію Полтавской битвы	594
494. Къ 200-тію города Петергофа	595
495. Экспромтъ	596
496. Дума	596
497. Преступленіе	598
498. Борцу за правду	599
499. Бездолье	600
500. Завѣтный даръ	601
501. Успокоеніе	602
502. Говорильня	603
503. Въ Петергофѣ	605
504. Дума	606
505. Въ восторгѣ	607
506. На прощанье	608
507. Шемякинъ судъ	609
508. Въ Павловскомъ вокзалѣ	611
509. Моей музѣ	613
510. Моему другу	613
511. Молитва	615
512. Привѣтствіе	616
513. Современныя власти	618
514. Въ храмѣ	619
515. Предъ началомъ ученія	620
516. Поэтъ	621
517. Предъ могилой А. Г. Филонова	622
518. Дума	623
519. В. К. Дьякову	624
520. 3 октября 1909 г.	626
521. 21 октября 1909 г.	627
522. На смерть А. Ѳ. Руднева	627
523. Исполненіе пророчества	628
524. Вѣнокъ Митрополиту Платону	630
525. 29 ноября 1909 г.	632
526. Тайна	633
527. Святитель-герой	634
528. Борьба	635
1910 г. 529. 1 января 1910 г.	636
530. На берегу Волги	637

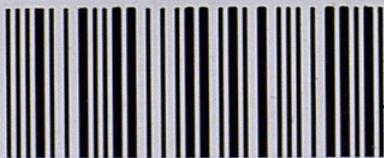

Цѣна 2 руб.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

- 1) у А. П. Осипова, Спб. Петербургская стор.,
Большой пр., д. № 78, кв. № 39.
- 2) у М. М. Дурандина, гор. Новый Петергофъ,
Царицынская ул., д. № 11.
- 3) въ книжномъ магазинѣ „Новое Время“.

2007085603